

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 41–42.

Ответ на п. 73. Иванов отвечал 31 октября / 13 ноября 1902 г. (п. 75).

¹ См. примеч. 9 к п. 73. Об А.С. Лаппо-Данилевском см. примеч. 1 к п. 58.

² См. примеч. 4 к п. 66.

³ См. примеч. 5 к п. 68. Ср. сообщение в письме Зиновьевой-Аннибал к А.В. Гольштейн от 28 ноября (н. ст.) 1902 г.: «От Гревса имеем хорошие известия. Он читает в университете, на курсах и в политехникуме, и факультет требует у министра утверждения его профессором универс<ите>та» Только ноет по привычке и говорит, что вокруг худо. Но лучше не буду писать о нем: не люблю его» («Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 172–173).

⁴ Из Политехнического университета Гревс был «уволен по случаю его назначения профессором С.-Петербургского университета» в 1903 г. (см.: Человек с открытым сердцем. С. 270).

⁵ Гревс был «назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории в С.-Петербургский университет» 18 января 1903 г. (Там же). См. также примеч. 1 к п. 73 и примеч. 3 к п. 68.

⁶ Историей римского землевладения Гревс занимался до последних дней жизни, однако, сколько-нибудь заметных публикаций по этой теме не делал, итоговый двухтомный труд, завершенный в 1930-е гг., остался неопубликованным. Подробнее см.: *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков...» С. 205–206, 211–212; *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 248; Человек с открытым сердцем. С. 344–346.

⁷ *Hirschfeld O.* Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten Jahrhunderten // *Klio: Beiträge zur alten Geschichte.* Bd. II. Leipzig, 1902. S. 45–72; 284–315. Подробнее см.: Переписка... III. С. 337–338.

⁸ Право первого публикатора (*лат.*): обыгрывается формула средневекового «права первой ночи».

⁹ См. примеч. 9 к п. 73.

¹⁰ Ср. в воспоминаниях Гревса: «Флоренция была первым итальянским городом, с которым мне удалось сродниться: она именно научила любить Италию, она подготовила к изучению и пониманию Рима. К ней до конца дней моих будет нести благодарное чувство. <...> Думаю, всякий ум, жаждущий правды, всякая душа, восприимчивая к человечности, получит от Флоренции нечто единственное и незаменяемое, без чего личность останется в некоторых отношениях недоконченной. Это я почувствовал в самый первый приезд. <...> Потом я много раз бывал во Флоренции <Кроме этого первого пребывания, посещал ее десять раз, иногда мимолетно, но в другие разы очень углубленно и хорошо один, с своею семьею (летом 1900 г.), с отдельными учениками и с двумя экскурсиями (1907, 1912). В общей сложности я прожил там около полугода. Примеч. Гревса.> и сроднился с нею, как с отчим местом» (Моя первая встреча с Италией. С. 283, 284, 293; в книге, составленной О.Б. Вахромеевой, этот текст воспроизводится с некоторыми разночтениями, ср.: Человек с открытым сердцем. С. 233, 236).

75. Иванов — Гревсу

31 октября / 13 ноября 1902 г. Шатлен

Villa Java, Châtelaine
Genève.

13 ноября / 31 окт <ябрь> 1902.

Дорогой друг, Иван Михайлович!

Сегодня я имел радость вашего письма и сердечно благодарю за него и за справку. Письмо ваше еще увеличивает отрадное чувство облегчения и удовлетворения, испытанное мною при вести о благоприятной перемене в вашей жизни и делах, увеличивает надеждой на упрочение и улучшение вашего положения в университете: вы знаете, как я желаю скорейшего осуществления этой надежды. Ведь с ним, конечно, тесно связан и дорогой для меня вопрос о продолжении ваших исследований, давно прерванных благодаря неблагоприятным условиям, стеснившим вашу деятельность. Меня радует снова слышать о ваших ученых замыслах в родной

нам обоим области, и то, что вы пишете об организации ближайшего труда, мне совершенно нравится — законченностью и потому красотой очертаний. Итак, вы собираетесь писать «оправдание» Плиниевы «latifundia perdidere Italiam...»¹, оставляя пока «provincias»² в стороне? обширный plaidoyer³ по пунктам и по тому на каждый пункт? — Простите мою шутливость, я знаю, что такая формулировка вовсе не адекватна содержанию предположенного, и только улыбаюсь воспоминаниям о наших старинных беседах по поводу знаменитого изречения, вам когда-то столь дорогого... Итак, Италия (и Сицилия?) от помещика-Горация до папы Григория Великого? и с Гракхами и проч. во введении?... Дорогой друг, известие о «злокозненности» Гиршфельда очень меня кручинит. Не говорил ли я вам не раз, что ваши прекрасные собрания об императорском землевладении должны быть скорее сообщены публике, будучи ценными уже как таковые? Ах, если бы мы могли каждый поправить кое-что в нраве и особенностях другого!.. Против вашего плана сказал бы я разве только, что его рамки исключают Африку, а без Африки, в особенности, обобщающему исследователю будет тесно... Теперь все это так далеко от меня! Божества и культы и мифы составляют предмет моих научных preoccupations⁴. Знаете ли, что привычка учиться сделалась моей второй природой, и даже «экзамен» свой hotpibile dictu⁵ я бы мог сдать теперь без значительного труда (до такой степени живуче во мне все давно заброшенное и старинное), если бы не жаль было времени и внимания, отвлекаемых от того, что может иметь будущее, тем, что принадлежит прошедшему; но диссертации своей мне все же жаль... Я занимаюсь санскритом у проф. F. de Saussure⁶, который ведет нас своих двух слушателей со школьной взыскательностью. Пожалуйста, не обвиняйте меня в дилетантизме! Хотя интерес к санскриту и Индии принадлежит к моим старинным⁷ умственным вожделениям, все же я бы не обратился к этим новым занятиям, если бы они не имели тесной связи с занимающими меня вопросами религиозно-исторического характера. Общий, великий и многоликий, феномен дионисической религии — в центре моих научных интересов и представляется мне в ряде отдельных феноменов, из которых два-три, ближайшим образом, я исследую систематически, но не спеша, и по возможности широко собирая материал⁸. В Женеве можно будет, конечно, только наметить очертания, но и до этого еще работы много. Последнее время этим заниматься приходилось, впрочем, относительно мало: так требовательны, с своей стороны, другие предметы моего умственного попечения. Скажу вам, что в поэзии у меня на очереди, с одной стороны, мистерия (в смысле средневековых)⁹, с другой — целая трагическая трилогия (на основе греческого мифа)...¹⁰ Мы вообще о передвижениях не думаем на ближайшее время, сидим прочно и деловито. Л.<идия> Д.<митрисвна> готовится к печати первую книгу своего романа-«поэмы»: «Пламенники». Мечтаем о выходе ее в свет к весне¹¹. Дети учатся в школе и дома. Мы в состоянии четверти часа трама¹² от центра города и, вместе, в очаровательной, обильной большими деревьями и живописно ограниченной по краям долины горами [campagne¹³] сельской местности. Сад, в котором стоит наш домик, уютно изолирует нас от внешнего мира. Воздух и природа хороши. Вершина Монблана в ясные дни виднеется из наших окон, как далекий маяк идеала¹⁴. Мы слышим часто хорошую музыку. Умственные и научные ресурсы есть в достаточной мере. М.М. Замятнина сделалась верным нашим спутником¹⁵. Она шлет вам поклон! Смысл же, raison d'être нашей оседлости здесь как я уже писал вам нравственная потребность Л.<идии> Д.<митрисвны> осветить последние годы ее отца близостью родной семьи¹⁶. Эта потребность гармонирует как с нашими (нас обоих) притязаниями на право уединенного и свободного умственного труда, так и с воспитательными удобствами. Говорю все это потому, что вы, как мне показалось, представляете себе наше пребывание в Женеве более временным и случайным, чем оно есть в действительности. Вот вам, дорогой друг, много о себе, как вы желали.

* Ради пластичности в изображении своей жизни прибавлю внешнюю характеристическую черту: что теперь я курю (начал в Греции: доказательство, что достаточно проникся жизнью Востока) (примеч. Иванова).

Еще раз благодарю за готовность помочь мне в деле с книжкой — и тотчас опять просьба: спросите, пожалуйста, хоть по телефону, в типографии Нового Времени (Эртелев, 13) — что делается с моей книгой: в цензуре ли она, и потребуйте ускорить дело с расплатой и доставкой издания в склад Суворина. Я давно без известий от них и очень не хотел бы, чтобы выход сборника задерживался. Личное же участие всегда действует; почему попрошу вас, вероятно, *потом* съездить и в магазин Нового Времени, чтобы установить и разъяснить условия склада и пр.

Будьте здоровы, бодры и благополучны! И пишите почаще, хотя коротко и открытым письмом.

Ваш Вяч. Иванов.

Р. С. Отчего вы не довольны тем, что «технический университет» не «научный»? Ведь для вас, экономического историка и притом в наше время [исторического] материализма в истории и исторической школы в политической экономии особенную прелесть должна иметь задача преподавания истории именно с точки зрения *обязательно* экономической и даже задача специального освещения экономической жизни с ее технической стороны (напр. <имер>, в *Agrargeschichte*)? Впрочем, без возможности ведения «практич.<еских> занятий», конечно, преподавать скучно.

Не знаете ли вы лондонский адрес Виноградова? Его выселение характерично!¹⁷ Жаль мы не Эрнштеда!¹⁸

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 114–117.

Ответ на п. 74. Ответ Гревса неизвестен.

¹ «Латифундии погубили Италию» (*лат.*); см. примеч. 18 к п. 30.

² «Провинции» (*лат.*).

³ Защитительная речь (*франц.*) имеется в виду «оправдание» тезиса Плиния. Подробнее см. Приложение к п. 49, примеч. 1.

⁴ Заботы (*франц.*).

⁵ Страшно сказать (*лат.*).

⁶ Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure; 1857–1913) швейцарский лингвист. О занятиях у него Иванова см.: Ziffer G. Il poeta e il grammatico: Un biglietto inedito di Ferdinand de Saussure fra le carte di Vjaceslav Ivanov // *Russica romana*. Vol. I. Roma, 1994. P. 189–191, кроме того: Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн. P. 340.

28 ноября 1902 г. Зиновьева-Аннибал писала В. А. Гольштейну: «В университете здесь знаменитый санскритолог, и Вяч. <слова> исполнил то, к чему давно его нудило: изучает санскрит. Ему это необходимо почти, если не совсем даже как для научных изысканий в области истории религий, так и даже для поэтического творчества, которое близко соприкасается с ученым» («Обнимаю нас и матерински благословляю...» С. 172).

В архиве Иванова сохранилось удостоверение слушателя Женевского университета на зимний семестр 1902–1903 учебного года, а также книжка слушателя филологического факультета, с датой записи — 20 ноября 1902 г.: единственный курс (за который Иванов внес 10 франков) — курс санскрита у профессора Ф. де Соссюра на тот же зимний семестр 1902–1903 г. (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 12; в книжке слушателя — роспись Соссюра).

⁷ Сохранились две тетради с записями Иванова по санскритской грамматике и переводами из «Наля и Дамаянти» (одна — в фонде поэта в РГБ, другая — в его римском архиве). К какому времени относятся эти материалы, с определенностью сказать трудно. Стоит отметить, что Иванов дает перевод санскритских шлок не только на русский, но и на латынь. Издание и исследование этих материалов станет предметом специальной публикации.

Ср. в воспоминаниях старшего современника Иванова об учебе в Московском университете: «Нас вводил в тайны примитивного человечества молодой и живой преподаватель Всеволод Миллер. Мы слушали у него санскритский язык, переводили “Наля и Дамаянти” и дошли даже до гимнов Ригведы» (Милоков П. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 82; речь идет о 1877–1878 гг.). Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) — известный иранист, автор «Руководства по изучению санскрита» (СПб., 1891).

⁸ Первое изложение результаты историко-религиозных разысканий получили в работе: Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога // *Новый путь*. СПб., 1904. Янв. С. 110–134; Февр.

С. 48–78; Март. С. 38–61, Май. С. 28–40; Авг. С. 17–26; Сент. С. 47–70; окончание появилось в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» под самостоятельными заглавиями: «Религия Диониса: Ее происхождение и влияния» (Июнь. С. 185–220) и «Религия Диониса» (Июль. С. 122–147). В 1923 г. в Баку была издана монография Иванова «Дионис и прадионисийство», защищенная им в качестве докторской диссертации (см. примеч. 8 к п. 83). Большое количество подготовительных материалов по этой теме сохранилось в архиве автора. Ср.: Переписка... IV С. 366.

⁹ Замысел остался неосуществленным.

¹⁰ Две трагедии были завершены и опубликованы (*Иванов Вяч.* Тантал: Трагедия // Северные цветы Ассирийские: Альманах IV книгоиздательства «Скорпион» / Обл., 5 рис. во всю страницу, заставки и концовки работы Н. Теофилактова по образцам ассирийского искусства. М., 1905. С. 197–245; *Иванов Вяч.* Прометей: Трагедия. Пб., 1919). Третья трагедия «Ниобея» не была окончена.

¹¹ Работа над «поэмой» (или «романом») не была завершена, в печати это произведение не появилось.

¹² Т.е. трамвая (от франц. *tram*). Иванов, живущий вне сферы развития бытовой лексики, употребляет французский разговорный вариант, засвидетельствованный и в русском языке того времени, но позже утративший.

¹³ Сельская местность (*франц.*).

¹⁴ К видению этой вершины Иванов часто возвращается в своих письмах из Женевы (см., например, письмо к В.Я. Брюсову от 4/17 июля 1904 г.: *Брюсов В.Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 450).

¹⁵ См. примеч. 3 к п. 65.

¹⁶ См. примеч. 2 к п. 65.

¹⁷ Мы не знаем, какими сведениями о причине и обстоятельствах ухода из Московского университета и отъезда из России П.Г. Виноградова располагал Иванов и что именно подразумевал под «выселением». Решению Виноградова покинуть Россию предшествовали события, связанные со студенческими волнениями в Московском университете (ср. примеч. 5 к п. 68).

Виноградов возглавлял комиссию по руководству курсовыми совещаниями студентов, деятельностью которой «по сути была направлена, с одной стороны, на обуздание, сдерживание студенческих волнений, а с другой стороны, на уговоры властей не применять репрессивных мер по отношению к студенчеству. Однако власти рассматривали комиссию лишь только как орудие давления на студентов. Иные стороны деятельности вполне благонамеренной комиссии профессоров вызвали резкое недовольство учебной администрации, о чем довольно в оскорбительной форме было сообщено главе комиссии Виноградову» (*Моисеев Л.С.* Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) // *Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская.* Москва; Иерусалим, 2000. С. 121).

При посещении заседания комиссии новым министром народного просвещения П.С. Ванновским произошло следующее: «Как рассказывали, министру остался недовольным тем, что председателем комиссии не был ректор, бывший, правда, членом комиссии, но игравший в ней не первую роль, которую исполнял П<авел> Г<аврилович>. Министр, привыкший к военной субординации, нашел такой порядок неправильным, что и высказал тут же в заседании. П<авел> Г<аврилович> счел это замечание для себя крайне обидным и решил выйти из университета в отставку. Тщетно Ванновский, когда ему это решение сделалось известным, писал к П<авлу> Г<авриловичу> с уверениями в своем полном уважении и в том, что ничего не имел против П<авла> Г<авриловича> лично, П<авел> Г<аврилович> остался непреклонным при своем решении. Вслед за тем было принято и другое — уехать за границу, кажется, не без влияния жены, не могшей привыкнуть к русским нравам и обычаям» (*Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная: (Научное наследие) / Отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1987. С. 92).

Л.С. Моисеев цитирует письмо Виноградова к историку А.Н. Савину от 12 декабря 1901 г., написанное по горячим следам происшедшего: «Ввиду этого готовящиеся после нового года беспорядки приведут к полному банкротству профессуры и разгрому университетов. Дожидать до этого в роли профессора я не намерен и выхожу в отставку. Конечно, за всем этим открывается политическая проблема, которая должна же когда-нибудь разрешиться, а до ее разрешения мы будем вертеться в заколдованном кругу беспорядков и репрессивных мер» (Ук. соч. С. 121–122). Виноградов подал в отставку 19 декабря 1901 г. Отставка эта вызвала широкий общественный резонанс: «Власти не без оснований опасались дальнейшего роста студенческих волнений. Не случайно обер-полицейстер Москвы Трепов предложил Виноградову уехать из города тайно, дающим поездом. Решительно отказавшись от этой комедии, П.Г. Виноградов уезжал в Англию, провожаемый множеством студентов и преподавателями университета. Ему были преподнесены адреса, которые подписало более полутора тысяч студентов и преподавателей университета. <...> После года вынужденного пребывания не у дел в 1903 г. ученый был избран главой кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета» (Там же. С. 122).

¹⁸ В. К. Ернштедт (см. примеч. 32 к п. 6) безвременно скончался от болезни печени 21 августа (ст. ст.) 1902 г. (*Жукина И. В.* В. К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // РНРВ. С. 68, 70). С 1891 г. и до конца жизни он заведовал Отделом классической филологии Журнала Министерства народного просвещения, где был напечатан, в частности, выполненный Ивановым поэтический перевод I Пифийской оды Пиндара (ЖМНП. 1899. Август. С. 48–56). В фонде Ернштедта сохранились два письма от поэта, связанные с этой работой — от 20 июня и 24 июля 1899 г. (*Жукина И. В.* В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными и современниками // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 421). Эти письма подготовлены к печати Н. В. Котрелевым. С предложением опубликовать перевод из Пиндара в ЖМНП Иванов, лично не знакомый с Ернштедтом, обратился к последнему через Гревса; см. письмо Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 10 июня 1899 г. (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 42. Л. 13 об.).

76. Гревс — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал

28 января / 10 февраля 1903 г. Петербург

Каменноостровск<ий> пр<оспект> 24.
28 янв<аря> 1903.

Дорогая Лидия Дмитриевна

Все дни стремлюсь к Вам, но опять хвораю еле сил хватает ходить по обязанностям. Оч.<ень> хочу повидать Вас. Да не знаю положительно, как время найти. Напишите, пожалуйста, как Ваше здоровье, выходите ли Вы и, если да, когда можно застать Вас. А, может быть, если Вы поправились, то сами приедете к нам. Черкните обо всем этом два слова. Сейчас едва пишу, вернувшись с целого дня трудных занятий.

Душевно преданный Вам

Ив. Гревс.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 11. Л. 12.

Ответ Зиновьевой-Аннибал неизвестен.

Письмо написано во время краткосрочного приезда Зиновьевой-Аннибал в Петербург; увидаться с ней Гревсу не удалось (ср. п. 77). В архиве к этому письму отнесен конверт, адресованный в Женеву на имя Иванова, со шт. гашения в Петербурге 31 января 1903 г., адрес написан неизвестной нам рукой — если соотнесение письма и конверта верно отражает их первоначальную связь, следует прийти к заключению, что письмо (возможно, вместе с еще одним, несохранившимся) было переслано в Женеву после отъезда Зиновьевой-Аннибал из Петербурга.

77. Гревс — Иванову

17 февраля / 2 марта 1903 г. Петербург

СПБ. Каменноостровский пр. 24.
17 февраля / 2 марта 1903.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

Получение от Вас экземпляра «Кормчих звезд» с такою хорошою, глубоко меня тронувшею посвятителю надписью¹ вызвало во мне неудержимое желание отозваться на Ваш привет «ритмически». Посылаю вам «позту» свой «стихотворный каприз» прозаика не для литературной критики, конечно: я не считаю, разумеется, этих введенных в размер строк поэтическим произведением даже в

ничтожной степени. Примите послание как выражение особого подъема симпатии и радости по поводу выхода давно ожидавшейся мною книги: если хотите, посмейтесь над формой моих первых (хотя не юношеских) «стихов» (до настоящего дня я составлял в стихах только добродушные пасквили на друзей; теперь же впервые «создал» торжественную эпистолу в стиле оды); если предпочитаете, проникнитесь искренностью их содержания (этим порадуете и меня); если режет «произведение» ваше тонкое ухо виртуоза слова, разорвите листок и предайте его забвению; только не браните за то, что профан ворвался непрошенный на Парнас.

Сегодня ничего больше не напишу: страшно некогда, истомлен совершенно непосильною работою; она именно заставила меня опоздать повидаться с Лидией Дмитриевной, которой не могу не выразить огорчения за то, что не нашла она времени известить меня, когда уезжает²

Сообщу вам только, что еду в командировку на первый международный исторический конгресс в Рим (1 апр. <едя> по нов. <ому> стилю), куда и Вас приглашаю: ужасно был бы рад свидеться именно в Риме¹

Обнимаю Вас крепко и посылаю от нас всех искренний привет всей Вашей семье.

Ваш *Ив. Гревс.*

Рецензии на Вашу книгу заставляют себя ждать: но это естественно (надо, чтобы вчитались). Не печальтесь. Имейте терпение! Я читал лишь одну газетную (в «Биржевых Ведомостях») Она такая, как можно было ожидать в малой прессе: нападают за вычурность, за претензии все вместить в свою поэзию, не опасаясь сделать ее непонятною и искусственною; но признают большой талант и безусловно хороший стих (хвалят больше всего классические вещи и, между прочим, мои любимые «Laeta»)³

В. И. Иванову после получения
«Кормчих Звезд».

Друг, дерзновење прости: твое милое слово привета,
Душу высоко подняв радости светлой волной,
Скромную музу мою побуждает ответить стихами.
Мало поэзии в них, знаю, но много любви!
Юности нашей пора золотая, когда мы, глубоко
Рима величьем пленясь, мыслью сошлись и мечтой,
Канула в море времен; но не забуду вовек я,
Жив пока в сердце моем дар драгоценный небес,
То, что с тобой пережил, когда зрел союз наш духовный.
Книгу песен твоих благословляю как брат
Рок им счастливый сулит творца их талант и стремленье.
Свет да лиют среди нас, славят пусть красоту!
Верю, способны помочь эти звуки возвышенной лиры
Мира великого смысл алчущим правды понять.
Шествуй вперед, добрый путь, познавай, твори и вешай нам
Все, что божественный дух ведать поэту дает,
Тем, в ком не гаснет, горит идеала жидительный пламень!
Друг, вдохновленный тобой, шлю я тебе свой восторг!..

9 февраля, 1903.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 43–44.

Ответ Иванова не обнаружен, однако можно достаточно уверенно говорить о том, что он существовал: ср. слова Гревса в п. 80: «Помните, я к Вам именно обратился с первым своим стихотворением по поводу присылки мне “Кормчих Звезд” Вы тогда его одобрили». Одобрение «тогда» могло быть высказано скорее всего только письменно, т.к. встретиться корреспонденты могли не ранее чем через год после написания комментируемого письма.

¹ Экземпляр «Кормчих звезд» с дарственной надписью Гревсу разыскать не удалось.

² См. п. 76.

³ В апреле 1903 г. в Риме состоялся I международный конгресс исторических наук. В архиве Гревса имеются разнообразные материалы, связанные с его участием в этом конгрессе (доклад, списки, программы, членский билет участника ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 71). В итоговом обзоре Гревс писал:

Международный съезд историков проходил с 1 по 14 апреля 1903 г. в Риме. Тон Римскому конгрессу задал своей речью знаменитый маститый итальянский историк Паскуале Виллари, он был председателем организационного комитета, а также избран председателем конгресса. Оратор напомнил, что XIX в. был эпохой окончательного сложения больших национальностей в Европе — так появились национальные школы. Следуя за политической эволюцией области выборных форм — родилась мысль о международном съезде историков. <...> Прошло то время, когда для увлечения наукой, необходимо было удаляться от мира. Как ни дорог ученому нашего времени изолированный кабинет, где сосредотачивается его мысль, но его часто инстинктивно тянет к общению — в библиотеку, музей, в заседания, где он встречает товарищей. Такое общение ему нужно и для проверки своей собственной работы, и для отыскания спорных пятен в поставленной цели. Мы, русские ученые, обычно чувствуем такое значение общения, так как мы его лишены. От России на конгрессе присутствовало больше десятка человек. Из Петербурга были: Г. Форстен, М. Ростовцев, И. Гревс и В. Модестов.

Римский международный конгресс исторической науки 1903 г. заложил традицию широкого обширного общения между историками различных цивилизованных стран на почве разработки великого отдела знания. Он по праву может называться первым. Место его проведения было избрано не случайно и весьма удачно: Рим — самый исторический город (всего в нем существует множество итальянских и иностранных учреждений; значительное количество памятников).

Программа Римского конгресса была широкой. Заранее было установлено 8 секций. Секция средних веков и новой истории оказалась по числу заявленных лиц самой богатой. <...> Конгресс завершился кратким общим собранием всех секций.

(Черновик. Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 277–278.)

⁴ См.: *Измайлов А.* Непомысленные претензии // Новая иллюстрация: Худож.-лит. ж.-л. Прилож. к газ. «Биржевые ведомости». СПб., 1903. № 6. 4 февраля. С. 47–48.

⁵ См.: Переписка... I. С. 296, примеч. 2.

78. Гревс — Иванову

27 апреля 1918 г. Петроград

СПБ. В. <асильевский> О. <стров>, 14 линия, 31,
27 апр. <еля> 1918.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Может быть, удивитесь, что увидите мой почерк на этом листке и мое имя в подписи (почерк Вы могли и забыть), но я давно влекусь написать Вам, т.е. весть дать от себя. Думал о Вас часто всегда с тех пор, как не виделись. Сколько бы ни разводила нас судьба или внут.<енние> временные несогласия, старое наше общение и дружба оставили в моей душе неизгладимую связь, которая временами даже остро оживает. Последние годы я особ.<енно> часто заглядывал в Ваши стихи и Ваши книги. Последнюю «Родное и Вселенское» никак здесь достать не могу¹. Знал о Вашем участии в «Народоправстве», но также номера до меня сюда не доходили². Теперь слышу об участии Вашем в «Новых Вехах» — это оч.<ень> заинтересовало меня³. Но желание написать Вам истекает не из этих реальных сведений о Вас, а из каких-то более глубоких, отчасти иррациональных источников: это именно оживление некоего давнего союза. Думаю, Вы должны понять и вряд ли это может быть Вам неприятно. Вы всегда относились ко мне хорошо и это мне много раз много давало. Я совсем уже вступаю в старость (мы ведь оч.<ень>

давно не виделись: последний раз на вечере в память Соловьева в Тениш-ском <евском зале>⁴ особенно состарил телесно пережитый год. Но духом не ощущаю себя ни умирающим, ни заскорузлым: все по-прежнему преподаю и ищу Надеюсь так и дожить до положенного предела. Если говорить об изменениях, во мне происшедших, то долж. <ен> сказать, что коренных их нет; только усилились очень те начала, которые жили во мне всегда с детства, отрочества, юности, только временами затуманивались мукою и борениями жизни. Я говорю именно о христианстве (даже точнее православии и церкви) и о России — о горячей к ней любви. Думаю, что это тоже не разделяет, а сближает нас. Но и любовь к романской культуре осталась у меня прежняя, даже усилилась полагаю, что и в этом мы сходимся. Очень будет мне дорого, если Вы ответите на мой дружеский голос издали и напишете мне о себе. Надеюсь, что ответите.

Обнимаю Вас. Любящий Вас *Ив. Гревс*.

Среди страшных бед родины и человечества только мысль о вечном дает силу жить⁵

Письмецо посылаю с оказией. О старых наших парижских и римских днях вспоминаю с неослабевающим чувством.

<Адрес, на обороте письма:> Вячеславу Ивановичу | Иванову | Zubovskiy бульвар, 25.

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 45.

Написано на листке, вырванном из блокнота, с перфорацией по верхнему краю. Видимо, к этому письму относится конверт IX без почт. шт., с той же адресацией. Следует полагать, что письмо было первоначально сложено как записка без конверта, а затем было принято решение поместить ее в конверт (либо обнаружился конверт, тогда как первоначально Гревс считал, что у него под рукой конверта нет).

¹ Речь идет о книге: *Иванов Вяч.* Родное и вселенское: Статьи: 1914—1916; 1917 М., 1918. Ползаголовок на тит. л.. Статьи: (1914—1916). Год. изд. на тит. л.. 1917 Иванов выслал другу эту свою книгу; см. примеч. 8 к п. 79.

² «Народоправство» — московский журнал, в 1917—1918 гг. вышло 24 номера; последний печатный орган «либерально-консервативной» религиозной интеллигенции в Москве. Иванов был близко связан с этим журналом, напечатал в нем статью «Революция и самоопределение России» (1917 30 окт. № 14. С. 7—10; под загл. «Революция и народное самоопределение» вошла в книгу «Родное и вселенское» см. примеч. 1), а также стихотворения важнейшего своего цикла «Песни смутного времени» см.: *Ueland C. Vacheslav Ivanov's «Malicious Counter-Revolutionary Verses»: Pесni smutnogo vremeni Reconsidered // Canadian-American Slavic Studies.* 1992. Winter. P. 77—96; рус. перевод этой работы: Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 70—87).

³ Речь идет о подготовленном П.Б. Струве сборнике, получившем название «Из глубины». Сборник был задуман как ответ «веховцев» торжествовавшей большевистской революции. Работа над ним была закончена летом 1918 г., по условиям времени он не мог выйти в свет, попытка выпустить сборник со склада в 1921 г. привела к его конфискации и уничтожению; по одному из немногих сохранившихся экземпляров книга была перепечатана в Париже в 1967 г. и наконец увидела свет (см.: Вехи. Из глубины: <Сб.> / Сост. и подгот. текста А.А. Яковлева; Примеч. М.А. Колерова, Н.С. Плутникова, А. Келли. М., 1991. С. 553—556). Иванов дал в сборник статью «Наш язык» (см.: *Колеров М.А.* Текстологические заметки // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 169—171, *Троицкий В.П.* «Парерга и паралипомена»: (Статья Вячеслава Иванова «Наш язык» — публикация, комментарии и размышления) // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. С. 203—226).

⁴ Речь идет о вечере памяти Вл. Соловьева, состоявшемся 14 декабря 1910 г. в зале Тенишевского училища в Петербурге. Подробнее см.: Переписка... VI. С. 385—386.

⁵ Ср. в близком по времени письме Гревса к Д.И. Шаховскому: «Так тяжело, как никогда даже не чаялось, что может быть так. Выхода не видно. Позор и ужас. Унижение и рабство» (*Шаховской Д.И.* Письма о братстве. С. 302).

79. Иванов — Гревсу

22 мая 1918 г. Москва

Москва, Зубовский б.<ульвар> 25.
22/9 мая 1918.

Дорогой Иван Михайлович,

Как я благодарен Вам за то, что опять, как некогда, пишу Ваше милос имя в красной строке простого, дружеского, неделового письма, словно бы я жил в Риме, а Вы были в Париже, ускользнув еще так недавно от моей филологии и Иоллера¹ и французских археологов в туфлях из Palazzo Farnese² кратчайшим (непреренно кратчайшим!) путем, через Мон-Сенис, на avenue Wagram (бедный Владимир Августович!)...³ Нет, Вы не знаете, как я растроган и обрадован Вашим нечаянным приветом, как помолодел от него, каким благоуханным ветром было-го пахнуло на меня от Ваших строк и запахи каких мистических лугов смешались с этим ветерком, вызывая на глаза счастливые слезы...⁴ Вы не ошиблись, дорогой друг, предположив, что я удивлюсь, увидев Ваш почерк, — и напрасно тут же приписали оговорку, будто «почерк я мог и забыть». Нет, Вашего почерка мне не забыть! Разве не говаривал я Вам в былые времена об особенном, магическом действии на меня Вашего почерка? Всегда его почтовый узор был для меня *bonum omen, felix faustum fortunatumque*⁵ Ваша убористая (все та же и поныне) вязь служила мне прозрачною тайнописью Вашей души. Ваша, ни на какую другую не похожая, графика имеет способность привлекать к себе какие-то эфлювы⁶ Вашей душевности; эти красноречивые для меня каракули обвеяны частицами Вашей психической ауры и сообщают мне, подобно тембру голоса, всегда немного больше, чем Ваши обычно сдержанные слова. Быть может, все это просто значит, что я Вас люблю. Так зачастую воспринимается почерк любимого человека. Тем лучше! Особенно если жизнь создавала поводы к «внутренним несогласиям», о которых Вы упоминаете... Во всяком случае, Вы самый кроткий из всех, на меня гневавшихся. И так как я знаю, что гнев Ваш никогда не был личным, и знаю равно, что, когда Вы гневались, Вам было больно, и, наконец, что Вы гневались *очень* и Вам было *очень* больно, то как же мне не любить Вас еще больше за самый гнев Ваш, за *такой* гнев?..

Вы знаете ли, что я почти вовсе не пишу писем, а вот Вам все писал бы и писал. Как хотелось бы поговорить о многом и многом, и сколькок предаться воспоминаниям! *Une mer à boire*...⁷ Сейчас отрывают другие заботы. Напишите мне опять с оказией и без оказии. Я буду писать также. Вот и повод Вам: посылаю книгу⁸ Получили ли ее также М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский, Н.А. Котляревский, коим она была послана?⁹

Еще раз, благодарю бесконечно за то, что Вы сохранили в душе живые корни прежнего союза. Не свидетельствует ли сама жизнь их о том, что он истинный? Обнимаю Вас с любовью.

Вяч. Иванов.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 118—119.

Отвст на п. 78. Гревс отвечал на это письмо 31 мая / 13 июня 1918 г (п. 80).

¹ См. примеч. 3 к п. 5.² *Палаццо Фарнезе* — один из красивейших ренессансных дворцов Рима, возведенный в 1517—1589 гг при участии, в частности, Микеланджело. В нем по сей день находится посольство Франции. В этом же здании расположена учрежденная в 1875 г Французская школа в Риме (Ecole Française de Rome), обладающая богатейшей библиотекой, особенно по археологии (подробнее см.: *Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме. С. 87—90).³ Речь идет о В.А. Гольштейне (см. примеч. 10 к п. 49). На *авеню Ваграм* в Париже жили Гольштейны, у которых или недалеко от них останавливался обычно Гревс. *Мон-Сенис* — альпийский перевал, расположенный на пути из Италии во Францию, недалеко от Турина.

⁴ Луг с его ароматами в поэзии Иванова — одно из важнейших мест встречи, касания миров настоящего и прошлого. ср., между прочим, раннее и «итальянское» стихотворение «Сиракузы», безусловно известное Гревсу (из сборника «Кормчие звезды»):

Синеет понт густой: ливийский день палит.
С тобой ли, Феокрит, возлечь на луг медвяный.
Где пряный фициам в тени гробниц разлит?

или стихотворение «Вести» из сборника «Нежная тайна» (важно вспомнить, что жена поэта, Л.Д. Зиновьева-Аннибал умерла в 1907 г. в имение Загорье):

Ветерок дохнет со взморья,
Из загорья;
Птица райская окликнет
Вертоград мой вестью звонкой. —
И душа, как стебель тонкий
Под росинкой скатной, никнет...

Никнет, с тихой хвалюю,
К аналою
Той могилы, середь луга...
Луг что ладан...

⁵ Доброе, благоприятное предзнаменование счастья и удачи (*лат.*).

⁶ Веяния, флюиды (*франц.*).

⁷ <Трудно> объять необъятное (*франц.*). Ср., «Выпей море, Ксанф!»

⁸ Речь идет о книге Иванова «Родное и вселенское»: см. примеч. 1 к п. 78.

⁹ О судьбе этих экземпляров сведений не имеется.

80. Гревс — Иванову

13 июня 1918 г. Петроград

СПБ. В. <асильевский> О. <стров> 14 л. <иния> 31.
13 июня / 31 мая 1918 г

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

Не могу Вам сказать, как мне было дорого Ваше письмо. Я ждал его с некоторым страхом после такого долгого перерыва в отношениях. Но тайная вера в старую дружбу подсказывала сердцу, что оно будет именно таким по духу, каким Вы его написали, каким я прочитал его. Наш союз так странно создавался или развивался приливами и отливами, слияниями и расхождениями, бурно, иногда тяжело переживались порою разногласия или факты, очень важные, не допускали сопереживания... Происходили надрывы, но суть оставалась в том, что соединяло с самого начала, с первого нашего парижско-римского периода, в который мы узнали друг друга, почувствовав не только любовь друг к другу, но и некое особое сродство душ. Говорю от себя с полной уверенностью, но думаю, что и Вы скажете то же самое: в перерывах, какие происходили в наших сношениях, если причиной их казались мне Вы, смущающий меня какой-нибудь акт Вашей жизни, то я являлся активно реагировавшим на него в сторону расхождения, Вы никогда не изменяли всегдашнему благожелательству, и когда я приходил, пережив то, что разделяло, вновь с открытым сердцем, Вы встречали меня всегда с прежнею дружбою. Цицерон оч. <ень> хорошо определил дружбу, как «*omnium humanarum et divinarum rerum cum benevolentia et caritate summa consensio*»¹; но формула слишком рационалистична. Суть не в *consensio*, а в *caritas*, в любви; а она дается чем-то более сложным и тонким, заходящим за пределы разума, зиждущимся в иррациональном, чем единомыс-

лие, покоится на каком-то неопределимом именно *средстве*, которое может зародиться и цвести, при самых резких, кажущихся основными, разногласиях, потому что оно выше согласия, оно соединяет помимо разума и воли. Слово *summa*² у Цицерона и означает, должно быть, не в глазах автора, а на деле, не количественно полное в идеях, вкусах и т.д. единение, а качество нераздельности, кроющаяся в самой глубине существа, данная каким-то откровением в известный момент сожизни, да так и оставшаяся неразрушимым элементом связи. Нечто такое я чувствовал всегда между нами, и оно мне было очень дорого особенно, когда мы не виделись долго или когда я чувствовал против Вас протест. Это нечто, должно быть, религиозной природы, благословение Божие на создание дружеской пары или дружеской группы, малых церквей, в более тесном единении душ находящихся, чем церкви большие, человеческие, вселенские. В дружбе [это начало вечное, абсолютное, хоть неопределимое, но оно самое важное.] оно кроет благодатную силу, свыше единящую людей [в союз] Я теперь много верю в это иррациональное, против которого так много спорил с Вами в прошлом. Только оно все же выражается во мне, т.е. ощущается мною, как нечто светлое, хотя не от меня зависящее; я остаюсь чуждым темному стихийного оргазма, и мистика моя — духовная мистика. Все это трудно сказать. Набрасываю те слова, какие приходят в голову хочу не развивать теории, а намекнуть на душевное, духовное состояние. В дружбах вообще — этот элемент вечности, из вечности пришедший и в вечность идущий, соединяющий в человеке прошлое, настоящее и будущее, выводящий из временного, погружающий в Бога (иногда даже без личного сознания, но от этого не менее могущественно) самое важное. Вы, может быть, улыбаетесь, читая эти строки, с их стилем, более присущим молодости, когда представляете себе, что пишет их человек, подходящий к шестидесяти годам; но не ищите в них признаков размягченного сентиментализма старости. Я действительно оч.*сень* постарел физически, особенно после пережитого страшного года; вы, м.*ожет* б.*ыть*, и не узнали бы меня, исхудалого, белого, сморщенного. Но изжившим жизнь я себя не чувствую, несмотря на пережитое горе и удары. В частности, и наполнивший меня теперь *гепювеау*¹ дружбы к Вам идет от сохраняющейся и возобновляющейся жизненности... Духовно, мне кажется, я продолжаю идти вперед. Движение это давалось мне в последнее восьмилетие моего бытия тайным общением с духом моей умершей дочери⁴, свет от светлых³ глаз которой я со всею силою ощущаю устремленным на меня из другого мира, и явною любовью к близким, соработою с учениками и ученицами, сливающимися с моею душою. В этих отношениях пришлось претерпеть и немало горести, но в них же черпалась вера в смысл своего человечества. Вы, Вячеслав Иванович, были первый, который заставил меня поверить в присутствие во мне некоторой научной силы; это для меня было великое благо, ибо если бы этого не произошло, то я не нашел бы решимости стать профессором, а тогда сущность моего жизненного дела не состоялась бы. Вы всегда брали меня за то, что я был медлен и неисполнителен в подготовке своих трудов для печати. Я сам всегда чувствовал *ал* в этой области угрызения. Но теперь я думаю, что мною руководил здесь добрый инстинкт: я отдавал душу и труд тому, что было во мне самое лучшее, преподаванию. Уверен, что средняя моя лекция была лучше в ее осуществлении, чем самый лучший из моих трудов в его возможности. Поэтому я, должно быть, правильно сделал, что отдался профессорству, и замышлявшиеся сочинения высохли в листках. Суть жизни не в осязательных результатах ее, а в высоте и постоянстве напряжения духа. И если я всюю силою отдавал свой дух тому, к чему больше всего влекло, как к делу жизни, то, м.*ожет* б.*ыть*, я и прав был и верно шел к исполнению своего назначения на земле и так мог всего больше и отдать силы своей другим людям. В этом смысле я теперь не оч.*сень* жалею, что эти труды мои остались необнародованными, ненаписанными. Другое дело, когда мне предстоит недосатки и пороки моей проф.*ссорской* деятельности. Тут часто кашься не в

несовершенстве, а в нералении... Здесь часто происходит на деле, что мелочи жизни, серая обыденщина затирает высокую мысль, духовный труд, стремление к Богу. Тут особенно немощен и беспомощен человек...

Очень много хочу и надо бы (душевно надо) вам написать. Надо бы особенно увидеться. Трудно это в настоящем сост.<оянии> жизни. Не хочу говорить об этом состоянии, но чувствую, что много одинаково переживается нами. Трудно даже ясно надеяться на свидание позже: смерть, дыхание ее надвинулось. Хотя и ощущаю много еще (как говорил) жизненных сил, но вместе с тем испытываю и близость смерти. Не страшусь ее, но, кажется, не готов к ней. А можно ли быть готовым?

Хочу сказать Вам, что за эти годы разлуки нашей внутренне я часто связан был с Вами. Переживал я не только чудные воспоминания об общем прошлом, но и сродство душ по сохранившимся следам (глубоким в душе) нашего идейного общения; и оно возобновлялось общением с Вашими сочинениями. Они у меня почти все есть и поэтические, и прозаические, частью от Вас, частью собств.<енным> путем добытые. Нет только «религии страдающего Бога»⁶ и сборника «Нежная тайна»⁷ Последнего я даже никогда не видел. Если у Вас есть еще экземпляры и Вы могли бы дать мне их (здесь не достать), был бы оч.<ень> счастлив. За присылку «Родное и вселенское» горячо благодарен⁸

Вчера были у меня трое из моих лучших учеников-друзей, и мы вот что вместе прочли с ними и с моими:

Ты помнишь луч
По благоуханной увлажненной зелени,
И дальнего грома «прости» благосклонное,
И крупные слезы Дриады смеющейся,
Полновесные капли, звончатые,
И буйство роз
В твоих кудрях?

О флейты любви!
Вы куда, куда ведете,
К стремнинам каким?..

Младенческой
Рукою венков отрясала ты, резвою
Рукою отрясала развешанный
И капли играли с улыбкой ланит твоих,
И крупные капли, алмазные
Ласкала печаль
Твоих ресниц...⁹

Нам было при этом хорошо. Один из них, тоже поэт (хоть и не печатающий-ся) говорил, что он переживал это Ваше стихотворение, как лучшее лирическое произведение вообще¹⁰ Прочтите и Вы его лишний раз вместе с нами. Я теперь в старости гораздо больше люблю стихи, чем в молодости, и погружение в поэзию дает мне и утешения, и вдохновения. Я и сам в старости стал писать стихи, которых совсем не писал в юности. Помните, я к Вам именно обратился с первым своим стихотворением по поводу присылки мне «Кормчих Звезд»¹¹ Вы тогда его одобрили. Вы назвали меня другой раз «поэтом» в Вашей речи на моем юбилее¹² Я, конечно, не поэт, но мне хочется (потребность живет неодолимо) ритмически выразить то, что самое интимное, что наполняет душу и что не удовлетворяется простою речью. Это понимал (я прочитал в дневнике Гольденвейзера) Лев Толстой, который вообще готов был считать всякое стихотворство даже истинно поэтическое пустым делом¹³ Вот и я одной своей ученице, которая тоже назвала меня по добром чувству ко мне поэтом, написал следующее:

Я не поэт: со мной рифма ведь борется,
Ладу в стихах часто нет.
Дать яркий образ хочу, да не спорится:
Правду скажу вам в ответ.

Да, не поэт; но душа вдохновение
Рвется все ж в песню сложить,
К другу любовь, высоту умиления
В музыку слов воплотить.

Вот отчего мои вирши читаете.
Мало в них очень красы;
Но моих чувств из них истину знаете,
Мысли волну и мечты¹⁴

Перед Вами, подлинным носителем творческого духа поэзии и мастером [стихотворной] художеств. <енной> формы, мне даже и не совестно начертывать свои квази-стихотворные воплощения. Я не претендую нимало на признание за ними хоть капли поэтического достоинства. Но, мне кажется, в них суть души иногда выражается лучше, чем в эпистолярной прозе; и в них чувствуется, что живит и спасает дух. В этом смысле хочу поделиться с Вами в связи с особенно оживившимся порывом дружбы к Вам двумя моими старомодными подражаниями.

Оба написаны прошлым летом в Финляндии в чудные вечера у озера, когда оч. <ень> было тяжело на душе, но сердце смягчалось наитием Бога чрез природу. Первое вызвано закатом солнца при чтении одной главы из книги *Wechsler* о культуре *Minnesang*'a¹⁵ Там говорилось о влиянии платонической любви (т.е., по-моему, именно дружбы, лучше вечной духовной дружбы) на провансальскую поэзию и на *dolce stil puovo*¹⁶ Здесь только четырехстишие: пусть оно освещает и то, что есть хорошее между нами, оно и озаглавлено — «Дружба-любовь».

Вечерет. Уж близок заход.
Солнце в мир другой там погружается.
Милый! Пусть нашей дружбы восход
И с рассветом, и с ночью сливается!

Это призыв к вечному, духовному братству А вот — «Сила дружбы»:

Горькая чаша страдания
Нам суждена. Прочь мечтания!
Буря снесла упования.
Кажется, жить нет уж сил.

Друг, но мы вместе: немеющий
Голос окреп, и слабеющий
Дух возродился. Луч греющий
Нашей любви победил.

Среди борений сраженному,
Злом жестоко потрясенному,
Тяжестью мира согбенному
Кто может руку подать!

Небо сулит дар спасительный
Против ударов губительных;
Щит он от мук избавительный:
Дружбы святой благодать!..

Примите вложенное здесь чувство и образы, отпустите грех слабой формы, узурпацию права на стих! Обнимаю Вас! Не знаю еще, как пошло это письмо и не уехали ли Вы из Москвы? Хочу еще одно вам сказать, касающееся уже не меня, а Вас (впрочем, нет, и меня). В последние годы я часто касался Данте в семинариях с учениками¹⁷ Очень сроднился с ним. Вы, я слышал, закончили перевод Эсхила¹⁸ Вячеслав Иванович! Я убежден, что никто, как Вы, не предназначен талантом и внутренним знанием и видением к тому, чтобы дать «Божественную Комедию» на русском поэт.<ическом> языке. Возьмитесь за этот великий труд, он будет национальным, религиозным подвигом. Читал я в автобиографии Брюсова, что он работает над перев.<одом> «Энеиды» и «Бож.<ест-венной> Ком.<едии>»¹⁹ Насколько он идеально может выполнить первое (и это чудович.<айно> будет важно), настолько же не сродно ему второе — это будет плохо. Должны это сделать Вы. Напишите что думаете. Еще одно: я замыслил с группой моих учеников составить *сборник*, который был бы посвящен вопросам грядущего возрождения России, ее культуры и религиозности. Это будут, так сказать, «свободные голоса». Не доверяя достаточности собственных сил, мы хотим привлечь и других некоторых, не оч.<ень> многих²⁰ Мы уже заручились согласием А.В. Карташева²¹, Н.О. Лосского²², и И.А. Покровского (моск.<овский> проф.<ессор> превосх.<одный> человек и мыслитель, мой друг.)²³ *Теперь я прошу о том же и Вас*. Мы завели разговоры с издат.<ельством> «Огни»²⁴ Но оно уже, кажется, перегружено обязательствами. Ответ еще не получен. Не могли ли бы Вы нам помочь в этом в Москве. Знаю, что Вы будете участвовать в «Новых Вехах»²⁵ Об этом как относительно Вас самого, так и относительно издателя оч.<ень> важно мне было бы иметь от Вас скорый ответ.

Обнимаю Вас крепко. Надеюсь, что поверите искренности и естественности выраженных здесь чувств; они коренятся во всем, что нас связывало (явно и тайно) в прошлом, что живет прочно в душе, хотя, кажется, откровенно так я никогда не высказывался.

Любящий Вас *Ив. Гревс*.

Еще хочу обратиться к Вам с одной просьбой о литерат.<урном> содействии. Последние годы один из тех писателей, которые стали для меня особ.<енно> близки душе, был *Рамэн Роллан*²⁶ Перевести по-русски Jean Christophe составляет для меня неоценимую потребность души. Я хотел бы и написать книгу о нем. Это одно из необходимых для обновления культуры произведений. У нас им овладели социалисты, которые не понимают его, а в нем раскрывается целый мир. Я с ним ощущаю глубокую конгенитальность и истолкую его как надо, и это даст русскому духу немало. Здесь его переводит издательство «Земля». Переводит мертво. Может быть, Вы бы предложили это дело от меня Сабашникову²⁷ Я страшно был бы благодарен — это создало бы мне положительно силу жизни духовную: ее так надо теперь, чтобы жить. Не знаю, найду ли в Вас созвучие по отн.<ошению> к Ром.<ену> Роллану Надеюсь, да!²⁸ Оттого к Вам и обращаюсь. Вы много помогли мне в выполнении работ молодости, окажите содействие и этому замыслу старости, который я выполню с юношескою энергиею, верю, хорошо²⁹ Из древнего я бы хотел также перевести Confessiones Августина, которые, конечно, вполне подходили бы для открытия у того же Сабашникова «библиотеки средневековых писателей», и я там принял бы деятельное участие с радостью³⁰ Хорошо бы это было. Простите, что тревожу Вас, но как-то не боюсь этого.

Написал страшно мелко, простите: трудно будет читать. Но эта внешность также символ того многого, что хочется Вам сказать.

Не знаете ли Вы, где Максимилиан Волошин? Оч.<ень> хотел бы ему написать³¹

Ответ на п. 79. По всей видимости, это черновик письма, беловик которого нам неизвестен: автограф сохранился в бумагах автора, а не адресата. У нас нет никаких оснований для предположения о возврате этого автографа автору, хотя, принимая во внимание факт близкой по времени личной встречи Гревса и Иванова в Москве (см.: Переписка... VI. С. 388—389) нельзя исключить того, что оно снова оказалось у автора вследствие какого-то недоразумения. Во всяком случае, публикуемый текст невозможно считать письмом, которое осталось неотправленным: ряд данных показывает, что Иванов получил письмо именно такого содержания.

Это подтверждают, прежде всего, отдельные детали рассказа Гревса об отклике Иванова на присланные другом стихи (в очерке «Мои встречи и отношение к Владимиру Соловьеву», 1923 г., цит.: Переписка... VI. С. 389); в качестве примера Гревс приводит как раз свое стихотворение «Дружба-любовь», цитируемое и в комментируемом письме, а также замечает, что Иванов «писал» однажды о своем впечатлении от этих стихов.

С одной стороны, в архиве Иванова нет письма Гревса, которое содержало бы обсуждавшееся четверостишие, — вообще имеется только два стихотворения Гревса (в п. 77 и 81). С другой стороны, в архиве Гревса нет письма Иванова, в котором находились бы слова, цитируемые в воспоминаниях.

Кроме того, упоминание Иванова в разговоре с Альтманом в 1921 г. о некоем письме Гревса, в котором шла речь о работе над переводом романа Ромена Роллана (см. ниже, примеч. 28), наилучшим образом соответствует как раз комментируемому письму.

Таким образом, нужно предположить, что нам неизвестны письмо Гревса Иванову, близкое по содержанию к разбираемому, либо беловой вариант последнего (если исключить возможность возврата при личной встрече), а также ответ на него Иванова. Оба эти письма, пусть и не прямо, упоминаются в первых строках п. 81.

¹ «Ведь дружба не что иное, как согласие (*consensio*) во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью (*caritas*)» (См. De amic. 20; пер. В.О. Горенштейна). Ср. в воспоминаниях Гревса о приютинском «братстве», опубликованных в том же 1918 г.: «Пинерон говорил, что дружба есть «высшее согласие (*consensio*) в вопросах земного бытия и религиозного познания, соединенное с взаимным благожелательством и любовью (*benevolentia et caritas*)» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 196).

² Совершенное (*lat.*). Этот эпитет к слову «согласие» (*consensio*) в приведенном выше переводе В.О. Горенштейна отсутствует.

³ Возврат, возобновление (*франц.*).

⁴ Дочь Гревса Шура, долго борющаяся с болезнью (видимо, туберкулезом), «скончалась в понедельник 19 мая 1910 г. в 12 ¼ ч. пополудни. Всего прожила на земле 16 лет, 3 месяца и 18 дней» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 274; там же см. стихи Гревса, посвященные Шуре после ее смерти). Ср. также воспоминания ученика Гревса о его семье:

Эта крепкая, любящая семья носила постоянный траур. Этот траур выражался не в черном крепе, а в том единении вокруг могилы рано умершей младшей дочери Шурочки, в том культе ее памяти, который постоянно ощущался в семье Гревсов.

Большой портрет Шурочки, написанный масляными красками, висел в их гостиной. Ясная девушка, улыбающаяся *светлой* <курсна наш. — *Изд.* > улыбкой. Хотелось бы, чтобы этот портрет был написан акварелью или пастелью. Подруга Шурочки, Леля Нечаева, мне как-то сказала: «Думая о ней, вспоминаешь ту девушку Блока, что «легла в церковном хоре о всех уставших в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою». И мне казалось, что и жена Ивана Михайловича, Мария Сергеевна, и дочь его Катя навсегда забыли «радость», храня память о Шурочке. Ивана Михайловича спасли его творческие научные интересы, способность любить друзей и многочисленных учеников, неиссякаемый интерес к жизни и, в особенности, глубокая и неземная вера.

(Анциферов Н.П. Из дум о былом. С. 175.)

⁵ Эпитет вставлен между строк, уточнением к уже написанной синтагме (ср. Символ веры с его исповеданием Иисуса Христа: «...Света от Света, Бога истинна от Бога истинна...»).

В письме соболезнования и утешения Гревсам от Н.Д. Гизетти (урожд. Бекарюковой), двоюродной сестры и близкого друга юности Ивана Михайловича, говорится о «Шуре, о светлой нашей девочке-радости»; в подобном же письме О.А. Добняк-Рождественской о ней сказано так: «Она... так вальсала с озаренной светлой полосе жизни, так мурно несмотря на нее носила света в душе» (см.: Человек с открытым сердцем. С. 274, 275; курсив наш. *Изд.*).

⁶ Речь идет об исследовании Иванова «Эллинская религия страдающего бога», печатавшемся в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни» в 1904—1905 гг. (см. примеч. 8 к п. 75). В 1910-е гг. в печати появлялись известия о готовящемся отдельном издании этого труда, которое, однако,

не увидело света (см.: *Иванов Вяч. Cuticulum vitae*. С. 190–191, 193–194; ср. соответствующую справку Н.В. Котрелева в кн.: *Эсхил. Трагедии*. С. 556–557).

⁷ Речь идет о поэтической книге Иванова: *Нежная тайна*. ЛЕРТА. СПб., 1912. Просьбу Гревса Иванов исполнил (см. п. 81).

⁸ См. примеч. 8 к п. 79.

⁹ Гревс полностью воспроизводит стихотворение Иванова «Гроза» (цикл «Песни Дафниса» в книге «Прозрачность»).

¹⁰ Имена трех «лучших учеников-друзей» Гревса, почитателей поэзии Иванова установить не удалось.

¹¹ См. п. 77

¹² 25-летие учено-педагогической деятельности Гревса отмечалось в 1909 г. (он состоял на службе с 13 марта 1884 г. см. *Человек с открытым сердцем*. С. 281). Ср. сообщение А.Е. Преснякова в письме к жене от 14 сентября 1909 г. «Вчера... был юбилей Гревса. Собралась в сущности небольшая и довольно пестрая компания. Это был еще не официальный, дружеский, так сказать, вечер. <...> Был Вячеслав Иванов как личный друг Гревса... Говорили речи, все "характеризуя" [Иваня] Михайловича с разных сторон. Всего метче удалось, по-моему, [Иваня] Михайловича очертить Вячеславу Иванову» (Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники, 1889–1927. СПб., 2004. С. 652). К этому юбилею, как можно предполагать, было написано одно из стихотворений Иванова, посвященных Гревсу (подробнее см.: *Переписка... I*. С. 297, примеч. 1).

¹³ Гревс имеет в виду запись в дневнике А.Б. Гольденвейзера под 24 мая 1909 г.. «Вчера и, кажется, нынче утром был у Л. <Льва> Николасви-ча купец, православный, но очень религиозный. Лев Николаевич сказал мне о нем: — Он мне вот чем был полезен: я всегда осуждаю, когда стихи пишут; он тоже мне свои стихи давал, и на нем я убедился, что это писание плохих стихов источником своим имеет иногда самые лучшие высшие чувства, которые человек не знает, как выразить, и пытается выразить в стихах» (*Гольденвейзер А.Б. Дневник: 1908–1909 гг.* // *Толстой: Памятники творчества и жизни*. <Вып. 1 / Ред. В.И. Срезневского и А.Л. Бема. СПб., 1917. С. 49). Из приведенных слов Толстого Гревс взял эпиграф к своему стихотворному посланию «Вячеславу Иванову» (см. п. 81).

¹⁴ Кому адресовано стихотворение Гревса, установить не удалось.

¹⁵ Имеется в виду книга: *Wechsler E. Das Kulturproblem des Minnesanges*. Halle, 1909. — *Minnesang* средневековая рыцарская немецкая лирика.

¹⁶ Речь идет о поэзии «нового сладостного стиля» — поэтической школы, сложившейся во Флоренции на рубеже XIII–XIV вв. К ней принадлежал молодой Данте, творчеством которого Гревс занимался специально; ср. упоминание этой школы и в мемуарном отрывке, названном в общем примечании к комментируемому письму (цит.: *Переписка... VI*. С. 389).

¹⁷ О том, как проходили занятия семинария Гревса по Данте (посвященного главным образом его трактату «De monarchia»), в преддверии экскурсии в Италию в 1912 г., см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. С. 171, 277–279). См. также статьи: *Гревс И.М.* Когда был написан трактат Данте «О монархии» // *Н.И. Карееву ученики и товарищи по научной работе*. СПб., 1914. С. 354–385; *Он же.* Из «studi danteschi». Первые главы трактата Данте «De monarchia»: Опыт синтетического толкования // *Из далекого и близкого прошлого: Сборник этюдов из всеобщей истории в честь Н.И. Кареева*. М., 1923. С. 120–134.

Ср. в письме Гревса к жившей в Киеве его ученице Е.Я. Рудинской — от 12 октября 1921 г.: «Оригинальной особенностью прошедшей зимы было то, что я много читал различных лекций на разные дорогие темы, не всегда даже по главной моей специальности. Читал я об историческом идеализме, о великих фигурах из истории религии в античности и средневековье, о Данте (вспомнили ли на Украине шестисотлетний юбилей его смерти?), о Ромэне Роллане (целую серию), об образах Италии в творчестве Тургенева. Интересно было то, что в этих выступлениях на широкую публику я нашел свою аудиторию, постоянно повторяющуюся, такую, с которой образовалась духовная связь» (цит. по: *Человек с открытым сердцем*. С. 302).

В 1923–1924 гг. Гревс редактировал в издательстве Брокгауза и Ефрона научно-популярную биографическую серию «Образы человечества», в которой приняли участие многие видные историки того времени. Сам он написал для этой серии книгу о Данте, которая, к сожалению, не была опубликована. В конце 1930-х гг. Гревс принимал участие в подготовке к изданию «Божественной комедии» Данте в переводе М.Л. Лозинского (Л., 1939), составляя научный комментарий к «Аду» (*Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс. С. 343, 344). В письме к Е.Я. Рудинской от 14 апреля 1939 г. Гревс сетовал на то, что эту желанную ему работу «совершенно искажило издательство своими сокращениями» (см.: *Человек с открытым сердцем*. С. 346).

¹⁸ По договору с «Издательством М. в С. Сабашниковых», заключенному в 1911 г., Иванов должен был перевести все дошедшие до нас тексты Эсхила, однако вполне осуществить этот замысел не удалось: непереверденными остались «Прикованный Прометей», две трети «Проси-

телицы» и четверть «Семеро против Фив». Подробнее см.: *Котрелев Н.В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // *Эшил. Трагедии*. С. 427–522.

¹⁹ «В настоящее время, писал В.Я. Брюсов в своей «Автобиографии», датированной 1912–1913 гг., — кроме разных мелких работ, меня занимают особенно: перевод «Энеиды» Вергилия, перевод «Божественной Комедии» Данте» и т.д. (Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1914. С. 118). Ни то, ни другое завершено не было.

²⁰ Замысел, по-видимому, остался нереализованным.

²¹ Антон Владимирович *Карташев* (1875–1960) — богослов и общественный деятель. В 1908–1918 гг. коллега Гревса по Высшим женским курсам. Был близко знаком с Ивановым, в том числе по петербургскому Религиозно-философскому обществу, в работе которого оба принимали живейшее участие (Карташев в 1909 г. был его председателем, Иванов — председателем его Христианской секции).

²² Николай Онуфриевич *Лосский* (1870–1965) — философ, коллега Гревса по Петербургскому университету и Высшим женским курсам.

²³ Иосиф Алексеевич *Покровский* (1868–1920) — правовед, профессор римского и гражданского права в Петербургском Университете (с 1904 г.) и на Высших женских курсах (с 1906 г.). В 1911 г. был уволен «за отказ читать лекции под охраной полиции во время студенческих волнений» (Санкт-Петербургские Высшие... С. 158; ср.: *Вахрамеева О.Б.* Духовное пространство Университета. С. 127. Примеч. 448). Впоследствии преподавал в Дерптском и Московском университетах, в 1913 г. в Петербурге издал оригинальный, не утративший своей ценности и поныне учебник «История римского права». Покровский много печатался в научных и общественно-политических журналах, а в 1918 г. статьей «Перуново заклатье» — участвовал в сборнике «Из глубины» (см. примеч. 3 к п. 78).

В автобиографическом отрывке «К моему научному учению» Гревс писал: «Вообще же настоящей хорошей школы, [я не прошел] последовательно пройденной, у меня не было. В дальн.<ейшее> время я много получил просто от организованного общения с лучшими учениками, отд.<ельно> от некоторых товарищей, как *И.А. Покровский, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве*. (Испытал я в позане время влияние русской группы идеалистов-христиан Новгородцева, Бердяева, Франк, Лосского)». Ср. ниже, примеч. 7 к п. 82.

²⁴ «Огни» — петербургское/петроградское издательство, просуществовавшее с 1909 по 1923 г. Выпускало преимущественно гуманитарную литературу; круг авторов издательства состоял в основном из представителей петербургской профессуры (с ним сотрудничали В.В. Бартольд, С.А. Жебелев, Ф.Ф. Зелинский, Л.П. Карсавин, М.И. Ростовцев и др.).

²⁵ См. примеч. 3 к п. 78.

²⁶ В хранящейся в его архиве заметке «Личность и дело Ромэна Роллана: Опыт истолкования души (вступление)» Гревс писал о том, как летом 1914 г. познакомился с творчеством писателя, и что за этим последовало: «С тех пор дух тесно сошелся с Ролланом, как с лучшим из родных поэтов. Протягивались нити и назад, вставал лик другого, навеки чтимого, великого Данте, гением которого реально воспитан талант Роллана. Это тот же настрой серьезной и чистой музыки, величавой и совестливой, то же предназначение поэзии разрешить проблему бытия. Это та же возвышенная концепция мира, вера в высший закон. <...> Гений Данте светит Роллану и вызывает в нем симфонический отзвук: не будет пустым парадоксом видеть в «Жан-Кристофе» черты «Божественной комедии» современности» (цит. по: *Человек с открытым сердцем*. С. 300–301).

О почитании Гревсом Р. Роллана см. также в воспоминаниях его ученика о лекциях учителя по средневековой истории в Петербургском университете: «Содержание их менялось каждый год, но вступительные четыре — пять лекций каждый год были те же, разве что одна из них могла выпасть или быть замененной лекцией на другую тему. Темы их всех очень мало имели отношения и к дальнейшему курсу, да и не особенно ясно были связаны одна с другой. Одна из лекций неизменно бывала посвящена восхвалению французского историка Фюстель де Куланжа, давно умершего, а в другой всегда с благоговением упоминался Владимир Соловьев. Помню, что однажды, вероятно, в 14-ом году, что имело особый смысл, воздана была хвала еще и Ромэну Роллану». И далее: «Иван Михайлович крупным ученым не был, но был замечательным университетским педагогом, и, кроме того, осязанное уже и в те годы выражение «светлая личность» могло быть к нему безо всякой иронии применено. Можно было, конечно, и улыбнуться чуть-чуть, когда он говорил, подняв правую руку и потряхнув сведенными и выдвинутыми вперед средним и указательным пальцами: «Ромэн Роллан, этот апостол мира и защитник человечности»... Но не уважать его было нельзя, да и нельзя было не полюбить его при более близком знакомстве» (*Вейде В.* Воспоминания / Вступит. ст., публ. и коммент. И. Доронченкова // Диаспора: Новые материалы. II. СПб.: Феникс, 2001. С. 114–115).

²⁷ Михаил Васильевич *Сабашников* (1871—1943) — известный русский издатель. Гревс знал о том, что Иванов близко связан с его издательством, для которого готовил переводы греческих классиков (см. выше, примеч. 18).

²⁸ Гревс сильно ошибался о неприятии Ивановым Романа Роллана свидетельствует, например, запись Альтмана под 10 апреля 1921 г., когда на вопрос «А чем объясните Вы симпатии к коммунизму Романа Роллана и Анатоля Франса?» последовал такой ответ Иванова:

— О. Роллана я вижу насквозь. Помню, как, будучи за границей, я познакомился с его «Жаном Кристофом». В этом романе было все: и поэзия лирики, и цитаты из прерафаэлитов, и грусть, и светлая нежная меланхолия — словом, здесь было все, кроме оригинальности, это был очень красивый, очень хорошо и со вкусом подобранный букет, только уж немного запыленный. И таков сам Роллан. *Schöne Seele*, прекраснодушный романтизм. <...> Еще одна черточка, дополняющая Роллана. Мой друг Гревс мне недавно написал, что он сильно пристрастился к Роллану и посвящает весь досуг своей старости работам по переводу его для издания в России. Ну, вот теперь все понятно. Роллан — это Гревс. Роллан — это чистый агнец, и Дант, конечно, за его прекрасную душу поместил бы его в одну из самых высоких сфер, но одновременно и в чистилище: ибо не будь глупым. Христос, человек странных изречений, сказал: «Будьте просты, как голуби, и мудры, как змеи». Вот змеиности-то у Роллана нет. Теперь он, конечно, сочувствует большевикам и, как баран, блест: Бэ, я коммунист, б-э-э, я коммунист...

(*Альтман М.С.* Разговоры...С. 64—65.) — *Schöne Seele* прекрасная душа (нем.).

²⁹ О работе Гревса над переводом романа «Жан Кристоф» вспоминал Н.П. Анциферов: «Он с большой любовью и тщательностью перевел эти 10 томов, естественно придав своему переводу особенности своего стиля, быть может, в некоторых случаях жертвуя точностью передачи. Этот перевод был им сделан без всякой мысли о возможности его напечатать. Много лет спустя, в году 1928—1929, издательство «Время» предложило Ивану Михайловичу издать его труд. Этот план не был осуществлен: специалисты не одобрили мало популярный, трудный стиль переводчика» и т.д. (Из дум о былом. С. 171—173; А.И. Добкин в соответствующем примечании приводит письмо Гревса к П.С. Когану от 1930 г., в нем опять обсуждается возможность издать роман в переводе Гревса. Там же. С. 428—429).

³⁰ Замысел перевода «Исповеди» не был осуществлен.

³¹ Гревс познакомился с Волошиным, по-видимому, в Петербурге в 1903 г., скорее всего Волошина ему рекомендовала А.В. Гольштейн; см. в письме к ней Гревса от 15 февраля 1903 г., «С Волошиным я провел два—три приятных вечера: он интересный человек. Теперь он уехал в Москву» (Бахметевский архив. Фонд Гольштейн А.В. Письма И.М. Гревса). В архиве Гревса сохранились два письма от М.А. Волошина, за 1903 и 1927 гг. ПФА РАН, Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 55. В архиве Волошина (ИРЛИ) сохранилось только одно письмо Гревса к Волошину за 1903 г.

81. Гревс — Иванову

22 сентября 1918 г. Калуга

Калуга, 9/22 сентября 1918.

Друг мой!

Вас удивило, что я так долго не отозвался на Ваш чудный привет?¹ Вы, должны быть, и огорчились этим? Не стану извинять себя тем, что он был сам ответом на мое письмо и мой приезд² Думаю, что обновление нашего союза восстановит постоянное общение, установит равное с обеих сторон свободное и желанное переплетение ответов и приветов. Мне даже не в чем извинять себя, не за что просить прощения: я все время постоянно духом был с Вами, но писать хорошо был не в силах, а открытки о «внешнем благополучии» действительно не хотелось писать.

Когда я прочитал Ваши превосходные (и для меня, и для поэзии) стихи, начертанные на дорогой мне книге, так трогательно присланной мне по моей просьбе, я был на пороге выезда из Петербурга. Я уехал с семьей в Калугу

по приглашению одной старой хорошей ученицы³ отдохнуть на месяц, но засиделся два вследствие запоздания занятий. Первое время тело погружено было в глубокую усталость, плод пережитого года, а дух в созерцание; активно действовать был не в [силах] состоянии. оттого безусловно никому не писал. А Вам, по непростительной, может быть, слабости, душа рвалась ответить «ритмическим подражанием», форма которого воплотилась в мере моей творческой немощи лишь теперь⁴. Только элементы этих слабых звуков носились в воображении и все не сливались вместе. Простите, что шлю Вам сложившиеся строки в простоте души: да не прогневается Ваша строгая Муза и да раскроется Ваше дружеское снисхождение! Не осудите за дерзновение идти по стопам виртуоза музыки слова. Вы же знаете, откуда проистекают мои пародии на стих, а слова Толстого лишний раз объясняют родящие их мотивы: это искренние пародии.

Вторую часть пребывания здесь душа терзалась жестокой тоской под гнетом происходящего, и силы часто ослабевали пред испытанием, смысл которого сознание часто готово даже многообразно понимать.

Может быть, пребывание здесь помогало все же переносить тяжесть духа в соприкосновении с русскими природой и стариной. Калуга город редкой красоты: на высоком берегу Оки, среди садов, с множеством древних церквей и с великолепными стильными старыми домами, с уголками поразительной монументальной живописности. Я много бродил по ее урочищам и закоулкам, много смотрел и много думал. Общий же вид города из-за речки, особенно при свете вечернего солнца накануне праздника, когда с колоколен всех церквей звонят ко всенощной, производит настоящее очарование. Я много и в церковь ходил, и это очисало совесть, поднимало сознание.

Я работал над книгой своей о поздней римской империи, но мало (здесь нет нужного матерьяла)⁵; больше углублялся в разные темы из моих воспоминаний. Может быть, напишу автобиографический труд, который будет иметь некоторое значение, и его напечатают после моей смерти⁶. Перевел первый том «Jean Christophe» «Рассвет» (L'aube). Если удастся Вам быть восприимчивым этого желанного для меня детища, сообщите в Петербург (В. <асильевский> О. <стров>, 14 линия, 31). Буду счастлив⁷.

Читал еще по приглашению кружка педагогов лекции, которые слушались с большим вниманием и меня очень поддерживали. Здесь значительное педагогическое движение, в котором правда смешана с заблуждением, благо со злом. Участвовал я и в таких работах.

На днях едем назад на тяжелую страду. Не знаю, как будет возможно жить в Петербурге. Но, кажется, силы немного прибавилось, и мы готовы на лишения. Надеюсь, у Вас все благополучно, т.е. Вы живы, здоровы и не ослабевает в Вас мысль и творчество. Дай Бог Вам долгое процветание!

Если я пишу Вам повышенным слогом, верьте, что так действует полнота чувств: здесь нет ни малейшего стилистического романтизма. По правде поет душа.

Обнимаю Вас. Очень прошу писать, сообщать о себе, питать единение. Жене Вашей и детям шлю душевный привет, так же и Марии Михайловне и общим друзьям, которые обо мне вспомнят. Может быть, зимою приеду в Москву.

Любящий Вас друг

Ив. Гревс.

Перечитываю свои «вирши»; их дефекты особенно бросаются в глаза при сравнении с совершенствами образца. Помимо всего другого в последнем очень хорош весь комплекс из пяти строф с изменением чередования мужских и женских рифм в центральной. Эта симметрия мною совсем не достигнута, да и мысль не уложилась в пять строф⁸. Смягчите приговор и примите скромную лепту на алтарь дружбы.

Напишите *скорее* хоть два слова: вдруг стало беспокойно за Вас, хотя внутренний голос говорит, что у Вас все хорошо.

Вячеславу Иванову

«...Я убедился, что писание плохих стихов источником своим имеет иногда самые лучшие, высшие чувства, которые человек не знает как выразить, и пытается выразить в стихах...»

Лев Толстой

Твой стих на дружбы нашей вновь
Расцвет годов под сединою
Согрел меня: живой волною
Летит к тебе моя любовь.

Казалось, иногда звучал
По-разному в нас правды голос;
Но луч один в обоих колос
На ниве духа наливал.

Дерзну, поэт, твой тонкий слух
Нескладным ритмом потревожить.
Пусть сердца музыка поможет
Сказать: мы будем вместе, друг!

В созвучьях слов душа поет.
В них слышны истины глаголы,
Что горний свет на мира долы,
Что влагу чистую лиет.

Мечтаю мерною строкой
Тебе поведать лучше радость
И вспомнить, как свела нас младость
В святых местах рука с рукой.

Горят по-прежнему глаза,
Когда я вторю милым звукам:
Мне песнь твоя смягчает муки,
И благостно течет слеза.

Ив. Гр.

Калуга, 8/21 сентября 1918 г

<Конверт (№ X). Адрес:> *Заказное*. || Вячеславу Ивановичу | Иванову || Зубовский бульвар, 25. || Москва || От И.М. Гревса (Калуга, Садовая, гимн.<азия> М.И. Шалаевой).

РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 46–48 (стихи Л. 48).

Ответ на присыл книги стихов Иванова «Нежная тайна» со стихотворной надписью Гревсу и, возможно, на еще одно, несохранившееся письмо (см. общее примечание к п. 80).

¹ Речь идет о стихотворном послании Иванова Гревсу «Возврат», автограф которого украшал его книгу «Нежданная тайна», присланную по просьбе друга (ср. п. 80, примеч. 7). Текст этого повешения приводится ниже; см.: Переписка... VI. С. 388.

² Речь идет о письме Гревса от 31 мая / 13 июня 1918 г. (или сходном с ним по составу другом, несохранившемся письме; см. общее примечание к п. 80) и о его поездке в Москву, о которой подробнее см.: Переписка... VI. С. 388.

³ Кто имеется в виду, установить не удалось.

⁴ По обычаю поэтов «нового сладостного стиля», под обаянием которых находился Гревс (см. примеч. 16 к п. 80), он должен был бы отвечать Иванову, буквально воспроизводя не только метр ивановского послания, но и его рифмовку.

⁵ В 1918 г. издательство «Огни» (см. примеч. 24 к п. 80) объявляло в числе работ, которые «печатываются и готовятся к печати» в серии «Круг знания» (собрании популярных, частью иллюстрированных книжек по всем отраслям гуманитарных и естественных наук, и издаваемом при участии выдающихся ученых и литераторов) книгу проф. И.М. Гревса «Конец Римской Империи» (см. рекламу на второй странице обложки кн. *Ростовцев М.И. Рождение Римской империи: Общий очерк. Пг., 1918*). Книга так и не появилась; ср. в письме Гревса Е.Я. Рудинской от 14 марта 1919 г.: «Написал почти до конца книгу (листов 12–15) о культуре поздней античности (и период разложения Римской империи), а только издательство, которое я хотел, обанкротилось» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 300). Рассказывая ей же в письме от 11 июля 1922 г. о своей работе в университете, Гревс писал: «Я читал в виде курса написанную мной книгу по истории культуры Римской империи, как введение в историю средневековой культуры» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 304).

⁶ Работать над мемуарами Гревс начал именно летом 1918 г., когда были записаны воспоминания о 80-х годах XIX в., о Студенческом научно-литературном обществе и о создании Приютинского братства (ср. *Шаховской Л.И. Письма о братстве*. С. 302). Частично они были опубликованы: *Гревс И.М. В годы юности: За культуру // Былое. Кн. 6. 1918. № 12. С. 42–88; 1921. № 16. С. 137–166* (перепеч. Человек с открытым сердцем. С. 149–173; 175–196).

Работа продолжалась и в последующие годы, о чем Гревс сообщил Е.Я. Рудинской: «Пишу я дальше свои воспоминания отрывками из разных концов жизни; последнее время больше из студенческих времен и из начальных лет. Очень бы хотелось осуществить и эту работу» (письмо от 29 сентября / 12 октября 1921 г.); «Набрасываю отрывки из воспоминаний; теперь останавливаюсь на образе покойного И.А. Покровского» (письмо от 8 августа 1923 г., цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 302, 305).

В архиве Гревса имеется объемистая (318 л.) единица хранения, озаглавленная «Воспоминания»: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 15. Вполне законченными можно считать воспоминания о детстве (до переезда в Петербург в 1872 г.), недавно напечатанные О.Б. Вахромеевой (Человек с открытым сердцем. С. 8–56). Кроме того, там же (ПФА РАН. Ф. 726) хранятся разнообразные наброски и более или менее завершенные заметки автобиографического характера, относящиеся к последующим годам. Часть их выделена в отдельные единицы хранения — например, «Мои встречи и отношения к Владимиру Соловьеву» (Оп. 1. Ед. хр. 41) или два наброска воспоминаний об И.А. Покровском (Оп. 1. Ед. хр. 39); остальные объединены под названием «Биографические материалы» (Оп. 1. Ед. хр. 1. 73 л.). Судя по датированным отрывкам, Гревс особенно часто принимался за продолжение работы над воспоминаниями в 1920-е годы, после своего изгнания летом 1923 г. из университета, куда он вернулся в 1934 г. 6 сентября 1929 г. В.И. Вернадский писал сыну: «Ив. <ан> Мих. <айлович> Гревс как-то читал воспоминания своего детства и юности» (Пять «вольных» писем В.И. Вернадского сыну: (Русская наука в 1929 г.) / Публ. К.К. <М.Ю. Сорокиной> // *Минувшее*. Париж, 1989. С. 447).

⁷ Надежды Гревса на содействие Иванова не оправдались (см. п. 80, примеч. 26, 28, 29). Тем не менее работа над переводом была продолжена; ср. в письме Гревса к Е.Я. Рудинской от 14 марта 1919 г.: «Достиг первой мечты: перевожу Ромэна Роллана (Жан-Кристоф), но для неприятного мне издательства (Горьковского). Другого способа не нашел, решился на этот. Перевел три тома, работаю над четвертым. Это дает бодрость и утешение в периоды особого уныния: могу сесть за перевод в самую тяжелую минуту. В теории думал, что переводу отлично, но практика выходит хуже. Работаю и над этюдом о Ромэне Роллане (листа в 4)» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 300).

⁸ В стихотворении Иванова (см. выше, примеч. 1 и 4) пять строф; первая—вторая и третья—четвертая имеют рифмовку аББА, третья — АББА, где заглавной буквой означаем женскую строфу, строчной — мужскую (отметим также возврат, с частичной тавтологией, в пятой строфе женских рифм первой: ...былого/молодого... и ...снова/былого; в рифмы выделены ключевые слова стихотворения, так что его можно было бы редуцировать до односложных строк: ...возврат ...былого / молодого, ...брат | <...> | ...видений | ...свет ...нужды нет | ...упреждений | <...> | ...гость ...снова ...былого трость ...пускаем вторую и четвертую строфы, где пришлось бы прибегнуть к менее естественным, но тем не менее возможным языковым натяжкам). В ответе Гревса шесть строф, и все они зарифмованы по схеме аББА.

⁹ См. примеч. 13 к п. 80.

82. Иванов — Гревсу

15 мая 1920 г. Москва

15 мая 1920.

Дорогой друг, Иван Михайлович.

Приношу тебе величайшую благодарность за то, что ты выхлопотал мне академическую грамоту¹ Ты знаешь, как она мне нужна; но в то же время она, после инцидента с московским университетом², служит мне и реабилитацией. Получение ее было для меня большою радостью. Считаю уместным поблагодарить в прилагаемом письме и лично Сергея Федоровича³ К тому же на свидетельстве нет печати, обстоятельство немаловажное ввиду того, что бумагу придется, б.<ыть> м.<ожет>, показывать консулам: отсюда просьба — прислать мне, если возможно, копию с печатью⁴ Выехать мечтаю во 2^ю половину июня⁵; этот срок определяется тем, что 15 июня Лидии предстоит выпускной экзамен в консерватории; ей хочется ехать надолго за границу лишь с дипломом об окончании консерватории, а играть теперь она опять может и работает усиленно⁶

Смерть И.А. Покровского здесь многих глубоко огорчила, в числе их и меня, собственно незнакомого с покойным, но привыкшего его особенно отмечать как человека исключительного по душевным качествам, на основании рассказов о нем С.Н. Булгакова и твоих упоминаний⁷ Поэтому, узнав о его кончине, я скорбно думал о том, как будешь опечален ею ты. Отсутствие Луначарского, объезжающего фронт и ожидаемого здесь не ранее, как недели через три, лишает меня возможности немедленно предпринять хлопоты об обеспечении семьи покойного естественным и прямым путем через Н.<ародного> Комиссара по Просвещению. Но, может быть, представится возможность ускорить дело при помощи <...>, с которым хочу, по крайней мере, посоветоваться об этом.

Контракты с Эфронами мной подписаны, и теперь я, дорогой друг, in tua palpi, как дважды твой литературный сотрудник⁸ При мысли о взятом мною на себя деле и радостно на душе, и боязно. Ужели суждено, чтобы я перевел и Эхшила, и Бож.<ественную> Комедию? вель обоих этих поэтов я боготворю... Ужели суждено мне спокойно работать над Дантом в тени его Battistero?...⁹ Не будем глядеть на будущее без надежды!

Здоровье моих, всех, очень ненадежно, шатко, полно угрозы. Спасение для них возможно только за границей¹⁰ Я надеюсь, что Мария Сергеевна теперь поправилась. Желаю вам троем, прежде всего, здоровья. Вера и Лидия шлют тебе сердечный привет. Вл.<адимир> Н.<иколаевич> Княжнин велит тебе от души кланяться¹¹ Обнимаю тебя нежно.

Любящий тебя всю жизнь

Вяч. Иванов.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 120–121.

¹ Речь идет о документе, известном теперь по рукописному отпуску, сохранившемуся в делах Академии (см.: Неизвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С.Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // ИЛО. № 10. М., 1994. С. 255. Примеч. 17). Приведем его полностью:

4 мая 1920.

Удостоверение

Предъявитель настоящего господин Вячеслав Иванович Иванов, автор многочисленных научных трудов в области классической филологии. [отправлен] командирован Российской Академией наук за границу с научной целью.

²⁻³ В подлиннике густо замазанное слово, по всей вероятности, чья-то фамилия; следует предположить, что Гревсом или по его просьбе вычеркнута фамилия лица, упоминание о котором стало опасным в 1930-е гг.

Российская Академия наук просит правительственные и научные учреждения, а также всех представителей власти и частных лиц содействовать оказывать их просвещенное содействие Господину В.И. Иванову для выполнения миссии, возложенной на него Академией.

Непременный секретарь, Академик	«Сергей Ольденбург».
За Начальника канцелярии	«Ф. Голубин».
Управляющий делами	«О. Нордгейм».

(ПФА РАН, Ф. 2, Оп. 1 — 1918. Ед. хр. 12. Л. 137; оригинал по-французски.) Подробнее об истории получения этого удостоверения см. ниже: Переписка... VI. С. 390.

² См.. Переписка... VI. С. 391.

³ Упомянутое письмо Иванова С.Ф. Ольденбургу неизвестно.

⁴ Местонахождение упоминаемого документа нам неизвестно, равным образом нам не удалось проверить, был ли выдан Иванову испрашиваемый заверенный дубликат.

⁵ Подробнее о различных обстоятельствах, связанных с неудачной попыткой Иванова выехать в 1920 г. с семьей за границу, см. ниже: Переписка... VI. С. 390—393.

⁶ «Я была на последнем курсе по фортепьяно в консерватории. Гольденвейзер дружески меня уговорил досрочно держать выпускной экзамен, чтобы перед отъездом снабдить меня дипломом. Я работала с утра до вечера» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 85).

⁷ И.А. Покровский (см. примеч. 25 к п. 80) умер 13 апреля 1920 г. В архиве Гревса хранятся два мемуарных отрывка: «Иосиф Алексеевич Покровский (Набросок воспоминаний о друге)» и «Памяти И.А. Покровского (набросок духовного образа)» (ПФА РАН, Ф. 726, Оп. 1, Ед. хр. 39). Сергей Николаевич *Булгаков* (1871—1944) — известный философ-богослов, преподавал в Московском Университете, дружил с Ивановым. В 1923 г. был выслан из России, жил в Париже, где преподавал Богословском институте.

⁸ В римском архиве Иванова сохранился договор поэта с издательством Брокгауза и Ефрона на перевод «Комедии», подписанный 14 мая 1920 г., т.е. накануне посланного Гревсу письма. Об истории работы Иванова над этим заказом см.: *Davidson P.* The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge, 1989. P. 262—273; там же опубликован сохранившийся фрагмент перевода.

⁹ Речь идет о знаменитом флорентийском *Баттистеро* (крещальне), игравшем огромную роль в жизни средневекового города и ставшем одним из символов Флоренции и ее культуры. Герой дагловского «Рая» Каччагвида гордо вспоминает, что в купели древнего Баттистеро получил крещение и свое имя (XV, 134); там же был крещен и сам великий изгнанник, мечтавший, что родной город когда-нибудь увенчает его поэтическими лаврами в Баттистеро («Рай», XXV, 7—9).

¹⁰ См.. *Иванова Л.* Воспоминания. С. 82—86.

¹¹ Владимир Николаевич *Княжнин* (*Княжнин-Иоаннов*; 1883—1942) — поэт, историк литературы, близкий Александру Блоку и Вячеславу Иванову.

83. Иванов — Гревсу

12 мая 1922 г. Баку

Баку,
Госуд.<арственный > Университет.
12 мая 1922.

Дорогой друг, Иван Михайлович!

Меня грустно тянет окликнуть тебя... Редчайшие встречи, далекая переключка сердец вот наше общение. Живы ли мы оба еще? О, ты духовно жив, пробужденный, высоко растущий, неутомимо очищающийся! А я только частично жив; а большею частью существа мертв. И, коснея, медленно обращаюсь в землю, откуда взята¹ Муза же моя, кажется, умерла вовсе. Скажу тебе, как прервалась моя песня. Вот что я писал:

De profundis amavi

VIII.

Из глубины Тебя любил я, Боже,
Сквозь бред земных пристрастий и страстей
Меня томил Ты долго без вестей.
Но не был мне никто Тебя дороже.

Когда лобзал любимую, я ложе
С Тобой делил. Приветствуя гостей,
Тебя встречал. И чем Тебя святей
Я чтил, тем взор Твой в дух вперялся строже.

Так не ревнуй же!.....²

Здесь я остановился¹ Через несколько дней (8 авг <уста> 1920 г.) скончалась Вера.

Più non scrissimo avanti...⁴

Университет, где я занимаю кафедру классической филологии, мне мил. Он имеет около 2000 студентов, достаточное число действительно выдающихся ученых сил, работает дружно всеми своими аудиториями, семинариями, лабораториями и клиниками, печатает исследования, пользуется автономией и, по нашим временам, представляет собою зеленеющий маленький оазис среди академических развалин нашей родины⁵ Пишу я в своем кабинете класс.<ической> филологии с широким балконом (вернее, альтаном, ибо здание в стиле немецкого ренессанса), с которого вижу голубую бухту, и далекие высоты берега, и мачты. Живу в одной комнате, тут же, через коридор, с Лидией и уже почти 10-летним Димой. Лидия изучает контрапункт и фути и пишет хорошие композиции, у нее есть рояль Бехштейн. Вокруг меня ревностные ученики. Мы на юге, на широте Мадрида. Я доволен и югом и чисто-теоретическою деятельностью. Будь только книги в достаточном количестве, я бы ничего другого не хотел, как φιλολογεῖν καὶ φιλοκαλεῖν⁶ Прошусь за границу, обещают, говорят денег нет. Кстати, если бы Академия опять прислала мне бумагу о командировании за границу, как тогда, когда ты мне в этом дружески помог, это бы увеличило мои шансы⁷ Мне говорят, что у меня призвание быть академическим учителем, и в самом деле кафедра лекции, семинарий, направление т<ак> наз.<ываемых> «научных сотрудников», т.е. оставленных при университете для приготовления к докторскому экзамену и написания диссертации, — совсем по мне, по моим вкусам, по моему зрису Печатаю большую работу на основе прежних рукописей, но в радикальной переработке: «Дионис и пра-дионисийство»⁸ Пишу XII^ю главу⁹ Семь глав были здесь предметом публичной защиты в факультете, и меня со славой промовировали в «доктора кл.<ассической> филологии»¹⁰ Термин же «доктор» нужно понимать не по-вашему. Ибо здесь введена система одностепенной промоции, в предположении, что и российские университеты, оставив старую русскую традицию, перейдут к той же одностепенности. Итак, доктор равен магистру Предлагали мне «honoris causa»¹¹, но я предпочел правильный порядок, ибо очень большая работа была у меня готова; но я принялся за ее полную переработку, которая привела меня к новым и впервые удовлетворяющим меня ответам на поставленные проблемы¹²

Будущее совершенно неизвестно. Не век же сидеть в Баку, как мне ни нравится этот удивительный, отчасти экзотический, именно персидский город. Поеду ли, как прошусь, в Германию и Италию, Бог весть. Одно знаю: надоело мне быть литератором и пером добывать деньги. Не сердись на меня, дорогой друг за то, что я не принимаюсь за Данта, о коем читал некогда целый курс, ввиду вакантности кафедры запад.<ной> литературы¹³

Муза, говорю я, меня покинула навсегда ли, также не знаю. Впрочем, и работы, признаюсь, было много. В этом семестре, например, у меня 8 лекционных часов и 6 часов семинария в неделю. А очерк греч.<еской> религии особенно хочется написать, но это возможно только за границей или разве еще в Петербурге¹⁴

Посылаю эту весточку с проф.<ессором> химии Гурвичем, который едет в Петербург¹⁵

Как же ты живешь? Как живет семья твоя? Обнимаю тебя, как люблю. Последнее наше свидание источник постоянной радости моей при воспоминании о нем¹⁶ Да благословит тебя Бог

Любящий брат твой Вячеслав.

Пинешь ли ты (о, пиши!) свое жизнеописание?¹⁷

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 122–123.

¹ Ср. «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и сл от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не съешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3, 17–19).

² СС III. С. 578. Незаконченный сонет, на котором оборвалась работа над циклом «De profundis amavi».

³ Ср. комментарий О.А. Шор: «Последний сонет слался 5 августа и вдруг оборвался на половине первой строки первой терцины» (СС III. С. 847). По ее же словам, за четыре года жизни в Баку Иванов «написал одно стихотворение (если не считать шуточных произведений): смерть Веры сказался параллелем его поэтического творчества» (Дешарт О. Введение. С. 170).

⁴ Più non scrissimo avanti... Мы не писали дальше... (итал.) — отсылка к Данте, столь любимому и Грехом, и Ивановым. По всей вероятности, имеется в виду завершение рассказа Франчески о том, как книга навсегда соединила ее с Паоло: «Galeotto fu il libro e chi lo scrisse: il quel giorno più non vi leggemmo avante» (Inferno. 5. 137–138; курсив наш. Изд.). «И книга стала нашим Галеотом! | Никто из нас не дочитал листа» (Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М.Л. Лозинского; Изд. подготовил И.Н. Голенищев-Кутузов. М., 1967 С. 30). Сенешаль Галеот содействовал любовной связи королевы Джиневры, жены короля Артура, и Ланчелота Озерного (сюжет восходит к романам Круглого стола).

⁵ См.. Котрелев Н.В. Вячеслав Иванов — профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXI: Литературоведение. Тарту, 1968. С. 326–329. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 209). Ср. в письме Иванова к С.Ф. Ольденбургу от 6 июля 1922 г. «...как бодро работает наш молодой, но слаженный и проникнутый научным духом университет и вместе какие лишения он испытывает, в каких неблагоприятных условиях мы делаем свое дело. Позволяю себе обратиться в Вашем лице внимание Академии наук на положение у нас наук гуманитарных, в частности, филологии, к которой молодежь относится ревностно. У нас нет простейших и нужнейших книг <...> И все же мы делаем свой tour de force, уверяю Вас. <...> Не могла ли бы Академия помочь крайней нужде нашей своею munificentia, высылкой своих изданий или хотя бы временною, на некий срок, высылкою нам некоторой, скромной по объему, но нужнейшей филологической библиотеки в форме выдачи в пользование университету или факультету или отдельным его членам некоторого количества книг из резервов ваших книгохранилищ? Это было бы нам благодарием. Ведь положение таково, что повсюду должно поддерживать еще тлеющие очаги действительной академической традиции, особенно же на окраинах, которые я вижу это здесь воочию держатся лишь силою русской культуры» (цит. по: Незнаемое письмо Вяч. Ив. Иванова академику С.Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // ИЛО. № 10. М., 1994. С. 253–254). — munificentia щедрость (лат.). tour de force дело, требующее силы и ловкости, ловкий трюк (франц.).

⁶ Заниматься наукой и поклоняться прекрасному (греч.). Ср. примеч. к п. 10 к п. 66.

⁷ См. примеч. 1 к п. 82. Мы не имеем сведений, получил ли повторно Иванов от Академии наук соответствующее удостоверение. Просьба о возобновлении прежней командировки содержалась также в его письме к С.Ф. Ольденбургу от 6 июля 1922 г. (см. выше, примеч. 5), цитируемом ниже (см.. Переписка... VI. С. 393–394).

⁸ Дионисом Иванов заинтересовался очень рано, уже в 1903 г. в Париже он читал для русских курс лекций о Дионисе в Высшей школе общественных наук. Затем он занимался Дионисом в

Женева, в Риме закончил цикл работ по проблемам религии Диониса, которые под названием «Эллинская религия страдающего бога» были опубликованы в «Новом пути» и в «Вопросах жизни» за 1904–1905 гг. (см. примеч. 8 к п. 75). Диссертация Иванова «Дионис и прадионисийство» была издана отдельной книгой в Баку в 1923 г.

⁹ Речь идет о последней, заключительной главе книги: «Путь исследования. Проблема происхождения религии Диониса».

¹⁰ Докторская диссертация была защищена Ивановым 22 июля 1921 г. Подробнее см.: *Дешарт О.* Введение. С. 171–172; *Иванова Л.* Воспоминания. С. 102.

¹¹ Почетный доктор (*лат.*).

¹² Ср. в письме Иванова к С. Ф. Ольденбургу от 6 июля 1922 г.: «Я печатаю здесь большую книгу «Дионис и пра-дионисийство», основу которой, правда, образуют прежние рукописи и собранные материалы (*лат.*)», но которая здесь совершенно преобразована и дополнена, ибо кое-что, случайно, все же под рукой» (Неизвестное письмо... С. 254). Подробнее см. справку Н. В. Котрелева (*Экспл. Трагедия*. С. 560–561).

¹³ И Гресс, и Иванов специально занимались Данте. Любовь обоим к великому флорентийцу эмблематически отразилась в ивановском подарке Грессу в 1892 г., в Риме, экземпляра Дантовой «Комедии»; много лет спустя этот экземпляр от Гресса перешел к М. Л. Лозинскому, блестящему переводчику «священной» поэмы (см. *Davidson P.* The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov: A Russian Symbolist's Perception of Dante. Cambridge, 1989. P. 267–287). О занятиях Ивановым Данте в бакинский период см.: *Иванов Вяч.* Из черновых записей о Данте // Вступит. ст., заметка и подгот. текста А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 7–13.

¹⁴ Замысел остался неосуществленным.

¹⁵ Лев Гаврилович *Гурвич* (1871–1925) профессор Бакинского университета. Поэтесса А. К. Герцык писала сестре, Е. К. Герцык, близкому другу Иванова, 26 июня 1922 г. из Крыма, где Л. Г. Гурвич навесил своего брата: «Приехал брат Гурвича из Баку... пробыв здесь 2 дня, и от него узнала я самое верное о Вяч<славе> Он там для них как сказочный принц, упавший с неба. Приехал, защитил диссертацию о Дионисе (воображаю его оппонентов!), получил степень профессора, предложил прочесть курс по греч<еской> и римск<ой> литературе, а когда это не очень соблазнило бакинцев прибавил еще курс о Данте, и еще о Возрождении. И стал «гордостью университета» — и все ломается на его лекции. Живет в крошечной комнатке в самом университете (там оч<ень> бедно в смысле квартир) с Лидией и Димой. Но вот что ужасно: в день отъезда Гурвич узнал, что мальчику оторвало руку (на трамвае?), но не успел зайти и проверить это» и т. д. (*Герцык А. К., Герцык Е. К.* Письма // *Сестры Герцык / Сост. и коммент. Т. Н. Жуковской.* СПб., М., 2002. С. 281–282; Д. В. Иванову оторвало три пальца на руке швартовым тросом во время морской прогулки). В более позднем письме, от 3 июля 1922 г. А. К. Герцык почти дословно повторяет свое изложение рассказов Гурвича (Там же. С. 285), а ранее, 14 марта 1922 г. то же самое сообщает со слов дочери бакинского профессора, Н. Л. Гурвич (Там же. С. 271).

С. Л. Г. Гурвичем связан интересный документ, позволяющий уточнить наши представления о состоянии Бакинского университета и о положении в нем Иванова. Мы имеем в виду официальное письмо ректора Бакинского университета С. Н. Давиденкова к знаменитому московскому химику И. А. Каблукову (от 18 декабря 1922 г.). Из письма выясняется, что московский академик отказался «защестить отметку по химии, выставленную нашим профессором, Львом Гавриловичем Гурвичем, приравняв его этим к тем «декретным» профессорам, которые, дискредитируя высокое звание профессора, переполняют многие из наших, особенно молодых, высших школ». Перед нами попытка русского академического мира защитить профессиональную среду и собственно науку от наплыва выдвигавшейся новой власти, от кадровой политики, неизбежно ведеющей к разложению системы воспроизводства научной среды и научных традиций (ср. *Железня С. А.* Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Публ. и примеч. И. В. Тункиной // *Очерки истории отечественной археологии.* Вып. III. М., 2002. С. 142–194; статья была окончена 24 августа 1935 г.). С. Н. Давиденков настойчиво и аргументированно защищает Л. Г. Гурвича и обрисовывает общую кадровую установку университета: «Профессорская коллегия Бак <бакинского> Ун-*версите*та состоит ныне из 36 профессоров, из них 23 были до Баку профессорами других Высших учебных заведений, а значительное большинство остальных были раньше приват-доцентами. Весьма осторожные к правильности прохождения научного стажа, мы восстанавливали в Азербайджане ученую степень доктора и предварительный доцентский стаж, и если единичные из наших профессоров получили кафедру без ученой степени, то это было сделано нами совершенно сознательно, ввиду крупных научных достоинств кандидатов. Так было в отношении Л. Г.» и т. д. (Архив РАН. Ф. 474. Оп. 3. Ед. хр. 232). В сообщаемом Давиденковым легко прочтываются дополнительные цеховые побуждения, заставившие Иванова, получившего кафедру без ученой степени, защищать докторскую диссертацию.

¹⁶ Речь идет о встрече в Москве летом 1918 г., см. примеч. 2 к п. 81, а также: *Переписка... VI.* С. 388.

¹⁷ См. примеч. 6 к п. 81.

84. Гревс — Иванову

13 августа 1924 г. Киев

Киев, 13 авг <уста> 1924.

Дорогой друг, Вячеслав Иванович.

Судьба занесла меня теперь на несколько дней в Киев¹ и столкнула здесь с человеком, который видел тебя недавно (с Всев.<олодом> Мих.<айловичем>)² и который прочитал мне ряд твоих великолепных, раньше мне неизвестных стихов³. Вспоминаю я тебя часто, но тут вспомнил особенно ярко долгую летопись нашего знакомства и дружбы. Он мне рассказывал много о тебе, о горьком, но и радостном, что пришлось пережить тебе за эти годы. Особенно порадовал меня он вестью о том, что ты едешь в Италию⁴. Счастливы за тебя и заранее представляю себе, как много ты опять от нее получишь в форме воспоминаний, новых восприятий и вдохновений. От всей души желаю тебе хорошего там пребывания. Передай от меня привет почитания и благодарности Риму, Флоренции, всей чудной стране, которой мне, вероятно, не суждено больше увидеть и которая так много дала духу самого лучшего и высокого. Сам я живу прежними интересами и стараюсь работать научно и духовно всею силою, пока она есть. До старости дожил, но все ее не чувствую и так надеюсь дожить свой век. Не знаю, удастся ли мне с тобой еще раз свидеться, но хорошо, что жизни наши встретились глубоко несколько раз. Если напишешь мне (В.<асильевский> О.<стров> 9 Л.<иния> 48, кв. 15), очень обрадуешь. Обнимаю тебя.

Твой друг *Ив. Гр.*

<Открытка. Адрес:> Профессору Вячеславу Ивановичу || Иванову || б.<ывшая> Пречистенка, 16. Дом «Кубу.» || МОСКВА

*Римский архив Иванова*¹

Открытка получена в Москве 16 августа 1924 г (почт. шт.)

¹ Летом 1924 г. Гревс с дочерью по приглашению своей ученицы Е.Я. Рудинской совершил поездку в Киев и в Полтаву на краеведческий съезд (см.: Человек с открытым сердцем. С. 310—312).

² Всеволод Михайлович Зуммер (1885—1970) — археолог, искусствовед; коллега Иванова по Бакинскому университету (см.: Парнис А. Заметки к теме: «Вячеслав Иванов и Александр Иванов»: Неизвестные отзывы Вяч. Иванова о докторской диссертации В.М. Зуммера) // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Международного симпозиума, Вена, 1998 / Под ред. Сергея Аверинцева, Роземари Циглер. Frankfurt am Main; Berlin, 2002. С. 293—305). Ср. рассказ А.А. Ахматовой, зафиксированный Л.К. Чуковской под 10 октября 1942 г.: «Вчера к нам мне вдруг явился некий профессор Зуммер. <...> А кончил он так: «Я провел год у ног Вячеслава <Иванова> в Баку»» (*Чуковская Лидия. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х т. М., 1997 Т. I. 1938—1941. С. 489*).

³ Поскольку в Баку Иванов практически не писал стихов (две—три пьесы, не считая стихотворений шуточных и «на случай»), скорее всего речь идет о произведениях, созданных ранее, но оставшихся Гревсу неизвестными. В.М. Зуммер, как истинный поклонник поэзии Иванова, ревностно распространял новые его стихи (по всей вероятности, «Римские сонеты») и позднее, как это видно из его письма к Иванову от 10 мая 1927 г., приведенному А.Е. Парнисом в указанной в предыдущем примечании статье (С. 298).

⁴ Приехав в конце мая 1924 г. в Москву для выступления на пушкинском юбилее, Иванов, речь которого на торжественном вечере в Большом театре 6 июня имела успех, «воспользовался благоприятной минутой, чтобы возобновить просьбу — отпустить его с семьей за границу» (*Иванова Л. Воспоминания. С. 120*). О получении такого разрешения М.О. Гершензон сообщил Л. Шестову в письме от 16 июня 1924 г.: «Вяч[еславу] Ив[анов]ичу О.Д. Каменева в одно утро устроила командировку за границу...» (Там же. С. 120. Примеч. 2). Ивановы выслали из Москвы за границу 28 августа 1924 г.

⁵ Копию этой открытки передал Г.М. Бонгард-Левину Д.В. Иванов, по сообщению которого, больше писем Гревса в римском архиве поэта нет.

85. Д.М. Иванова — И.М. и М.С. Гревсам

24 мая 1932 г. Харьков

24 мая <19>32.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович.

Старинный и дорогой друг прежнего хорошего времени! Как Вы поживаете? Мне писала о Вас Валерия Андреевна, о том, что Вы энергичны и работаете, вообще, написала много хорошего, что я и сама знаю! Читала я в здешней газете в Вечернем радио рецензию на Вашу книгу и решила, что она очень хороша² И Валерия Андреевна написала хорошую книгу³ Случайно я с ней познакомилась и рада, что стихи у Вас⁴ Я написала 2 письма Валерии Андр.<севне>, но не имею ответа. Она написала мне, что, от переутомления, была тяжело больна. Боюсь я теперь за нее, хотелось бы узнать, лучше ли ей. Если Вы ее увидите, то попросите у ней дать Вам прочесть, да и совсем у Вас оставить то письмо, в кот.<ором> я написала о злключениях с тем альбомом, кот.<орый> у Вас. Конечно, она Вам его отдаст, а Вам оно может пригодиться для моего дела в будущем⁵ Так многое хотелось бы мне Вам сказать о моей жизни, но, в настоящее время у всех столько своих срочных дел, что совместно обременять своими личными делами, не зная, будут ли они интересны для Вас или нет.

Я могла бы рассказать Вам вкратце о моей жизни, о том, что сказал Вл. С. Сол.<овьев> об альбомах⁶, о моей переписке с В.<ячеславом>, Лидией и Димой⁷, о моей покойной Саше, о моей матери⁸, об Алекс.<се> Михайл.<овиче>⁹, историю 2-х альбомов, мои предположения о том, можно ли сохранить стихи, кот.<орые> у Вас, для имеющих родиться филологов¹⁰

Читая эти заглавия Вы можете испугаться, но, тем не менее, напишите мне совершенно прямо и откровенно ответ

Я могу написать только об альбоме, кот.<орый> у Вас.

Ответьте, пожалуйста, поскорее, а также напишите, кому адресовать письма.

Простите за беспокойство.

Желаю Вам здоровья и благополучия.

Искренне уважающая Вас

Д. Дмитриевская.

Мой адрес: Харьков, Госпитальная улица д. 20, кв. 2.

Р. С. В этом письме я хочу Вам еще высказать мое теперешнее мнение о жизни. Я до глубины души фаталистка. Я вижу по своей жизни и по жизни многих знакомых, что то, что судьба сделает, то и будет. Вы и я — мы были только орудиями в руках судьбы. А В.<ячеслав> таким уже родился, талант у него оказался большой, и он всю жизнь делал только то, что ему этот дар велел. Франц.<узская> посл.<овица> говорит — «tout comprendre — tout pardonner»¹¹, но здесь и прощать нечего. По другому и не могло случиться. После пережитого я часто делаюсь адвокатом в бытовых мелочах, и люди этого не понимают.

Тогда, еще во Флор.<енции>, у меня мелькала мысль, что от этого может быть большая польза для будущего, и это осуществилось.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 91. Л. 1–2

По всей вероятности, это письмо при его отправке было сложено не так, как оно сложено теперь: первой его страницей должна была быть лицевая сторона нынешнего Л. 2. В самом деле, на ней мы находим письмо Дарьи Михайловны к М.С. Гревсам, жене историка:

24 мая <19>32.

Многоуважаемая Мария Сергеевна,

Будьте настолько добры, передайте это прилагаемое письмо Ивану Михайловичу тогда, когда у него будет вполне свободное от занятий время. Извините меня за беспокойство.

Искренне уважающая Вас

Д. Дмитриевская.

Эта записка позволяет предполагать, что Дарья Михайловна переписывалась в то же время и с М.С. Гревса, однако ни одного письма из этой переписки мы не знаем.

Ответ Гревса неизвестен.

¹ К сожалению, не удалось установить, о ком идет речь.

² О чем идет речь, выяснить не удалось.

³ О чем идет речь, выяснить не удалось.

⁴ Как видно из нижеследующих в этом письме упоминаний, от Дарьи Михайловны через Валерию Андреевну к Гревсу попал какой-то «альбом» со стихами Вяч. Иванова. Определенно и подробно Дарья Михайловна писала Гревсу о двух альбомах, составленных Ивановым в 1895 г., оба они летом 1932 г. находились у А.И. Белецкого (см. ниже, п. 87). Можно предположить, что в Ленинград попала специально изготовленная копия одного из двух альбомов, однако твердых оснований к этому нет. Местонахождение стихотворений Иванова, подлинников или копий, о которых идет речь в комментируемом пассаже, неизвестно. Ср. информацию об этих ранних стихах также в п. 87 и 88.

⁵ Упомянутое письмо Д.М. Ивановой выявить не удалось.

⁶ См. п. 87

⁷ В 1925 г. по инициативе Дарьи Михайловны возобновилась ее переписка с Ивановым (см. п. 87). Письма Иванова выявить не удалось, а письма Дарьи Михайловны хранятся в римском архиве поэта.

⁸ См. п. 87

⁹ А.М. Дмитриевский, брат Дарьи Михайловны. О нем см. примеч. 1 к п. 39.

¹⁰ См. ниже, п. 87

¹¹ Все понять — все простить (франц.). Ср. в п. 7 (Иванов — Гревсу): «Все узнать, значит: все простить».

86. Д.М. Иванова — Гревсу

8 июня 1932 г. Харьков

письмо № 2.

8 июня <19>32.

Глубокоуважаемый Иван Михайлович,

Не получая ответа на посланное Вам письмо, я решила еще раз написать Вам. Этой весной очень многие из людей, равных мне по возрасту, после короткой болезни, отправились к праотцам. Я с некоторыми встречалась и разговаривала, а других хорошо знала в лицо, п.<отому> ч.<то> живу уже 17 лет на одной и той же улице и в одном и том же доме. Следовательно, и мне надо торопиться с моими делами. Буду надеяться получить от Вас весточку — дошли ли до Вас мои эти два письма. Писать же Вам столько, сколько я раньше предполагала, я не буду. Вы любите В.<ячеслава> И.<вановича>, и его дела Вам близки к сердцу. Только о его делах я и буду писать Вам, а именно: 1) история 2-х альбомов 2) отзыв Вл.<адимира> Сер.<геевича> Сол.<овьева> о них¹ 3) очень попрошу у вас совета и желала бы знать Ваше мнение: надо ли стараться, чтобы со временем напечатать те стихи, кот.<орые> Вам передали², или же Вы думаете, как украинцы здесь говорят: «сиди тай не рпайись», т.е. сиди в своем Харькове со своими стихами, п.<отому> ч.<то> Чулков уже в своих странствиях достаточно написал о В.<ячеславе> И.<вановиче>³ Может это и к лучшему, п.<отому> ч.<то> слава получит-ся весьма сомнительная. Напишите искренне мне свое мнение об этом. Эти стихи только у меня и большого горя никому от их уничтожения не будет. 4) еще я желала бы знать Ваше мнение вот о чем: недавно мне встретился в домашнем архиве дневник В.<ячеслава>, кот.<орого> я раньше никогда не читала. Он его

начал писать лет 10 или 11 и еще раньше, но начало потерялось и идет он до почти что университета. Я могла бы его переписать Вам, если б были попугачики, кот.<орым> Вы доверяете. Обыкновенно дневники обыкновенных людей уничтожаются их родными, их даже и совестно читать, п.<отому> ч.<то> они писались только лично для себя. Но я совершенно не знакома со взглядом на дневники выдающихся людей. Вы же это знаете. Тоже буду ждать ответа⁴

Но пока от Вас я не имею ни строчки, я не буду писать куда-то в пространство, в эфир. Я поняла, что писать надо прямо Вам по Вашему адресу. Прошу передать мой поклон и сердечный привет Марии Сергеевне. Желаю Вам всего лучшего.

Искренне уважающая Вас

Д. Дмитриевская.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 91. Л. 4.

Ответ Гревса неизвестен.

¹ См. ниже, п. 87

² См. примеч. 4 к п. 85.

³ См. примеч. 5 к п. 87

⁴ Судьба отроческих дневников Иванова, находившихся у Дарьи Михайловны, нам неизвестна.

87. Д.М. Иванова — Гревсу

19 июня 1932 г. Харьков

3^е письмо (дополнение ко 2му)

19 июня<19>32.

Когда я в 1895 г собиралась уезжать из Флоренции, то попросила В.<ячеслава> написать мне на память те стихотворения, которые он написал у меня на глазах и каждую строчку которых он читал мне. Тогда он купил 2 альбома, оба ярко-красные с золотым обрезом, покрытые очень блестящей и очень скользкой кожей из сафьяна. В большой альбом он переписал стихотв.<орения>, кот.<орые> потом вошли почти все в «Кормчие звезды», а в маленький те, кот.<орые> были написаны мне. Осенью того же 1895 г я была в Петрограде и поехала в Царское Село к Владимиру Сергеевичу Соловьеву, подала ему оба альбома и сказала: «мой муж очень желал бы знать Ваше мнение о его стихотворениях». Он сказал, что просмотрит их и чтобы я приехала через неделю. Когда я была у него во второй раз, то он сказал мне буквально следующее: «стихотворения вашего мужа мне очень понравились, и я напишу разбор их, когда они появятся в печати, а особенно понравились мне стихотворения, которые в маленьком альбоме»¹ Вл.<адимир> Серг.<еевич> подарил мне 2 свои книги; «Национальный вопрос в России» и надписал, что эта книга мне от автора, и маленькую книжку «о нравственности». Обе книги и теперь у меня² Когда «Кормчие Звезды» появились в печати, то В.<ячеслав> прислал эту книгу мне в Харьков. Во всех стихотворениях простые и ясные слова, к кот.<орым> я привыкла, п.<отому> ч.<то> многие стихотв.<орения> знала на память были заменены мудреными словами. Вероятно специалисту интересно было бы сравнить то и другое. Теперь этот большой альбом сохраняется у проф.<ессора> рус.<ской> литературы Александра Ивановича Белецкого (Харьков, Каразинская ул. д. 12)³ В этом альбоме есть прекрасное стихотв.<орение> «На смерть немецкого профессора (Моммсена)». В тех книгах, кот.<орые> я имею 1) Кормч.<ие> звезды 2) Прозрачность 3) Нежная Тайна и

4) По Звездам этого стихотворения нет⁴. Ал. <ександр> Ив. <анович> Бел. <ецкий> дал мне список всех соч. <инений> В. <ячеслава> и список критических статей о нем. Только в 1927 году я прочла *Cor Ardens* 2 части, мне их дал А. И. Бел. <ецкий>, он их дал как проф. <ессор> рус. <ской> лит. <ературы>, а некоторые знакомые, у кот. <орых> эти книжки были и есть — мне их не давали. Из крит. <ических> статей я читала книгу Брюсова «Близк. <ие> и дальние и Чулкова Мои странствия»¹ и больше ничего. Здесь в библиографии ни соч. <инений> В. <ячеслава>, ни крит. <ических> статей о нем нет. Ал. <ександр> Ив. <анович> Белецкий очень хотел выписать книгу Бальмонта (я забыла заглавие), где было также о В. <ячеславе>, но ему ее почему-то не прислали⁶.

В 1925 г. я написала, узнав адрес у А. И. Б. <елецкого> В. <ячеславу> в Баку (тогда я в первый раз была у Бел. <ецкого>, чтоб узнать адрес), мое письмо ему переслали в Рим. Он сейчас же ответил. Я же с ним, начиная с 1895 г., не переписывалась, а здесь был юбилейный год встречи и прощания, а главное, я считала, что обязана написать отцу о последних годах жизни его дочери и о смерти ее в 1920 г.⁷ Мне передавал, кажется проф. Дм. Н. Овсяннико-Куликовский⁸, что В. <ячеслав> очень был обижен на меня за то, что я не сообщила ему о смерти моей матери в 1909 году, с которой он все время переписывался, переписка была о Саше, главным образом⁹.

О маленьком альбоме я написала в письме к Валерии Андреевне¹⁰. Последнее стихотворение <орение> было написано В. <ячеславом> по поводу того, что он уезжал из Рима ненадолго, а мы с Сашей украсили двери гирляндой из цветов к его возвращению. Это было в 1^ю год нашего приезда в этот город. Не так давно я заметила, что это стих. <отворение> он поместил последним¹¹. Еще у него были 2 чудесных стихотворения «Зашумели крылья» и «Чайка», посвященные Ал. М. Дм. <итревскому>. Главная мысль «Веселишься свободой, любви же не знаешь». Но от времени оба эти стихотворения погибли. Это большое горе было и есть для меня, поскольку я их любила <и> теперь люблю. Но эта пропажа навсегда. Я писала В. <ячеславу>, но он ответил мне, что не помнит своих стихотворений. Первое было написано еще в Москве, кажется в 1884 году¹², а другое в Берлине.

Конечно, теперь их ни у кого нет, и с этим я не могу все же примириться.

Это все, что я считаю себя обязанной написать в пояснение к посланным через Валерию Андреевну стихотворениям.

Д. Д.

Р. С. Я много лет назад слышала, что здесь живет ученик и поклонник таланта В. <ячеслава>, но не знаю его фамилию, а вероятно у него все его сочинения и крит. <ические> книги есть¹³.

ИФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 354. Л. 66–67.

Письмо обнаружено нами среди писем к Греху с неразборчивыми подписями.

¹ Подробный рассказ о встречах Дарьи Михайловны с Вл. Соловьевым содержится в ее письмах 1895 г. к Иванову; см. публикацию соответствующих фрагментов: *Котрелев Н. В.* К истории «Кормчих звезд» // *Русская мысль.* 1989. 15 сент. (№ 3793). С. 11.

² В первом случае речь идет о книге Вл. Соловьева «Национальный вопрос в России» (СПб., 1891), вышедшей в свет в двух выпусках, — маловероятно, что Соловьев мог дарить в 1895 г. первое (М., 1884) или второе (СПб., 1888) издание первого выпуска. Работы с названием «О нравственности» у Соловьева не было. «Маленькая книжка "о нравственности"» по всей вероятности, отклик какой-то журнальной статьи, позже вошедшей в книгу Соловьева «Оправдание добра» (СПб., 1897); в заглавии или подзаголовке многих из них фигурировало слово «нравственность» — только в 1895 г., до осени, подобных статей было опубликовано восемь. Местонахождение экземпляров, подаренных Соловьевым Д. М. Ивановой, неизвестно.

³ Александр Иванович Белецкий (1884–1961) — литературовед, академик (1958). Его вкусы в области современной литературы сложились под определяющим влиянием символизма. В 1930–

1950 гг. Белецкий сыграл большую роль в поддержании культа В. Я. Брюсова, наиболее близкого ему писателя-символиста. Тесные отношения связывали Белецкого с слововой поэта И. М. Брюсовой и кружком адептов символистской культуры, сложившимся вокруг мемориальной квартиры Брюсова в Москве.

Произведения Иванова Белецкий, по всей видимости, ценил не очень высоко, хотя и не умалял его роли в литературном процессе. Имя Иванова появляется время от времени в дневниковых размышлениях Белецкого о литературе, тем более интересных, что он не мог сколько-нибудь внятно и серьезно говорить публично о том времени, в которое корнями уходил его духовный мир. Господствует в этих записях фигура Брюсова — часть из них, собственно говоря, представляет собою наброски для монографии о мэтре русского символизма, бесперспективность окончания которой постепенно уташала творческий импульс. Иногда в записях появляются мемуарные наброски об Александре Блоке: см. Институт литературы им. Т. Г. Шевченка НАН Украины, Відділ рукописів. Ф. 162. Ед. хр. 1505. Л. 61 об. (эта тетрадь, представляющая собою дневник 1941—1944 гг., носит заглавие: *Діалог XIV | Liber exilii <Дневник XIV | Книга изгнания>*). Упоминания об Иванове по большей части вполне трафаретны (см., например: Там же. Ед. хр. 1502. Л. 9). Но иные несомненно заслуживают внимания, именно в силу приуроченности к своему темному времени и/или месту. В наброске «Введение в русскую литературу 80—90-х годов» Белецкий, в частности, пишет: «С одной стороны, как будто повышение культурного уровня; с другой — резкое его понижение. Одновременно подрастают Вяч. Иванов и Леонид Андреев» (Там же. Ед. хр. 1507 Л. 33 об.). А в следующем наброске: «Античность и русская литература <18>90—1917», читаем:

Модернизм принес с собой новое понимание античности. <...> Там, где раньше искали гармонии и спокойствия, теперь ищут дисгармонии и мятежа; там где видели достойное зависти приятие мира теперь увидели отрицание, пессимизм:

Величайшее благо — совсем
Не родиться, а благо другое
Чуть родившись тотчас умереть...

Толчок к этому дал Ницше, а его дополнил своей «Psyche» Э. Роде — популяризированные для адептов Вяч. Ивановым, а для «интеллигентного читателя» проф. Зелинским. Реинессансом это возрождение так и не стало именно потому, что поэтём был мнимый: проповедь хорического, соборного начала, дионисийский экстаз, новое религиозное сознание, объединившее Христа и Диониса в синтезе, так и неудавшемся, привела разве к «разделениям» на частных квартирах, а «возрождение трагедии» — к нескольким (очень немногим) театральным постановкам да к написанию собственных трагедий, не попадавших на сцену, а часто не доходявших и до читателя (совершенно неопределим, например, круг читателей трагедии И. Анненского «Лаодамия»).

(Там же. Л. 34 об.) «Очень много мальчишества во всем русском модернизме, замечает Белецкий, — (за исключением Вяч. Иванова, Ии. Анненского и, конечно, Мережковского)» (Там же. Л. 39 об.). Общее отношение Белецкого к Иванову, вероятно, редуцирует карандашная приписка на поле среди набросков и заметок о Брюсове: «Как быть со стихами Вяч. Иванова: для философии это не слишком умно, для поэзии не слишком глупо (ср. Пушкина: «поэзия д. <оджна> быть глуповата»)» (Там же. Л. 33 об.).

Единственная дневниковая заметка, упоминающая Д. М. Иванову-Дмитревскую, необычайно важна для биографа: «Смерть Дарьи Михайловны, первой жены Вячеслава Иванова. Похороны — последний позор, которым покрывают ушедшего живые, последнее надругательство над его телом и памятью. В дрянном, оклеенном серебряными бумажными наклепками ящике — разывают тело, которое через день может быть открыто — на разрушенном кладбище, где в тени, на могилках отправляют свои естественные эротические потребности молодые жильцы «Гиганта»» (Там же. Ед. хр. 1500. Л. 21 об., запись стоит под 1933 г., см. Л. 21, но, к сожалению, ни месяц, ни число не обозначены; тетрадь эта представляет собою переработку неизвестных нам первоначальных дневниковых тетрадей 1927—1935 гг. ср. запись 1933 г. на л. 22: «Пропускаю все записи старых тетрадей, сделанные в октябре и начале ноября 1933 г. — конец лета, Болшево, Москва, Харьков до 3 ноября включительно» не только этот фрагмент, но и вся тетрадь заполнена как бы «за один присест» ровным почерком с редкими переменами его разбег и наклона, с редкими переменами оттенка чернил, без помарок; если когда-либо найдутся первоначальные записки Белецкого, могут появиться и другие известия о последних годах жизни и о смерти Дарьи Михайловны).

В связи с сообщением Дарьи Михайловны в письмах к Гревсу о передаче ивановских рукописей Белецкому чрезвычайно важную для нас приобретает вопрос о судьбе книжного и рукописного собрания ученого. Белецкий был библиофилом, и хотя его замечательное собрание, было прежде всего научным инструментом и личной библиотекой для чтения, в нем содержалось большое количество раритетов и ценнейших уников. Каталога у коллекции не было, во всяком случае мы ничего подобного не знаем. Списки книг появляются в дневниках Белецкого только в связи с их утратой во время войны, когда он спешно выбрался из Харькова в эвакуационный Томск. В ноябре 1941 г. ученый пишет: «Вспомнить то, что оставлено. Записать, пока не забылось. Ряд палиных рукописей (законченная работа о лекарственных растениях, несколько

отдельных конченных статей я за несколько лет не потрудился даже описать все это! Целый краткий с.<ельско>-хоз.<яйственный> словарь, им оставленный), рукописи П. Гр. <Риттера> (переводы поэм Калидасы, укр.<аинские> переводы вед и др.<евней> пам.<ятни>ков др.<евней> индийской л.<итерату>ры, статьи о ново-инд.<ийской> л.<итерату>ре, о Тагоре и проч., укр.<аинские> переводы итальянских новелл), третий том Комаровой-Стасовой о Ж. Санд, воспоминания Павла Ал. Гнедича, "Кормчие звезды", написанные Вяч. Ивановым (рукопись), автографы В.Я. Брюсова, часть архива Р.Р. Родионова, поверенного в делах В.А. Жуковского любопытнейший материал для хозяйственной жизни чувствительного и безжалостного поэта, источника жизненных благ для всех, его окружающих, от Воейкова до Елагиных и безвестного капитана в отставке <...> коробочка из снегиревского архива с письмами Н.Д. Фонвизиной <...> рукопись (XVIII–XIX в.) переводов из Якова Беме <...> ряд славянских рукописей и далее длинный список печатных книг (Там же. Ед. хр. 1505. Л. 24 об.—25). Из томского инвентаря, как называл свою жизнь Белецкий в это время, взгляд книголюбца скользит по брошенным в Харькове полкам, книги у него, как кажется, были расставлены в систематически-хронологическом порядке: «А еще русские авторы: были Пушкины в разных видах... не было, однако, Никитина (был у меня похищен), Минского и Мережковского. От Лохвицкой начинаться Бальмонт, Брюсов, Ф. Сологуб, Блок, Вяч. Иванов, М. Кузмин, Ю. Верховский, Ахматова и прочие современники, исключая Гумилева и почти исключая М. Волошина (были «Демоны <глухонемые>»)» (Там же. Л. 29). В конце 1941 г. он уверен в гибели всего собрания и опираясь на обрывочные сведения доносящиеся с Украины, пишет в дневнике: «В то время, как немецкие войска вступали с Холодной Горы, Красная Армия отступала к Чугуеву; но ее путь преградили крестьянские обозы с награбленным в городе добром — зеркальными шкафами и т.п.. пришлось стрелять в них, чтобы расчистить себе путь. В числе прочего "добра" не было много книг и бумаг: они погибли как-то иначе» (Там же. Л. 28 об.). 15 мая 1942 г. снова появляется безушестная запись, основанная на сведениях, каким-то образом преодолевавших линию фронта: «Квартиры эвакуированных объявлены собственностью немецкой армии — так что со всем прошлым можно проститься уже окончательно» (Там же. Л. 40 об.—41).

Однако летом 1943 г. появляются указания на то, что хотя бы часть библиотеки уцелела (Там же. Л. 68 об., 69 об.). С момента возвращения из эвакуации но уже не в Харькове, а через Москву в Киев — тетради Белецкого начинают заполняться списками утраченного и разыскиваемого, в которых непременно появляются ивановские рукописи. Вот фрагмент первого по времени перечня:

- <...> 3) коробочка: Письма Н.Д. Фонвизиной <...>
- <...> 5) Записные тетради 1911–1922 годов
- 6) Записные тетради других годов
- 7) Папка с материалами о В.Я. Брюсове
- 8) Переводы пам.<ятни>ков др.<евней> инд.<ийской> л.<итерату>ры на укр.<аинский> язык П.Г. Риттера
- <...> 10) Кормчие звезды Вяч. Иванова и др. его рукописи
- 11) Комарова-Стасова, Жорж Санд, т. III (на машинке)
- 12) Соч. Булгарина с его автографами
- 13) рукописи (агрономия) И.И. Белецкого <...>

(Там же. Ед. хр. 1507. Л. 13.) Номера 5, 8, 13 вычеркнуты простым карандашом вероятно, в знак того, что они нашлись, если наше предположение верно, то особо важно указание на возвращение из небытия тетрадей 1911–1922 гг., поскольку это были годы самого живого общения Белецкого с литературной и научной средой Петербурга и Москвы; ср. однако, итоговый список наличных и утраченных тетрадей на форзаце ед. хр. 1505, где ранние дневники означены как пропавшие — правда, не ясно, числил ли Белецкий единым списком первичные тетради и дневники, переработанные позднее.

Горестные перечни и пересчеты пропавшего настойчиво повторяются в послевоенных дневниках А.И. Белецкого. В самом начале дневника за январь–октябрь 1945 г. (запись не датирована, но тетрадь заполнялась последовательно) фигурируют в списке утрат «Мелкий бес» Федора Сологуба, «Кормчие звезды» Иванова, журнал «Новый путь» за 1903 г. и отдельные номера журнала «Вопросы жизни» (очевидна тематическая близость поименованных потерь как с точки зрения собирателя,веряющего в память прежний образ собрания, так и с точки зрения возможного расхитителя библиотеки в брошенной квартире). Нужно заметить, что этот список составлен чернилами, а затем уточнялся карандашом упоминание ивановской книги внесено карандашом, т.е., в результате проверки наличного материала библиотеки — вероятно, после водворения ее в Киев (Там же. Ед. хр. 1508. Л. 6). Несколько далее в той же тетради мы находим новый вариант вышеприведенного списка: «<...> Рукописи <...> 5) Записные тетради 1911–1922 годов <...> 7) Папка с материалами о В.Я. Брюсове <...> 10) Кормчие звезды Вяч. Иванова и др. его рукописи» (Там же. Л. 24).

Мы приводим здесь позиции списков, казалось бы, не связанные с ивановскими материалами напрямую — с целью подчеркнуть, что совершенно исключить возможность возврата этих последних к А. Белецкому нельзя. Дело в том, что сегодня в его архиве находится большое количество бросовских материалов (в частности, собрание копий бросовской переписки Ф. 162. Ед. хр. 40[14], сохранилась и постоянно упоминаемая как утраченная работа самого Белецкого о русском романтизме и т.д. Таким образом, мы не можем рассматривать как напрочь

исключенное чисто логическое, но необходимое предположение о том, что ивановские автографы возвращались в руки А.И. Белецкого и исчезли из видимости позже, а не в результате перипетий военного времени, — недостаточная формализованность записей автора дневника оставляет вероятность и за таким вариантом событий, согласимся, более обнадеживающим.

⁴ Дарью Михайловну подводит память: стихотворение Иванова «На смерть германского историка» («Не в жертвенном дыму в пергаменной пыли») в рукописи датировано 1889 г. и никак не могло иметь в виду смерть Моммзена (ум. 1 ноября 1903 г.); см.: РГБ. Ф. 109. К. 1. Ел. хр. 25. Л. 5–6.

⁵ Речь идет о книгах, в которых содержатся разделы, посвященные Вяч. Иванову: Брюсов В. Далекие и близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912; Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930.

⁶ Вероятно, речь идет о книге К.Д. Бальмонта «Поэзия как волшебство» (М., 1915; второе издание М., 1922).

⁷ См. примеч. 1 к п. 2.

⁸ Дмитрий Николаевич Овсянко-Куликовский (1853–1920) — литературовед, лингвист; в 1888–1905 гг. профессор Харьковского университета; после переезда в Петербург в 1907 г. был избран почетным академиком и профессором на Высших женских курсах

⁹ Письма Иванова к А.Т. Дмитревской неизвестны. Ср. также примеч. 9 к п. 43.

¹⁰ Вероятно, речь идет о письме Дарьи Михайловны к неизвестной, упомянутой в п. 85.

¹¹ Неясно, о каком стихотворении идет речь.

¹² В подлиннике явная описка: 1864. Если стихотворение относится к московскому периоду жизни Иванова, то речь может идти только о 1884 г.

¹³ О ком идет речь, установить не удалось.

88. Д.М. Иванова — Гревсу

8 сентября 1932 г. Харьков

8 сент. <ября 19>32.

Дорогой, старинный друг, глубокоуважаемый Иван Михайлович, Очень, очень благодарю Вас за Ваше письмо и очень жалею, что не получила Вашего первого письма¹

Я рада за вас, что Вы имеете возможность заниматься вашим любимым делом²

А еще я довольна тем, что стихотворения у Вас. Этого я давно желала и сама судьба это устроила.

Вы думаете о моих намерениях совершенно не так, как это есть на самом деле. Мое желание только одно — устроить так, чтобы эти стихи сохранились и, если будет посмертное издание соч. <инений> В <ячеслава>, то чтоб они, как «юношеские», вошли бы в это издание. Я их, конечно, напечатанными никогда не увижу, даже если это и осуществится.

О том, чтобы найти кого-либо, кто теперь стал бы разбирать соч. <инения> В. <ячеслава>, я и не думала. Не думала и не хотела никогда и теперь не хочу печатать их при моей жизни, даже если б это было возможно. Желала бы только *сохранить*, и это почти невозможно. Всего вероятнее то, что они никогда не будут напечатаны.

Некогда, да и больно физически сжимается сердце когда мне попадает листик со стихами В. <ячеслава>, а дата там везде обозначена.

Мне хотелось узнать, куда их можно послать в Москву. Ведь институт Брюсова закрыт, но лежат же где-нибудь его сочинения и другие его же направления. И я думаю послать все *со временем* туда или еще при жизни, или после меня, пошлют, по моей просьбе³

Не помню, где-то я прочла в предисловии, что, боясь, что рукопись пропадет, решили напечатать в немогих экземплярах. Я же думаю — не дать ли напечатать на машинке? Мне очень интересно Ваше мнение об этом, напишите, пожалуйста.

А еще что Вы думаете о его 2-х толстых тетрадах дневников? Тоже очень прошу написать. Я о них спросила в письме В<ячеслава>, но он не ответил¹

Вообще, как лучше, больше или меньше оставлять из прежней его жизни? Тоже напишите.

Относительно интимности я с Вами не согласна. Разве эти стихи можно считать <ать> инт.<имными> после Cor ardens.

Может быть, одно стихотв.<орение> подходит под это название, но его В.<ячеслав> уже исправил. Оно помещено в Кормчих звездах¹

Об интимности тоже прошу Вас написать, где Вы еще ее находите?

Вообще же, между строк Вашего письма, я прочла вот что: «будь я на вашем месте, я не стремился бы эти стихи сохранить, чтобы их напечатать. И зачем вам это? Славы вам от этого не будет, а только осуждение<а>» Очень прошу Вас, напишите совершенно не стесняясь, искреннее Ваше мнение об этом и верно ли угадала.

Была бы рада, если б Вы ответили поскорее, если это для Вас возможно.

Желаю Вам здоровья и благополучия.

Искренне уважающая Вас

Д. Дмитриевская.

P.S. Будьте добры, напишите ответ по адресу: Максимилиановская ул., д. 9. Евгении Помпеевне Дружковой⁶ для передачи Д.Д.

ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 91. Л. 5–6 (конверт — Л. 3).

Получено в Ленинграде 11 сентября 1932 г

Ответ на неизвестное письмо Гревса. Отвечал ли Гревс на это письмо сведений нет, это последний доступный нам документ переписки Гревса с Д.М. Дмитриевской.

¹ По всей видимости, ответ на одно из трех предыдущих писем Дарьи Михайловны (п. 85–87) был затерян почтой.

² Если эта фраза Дарьи Михайловны является откликом на соответствующее сообщение в неизвестном нам письме Гревса, то приходится заключить, что Гревс приукрасил свое положение. Именно от 1932 г. до нас дошли многочисленные свидетельства о крайне тягостном состоянии его дел, ср. записи в дневнике В.И. Вернадского: «Днем обедал Иван Гревс — материально и морально страдает. Невозможность найти заработок. Нужда — болезнь Кати. <...> Занимался с Иваном. Он в ужасном настроении» Нс может достать работу. Катя, не поправившись настоящим образом, эксплуатируется в работе. <...> Очень их тяжелая жизнь фактически надвигается проголодь. И невозможность найти труд. Многие бояться давать работу Ивану, учитывая его «неблагонадежность» <...> Ужасно бессильно присутствовать в трагедии Гревсов. Они переживают все интенсивнее из-за мысли о безвыходности будущего. Им кажется, что всем лучше, чем им, и какое-то нехорошее есть чувство к людям. Можем помочь материально — кажется, в этом году больше 800 р. — но это не то. И работу дост.<ойных> людей отравляет бессмысленностью: Иван переводит о сигах!» (Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / Отв. ред. В.П. Волков. М., 2001. С. 269, 275, 293, 294; записи под 5, 8, 19 марта 1932 г.). «Всей душой сочувствую Твоим бедам и напастям, — писал Гревсу 4 апреля 1932 г. Д.И. Шаховской. — Переводить что-то о сигах и ершах — это действительно ужасно. И вместе с тем это подвиг, к которому я был бы совершенно неспособен. И конечно, дело не в вынужденном переводе, а в том, что дышать нечем и живешь в каком-то бесправном мучительстве. Очень понимаю и сочувствую, но как тут помочь?» (Шаховской Д.И. Письма о братстве. С. 271–272).

³ «Институт Брюсова» — Высший литературно-художественный институт, созданный В.Я. Брюсовым в 1921 г., с 1924 г. носивший имя основателя; в 1925 г. переведен из Москвы в Ленинград, где был слит с филологическим факультетом университета. Собираньем архивных материалов институт не занимался. Основным центром кумуляции документов из частных архивов в 1930-е гг. был Литературный музей, фонды которого позже легли в основу нынешнего РГАЛИ. Сведений о поступлении в московские архивохранилища ивановских материалов от Д.М. Дмитриевской или ее душеприказчиков у нас не имеется.

⁴ Местонахождение ранних дневников Иванова, хранившихся у Д.М. Дмитриевской, неизвестно.

⁵ О каком стихотворении идет речь, неясно.

⁶ Лицо неизвестное.

Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова —
памятник русской культуры

**ПЕРЕПИСКА
И. М. ГРЕВСА И ВЯЧ. ИВАНОВА —
ПАМЯТНИК РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

1954 г.

Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова — памятник русской культуры

В разнообразии тем и сюжетов, отличающем публикуемую переписку, есть явные доминанты: это работа начинающих историков-исследователей над диссертациями по римской истории, перипетии академической жизни того и другого в России и за границей; несколько в меньшей степени отражены история дружбы с ее подъемами и спадами, а то и охлаждением и мелкими обидами, вопросы житейские и семейные, общеполитические проблемы.

Настоящий очерк мы рассматриваем как опыт интерпретации и осмысления замечательного эпистолярного памятника.

I

В преданиях о русской культуре первого десятилетия XX в. непременно и давно уже вспоминается «башня» Вячеслава Иванова с ее «средами», кружок «гафизитов», «башенный театр», единственная постановка которого, осуществленная В.Э. Мейерхольдом и насельниками ивановской квартиры вместе с гостями, вошла в историю отечественной сцены. Башня на Таврической, 25 по тогдашней петербургской нумерации, обрела легендарные черты сразу, уже в следующем десятилетии, когда статью о ней взялся писать Н.А. Бердяев для первой, оставшейся неоконченной, но до сих пор не превзойденной «Истории русской литературы» под редакцией С.А. Венгерова¹

Нельзя, однако, забывать, что Вячеслав Иванов, как и многие из творцов величия и блеска Петербурга, в этом приснопоминаемом городе был залетным гостем, прожил, да и то с перерывом, меньше семи лет, с 1905 по 1912 г., и твердо числил себя принадлежащим другому городу 6 октября 1919 г он рассматривал альбом петроградского коллекционера и мецената Л.И. Жевержеева, радовался записям своих давних и близких друзей и знакомцев, понимал, что эпоха, в которой, казалось, еще жили и чувствовали они, памятная и дорогая ему самому, пресеклась, и прибавил в альбом грустную и незлую эпиграмму:

Москвич, люблю я петербургский запах²,
Им веют эти щедрые листы...
Богема милая, еще играешь ты,
Как мышка глупая в кошачьих лапах.

(СС IV 82)

¹ Бердяев Н. «Ивановские среды» // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. Т. 3. Ч. 2. Кн. 8. М., 1916. С. 97–100.

² Отметим, что и образ дорогого города, вместившего в себя безвозвратно прошедшую, но неизбывно памятную и все же отрясаемую жизнь, Иванову дается через обоняние, — и в римском дневнике 16 января 1944 г. он записывает:

Густой, пахучий вешний клей
Московских смольных тополей
Я обоняю в снах разлуки...

(СС III. 588)

И раньше, собственно в пору петербургской славы, Иванов подчеркивал свою чужеродность в северной столице, именно когда писал про «башню»:

Пришелц, на башне притон я обрел
С моею царицей Сивиллой,
Над городом — мороком, — смурый орел
С орлией ширококрылой.

(*Cor ardens, Сивилла*)

Итак чужак¹, чуженин, по его собственному слову И все же присутствие его в петербургском мифе не только «башня». Вячеслава Иванова нужно помнить любителям и исследователям петербургской «старинны глубокой», поскольку он близко причастен к самому осознанию возможности и необходимости различения и познания «мифа и души Петербурга» как особого явления, нет особой сущности в русской культуре.

Впервые этими словами «миф и душа Петербурга» озаглавил свою книгу Н. П. Анциферов, книга стала классической, положила начало традиции. Н. П. Анциферов был любимым и вернейшим учеником И. М. Гревса, в уроках которого, в «экскурсионном методе», сплетавшемся с «локальным методом изучения исторических явлений»², и почерпнул начальные импульсы своих идей «градоведения» изучения городов как культурно-исторических комплексов. О первой большой работе учителя ученик писал: «Высоко оценивая "древние письмена", Иван Михайлович особое значение придавал изучению "немых памятников" культуры на их исторических местах. Так на основе конкретных наблюдений над местностью в его "Очерках" с замечательным искусством воссоздана вилла Горация»³.

Но именно исследование Гревса о Горации-«помещике» по мере своего развития было предметом самого заботливого внимания Иванова, который стал, несомненно, его восприимчиком. Этому посвящены были долгие часы бесед и десятки страни дружеской переписки (см. п. 22 и 24). Нет сомнения, что она доносит до нас лишь малую часть дискуссии, и, скорее всего, не самую интересную, не мировоззренческие основания нарождающихся подходов к действительности истории, поскольку в письмах обсуждались, по преимуществу, историко-филологические технические частности. Парадоксальным образом, о «сверхзадаче» текстов Гревса больше говорит отзыв непрофессиональный слова женщины, воспитанной именно разговорами молодых историков с ее мужем и между собою: жена Иванова Дарья Михайловна прочла у мужа присланную Гревсом для дружеской критики рукопись и писала автору: «Мне очень понравилась Ваша статья о Горации, в особенности глава, в кот.<орой> Вы описываете его имение. Вы умеете оживлять мертвую науку, а это дается только редким ученым» (п. 23).

¹ Напротив, Гревс с ранних лет и до последних дней жизни был прочно связан с северной столицей, ставшей для него родным городом: «Петербург именно направил всю мою жизнь, благодаря встрече с В. П. Острогорским в гимназии и превосходным профессором В. Г. Васильевским в университете. Первый предопределил окончательный гуманитарный характер моего просвещения; второй обусловил выбор моей научной специальности. Там же я сошелся с моей будущей женой Марией Сергеевной Зарудной, там же нашел дружеский кружок, который стал одной из важных сил моего нравственного развития в решающий момент. Все, что я получил от Петербурга, для меня стало драгоценным достоянием, и я могу только всей душой благодарить своих родителей, привезших меня в Петербург. Мне они тем принесли великое благо, не знаю, куда бы меня иначе повернула судьба» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 53). О В. П. Острогорском см.: Переписка... Ш. С. 301, примеч. 2.

² Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 400 (подробнее см. примеч. 5 к п. 23).

³ Он же. Иван Михайлович Гревс. Некролог, май 1941 г. (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 354).

Д.М. Иванова уловила ту цель работы, которая, вероятно, не вполне сознавалась самим автором и которая только после того, как была отрефлектирована, породила уже сознательную установку на постижение *образа* места (поселения, города). Н.М. Перлина в своем опыте осмысления теоретических оснований Гревсовой культурологии справедливо сближает их с «философией жизни», с интуитивизмом Бергсона¹. Однако представлять школу Гревса практической экспликацией интуитивистских методологических предпосылок невозможно, так как ее исходные принципы устанавливались в ту пору, когда сама философия интуитивизма только разрабатывалась. В самом деле, именно очерк о землевладении Горация задуман и выполнен в середине 1890-х гг., когда о Бергсоне мало кто знал, даже Гревс, подолгу работавший в Париже. Речь должна идти скорее о том, что философская школа, прежде чем выявить свой потенциал, влияя на историографическую практику, в своем становлении питалась рефлексией исторических и художественных поисков своего времени. Не случайно Гревс, указывая на методические прецеденты и параллели своему опыту, ссылается исключительно на произведения художников и историков искусства: «Домыслы в эту сторону высказывались чуткими людьми уже давно, сначала, может быть, действительно в виде образного символа уже в античной поэзии (олицетворение городов), но потом метафора стала критерием познания, в частности, как элемент «органической теории» о городах. *Гермен*, живописуя Венецию, прямо называет ее «крепкой волею, сильной умом», говорит о «живучем духе, обитавшем в ее камнях»; а *Тургенев* говорит о «чувствующем городе». Теперь такая мысль высказывается с разных сторон философами («психология города») и поэтами (*Верхарн*), историками и экскурсоводами, тонкими путешественниками-наблюдателями (*Вернон Ли*, Италия), историками искусства (*Тэн, П.П. Муратю*), учеными (*J. Brunhes, La géographie humaine*, p. 241), художниками-мыслителями, как *Лев Толстой* (Москва в «Войне и мире»). Хочу вспомнить, что еще *Данте* чувствовал города живыми»². Из печатаемых писем видно, сколь важную роль в становлении идей Гревса, более того, самого культурного опыта, лежащего в подпочве его методологии, сыграл Иванов.

Дружба и научное сотрудничество Иванова и Гревса, начавшиеся в Париже в 1891 г., закрепились весной 1892 г. в Риме при каждодневном и близком общении, о котором дают представление письма Гревса к А.В. Гольштейн — пусть только на бытовом уровне (о тоне же научных дискуссий мы можем твердо судить по публикуемым письмам). Вот что говорит он в письме от 18 апреля 1892 г.: «Сейчас Рим очень располагает к работе, и сожитель мой, Иванов, с которым у нас в работах много соприкасающихся пунктов, оказывает мне большую помощь и поддержку <...> Здесь довольно большая русская колония, но приятно мне бывает лишь с семьей Ивановых, которые относятся ко мне совсем дружески»³. А несколько дней спустя, в письме от 22 апреля, Гревс сообщает своей приятельнице бытовые подробности: «Живется мне в смысле науки оч. <ень> хорошо удалось войти в занятия и устроить себе строгую жизнь, к которой я стремился и которая держит меня со всех сторон в своих рамках. Работа движется хорошо (в этом смысле Рим чрезвычайно благотворно действует), энергии умств. <енной> много, только физические силы иногда плошают. Ну да это ничего. День я

¹ Перлина Н.М. Иван Михайлович Гревс и Николай Павлович Анциферов: к обоснованию их культурологической позиции // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.) / Сост. А.И. Добкин, А.В. Кобах. Л., 1989. С. 83–85.

² Гревс И.М. Развитие культуры в краеведческом исследовании: [Глава из неопубликованной книги] / Публ. Ф.Ф. Перченка // Там же. С. 36.

³ Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн. Р. 338. Это письмо, как и цитируемое в следующем примечании, датировано, скорее всего, по новому стилю. О семье Гольштейнов см. примеч. 10 к п. 49.

провожу таким образом. Встаю ок. <оло> 7 ч., пью кофе вместе с Ивановыми, которые любезно пригласили меня разделять свой утренний завтрак, к 9 ч. иду в Националь. <альную> Библиотечку, где работаю до половины второго. Потом иду обедать в наш старый трактирчик, куда приходят Ивановы; к трем часам мы с ним вместе отправляемся в Германский Археологический Институт, где работаем до 6 ч. Потом подкрепляем свои силы¹. Еще определеннее звучит письмо Гревса к той же корреспондентке, посланное через год с небольшим, 1/13 июня 1893 г.: «Здесь в Риме заниматься гораздо лучше <чем в Париже. — Изд.> не только потому, что все для интересов моей работы тут гораздо удобнее устроено, так что дело идет быстрее, но также и потому, что тут живет мой приятель, Иванов, о котором вы, может быть, помните, который занимается вопросами, однородными с моими, и общение с которым для меня в высшей степени выгодно»².

Эти реплики Гревса показывают, насколько обоснованы и прочувствованы были его слова в предисловии к диссертации, с явными педагогическими обертонами уже многоопытного профессора подводившие в 1899 г. итог его «годам учения»:

Воспроизводя в памяти протекшую половину своей научной жизни, во время которой выросла настоящая книга и зарождались следующие, с живым волнением переношу я специально к тем годам, когда работа шла особенно напряженно и успешно, то есть, когда я жил, всецело отдаваясь науке, в Париже и, особенно, в Риме. Кому удалось провести несколько лет молодости с ученою целью в крупных умственных центрах Западной Европы, тот хорошо знает, какую чудную пору самого интенсивного умственного роста будущего научного деятеля составляют они. Пору, ярко освещенную юношеским энтузиазмом, полную увлекательного движения бодрой энергии, одухотворенную свежим идеализмом и светлыми надеждами, облагороженную творческим вдохновением. Время пребывания моего в Риме, когда создавались идея и план трудов, которые, вероятно, займут значительную часть всей дальнейшей моей жизни, если сохранится для меня возможность заниматься наукой, останется навсегда незабвенным, как никогда не разрушится в сердце любовь к Вечному городу этой великой школе духовного труда. Живя под прекрасным небом Рима, среди украшающих его грандиозных памятников славной старины, уже начинаешь чувствовать влияние хотя бы одной внешней культурной обстановки на умственное настроение и понимать значение этого настроения для научной работы. Находя рядом с этим превосходные внутренние условия такой работы в многообразных учреждениях, выросших там под сенью великого прошлого национальных итальянских библиотеках и музеях, папских и частных архивах, а также французских и немецких археологических школах и исторических институтах, которые получили приют во всемирной столице; встречая у заведующих ими выдающихся знатоков истории и древностей радушный прием, только и научаешься познавать, что такое научная атмосфера в настоящем смысле слова; только тогда делается ясным, чего лишается русский научный труженик, которому не дано было им дышать. — Вместе с работою в Риме нераздельно вспоминается мне происходившее там же научное общение и дружеское сотрудничество мое с Вяч. Ив. Ивановым. При его деятельной и разнообразной помощи подготовлялись или писались мною этюды о Горации и Аттике, на страницах которых он найдет заметные следы своей мысли и даже местами своей критической работы. Посылаю и ему привет душевной благодарности³.

В феврале 1902 г. Гревс писал Иванову: «Хоть мы познакомились в Париже, но Италия главным образом сблизила нас» (п. 68).

¹ Бахметевский архив. Фонд Гольштейн А. В. Письма И. М. Гревса. Римский адрес Гревса тот же, что и у Иванова: Via Margutta, albergo d'Alibert (см. примеч. 15 к п. 1), упоминаемый «трактирчик» — скорее всего заведение Фиорелли (см. примеч. 15 к п. 6).

² Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн. Р. 338. Адрес Гревса в Риме Via Castelfidardo, 51 (ср. п. 8).

³ Гревс И. М. Очерки... С. XIX—XX.

Публикуемый эпистолярный памятник двух крупных деятелей русской культуры интересен со многих точек зрения. В частности, он исключительно выучено и живо запечатлел быт русских студийцев конца XIX в. в их школьных странствиях по мировым центрам культуры. Жадная и прилежная работа в архивах и библиотеках, которая ведется не ради закладки фундамента университетской карьеры, а потому, что глубоко личностная жажда познания наполняет сердца молодых ученых. Маршруты дальних путешествий и пеших прогулок — это либо маршруты археологических экскурсий, либо переезды из одного библиотечного центра в другой. Широта интересов поражает. Досконально осматриваются раскопки и античные архитектурные памятники, раннехристианские и средневековые мозаики и фрески, живопись и скульптура в музеях, изучаются рукописи в архивах (и не упускается из виду — на втором плане — бурная литературная и художественная жизнь Европы, парижского «ар нуво», венского «сецессиона»). Крепкие нити острого интереса на расстоянии связывают Иванова и Гревса с научными центрами — с жизнью факультетов и археологических институтов в Петербурге и Берлине. Риме. Париже, Афинах, Мюнхене. Новости приносят письма коллег (и даже родных: о жизни московского университета Иванову сообщают теща и свояк — живущий в Крыму, но вполне осведомленный о столичных новостях). Главное, однако, — встречи с коллегами.

Европейские академические маршруты давно установились и обиходны для русских ученых, в любом центре постоянно живет небольшая колония русских школяров. В Риме собирается веселая, трудолюбивая компания молодых людей, которые вскоре будут признаны светилами русской науки: рядом с Гревсом и Ивановым будущий академик славист М.Н. Сперанский, искусствоведы профессора Д.В. Айналов и Е.К. Реэли, тут же историк литературы А.И. Киричников, эпиграфист и византист М.Н. Крашенинников, историк-антиковед М.И. Ростовцев, и т.д. вплоть до маститых уже И.В. Цветаева, Н.П. Кондакова, В.И. Модестова. В задушевно-приятельских отношениях с русскими оказывается один из основоположников современной византистики немец К. Крумбахер¹

Работоспособность и дружеская преданность впечатляют². Иванов пишет самые скрупулезные разборы на всякую новую работу Гревса (см. п. 22, 24, 49, 52, 54, 60 с соответствующими приложениями) — рецензия иногда превышает по объему авторский лист (по нынешним меркам это чуть не четверть годового плана сотрудника академического института), по тщательности исполнения и осведомленности в предмете эти рецензии выше всех похвал. Айналов с риском для жизни осматривает на головокружительной высоте декор базилики Санта Мариа

¹ Иванов, познакомившийся с Крумбахером благодаря М.Н. Сперанскому, писал последнему из Неаполя 14/26 августа 1892 г.: «Прислав из Палермо... полный энергии и жизненных сил "Молодой немецкий ученый" (sic! см. Рус. <ские> Вед. <омости> за июль месяца) через несколько часов уже был на дороге в Сорренто, где и поселился в вилле Cocumella (по-латыни: кухонный горшок). Наведенный местностями и, как видите, самими именами их на классические воспоминания, он писал мне из Сорренто по-латыни: "Aure cocumelliana nihil mitius, balneis Surrentinis nihil salubrius!" <"Нет ничего мягче воздуха Кокумеллы, ничего полезнее купаний в Сорренто" Изд.> восклицал он в восторге. Я — Вы знаете, трудно ли во мне затронуть классическую струнку — отвечал двумя латинскими эпистолами» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 8 об.).

Специальным образом отмечаются связи Крумбахера с русской академической средой в работе: Schaller H. Die Geschichte der Slawistik in Deutschland und in der Bundesrepublik // Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern / Hrgv. von Josef Hamm und Günther Wyrzens. Wien, 1985. S. 113.

² Д.М. Иванова тревожась о здоровье Гревса, пишет ему в Петербург из Неаполя 14/26 августа 1892 г.: «Вы летом как-то писали, что 8 и 10 часов не составляют разницы в занятиях. Я тогда же хотела возразить, но было некогда писать, напишу теперь. Отчего рабочие борются так раз 8-часового дня? Значит разница есть и даже разница огромная, п.<отому> ч.<то> уставому человеку 1 час вреднее, чем свежему 3 часа, а умственный труд ничуть не легче физического» (п. 4).

Маджоре¹ В перерывах дружеские ученые диспуты за фьяской итальянского вина. Тот же Айналов, рассказывая Иванову о новой встрече со Сперанским в Париже в сентябре 1892 г., писал: «Встреча наша была очень приятна. Говорили про Вас и вспоминали про римское житье. Хорошо было там в Вашем спокойном, погруженном в античные грезы Риме»²

Об атмосфере русской римской колонии можно судить по впечатлениям художника М. В. Нестерова, летом 1893 г. путешествовавшего по Средиземноморью в поисках образцов высокого христианского искусства, необходимых ему для работы в киевском Владимирском соборе. Вот отрывок из его письма к А. А. Турыгину от 26 июля 1893 г. из Рима: «Здесь, как и в Афинах, попал в среду наших жрецов науки — археологов, которые копаются, что-то ищут, находят иногда восхищаются найденным и вкривь и вкось, но искренне и держась почтительно перед лицом науки; есть между ними “классики”, есть “христиане”, и те и другие милые люди, и вот мы иногда собираемся вместе и спорим, спорим до третьего часа ночи (как вчера, например), все мы любим Россию и увы! не умеем ее любить естественной любовью, мы в любви своей к этой необыкновенной, единственной женщине — большие деспоты»³

Приведем еще одно на редкость красочное свидетельство: отрывок из послания Айналова и Редина, которое те отправили 28 мая 1892 г. из Неаполя в Рим друзьям Гревсу и Иванову в ответ на их обстоятельное письмо:

Из Монте-Кассино мы трое⁴ по длинной дороге обратно спустились.
Любуясь на горы, покрытые снегом и там у старой часовни,
Где вид открывался на дальние горы, мы стали любовать долиной.
И здесь, изготовив треножник, и сверху машину подладив,
Мы сняли дорогу с часовней. Здесь было пустынно,
И для оживленья пейзажа двое из нас у часовни уселись.
Дело шло уж под вечер, и солнце садилось за горы.
Тени покрыли дорогу. В прохладе вечерней быстрее
Спускаясь вниз и мирно болтая мы в город обратно пришли.
Утоливши и голод, и жажду, отправились дальше: мальчишки

¹ Д. В. Айналов (см. примеч. 38 к п. 5) получил разрешение на осмотр верхних ярусов убранства римской базилики Санта Мариа Маджоре; ср. «Осматривая мозаики нефа очень близко (с карниза над колоннадами), я убедился, что некоторые сцены реставрированы были мозаикой» (Айналов Д. В. Мозаики IV и V веков: (Исследования в области иконографии и стиля древне-христианского искусства) // ЖМНП. 1895. Май. С. 95). Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г. «В ночь на здешнее Рождество собираемся идти с хозяевами и синьором Микеле (т.е. Краш<синниковым>) к полуночной мессе в Santa Maria Maggiore, где бывает очень торжественное богослужение. Возвоя взоры на Фриз церкви, будем вспоминать воздушные приключения и опасности Айналова» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 12 об.).

² РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 10. Л. 3 об. (письмо от 15 сентября 1892 г.).

³ Нестеров М. В. Письма. С. 114. Из всего кружка русских археологов у художника наиболее близкие отношения установились с историком древнехристианского искусства Д. В. Айналовым (Там же. С. 113; а также: Нестеров М. В. Давние дни. С. 213). Ср. примеч. 13 к п. 9.

⁴ Т.е. Айналов, Редин и Сперанский. Ср. в письме Е. К. Редина (см. примеч. 38 к п. 5) к Сперанскому от 17/29 сентября 1893 г. из Харькова: «Очень жалею, что проезжая через Москву, будучи у Вас, не застал Вас, а так хотелось поговорить с Вами и вспомнить вместе о дорогой Италии, о Риме, Monte Cassino, Неаполе. Перебирая свои карточки, я часто встречаюсь с Вашим портретом; он особенно заставляет вспоминать о Неаполе. Неаполитанцы — разбойники, но неаполитанцы откровенный, веселый, беззаботный народ, у них такое славное вино, такие красивые песни, у них неаполит.<анский> залив и Везувий... Но мало ли чего у них еще! Я с удовольствием сейчас вернулся бы к ним, и с большим, если бы знал, что встречу там старых друзей, как Айналов и Вы...» (РГБ. Ф. 601. К. 2. Ед. хр. 28. Л. 1—2).

как, впрочем, и всех северян, уже наперед подготавливала вековая традиция. Необходимо заметить, как детально и красочно Иванов описывает свое житье в семье бывшего сборщика налогов (п. 5), сколь охотно Гревс рассказывает жене о своих встречах со знакомым по прежним приездам в Рим ресторатором и с какою грустью переживает он переделку на немецкий лад итальянской гостиницы, где прежде останавливался (см. примеч. 2 к п. 18). Все эти подробности и интонации, вплетающиеся в «ученые» письма, делают понятным горделивое удовольствие, которое слышится в воспоминании Иванова о первом пребывании в Италии, когда он с женою и дочерью «надолго сели в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя до некоторой степени римлянами»¹

И с достаточной серьезностью можно прочесть шутивное, казалось бы, признание М. Н. Крашенинникова, донесенное до нас письмом Х. А. Флерова к В. К. Ернштедту от 19/31 июля 1894 г.: «Крашенинников... был у меня в Риме последний раз 15/27 июня, простился и сказал, что со слезами сожаления покидает Рим, прибавивши, что вернется в Рим по окончании службы доживать свой век и в Риме сложить свои кости. Это его сердечное желание и лучше Рима для него нет ничего»² Еще тверже и уже без тени шутки говорит Гревсу о том же Л. Д. Зиновьева-Аннибал: «В ноябре мы делали вдвоем *un giro*³ по верхней Италии с круговым билетом. Были и в Ассизи, который оставил на меня впечатление, передать которое в рамках письма мне невозможно, скажу только, что границы души моей раздвинулись от синих холмов родины Св. Франциска и кажется мне, что можно сказать чувствующему и мыслящему человеку то же об Ассизи, что говорили греки о Зевсе Фидия: кто видел однажды Ассизи, тот более не может быть несчастным. Вообще из того нашего путешествия мы вернулись сильно обновленными, понимающими бесконечно глубже искусство, т. е. высшую жизнь человечества. Купили во Флоренции несколько антикварных и новых книг по Возрождению и теперь читаем их понемногу вместе. *Здесь в Италии чувствуем себя на родине нашей духовной* более чем когда-либо и здесь имеем больше сил и жару к работе, чем где-либо» (п. 56; курсив наш. Изд.)⁴

форестьеров, которые были однако налицо, особенно немцы: эти глубокомысленно штудировали народные обычаи. Сам старик Петерсен блуждал в эту ночь по кабакам, движимый благородным научным идеализмом. Нашего классического Иоллера я видел важно идущим под руку с какой-то немецкой красавицей и громко высказывающим ей свои соображения на тему: {обычай} Volksfest. Сидя за бутылкой плохого вина и кушая яйца, мы были открыты Крумбахером с компанией, состоящей из одного итальянца, одного грека и одного немца (Beloch). Компания села к нам и беседовала по-немецки. Крумбахер все восхищался народным гуляньем.

(РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 2 об.—3 об.) *Джузеппе* вероятно, имеется в виду ресторатор Фиорелли (см. примеч. 15 к п. 6). *Фругалный режим* — умеренный, воздержный (от лат. frugalis, frugi или итал. frugale). — *hochinteressant* весьма интересно (нем.). *Шура* дочь Ивановых. *форестьеры* см. примеч. 16 к п. 1. *Петерсен* — см. примеч. 5 к п. 8. — *Иоллер* см. примеч. 4 к п. 5. — *Volksfest* — народный праздник (нем.). *Beloch* — см. примеч. 10 к п. 1.

¹ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 19.

² ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 4 и об.

³ Экскурсия (итал.).

⁴ Ср. воспоминания Гревса о городах, с которыми он сроднился: «У меня их на Западе три — Рим, Флоренция и Париж. Каждый из этих городов — родной по-своему, по-особому. Это не «родина» такую может быть для меня только Россия, но что-то в них выросло во мне такое, что, когда я туда ъезжаю, мне чувствуется, что я приехал не к дорожному знакомому, другу, а домой, в один из моих духовных домов» (Моя первая встреча с Италией. С. 294; в книге, составленной О. Б. Вахромеевой, этот текст воспроизводится с некоторыми разночтениями. Человек с открытым сердцем. С. 236).

С пророческой определенностью, предсказавшей тот выбор, который он сделал в 1924 г., поселившись на долгий остаток жизни в Риме, Иванов говорит о новой, второй родине уже в стихотворном послании из Рима, написанном в 1892 г..

Родине верен, я Рим родиной новою чу.
 Где нам отечество, друг? Скажи, гражданин мой оседлый!
 Гостю далеких чужбин: где нам родимый предел?
 Там ли, где отчий наш дом, наша первая память, дряхлеет?
 Там ли, где отчий наш сад некогда темный шумел?
 Там ли, где кости отца в заглохшей тлеют могиле.
 Где нас в покорной тоске ждет престарелая мать?
 Или в пустыне, куда наш орел занесли легионы?
 Иль где гражданственный мир плугом измерил поля?
 Родина ль чистой душе беспредельное, верное небо?
 Родина ль гордой душе море, сей узник Титан?
 Иль не отчизна избранных Идей бестелесных обитель?
 Или не Рим золотой мой нареченный предел?..
 Так! я ныне познал возвращенной мне родины счастье.
 С ним и зыждительный труд: с ним и целительный мир.

(Кормчие звезды, *Laeta*. II)

Образ Италии, Рима предстает мечтой о прошлом, определяющем будущее, и в стихах Иванова, обращенных к Гревсу:

Услада сирым горечь правды древней:
 Богов любимцы будут нам предтечи
 В пути последнем. Им звучат напевней.
 Как зов родной, Души Единой речи.

Весь в розах чели детей. Но что плачевней,
 Чем стариков напутственные свечи?
 Мы, мертвые, живем... И задушевней
 Оставшихся, близ урн былого, встречи.

¹ Послание обращено к А. М. Дмитриевскому, брату Д. М. Ивановой.

² Стихи написаны по возвращении Иванова в Рим из поездки по Южной Италии летом 1892 г. Ср. в п. 5 и в письме к Сперанскому от 10/22 декабря 1892 г. (цит. в примеч. 3 к п. 5). Однако позволительно, и даже следует, услышать в этих словах и много более важное свидетельство поэта о его отношениях с родиной; ср. его неопубликованное (и, вероятно, незаконченное) стихотворение, относящееся к самому первому времени за границей:

Мне хочется раздумья и печати,
 Мне хочется моих старинных слез:
 Из голубой родной, любимой дали
 Я в сердце их заботливо принес.
 Но спят они. Толпой иных видений
 Я развлечен, а в сердце здесь вошли
 Иных веков, иной родной земли
 Мне близкие преемством духа тени.
 Здесь рыцари и замки на скалах,
 И дамы их, и удалые битвы
 Епископы, цари в венцах,
 Монастыри, обеты и молитвы.

(РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 27 Л. 10 об.) В целом стихотворение еще условно-поэтично, но примечательно, что в самой удачной, уже «ивановской» строке названы «близкие преемством духа тени», вышедшие из «иной родной земли». Тема эта требует специального рассмотрения.

Сойдемся ль вновь под сенью смуглолистной¹,
Где строгим нас учила Муза гимнам²,
Когда ты был мне брат-привратник Рима?

¹ Определение устанавливает тожество «сени» с рифмуемым «садом», поскольку в римском тексте Иванова оно передает цвет именно кипариса:

Смугляя меж олив, как средь богинь Парис,
Благоуханный мрак возносит кипарис.

(*Кормчие звезды, Кипарис*)

Кипарис, впрочем, бывает и черным, как, например, в стихотворении «Speculum Dianae», посвященном Гревсу: «меж кипарисов черных», но «смуглый» кипарис встречается и в позднем стихотворении:

Лишь кипарисы все тот же обряд,
Смуглые, мерно склоняясь, творят.

(*Свет вечерний, Евксин*)

² Если «строгие гимны» авторская оценка стилистики ранних стихотворений, то приходится заявить, что отнесение ее к произведениям, собранным в первой поэтической книге Иванова «Кормчие звезды», совершенно не очевидно и не находит себе поддержки во всем корпусе критики ивановского текста. То, что поэт учеников Музы называет во множественном числе («учила нас») заставляет думать, что речь идет об уроках понимания латинской поэзии (прежде всего, вероятно, Горация, бывшего предметом специальных исследований Гревса). Однако в раннем стихотворном послании «Laeta», написанном именно в Риме в 1892 г. и именно римскую жизнь Иванова описывающем, мы находим строки, позволяющие-таки услышать в разбираемой строке автохарактеристику:

Все песнопевцам от Муз: и наставничий жезл, и, с цевницей,
Строгий учительный стих медная мысли скрижалъ.

(*Кормчие звезды, Гнама*)

Во втором стихотворении этого цикла Иванов отчетливо говорит о двух Музах, покровительствующих ему, одна историк, другая — поэт; свой рассказ о восторженных странствиях по древнему Риму поэт заключает словами:

Так я живу, и вседневный мой труд блуждать и дивиться,
И, дивясь, блуждать — пир моих сплетшихся Муз:
В гробы стучится одна; красотой облекает другая,
Тлсняя сорвавши покров, жизнью восставшую жизнь...

(*Кормчие звезды, Laeta, II*)

Гревс любил эти римские стихотворения и несомненно должен был уловить отсыл к ним в позднем сонете:

Итальянские мотивы встречаются во всех сборниках его <Вяч. Иванова. Изд.> стихов и среди них есть великолепные вещи. Но особенно характерно выражено отношение поэта к Риму в его посланиях оттуда, носящих название Laeta — песни радости (см. в сборнике «Кормчие Звезды», стр. 244 сл.):

Рим всех богов жилищем клянусь! — мне по сердцу обитель:
Цели достигнув святой, здесь я, паломник, блажен.
Здесь мне сладок ночлег; но сладостней здесь пробужденье:
Жажду жить, созерцать, и познавать, и творить.

Помню, как они слагались во время совместного, дружеского нашего пребывания в Риме в 1891—92 году.

(Гревс И. М. Тургенев и Италия. С. 85—86.) — 1891 г. ошибка памяти. Гревс и Иванов впервые совместно жили в Риме в 1892 г. Сама по себе ивановская цитата в 1925 г., в «ночи советской», по слову Мандельштама, звучала пронзительным признанием.

Тула манит мечта, путеводима
Тоской седин по давнем и взаимном,
Где Память зыблет сад наш кипарисный.

(*Cor ardens. 2. Campus aratra vocat Fatalia fert iuga virtus. II*)

Приведенное стихотворение для нас ценно прежде всего тем, что свидетельствует о тоне отношений между Ивановым и Гревсом в то время, от которого иными документами мы практически не располагаем. По всей видимости, этот сонет, второй из двух, посвященных Гревсу в книге «*Cor ardens*», — отклик на смерть дочери Ивана Михайловича Шуры в 1910 г. (отсюда «Весь в розах челн детей. Но что плачевней. | Чем стариков налутственные свечи?» и т. п. детали)¹. В значении общей судьбы Иванов упоминает и о своей утрате, потере Лидии Дмитриевны, что позволяет поэту говорить «мы» (ср. подобное утешительное разделение горя в письме Иванова к Гревсу по смерти матери — п. 62). Точкой сплетения судеб, обращения к которой ждет «тоска седин», оказывается римское лето 1892 г., когда Гревс стал для Иванова «брат-привратник Рима» (что речь идет о нем, показывает более поздний по отношению к сонету текст, в котором рассказывается, как именно Гревс «властно указал»² Иванову ехать в Рим). С этим сонетом, а значит, и с образом Гревса, связано одно из самых знаменитых стихотворений Иванова — первый из «Римских сонетов», с его обращением к вечному городу:

...Ты, царь путей, глядишь, как мы горим.

И ты пылал и восставал из пепла,
И памятливая голубизна
Твоих небес глубоких не ослепла.

И помнит в ласке золотого сна,
Твой вратарь кипарис, как Троя крепла,
Когда лежала Троя сожжена.

(*СС III. 578*)

Римский «вратарь кипарис» поглощает Гревса — «брата-привратника», но это в высшей степени закономерно — сообразно с тем, что и личные судьбы неразличимы в пламени, пожирающем всю отчизну. Другим не суждено было вновь встретиться «под сенью смуглолистной», Иванов один приветствовал, «как свод родного дома», древние римские арки. Но горький привет Гревса был с ним: «Счастливы за тебя, писал он Иванову 13 августа 1924 г., узнав, что тот едет в Италию, и заранее представляю себе, как много ты опять от нее получишь в форме воспоминаний, новых восприятий и вдохновений. От всей души желаю тебе хорошего там пребывания. Передай от меня привет почитания и благодарности Риму, Флоренции, всей чудной стране, которой мне, вероятно, не суждено больше увидеть и которая так много дала духу самого лучшего и высокого» (п. 84).

Те же мысли, высказанные публично, в предисловии к книге, как раз в тот момент, когда Гревс прощался с Ивановым и Италией³, должны были произве-

¹ Стихотворение впервые опубликовано в петербургском журнале «*Gaudeamus*» (1911. 10 февр.). Первое стихотворение этого маленького цикла («Пройдет пора, когда понурый дожд...») написано, как можно предположить, к юбилею преподавательской деятельности Гревса, отмечавшемуся в 1909 г. О речи Иванова на своем юбилее Гревс вспоминал в 1918 г. (п. 80 и примеч. 12 к нему). См. также: К двадцатипятилетию учено-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса (1884—1909): Сборник статей его учеников. СПб., 1911 — этот юбилейный сборник вышел с двухлетним опозданием (Там же. С. V).

² Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 19.

³ В автобиографическом наброске, подводя итог своим поездкам в Италию (последняя. 13-я, состоявшаяся в 1912 г.), Гревс писал: «Неужели этим кончится? Хотелось бы еще разок! (лай-то

сти на современников впечатление, вероятно, совершенной неуместности бес- сильного утверждения истины, донкихотства, интеллигентского прекуснодуш- ния если не вызова. И тем не менее, Гревс писал:

В нашей интеллигенции, несомненно, издавна и прочно живет *итальянская мечта*. Прежде, ко- гда за границу ездили только богатые и знатные, их караваны, еще в каретах, на лошадах непременно направлялись в Италию. Представители русской аристократии устраивались там надолго, приобрета- ли собственность, строили дома и виллы, завоевывали популярность благотворительностью или ме- ценатством, собирали коллекции предметов искусства. <...> Позже стали засиживаться там, а иногда оставались навсегда и итальянизировались художники. <...> Многим нашим ученым страна также открывала свои сокровища в библиотеках, архивах и памятниках прошлого. <...> Тяга к Италии от- ражалась до последнего времени в нашей науке и литературе на выборе тем для обработки, на вкусах и стиле. В нашем учащемся юношестве, не только в студентах гуманитарных факультетов, я это знаю по собственному профессорскому опыту, и теперь сильно тяготение к Италии¹

Далее в этой книге прямо упоминается Иванов, только что выбравшийся в Рим, Гревс шлет почтительный поклон духовно близкому другу:

Чувство благоговения к Риму и сознание, после состоявшегося знакомства, образовавшей- ся нерасторжимой духовной связи с ним сохраняется в нас и теперь, — в этом солидарны у нас ученые, художники и поэты. Так творчество самого разносторонне образованного и глубоко сросшегося с наукою из ныне живущих наших поэтов, Вячеслава Иванова, всецело проникнуто влиянием Италии, больше всего — Рима; это даже сообщает его произведениям особую печать²

Италия и, прежде всего, Рим в жизни, в судьбе, в творчестве наших героев — не просто факт биографии. «Любовь к Италии показывает высоты просвещения. По тому, как любят Ит<алию> и что в ней любят, можно судить о характере эпо- хи. <...> Италия классицизм. Она открывает объятия, чтобы увлечь в дре- вность»³, писал Иванов, которого, как и Гревса, впервые в Италию привела наука об античности, в которой они, получив классическое образование, делали первые самостоятельные шаги, работая над диссертациями по древнеримской истории.

II

Рубеж XIX—XX вв. в истории науки о классической древности по праву счита- ется временем наивысшего ее расцвета: «Для последующих поколений антиковед- дов достигнутый тогда уровень навсегда остался своего рода нормой, высшим эталоном, а созданные тогда труды приобрели славу поистине классических»⁴. В особенности велики были свершения немецкой науки⁵, но подъем был замечен и в других европейских странах⁶, в том числе и в России, где укоренившаяся сис- тема классического образования (гимназии — университеты) со всей необходи- мой инфраструктурой обеспечивала и питала существование полнокровной проф- фессиональной среды, из которой вышел целый ряд крупных ученых, внесших весомый вклад в изучение античной истории и классической филологии⁷

Бог! Но глубоко благодарен и за прошлое: в Италии протекали одни из лучших дней моей жи- зни» (Путешествия мои в Италию. Л. 41).

¹ Гревс И. М. Тургенев и Италия. С. 19—20.

² Там же. С. 85; важное авторское замечание к этому пассажи см. выше: С. 296, примеч. 2.

³ Иванов Вяч. <Италия и Россия> // РГБ. Ф. 109. К. 5. Ед. хр. 32.

⁴ Фролов Э. Д. Русская наука... С. 216.

⁵ Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. S. 6; Nicolet C. Rome et les conceptions de l'État en France et en Allemagne au XIXe siècle // Nicolet C. Histoire, nation, république. Paris, 2000. P. 289.

⁶ См., например, сборник докладов конференции 1986 г. в Тренто: L'Antichità nell'Ottocento in Italia e Germania. Die Antike im 19. Jahrhundert in Italien und Deutschland / A cura di Karl Christ, Arnaldo Momigliano. Bologna; Berlin, 1988.

⁷ Наследие русской науки об античности не только продолжает питать научную и — шире — гуманитарную мысль (о чем свидетельствуют многочисленные переиздания в массовых сериях сочинений В. В. Латышева, Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, Р. Ю. Виплера и др.), но и все более становится предметом специальных исследований, причем в последнее время центр тя-

В России существование собственной науки об античности стало фактом к середине XIX в., когда обозначился коренной перелом в университетском преподавании классической филологии и всеобщей истории, связанный с приходом на соответствующие кафедры русских профессоров (Д. Л. Крюкова, М. С. Куторги, Н. М. Благовещенского и других), получивших образование за границей и впитавших там веяния нового критического направления, зародившегося в Германии и воплощенного в работах Ф.-А. Вольфа, Б.-Г. Нибур, А. Бёка¹. Борьба историко-антикварного и грамматико-критического направления в немецкой классической филологии, вылившаяся в знаменитую многолетнюю полемику между А. Бёком и Г. Германом, оказала влияние на молодых русских ученых, а через них и на отечественную науку об античности².

Обновлению самих основ науки о древности и формированию истории античности как самостоятельной дисциплины в XIX в.³ способствовало и бурное развитие археологических изысканий и эпиграфических штудий⁴. Колоссальным достижением стало строго научное издание монументальных сводов надписей греческих, с 1825 г., под руководством А. Бёка и латинских, с 1863 г., под руководством Т. Моммзена. В России зачинателями нового, историко-филологического направления выступили представители следующего после Куторги поколения Ф. Ф. Соколов, И. В. Цветаев, И. В. Помяловский и П. В. Никитин⁵.

С 1860-х гг. в связи с изменениями в общественной жизни, особенно после принятия в 1863 г. нового университетского устава, дававшего высшим учебным заведениям самоуправление, начался наиболее плодотворный период в развитии антиковедения в России. Все больше молодых историков и филологов по выходе из родного университета отправлялись на два—три года за границу, в Европу и прежде всего — Германию, в командировки для приготовления к профессорскому званию, и благодаря этому получали основательную подготовку в европейских научных школах. Завязывавшиеся во время таких поездок связи с коллегами как старшими по возрасту и опыту, так и с ровесниками не прерывались и после возвращения на родину, что способствовало интеграции российского антиковедения в европейскую науку и выходу его на международный уровень⁶.

Публикуемые в настоящем томе материалы прежде всего переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова, охватывающая более 30 лет, с 1892 по 1924 г., —

жести явно перемещается в сторону изучения персоналий, что, несомненно, связано с введением в оборот значительного объема источников из личных архивов.

Прежде всего это относится к фигуре М. И. Ростовцева; см.: Скифский роман / Под общей ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997; *Rostovtzeff e l'Italia* / A cura di Arnaldo Marcone. Perugia, 1999; Парфянский выстрел / Под общей ред. Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко. М., 2003 (здесь упомянуты только обобщающие работы, в значительной степени основанные на новых архивных материалах).

Разнообразные архивные источники, связанные с В. И. Модестовым и рядом его современников, например, И. В. Цветаевым, использованы в кн.: *Летяев В. А. Восприятие римского наследия российской наукой XIX — начала XX в.* Волгоград, 2002.

О С. А. Жебелеве см.: *Тункина И. В., Фролов Э. Д. Историкографические этюды С. А. Жебелева: (Из неизданного научного наследия)* // ВДИ. 1993. № 1—4; Из научного наследия: Записка о приращении ученых степеней С. А. Жебелева / Публ. и примеч. И. В. Тункиной // *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. III. М., 2002. С. 142—194.

¹ *Фролов Э. Д. Русская наука...* С. 149 сл., 173 сл.

² *Летяев В. А. Восприятие римского наследия...* С. 24—26; *Фролов Э. Д. Русская наука...* С. 176.

³ См.: *Nicolet C. Rome et les conceptions...* P. 290 (цит. выше: С. 298, примеч. 5), где в этой связи говорится прямо об «эпистемологическом сдвиге» (*mutation épistémologique*).

⁴ «Изучение надписей по необходимости потребовало комплексного подхода, применения одновременно приемов и методов филологической и исторической интерпретации. Именно эпиграфика сделала возможным жизненно необходимое для науки о классической древности взаимопроникновение истории и филологии, доставив историкам недостающий им строго фактический документальный материал, а филологам повод соединить формальный анализ текста с его реальным истолкованием» (*Фролов Э. Д. Русская наука...* С. 177).

⁵ Там же. С. 178.

⁶ *Летяев В. А. Восприятие римского наследия...* С. 28—31.

непосредственным образом связаны с судьбами русской науки об античности (хотя их значение далеко выходит за рамки данной темы).

Когда Иванов и Гревс встретились впервые в 1891 г в Национальной библиотеке в Париже, основой зародившейся между ними многолетней дружбы стала не только душевная близость, но и сходство жизненных ситуаций: оба усердно работали над диссертациями, причем тот и другой — по истории древнего Рима. Путь, приведший каждого из них в парижские книгохранилища, был своеобразен, но в чем-то и схож — главным образом тем, что отличался от обычной карьеры начинающего русского ученого. Иванову было 25 лет, Гревсу — 31 год, однако оба уже успели «отклониться» от *cursus*, предполагавшего командировку за границу для работы над магистерской диссертацией, как правило, сразу по окончании университета в России — после сдачи магистерских экзаменов. Да и впоследствии ни одному, ни другому не дано было завершить работу над диссертацией так быстро и гладко, как они предполагали при первой встрече: Гревс защитил свою только в 1900 г.¹, защита Иванова-историка так и не состоялась, сама работа была напечатана много лет спустя, в 1910 г.², а еще позже, в 1921 г в Баку, он стал доктором классической филологии, представив к защите главы из своей работы на совершенно другую тему — о древнегреческой религии (см. п. 83)³

Общее видится и в том, что диссертация по римской истории для обоих оказалась, хотя и важным, но лишь эпизодом в долгой жизни, наполненной совсем иными занятиями, интересами и устремлениями: один вошел в историю русской культуры прежде всего как поэт и мыслитель, другой остался в памяти многочисленных учеников профессором — медиевистом и историком культуры.

Однако в годы, когда между нашими героями велась наиболее оживленная переписка (1892—1898), центральное место в ней занимали именно проблемы, связанные с диссертациями по истории древнего Рима. Внимательное прочтение этих писем (вместе с дополняющими их материалами, часть которых приводится в комментариях к письмам и в примечаниях к настоящему очерку) в перспективе жизненного пути и Гревса, и Иванова дает много новых свидетельств о судьбах антиковедения в России и Европе, формах бытования и накопления научного знания, особенностях профессиональной среды филологов и историков в те времена, когда классическая образованность и культура еще не стали окончательно делом узкого круга специалистов, когда изучение античности продолжало служить основой любого гуманитарного образования, и свою, порой весьма значительную, дань ему отдавали многие деятели науки и культуры.

Иван Михайлович Гревс родился 4/16 мая 1860 г в имении своего отца близ села Лутовинова Воронежской губернии в семье, родоначальником которой считался шотландец, поступивший на русскую службу еще при Петре I. Двенадцать первых лет жизни⁴ прошли безвыездно в родительской усадьбе, на деревенском раздолье, в обстановке, типичной для быта либеральной помещичьей семьи — в «запойном» чтении книг и прогрессивных журналов, в занятиях с не слишком талантливыми (но порой весьма революционно настроенными) учителями-студентами, в неизменной праздности, сочетавшейся с уважением к крестьянскому труду. В эти годы началось и знакомство с древностью и средневековьем, чтение исторических книг, главным образом французских⁵. В 1872 г мать повезла детей

¹ Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 237; Каганович Б. С. Вокруг «Очерков»... С. 203.

² Иванов И. De societatis vectigalium publicorum populi Romani. Petropoli, 1910 [rist. Roma, 1971]. Подробнее см. Скифский роман. С. 249—251. Также см. ниже: Переписка... IV С. 366.

³ Иванова Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку, 1923.

⁴ Воспоминания Гревса об этих годах недавно опубликованы; см.: Человек с открытым сердцем. С. 8—56.

⁵ Ср. в воспоминаниях Гревса:

И с историей древнего мира я стал знакомиться тут же. Мне помнится, уже тогда я читал русский перевод «Очерков из истории и народных сказаний» Грубе, принесший мне

в Петербург, где они готовились к экзаменам, и в 1873 г. Иван Гревс поступил в III класс классической гимназии (это была Ларинская мужская гимназия на Васильевском острове). Там он почувствовал прежде всего «мрачную и холодную атмосферу тяжелой учебной действительности, окружавшей обыкновенно детей в рассадниках классического просвещения того времени¹. На этом безотрадном фоне особенно ярко выделялась фигура учителя русского языка и словесности В. П. Острогорского², оказавшего огромное воздействие на юного Гревса, привившего ему широкий интерес к гуманитарным наукам вообще и поощрявшего

удовольствие, и «Одиссея» в переводе Жуковского не осталась мне чужда; последний открыл мне мир гомеровских поэм, ввел в античную Грецию. А затем я много читал исторических книг по-французски. Учиться по-французски я начал с четырехлетнего возраста и отлично помню себя говорящим на этом языке тогда же совсем свободно, а французские книги читающим наравне с русскими. У нас была вся коллекция исторических учебников — рассказы для детей. <...> Французское средневековье с замковыми нравами, рыцарством, трубадурами, святыми, монахами, паломничеством, крестовыми походами, инквизицией, затем религиозной войной и т. д. были мне знакомы уже в лутовинский период, а также и революция и Наполеон. Но и Италия тогда начинала уже привлекать меня.

(Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 20.) Далее Гревс упоминает о своей любви к урокам истории, о начале знакомства с латинским языком, об укрепившемся под впечатлением франко-прусской войны «французофильстве», ставшем с тех пор одной из ступеней его души (Там же. С. 20—21).

¹ Цит. по: *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 225. Ср., однако, в воспоминаниях Гревса:

Я уже в первый год был очень увлечен в курсе древней истории изучением Иллиды и Одиссеи с иллюстрациями из истории греческой религии и пластических искусств. Учитель, В. Н. Белозеров, был средних способностей, но сам интересовался делом, и у меня развился вкус к наглядной бытовой античности, уже в детстве возбужденный Жуковским: получалось нечто вроде картины жизни древних греков, и это доставляло большое удовольствие. И мифические образы богов, и исторически достоверно жившие деятели (особенно афинские), отчасти даже поэты приобретали плоть и кровь, вызывали определенные чувства. <...>

В гимназии я учился в очень тяжелое время господства классицизма графа Дмитрия Толстого, но, по правде сказать, я все же вынес из курса средней школы не мало важного как по истории, которую очень любил, прибавлю — по математике и физике, еще латинскому языку, по которому были хорошие преподаватели, вообще по курсу, так как я относился к нему всегда добросовестно и систематически углубленно, превышая минимум требований.

(Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 57—58). Впрочем, в бытность гимназистом Гревс, хотя сам и учился прилежно, вполне разделял широко распространенное недовольство «классицизмом»; ср., например, в его письме к двоюродной сестре Н. Д. Бекарюковой от 15—16 сентября 1878 г.:

За последнее время меня все более занимает статистика русского классического образования. Знаешь, до какого ужасного результата дошел я сегодня при помощи простых арифметических выкладок. Смотри сама. Я считаю 35 учебных недель в году (это очень умеренный счет). В восьми классах гимназии, если считать по 6 уроков круглым числом в неделю, за вычетом лет на латинский язык тратится 1680, да, если к этому прибавить на каждый урок по часу для приготовления, получится 3360 часов. На греческий язык пойдет 1260, да еще 1260, всего 2520 часов. Всего вместе с латинским получается 5880 часов, округлим — 5900 часов. Это составляет около 9 месяцев. Если считать в среднем жизнь человека в 30 лет, то на изучение древних языков тратится 1/40 целой жизни человека. Таким образом, время 40 гимназистов, потраченное на древние языки, равно одной простой человеческой жизни. Ну, скажи, неужели это не ужасно? Не жестоко? Неужели это не медленная смертная казнь? Сколько тысяч людей, людей мыслящих и талантливых, должны нести эту страшную, каторжную работу, сколько времени и сил должны они потратить для того, чтобы выйти на дорогу, которую они единственно признают за истинную и благотворную. Сколько прекрасных результатов могло принести это же самое классическое образование, применяемое только разумно и последовательно. Ну, лучше пока замолчать об этом, а то все нехорошие мысли, одна другой мрачнее, приходят в голову и не дают покоя.

(Там же. С. 73.) Гревс. «звезда Ларинской гимназии» (по словам его педагогов), выпускные экзамены по древним языкам сдал блистательно (Там же. С. 84—85).

² Ср. *Гревс И. М.* Виктор Петрович Острогорский, как учитель: набросок воспоминаний ученика. СПб., 1902; перелеч. Человек с открытым сердцем. С. 88—96. В 1912 г. к десятилетию смерти учителя Гревс опубликовал статью «Памяти В. П. Острогорского», продолжал собирать материалы о нем и в последующие годы (ПФА. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 37 14 л.).

упление своего лучшего ученика историей, прежде всего периодом французской революции. Впрочем, еще в гимназии Гревс соприкоснулся и с темой, ставшей центральной в его будущей судьбе ученого-историка:

С пятого класса в приобретении чутя и оживлении прошлого продвинул меня курс Белозорова по средней истории. Он проведен был учителем с большой тщательностью, и впервые мной пройден был период разложения Римской империи, как введение к средним векам. Желаящими из интересующихся учеников проштудированы были статьи об этой эпохе, сгруппированные в исторической хрестоматии М. М. Стасюлевичем, рекомендовались очерки Грановского, Кудрявцева и Ешевского. Я по предложению преподавателя написал особое сочинение о причинах «падения империи». Это было первое соприкосновение с вопросом и проблемой, которая в будущем стала моим одним из главных предметов поисковой работы (до самой настоящей минуты, когда я пишу эти строки в 1941 г. по достижении своего восьмидесятилетия). Это какое-то замечательное совпадение или раннее прохождение одного из существенных сюжетов моего Главного Труда.

В том же пятом классе меня заинтересовало в курсе истории средневековые вообще, в своеобразии внутренних явлений его жизни. То была, вероятно, реминисценция детских французских книг, посвященных рыцарству, дивным народным преданиям, замковой жизни, трубадурам, романов Вальтера Скотта и т.д. Это был, несомненно, выбор одного из любимых отделов истории. Я часто думал, что случайно стал медиевистом, потому что встретился в университете с первокурсным профессором В. Г. Васильевским. Теперь вижу, что меня влекло к нему раньше, в период зарождения вкуса к средневековой культуре¹.

Дальнейший путь самым естественным образом вел Гревса на историко-филологический факультет университета.

Пореформенное время в России было периодом серьезных перемен в системе высшей школы, связанных с модернизацией экономики и общества². Росло общее число студентов³ (хотя процесс этот знал свои приливы и отливы)⁴. Наряду с университетами⁵ появлялись другие высшие учебные заведения, как государственные, так и частные, в том числе и открытые для женщин⁶. Не оставались неизменными и сами университеты — наиболее традиционная форма высшего образования.

Структура российского университета с начала XIX в. до 1917 г. слагалась из четырех факультетов: физико-математического (с естественным и математическим отделениями), историко-филологического (с историческим и словесным отделениями),

¹ Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 58–59.

² См.: Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. Об изучении системы высшего образования в разных странах в сравнительно-исторической перспективе см.: Ringer F. K. Education and Society in Modern Europe. Bloomington: London, 1979; The Transformation of Higher Learning 1860–1930: Expansion, Diversification, Social Opening and Professionalization in England, Germany, Russia and the United States / Hrsg. von Konrad H. Jarausch. Stuttgart, 1983; Karady V. L'expansion universitaire et l'évolution des inégalités devant la carrière d'enseignant au début de la IIIe République // Revue française de Sociologie. XIV 1973. P. 443–470; Idem. Recherches sur la morphologie du corps universitaire littéraire sous la Troisième République // Le mouvement social. 96. 1976. P. 47–79; Johnson W. Russia's Educational Heritage. New York, 1969.

³ С 1865 по 1914 г. доля студентов в общей численности населения возросла в семь раз (The Transformation of Russian Society: Aspects of social change since 1861 / Ed. by Cyril E. Black. Cambridge (Mass.), 1960. P. 344).

⁴ Например, в Петербургском университете в январе 1869 г. насчитывалось 1148 студентов и сторонних слушателей, в 1886 г. — 2627 в 1888 г. — только 1698, потом это число стало снова расти, составив к началу 1893 г. 2306 студентов и 50 сторонних слушателей, а через год — 2675 (Годичный акт Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1894 г. / Сост. Ф. Ф. Зелинский. С. 13–14). В этом же университете в 1897/98 учебном году было 3700 студентов, в 1907/08 9630, в 1913/14 — 7442, в 1917 — 6904 (Иванов А. Е. Ук. соч. С. 23).

⁵ К концу XIX в. в России было 9 университетов: Петербургский, Московский, Харьковский, Казанский, Киевский, Новороссийский (в Одессе), Томский, Юрьевский (Дерптский) и Варшавский, к которым добавились Саратовский (1909) и Пермский (1916). См.: Иванов А. Е. Ук. соч. С. 23.

⁶ В 1917 г. насчитывалось свыше 120 вузов: 65 государственных, 59 общественных и частных (Там же. С. 3). Постоянные Высшие женские курсы с тремя отделениями словесно-историческим, физико-математическим (естественным) и специально математическим (Бестужевские) были открыты в Петербурге 20 сентября 1878 г. (см.: Санкт-Петербургские Высшие... С. 8). Первые такие курсы открылись в Москве в 1872 г. (Матросов В. Л. Владимир Иванович Герье: человек, ученый, педагог и общественный деятель // Герье В. И. История римского народа. М., 2002. С. 14).

юридического и медицинского¹. Историко-филологические факультеты не были самими многолюдными², но неизменно сохраняли привилегированное положение: чтобы убедиться в этом, достаточно взять в руки любой выпуск «Обозрения преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете», издававшегося на каждый семестр: оно открывалось именно перечислением предметов, преподаваемых на историко-филологическом факультете, представленных в таком порядке: философия, классическая филология, санскрит и сравнительная грамматика, русский язык и словесность, славянская филология, всеобщая история, русская история, история церкви, теория и история искусства, романо-германская филология (новые языки)³.

Когда осенью 1879 г. Иван Гревс стал студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, там преподавали известные ученые: русскую историю читал К. Н. Бестужев-Рюмин, всеобщую — Ф. Ф. Соколов (древний мир), В. Г. Васильевский (средние века) и В. В. Бауэр (новое время), филологические дисциплины вели И. И. Срезневский, О. Ф. Миллер и А. Н. Веселовский. Гревс не сразу сумел выбрать область непосредственного исторического изучения, и весь первый курс прошел в колебаниях и сомнениях. В 1923 г. он вспоминал:

Как часто «случайности» (по крайней мере, видимо) определяют в [жизни] судьба человека оч. <ень> важные факты и явления, целые основные линии в его жизни. Употребляю это слово не в нарушении идеи связи между элементами явл. <ений> бытия или событиями жизни, но в смысле «индивидуальности» объяснения, то есть индивидуальности причинных [связей] комбинаций в процессе сложения жизни отдельных людей. — Так и про себя могу сказать, во-первых, что я стал *средневековым историком* только потому, что *В. Г. Васильевский*, единств. <ений> из профессоров сумел оказать на меня — не преднамеренно, а в силу своего выдающегося таланта — глубокое научное влияние. По господствующему направлению своих интересов а всего более склонен был в студенчестве к новой истории (благодаря «революционности» общего направления своих симпатий); но он победил своею ученою фигурою. Помню, что первые лекции его не понравились мне, когда я был на [втором] первом курсе и слушал его добровольно (все оставались старые предрассудки, да и читал он тяжело); сильно разочарованный в преподавании на нашем ист<орико>-фил.<ологическом> фак.<ульете> я стремился перебраться в Москву⁴; но тогда В. И. Семевский⁵, ... который импонировал мне своею радикальною идейностью, посоветовал мне воспользоваться руководством Васильевского и Веселовского. Тогда я привязался (да и ум стал мало-помалу развешиваться в сторону науки) и скоро оказался приятным, увлеченным средневековым и стал учеником Васильевского (мож.<ет> быть, не из самых худших) и выработался в медиэвиста⁶.

¹ См., *Иванов А. Е.* Ук. соч. С. 24. Исключение составляли восточный факультет Петербургского и богословский (пасторов евангелическо-лютеранского исповедания) Юрьевского университета. В отдельных университетах структура могла быть неполной: в Петербурге, где была Военно-медицинская академия, в составе университета отсутствовал медицинский факультет.

² См., например, цифры, приведенные Ф. Ф. Зелинским в Годичном акте 1894 г. (С. 14), когда отмечался юбилей основания Петербургского университета: распределение студентов по факультетам на 1 января 1894 г. было следующим: на историко-филологическом обучалось 175 студентов (6,64%), на физико-математическом — 1039 (39,45%), на юридическом 1335 (50,68%), на факультете восточных языков 85 (3,23%).

³ См., например: *Обозрение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на весеннее полугодие 1890 года.* СПб., 1890.

⁴ Ср. в письме Гревса к Н. Д. Бекарюковой от 29 октября / 10 ноября 1879 г.: «Лекции посещаю не совсем аккуратно, потому что есть такие, которые нет сил человеческих слушать, несмотря на самое искреннее желание. Посещение их может с ума свести в собственном смысле этого слова. <...> Я мечтаю о Московском университете, филологическом факультете. Там читает такой благородный, живой, светлый преподаватель, как Модестов» (цит. по: *Человек с открытым сердцем.* С. 124). В этом и других письмах, опубликованных О. Б. Вахромеевой, Гревс дает своим университетским преподавателям, например, Ф. Ф. Соколову, резкие, юношески максималистские характеристики.

⁵ Василий Иванович *Семевский* (1848/49–1916) — историк народнической ориентации; магистерскую диссертацию написал на тему «Крестьяне при Екатерине II» (1881). В декабре 1882 г. начал в Санкт-Петербургском университете чтение лекций по русской истории в качестве приват-доцента, возбуждая в молодежи стремление к серьезному изучению судеб русского народа и социально-экономических условий его жизни. В 1886 г. прекратил чтение лекций по не зависевшим от него обстоятельствам. В 1889 г. защитил в Московском университете диссертацию на степень доктора русской истории под заглавием: «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века».

⁶ *Гревс И. М.* К истории моей научной жизни. Л. 35: *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 227 (где этот текст приводится с незначительными сокращениями).

Итак, главным наставником Гревса в университете стал основоположник петербургской школы византистики Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899). Сам он по образованию был классиком, получил образование в Главном педагогическом институте в Петербурге, а затем, готовясь к профессуре, два года учился в Германии, в том числе и у Т. Моммзена (два семестра в 1862–1863 гг.)¹ В Петербургском университете он вел общие курсы и семинарии по истории западноевропейского средневековья. Не будучи блестящим лектором, он умел сделать свое преподавание очень содержательным и прививать студентам навыки научной работы: для Гревса первым опытом стала запись лекций Васильевского на втором курсе под руководством самого профессора, затем последовали специальные курсы. Посвящая в 1899 г. специальный очерк памяти Васильевского, Гревс величал его «учителем науки»²

Кто были мои учителя?

Говорю об учителях науки? Конечно, первым и основным учителем был для меня в Университете и после Университета *В.Г. Васильевский*. Вернее всего должен сказать, что в Университете больше никто не произвел на меня внушительного действия (но оч. <ень> помог мне в перв. <ой> диссертации (медальной) и дальше *П.Г. Виноградов*)³

Как это нередко бывало, выпускное сочинение в университете будущие медиевисты писали по теме, более или менее близко связанной с римской античностью. К тому же из всех курсов, прослушанных у Васильевского, особенно памятен Гревсу был тот, что обнимал переходный период от античности к средним векам. В студенческие годы началось и глубокое увлечение Фюстель де Куланжем⁴ Все это повлияло на выбор темы первого самостоятельного исследования (по предложению Васильев-

¹ См. содержательную статью: *Курбатов Г.Л.* Из истории научных связей русской византистики: В.Г. Васильевский в Германии // ВВ. 31. 1971. С. 79–83.

² *Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский, как учитель науки // ЖМНП. 1899. Август. С. 27–74 (очерк тогда же вышел отдельной брошюрой; перепеч. Человек с открытым сердцем. С. 98–121). В фонде Гревса хранится и рукопись монографии «Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик: Опыт биографии (1838–1899)» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 103–385 об.). См. также примеч. 1 к п. 25.

³ *Гревс И.М.* К моему научному учению. Л. 38а. П.Г. Виноградов исследовал становление и развитие феодализма, главным образом в сфере земельных отношений, на материале разных европейских стран. Посвятив магистерскую диссертацию лангобардской Италии, в рассматриваемое нами время он приступил к изучению средневековой Англии. Большое значение он придавал праву и юридическим источникам (позднее он стал одним из зачинателей исследования средневекового права и сравнительного правоведения).

Среди тем, которыми он занимался, был и римский колонат. В 1881/1882 учебном году в семинарии Виноградова проводился «разбор, очень строгий, первого тома Фюстель-де-Куланжа, посвященного концу Римской империи» (*Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 112). Много позже, когда Гревс выпускал в свет русский перевод «Римского колоната», в предисловии его Фюстель де Куланж оказался мысленно сопряжен с Виноградовым (*Гревс И.М.* Предисловие / *Фюстель де Куланж.* Римский колонат. СПб., 1908. С. VI).

Гревс познакомился с Виноградовым в марте 1883 г., во время первой своей поездки в Москву, одной из целей которой и было посоветоваться с молодым университетским профессором относительно работы над «медальным сочинением» (подробнее см.: *Человек с открытым сердцем.* С. 140–142).

⁴ *Нума Дени Фюстель де Куланж* (*Numa Denys Fustel de Coulanges*; 1830–1889) знаменитый французский историк. Его всегда высоко ставил В.Г. Васильевский, превосходно знакомивший своих учеников с его сочинениями, влияние которых на Гревса оказалось решающим. «Под этим влиянием созрели главные основы научного мирозерцания Гревса: вера в творческую, определяющую роль сознания в глубине даже так называемого стихийного процесса истории и в непрерывную могучую жизненность культурной римской традиции» (*Добиаш-Рождественская О.А.* Гревс Иван Михайлович // *Новый энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 14. СПб., 1911. Стлб. 776). Перу Гревса принадлежит основательная статья о Фюстель де Куланже (*Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 36. Полум 72. СПб., 1902. Стлб. 936–944). Под его редакцией и с его предисловиями вышли тома русского перевода главного труда французского историка (*Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции: В 6 т. СПб., Пг., 1901–1916). См. также предыдущее примеч.

ского), которое принесло автору успех: сочинение Гревса «Римско-византийское государство в VI в. по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров» было удостоено золотой медали (в феврале 1884 г.).

Окончив курс университета в 1883 г., Иван Михайлович весной следующего года был оставлен при университете «для приготовления к профессуре по кафедре всеобщей истории», где и оставался «сначала без стипендии, потом со стипендиею около трех лет»¹. Тем самым вполне определился жизненный путь: предполагалось, что со временем Гревс станет профессором всеобщей истории, как Васильевский (учитель уже и сам видел в нем своего преемника)². Однако дело затянулось: магистерские экзамены были сданы только в 1888—1889 гг., в ноябре 1889 г. Гревс был утвержден приват-доцентом Петербургского университета, и на весенний семестр 1890 г. был объявлен его первый университетский курс «История государства и общества в период падения Римской империи»³.

В мае 1890 г. Гревс получил от университета двухлетнюю заграничную командировку во Францию и Италию для написания магистерской диссертации (свою первую поездку за границу, главной целью которой был Париж, он совершил в 1889 г.)⁴. К этому времени за плечами у него уже было несколько лет преподавания в гимназиях («больше и дольше всего в гимназии Л. С. Таганцовой») и других средних учебных заведениях. «Промедлению» немало способствовала и вовлеченность молодого историка в общественную деятельность⁵, отвечавшую потребностям его души⁶.

¹ Гревс И. М. Краткий обзор академического стажа... Л. 20; ср.: Отчет о занятиях всеобщей историей, представленный в Историко-филологический факультет С.-Петербургского университета кандидатом Иваном Гревсом (за 1885—1887 гг.) / ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 70 (127 л.).

² Ср.: «В. Г. Васильевский, наметивший Гревса своим преемником по кафедре, торопил его со сдачей магистерских экзаменов и защитой диссертации. Выходец из захолустного провинциального духовенства, прошедший старозаветную бурсу и всем обязанный самому себе, в зрелые годы очень осторожный и довольно консервативный человек, Васильевский с нежностью относился к Гревсу с его услабленным воспитанием, уходом то в революцию, то в либеральную общественную инициативу», гуманистической патетикой, мягкостью и нерешительностью» (Каганович Б. С. Вокруг «Очерков»... С. 200).

³ См.: Обозрение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на весеннее полугодие 1890 года. СПб., 1890. С. 6: 2 лекции в неделю (по пятницам, с часу до трех). В качестве пособий по курсу Гревс рекомендовал студентам: «Duruy. Histoire des Romains, tomes VI et VII. H. Schiller. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Bd. II». Также предусматривался совещательный час — в пятницу, с трех до четырех, в университете. «Курс этого полугодия в университете не удалось провести как следует, начались студенческие беспорядки и половина (почти) лекций пропала. Но положено было основание университетскому преподаванию» (Гревс И. М. Моя первая вступительная лекция. Л. 39 об.).

⁴ Гревс И. М. Мое первое путешествие на Запад (летом 1889-го года) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 9. (52 л.). В Париже, где еще свежа была память о Фюстель де Куланже, его интересы окончательно склонились в сторону романского средневековья (см.: Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 233).

⁵ Гревс И. М. Краткий обзор академического стажа... Л. 20.

⁶ В первые годы студенчества Гревс был членом подпольных народолюбческих кружков, привлекался к дознанию и находился под особым надзором полиции. На последних курсах университета он сблизился с либеральным студенческим кружком (превратившимся впоследствии в «братство»), в который входили братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской и другие (Каганович Б. С. Вокруг «Очерков»... С. 199; Он же. О генезисе идеологии Ольденбургского кружка и Приютина братства // Русская эмиграция до 1917 г. лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 90—103). Воспоминания Гревса о «Студенческом научно-литературном обществе» и о «братстве» перепечатаны: Человек с открытым сердцем. С. 149—173; 175—196.

⁷ Среди автобиографических материалов И. М. Гревса хранятся листки из календаря за 1919 г. с отдельными заметками, характеризующими его личность и убеждения. Под заголовком «Цель жизни» стоят слова «Труд и долг», смысл которых раскрывается соответственно как «научный <труд>», «знание» и «служение другим». Последний принцип развивается так: «С юных лет || Благо народа || Польза его || Свет и свобода || Прежде всего!». Ниже конкретизируется пункт об общественной деятельности: «Вера в прогресс и обязанность в нем участвовать для блага других (всех!)» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26).

Итак, весной 1890 г Гревс отправился в заграничную командировку для написания магистерской диссертации по всеобщей истории. Как показало уже медальное сочинение, его вполне в духе времени больше интересовали не политические учреждения и правовые формы, а проблемы социальной истории¹. Когда после сдачи магистерских экзаменов (1888–1889) предстояло прочесть пробные лекции перед членами факультета, то для лекции «по выбору экзаменуемого» он взял тему о сенаторском классе в Риме².

Таким образом, вполне отчетливо проявился интерес Гревса к изучению социальной истории Римской империи, которой он и собирался посвятить магистерскую диссертацию. «Подчиняясь обычной в юности склонности к широким построениям, я увлеклся сначала намерением написать обширное сочинение, которое рассматривало бы полную историю аристократических классов в римской империи и раскрывало бы их общественную роль, могущественность которой ощущается почти в каждом факте истории римского государства»³. Необходимость ограничить предмет исследования и стремление рассмотреть историю римской аристократии с наименее известной стороны (т.е. с социально-экономической точки зрения) обратили Гревса «к разработке истории крупной земельной собственности в Риме, субъектом которой именно являлась и до конца оставалась знать»⁴. Отправляясь в 1890 г. за границу, молодой ученый собирался заниматься именно этой темой.

Поначалу она ему представлялась, видимо, лишь в самых общих чертах. Рассказывая о своих «научных планах» профессору Паскуале Виллари, с которым он встретился в сентябре 1890 г во Флоренции во время первой своей поездки в Италию, Гревс сообщил, что «главным образом сосредоточивается на изучении поздней римской империи»⁵. А М.Н. Крашенинников, который вместе с Ивановым принимал живейшее участие в судьбе диссертации товарища, писал Гревсу осенью 1892 г., уже после возвращения того в Петербург: «Кстати, насчет Untersuchungen: я только сравнительно недавно узнал от В.<ячеслава> Ивановича, что в своей диссертации Вы трактуете собственно о сенаторах, а не о происхождении колоната. <...> Ваша тема совсем не так трудна, как я полагаю о ней раньше, думая, что Вы трактуете о происхождении колоната. <...> Наконец, на Вашем бы месте я теперь просто напросто прекратил бы поиски и собирание дальнейшего материала» (приложение к п. 6). Очевидно, даже к концу этой двухгодичной командировки Гревс так в точности и не определил тему своей магистерской диссертации и продолжал собирать материал по очень широкому, фактически необъятному кругу вопросов⁶.

Действительно, во время пребывания в Италии (главным образом во Флоренции и Риме) в 1890–1891 гг Гревс изучал архитектуру и живопись, занимался римской топографией и археологией древнейшей Италии⁷. К сожалению, воспоминания самого Ивана Михайловича об этой поездке обрываются⁸ на том самом месте,

¹ Каганович Б.С. Вокруг «Очерков»... С. 199.

² Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 232.

³ Гревс И.М. Очерки... С. XI–XII.

⁴ Там же. С. XIII.

⁵ Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией... С. 286.

⁶ См. отчеты Гревса о занятиях за границей, составленные им в марте и августе 1891 г.. Человск с открытым сердцем. С. 240–249, 251–252.

⁷ Ср. «Помню, несколько лет спустя, старший коллега мой (тоже ученик Васильевского, потом профессор в Киеве) Н.М. Бубнов, при случайном разговоре о моей заграничной командировке, посмеивался надо мною: “Что же это вы в Италии вместо того, чтобы диссертацию писать, занимались этрускскими вазями. Оттого и застряли с своею работою”» (Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией... С. 292).

⁸ До некоторой степени пробел этот помогают заполнить письма Гревса друзьям, которым он рассказывал о своем пребывании в Риме в 1890 г., например, С.Ф. Ольденбург и его жене А.П. Ольденбург: «Иду либо в библиотеку Германского Археологического института», где

где можно было бы ожидать его подробного отчета о занятиях в Риме — а ведь именно там «создавалась идея и план трудов» о римском землевладении! В Париже, где Гревс обосновался в апреле 1891 г.², он не только работал над темой своей диссертации, но и «изучал постановку истор.<ического> препод.<авания>»³ — слушал лекции и посещал семинары медиевистов, антиковедов, археологов⁴. Полученные знания и впечатления нашли отражение в специальной статье⁵. Вероятно, среди занимавших его вопросов оставался и колонат (этим могло объясняться заблуждение Крашенинникова): в примечании к историографическому введению в «Очерках» Гревс, ссылаясь на свою статью на эту тему⁶, добавляет: «В различных университетских городах Франции постоянно выходят "тезы" о колонате (достаточный список таких этюдов включает рукописный систематический каталог большой "salle de travail" парижской Национальной библиотеки)»⁷.

Именно в Национальной библиотеке Гревс и познакомился с приехавшим из Берлина весной 1891 г. Вячеславом Ивановым. Путь, приведший того в Париж, был совсем иным — не из Петербурга, а из Берлина, не из русского университета, а из немецкого.

Вячеслав Иванович Иванов родился 16 (28) февраля 1866 г. в Москве в довольно скромной семье служащего контрольной палаты, в прошлом землемера, рано потерял отца и был воспитан религиозной и консервативно настроенной матерью, внучкой сельского священника, которая «взлелеяла в душе идеал умственного трудолюбия и высокой образованности, который желала видеть непременно осуществленным в своем сыне»⁸. С семи лет его начали обучать иностранным языкам и российской словесности; жизнь сына и матери была наполнена разнообразным чтением. В гимназии (1-й Московской) Иванов был «первым учеником»; он стал со страстью заниматься греческим языком за год до начала его преподавания, а перейдя в четвертый класс, уже давал уроки. О себе 16-летнем он писал: «Во внешней жизни эта эпоха определилась для меня, как начало долгого и сурового труженичества. Я давал так много платных уроков, что имел свободу читать и думать только ночью. Учебными занятиями я мог пренебрегать: учителя тревожили меня единственно для разбора новых текстов а

снужу с 2-х до 4-х, занимаясь римской топографией и археологией, либо иду на Форум или на Палатин или куда в другое место изучать древности наглядно» (ПФА. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 706. Л. 2 об.). Ср. также письмо Гревса к В.И. Вернадскому от 17 февраля / 1 марта 1891 г., которое цитируется в примеч. 4 к п. 2.

¹ Гревс И.М. Очерки... С. XIX. Ср. мемуарную запись: «В командировке подготовлял диссертацию в Женеве, Риме и Париже (сначала она предполагалась — о разв.<итии> сенат.<орско> класса, потом все переходил к зем.<ельной> собственности. Кроме того в Ит.<алии> изучал — палеонтологическую культуру, ист.<орию> средне.<евого> иск.<уства>, христ.<ианские> древности (катакомбы), топографию Рима (древн.<его> и средне.<евого>))» (Гревс И.М. К ходу, содержанию и направлению... Л. 49).

² Дата устанавливается по записи Гревса о его поездках в Италию (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 41): «1890—91 г. ... (от конца августа до начала апреля)».

³ Гревс И.М. К ходу, содержанию и направлению... Л. 49.

⁴ «Мне командировку продолжили, останусь здесь все лето, осень и зиму. Ранней весной будущего года думаю еще съездить в Италию, а летний семестр проведу, может быть, в каком-нибудь германском университете. — Работа подвигается черепашьим шагом; многое интересует и привлекает помимо ее» (И.М. Гревс — К.С. Шварсалону. Париж, 12 июня 1891 г. // РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 12. Л. 1). Месяц спустя, накануне отъезда жены и дочери в Петербург, Гревс в письме от 14 июля 1891 г. сообщал тому же корреспонденту: «О себе писать не хочется, как-то смутно на душе. Как устроюсь после отъезда наших, напишу порядочно. Занятия идут теперь весьма не важно, но на осень и зиму очень рассчитываю погрузиться всецело» (Там же. Л. 4).

⁵ Гревс И.М., Подлин П.Д. Очерки современного исторического преподавания в высших учебных заведениях Парижа // Историческое обозрение / Под ред. Н.И. Кареева. Т. IV СПб., 1892. С. 177—244. См. также примеч. 11 к п. 7.

⁶ Гревс И.М. Новое исследование о колонате / ЖМНП. 1886. Ноябрь. С. 118—165. Декабрь. С. 307—354.

⁷ Он же. Очерки... С. 19 сл., примеч. 3.

⁸ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 8.

livre ouvert или для общих культурно-исторических характеристик..., прошали погрешности в моих латинских и греческих работах за их общий прекрасный стиль и чувство языка и признавали мои русские "сочинения"... образцовыми¹ Так формировалось разночинское трудолюбие, позволившее проявить способности к языкам² Тогда же, в последних классах гимназии, Иванов стал ощущать себя крайним атеистом и революционером, в ночные часы поглощал «груды подпольной литературы»³

По окончании с отличием и золотой медалью⁴ классической гимназии Вячеслав Иванов поступил в 1884 г. на историко-филологический факультет Московского университета.

Как раз в 1884 г., 15 августа, был утвержден университетский устав. Московский университет состоял из обычных четырех факультетов. Историко-филологический факультет разделялся на три отделения: древне-классической филологии, славяно-русской филологии и исторических наук. Имелись следующие кафедры: философия, классическая филология; сравнительное языкознание и санскрит; русский язык и русская литература; славянская филология; география и этнография; история всеобщая; история русская; история западноевропейских литератур; история церкви; теория и история искусств. Студентам историко-филологического факультета преподавалась также политическая экономия, языки древнегреческий, французский, немецкий, английский, итальянский, испанский, восточные. Новый устав ограничивал автономию университета, усиливал власть правительственной администрации, отменял выборность ректоров и деканов: ректор назначался министром просвещения, деканы — полечителем с последующим утверждением министром. В университете устанавливалась предметная система преподавания (она просуществовала до 1890 г., когда вновь была заменена курсовой системой). Устав предписывал ношение формы для студентов, уничтожал корпоративные права студенчества, вводил инспекцию с полицейскими функциями, повышение платы за обучение. По уставу 1884 г. абитуриенты должны были представить свидетельство о политической благонадежности.

В Московском университете в 1884 г. обучались 2874 студента, из них на историко-филологическом факультете — 276 человек (это был самый малочисленный факультет)⁵

Несмотря на то, что Вячеслав Иванов обладал превосходной филологической подготовкой, он все же видел себя историком: «Два года моего московского студенчества были временем смелого до чрезмерной самонадеянности подъема душевных сил. Жизнь аудиторий показалась мне на первых порах каким-то священным пиршеством. Университет приветливо улыбнулся мне присуждением премии за работу по древним языкам⁶ Я был историк: последовать добрым советам директора гимназии и поехать стипендиатом в лейпцигский филологический семинарий⁷ казалось

¹ Там же. С. 13.

² См., Аверинцев С.С. «Скворещиц вольных граждан...» С. 34.

³ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 14.

⁴ См. аттестат зрелости в университетском деле Иванова: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 298. Ед. хр. 281. Л. 4 и об.

⁵ Летопись Московского университета 1755–1979. М., 1979. С. 111–114.

⁶ «Будучи на первом курсе, получил премию за латинское сочинение и письменную работу по греческому языку и в течение двух лет пользовался присужденной по конкурсу стипендией» (Иванов Вяч. Curriculum vitae. С. 189).

⁷ Имеется в виду созданный в 1873 г. по инициативе министра народного просвещения графа Д.А. Толстого (на средства российского правительства — 17 500 рублей) филологический семинарий при Лейпцигском университете с четырехлетним сроком обучения (просуществовал до 1888 г.). Его назначением была подготовка учителей древних языков (см., Куликова Л.Б. Классическая греко-римская мифология в структуре школьного исторического образования. Киев, 2004. С. 33, 43). Среди выпускников был, например, Ф.Ф. Зелинский, получивший по выходе из семинария в 1880 г. степень доктора философии за диссертацию «Последние годы Второй Пунической войны» (см., Лукьяченко О. Вертикаль жизни. (Наброски к биографии Ф.Ф. Зелинского) // Зелинский Ф.Ф. Римская республика. СПб., 2002. С. 10–11).

мне предосудительно уступкою реакции; через историю мечтал я самостоятельно овладеть проблемами общественности и найти путь к общественному действию...»¹ Иванова пленил читавший русскую историю В. О. Ключевский, добрые отношения установились с П. Г. Виноградовым, дававшим юному студенту немецкие книги из своей библиотеки. Но все же он посещал «только избранные лекции», отдавая предпочтение самостоятельным занятиям вместе с другом, Алексеем Дмитриевским, с которым они, в частности, «прилежно читали французские томы для В. И. Герье»².

Но решающим было влияние П. Г. Виноградова, читавшего тогда в Московском университете наряду со средневековьем и древнюю историю³ и находившегося в расцвете своего научного таланта: в 1883 г. он впервые поехал в Англию, чтобы продолжить исследования становления феодализма в разных странах Европы (защита его докторской диссертации по социальной истории Англии в середине века состоялась в 1887 г.). Причем в тот первый приезд Виноградов всего за несколько недель узнал о важнейших источниках по истории этой страны больше, чем было известно самим англичанам⁴. Нетрудно вообразить, как этот блестящий историк, представший во всеоружии новых методов, привезенных из Европы (после окончания университета в 1875 г. он провел год в Германии, где занимался в том числе и у Моммзена) мог воздействовать на студентов и формировать их устремления! Он являл собой образец нового типа университетского профессора, главная сила и притягательность которого таилась не только в читаемых курсах, но и в масштабной собственной исследовательской работе. Чтобы следовать такому образцу, нужно было учиться самой современной науке.

¹ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 14. (Ср. ироничное замечание Ф. Ф. Зелинского: «Так как слово "история" в устах современного русского общества звучит как-то пышнее и либеральнее, то не благоразумно ли поступают филологи, если назовут себя просто историками?» Из экономической жизни древнего Рима // *Вестник Европы*. 1900. Август. С. 620).

² Там же. С. 14–15. П. Н. Милюков, вспоминая об университетских годах (1877–1882), своими учителями истории также называет В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, ярко выделявшихся на общем фоне: «На той и другой кафедре <всеобщей и русской истории. Изд.> появились настоящие светила учености и таланта: молодой доцент П. Г. Виноградов, только что приехавший из-за границы с репутацией представителя нового взгляда на историю и нового исторического метода, и В. О. Ключевский, затмивший всех остальных блеском своих лекций и глубиной перестройки всего схематизма русской истории» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 85). Довольно подробно и в целом неприязненно охарактеризовав преподавание профессора всеобщей истории В. И. Герье (1837–1919), Милюков все же оговорился, что его семинарские занятия по книгам Руссо, Токвиля, Тэна оказали на студентов несомненное влияние, научили объективизму в трактовании истории, застраховали от радикального догматизма (Там же. С. 84–85). Нельзя не напомнить, что именно В. И. Герье был инициатором введения в Московского университета систематических семинаров (*Матросов В. Л.* Владимир Иванович Герье: человек, ученый, педагог и общественный деятель // *Герье В. И.* История римского народа. М., 2002. С. 26).

³ См. *Алпатов М. А.* Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х гг. по античной истории // *ВДИ*. 1957. № 4. С. 127–141. Ср.: «Я не помню точно последовательности его университетских курсов: была ли это Римская империя или начало средних веков. Но еще важнее, чем его лекции, был его семинарий. Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа, и до некоторой степени ее научились. <...> Он мог задавать нам работы по первоисточникам, не боясь остаться позади нас, а, напротив, с удовольствием приветствуя всякие новые выводы. Помню свою работу, основанную на римской эпиграфике. Я тщательно проштудировал сборники надписей и пришел, по этому богатейшему первоисточнику, к определенным выводам на поставленные профессором вопросы. Выводы были для него так же новы, как и для меня: это его не смутило, а, напротив, заинтересовало. Это был кусок настоящей научной работы. Так он ставил нас сразу на собственные ноги в избранной им области. И мы сами чувствовали, что растем, и не могли не испытывать величайшего удовлетворения, а к виновнику его глубочайшей благодарности. Чем дальше, тем семинарий Виноградова становился все более серьезным, а участники семинария сближались на общей работе и составили в конце концов дружную семью...» (*Милюков П. Н.* Ук. соч. С. 92).

⁴ Это признание английского историка-юриста Ф. Мейтленда см. в: *Моисеевкова Л. С.* Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) // *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. Москва; Иерусалим, 2000. С. 118, 123, примеч. 8.

Но какой именно? Пора было определяться — как ближайший друг Алексей Дмитриевский, который «собирался посвятить себя истории русского крестьянства и все знал и усваивал себе основательнее меня». Однако Вячеслав Иванов свой выбор еще не сделал. В это же время он влюбился в сестру друга Дарью Дмитриевскую, и они решили пожениться и уехать учиться в Германию. В его мечтах сливались «любовь и “страна святых чудес” — Запад. На родине ему «не сиделось: было душно и жутко», нравственный долг, казалось, звал молодого человека участвовать в революционной деятельности, но он ей «уже не верил»¹. Созревшее под воздействием всех этих обстоятельств² решение Иванов позднее характеризовал так: «Я пошел к немцам за настоящей наукой»³.

Итак, со свидетельством об успешном завершении двух курсов обучения (1884—1885 и 1885—1886)⁴ и благожелательными напутствиями профессоров⁵ Вячеслав Иванов покинул Московский университет. 4 июня 1886 г он обвенчался с Дарьей Михайловной⁶, и молодые отправились в Германию, встретившую их «благоуханием цветущих лип», красотами прирейнских замков и готических соборов, радостью созерцания Сикстинской Мадонны. Побывали они и в Трире, где видели Porta Nigra — один из наиболее впечатляющих памятников архитектуры античности⁷.

В Германию Иванов отправился «с рекомендательными письмами в Бонн к Бюхелеру и Узенеру от проф. Зубкова»⁸ (это означало бы специализацию по классической филологии) и с программой, составленной для него Виноградовым и предполагавшей последовательные занятия «у Гизебрехта, Зома и Моммзена»⁹ (это была специализация по всеобщей истории). Впоследствии, выстраивая сюжет своей жизни в автобиографиях, Иванов настойчиво подчеркивал, что последовал по второму пути «вопреки своему внутреннему влечению»¹⁰ и выбрал историю, «далеко обегая свою суженую и избранницу сердца — античную филологию»¹¹. Однако осмелимся предположить, что в 1886 г выбор в пользу истории

¹ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 15—16. Ср. в воспоминаниях Гревса о первых университетских годах: «Я переживал тягостную раздвоенность между Сциллой революции, которая принималась насильственно, и Харибдой науки, к которой не мог подступить: та и другая рисовались и обязательными, и желанными целями, но и та, и другая принимали порой вид как бы чудищ, грозящих опасностями, а не путей, ведущих к ясным, светлым гаваням. Я томился сомнениями, портившими труд и деятельность» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 151).

² С. А. Аверинцев связывает отъезд Иванова за границу с моральным выбором начинающего жить человека: «Это был выбор специфически русский; значит, нужно было покинуть пределы России. Хотя бы для того, чтобы оглядеться. Это называлось ехать учиться истории за границу. Но это было — бегством от политической дилеммы, навязываемой российской действительностью, и постольку неким подобием эмиграции» («Скворещник вольных граждан...» С. 31).

³ Иванов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. 16 ноября 1895 г. // РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 32.

⁴ Свидетельство № 1434, выданное 23 мая 1886 г // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 298. Ед. хр. 281. Л. 14.

⁵ «В. И. Герье нашел мое решение учиться в Германии разумным...» (*Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 16). О наставлениях В. Г. Зубкова и П. Г. Виноградова см. ниже.

⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 298. Ед. хр. 281. Л. 2 (ср. ниже: Переписка... V С. 376, примеч. 4).

⁷ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 16.

⁸ *Он же.* Curriculum vitae. С. 189. О профессоре классической филологии Владимире Григорьевиче Зубкове см.: Там же. С. 193, примеч. 9; ср.: *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 16.

Выдающиеся филологи-классики Герман Узенер (Hermann Usener, 1834—1905), профессор в Бонне с 1866 г., и Франц Бюхелер (Franz Bücheler, 1837—1908), профессор в Бонне с 1870 г., на протяжении четырех десятилетий привлекали в свой университет самых одаренных студентов из всей Германии (см.: *Momigliano A. D. New Paths of Classicism in the Nineteenth Century* (1982) // *Momigliano A. D. Studies on Modern Scholarship* / Ed. by G. W. Bowersock and T. J. Cornell. Berkeley; Los Angeles; London, 1994. P. 251—266. особ. 253).

⁹ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 16.

¹⁰ *Он же.* Curriculum vitae. С. 189.

¹¹ *Он же.* Автобиографическое письмо. С. 16. Ср.: «Начались мои блуждания в области исторических проблем, удалявшие меня от того, к чему лежало мое сердце: от изучения эллинской души» (Там же. С. 17). Ср. признание Гревса в том, что любовь к античному миру он «скрывал в себе, как нечто предрасудительное» (Человек с открытым сердцем. С. 154).

совершился без тяжелых сомнений — по существу, Вячеслав просто продолжал следовать принятому им еще раньше, при поступлении в Московский университет, решению быть историком, а не ехать учиться филологии в Лейпциг.

Осенью 1886 г. Иванов приступил к учебе на философском факультете Берлинского университета¹, где ему предстояло проучиться девять семестров². В течение первых двух семестров он посещал курсы и семинары по всеобщей истории (немецкой и английской истории у Вайцзекера и Г. Бреслау, истории политических теорий и истории эпохи французской революции у Г. фон Трейчке, которому «прощал его крайний шовинизм за подлинный жар его благодарного красноречия»³), по теоретической политэкономии (у Г. Шмоллера). Но с самых первых шагов в Берлине главным делом для него стала учеба у специалистов по римской истории — Теодора Моммзена и Отто Гиршфельда (читавшего историю Римской империи)⁴. У Моммзена Иванов слушал курсы римского государственного права в первом семестре и латинской эпиграфики во втором. Курсы свои (по четыре раза в неделю) Моммзен неизменно читал рано утром, с 8 до 9 часов⁵. Тогда же Иванов начал участвовать в знаменитом еженедельном моммзенском семинарии по римской истории⁶, ставшем для него настоящей школой, о которой он не без назидательности вспоминал много лет спустя, в бытность

¹ В Германии в период 1818–1914 гг. было 22 университета, половина которых — в Пруссии. Обычным было деление на четыре факультета: теологии (католической и/или протестантской), права, медицины и «философии», к которой причислялись разные искусства и науки (Ringer F. K. *Education and Society in Modern Europe*. Bloomington; London, 1979. P. 35).

² М. Вахтель ввел в оборот важный источник — перечень курсов, которые посещал Иванов в течение этих семестров. Список составлен на основе собственноручной записи Иванова, находящейся в числе документов, представленных им ввиду намечавшегося докторского экзамена в конце 1895 г., уточнен и дополнен с учетом официальной информации Берлинского университета за рассматриваемые годы. См.: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... P. 363–366.

³ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 18.

⁴ Ср. в автобиографии Иванова (1904): «Моиими главными учителями были О. Гиршфельд и Моммзен» (Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым // Публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник РО Пушкинского дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 82–83). Сравнительную характеристику ученичества Иванова у Моммзена и у Гиршфельда с существенными несоответствиями в оценках см.: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... P. 353–355, 360; *Лаппо-Данилевский К.* Набросок Вяч. Иванова «Евреи и Русские» // НЛО. № 21. 1996. С. 182; *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 47; *Аверинцев С.С.* «Скворещица вольных граждан...» С. 34, примеч. 14. Тема «Иванов и Моммзен» посвящен специальный раздел в статье: *Бомгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 174–184.

⁵ Ср. описание Ю.А. Кулаковского, слушавшего у Моммзена такой же четырехчасовой курс латинской эпиграфики в зимний семестр 1878–1879 гг.: «Лекции он читал от 8 до 9 часов утра, и хотя жил в Шарлоттенбурге и тратил на переезд около часа времени на трамвае (тогда еще не было берлинской Ringbahn), но не было случая, чтобы он пропустил лекцию или опоздал. С ударом четверти девятого на университетских часах входил он в аудиторию и, став у кафедры и разложив пред собою листки своих заметок, начинал говорить своим тихим голосом, подергивая и поворачивая время от времени голову своим особым жестом. Ровная серьезная речь текла спокойно с северогерманским акцентом, никогда не оживляясь, но и не становясь вялою» (Памяти Моммзена. С. 58).

⁶ «На свои практические занятия Моммзен допускал ограниченное число участников и предвзительно подвергал испытанию, не самолично, а через старшего *ostotok fatulus'a*, имевшего некогда в академической жизни Германии характер учреждения. В мое время на «уtractione» являлись к Моммзену уже более зрелые студенты, большую часть заканчивавшие уже свои университетские занятия, приезжавшие в Берлин на один—два семестра, чтобы пропустить через критику Моммзена свою будущую докторскую диссертацию. Иные приезжали со своими темами, другие брали их из числа предлагавшихся Моммзену. Два часа практических занятий проходили обыкновенно в том, что Моммзен разбирал представленную ему работу, требовал объяснений у автора, и почти никогда не случалось, чтобы выходил общий разговор. Обыкновенно все участники семинария, кроме автора реферата, лишь почтительно слушали и делали себе заметки со слов Моммзена. Сам Моммзен придавал большое значение общению с молодежью на своих практических занятиях, относился к ним с обычной аккуратностью и видел в них пользу и лично для себя» (Там же. С. 59).

профессором в Баку: «У нас слишком мало придают значения прилежанию. В Германии вот умеют это ценить, и прилежание требуют не только от ученого, но и художника. Помню, когда я учился в Германии, в семинарии Моммзена по римской истории, какую бездну прилежания мы вынуждены были проявить. Семинарии эти состояли в следующем: Моммзен намечал ряд тем, и каждый из семинаристов, принимаясь за работу, должен был исчерпать весь имеющийся по данному предмету материал (то же должен был делать и рецензент), так что случалось, что по данной теме референт оказывался осведомленнее самого Моммзена. Все же Моммзен нередко ставил в тупик и столь подготовленного референта. Был Моммзен тогда уже 70-летним стариком (первое время занятия были в университете, потом мы к нему ездили в его виллу), нраву был сердитого и во время таких диспутов прямо вцеплялся и яростно нападал на референта. Референт, однако, должен был быть стойким до конца и с апломбом выдержать и отразить все нападки. Такая школа у Моммзена многому научила...»¹ Работа молодого русского студента в этом семинарии завершилась успехом: в конце своего второго семестра в Берлине Иванов представил подготовленный реферат («исследовании о податном устройстве римского Египта») и был «ласково ободрен» профессором, заинтересовавшимся, собирается ли он оставаться в Берлине и дальше.²

На протяжении второго года учебы в Берлинском университете Иванов продолжил занятия всеобщей историей: слушал историю XV и XVI вв. у Козера, общую историю философии и разбор «Метафизики» Аристотеля у Э. Целлера³, историю изобразительного искусства греков и римлян у Э. Курциуса (с посещением музея). Более углубленная работа велась на занятиях Гиршфельда, Бреслау и Ваттенбаха. О. Гиршфельд, приглашенный в Берлинский университет в 1885 г по настоянию Моммзена⁴ и ставший там его ближайшим помошником, читал на протяжении третьего и четвертого ивановских семестров курсы истории Римской империи и источниковедения римской истории, вел практические занятия по *Scriptores Historiae Augustae* и по эпиграфике. В. Ваттенбах в летнем семестре 1888 г. преподавал латинскую и греческую палеографию. С Г. Бреслау Иванов осваивал методы критики источников на материале средневековья, на протяжении двух семестров усердно работая в его семинарии, где занимался равенским экзархатом и представил профессору «первую часть большого исследования о византийских учреждениях в южной Италии»⁵

Как видим, Иванов прилежно учился на историка. В первые два года в Берлине о филологии он, казалось, и не помышлял. Только в зимнем семестре 1887–1888 гг. он слушал разбор Фукидида у А. Кирхгофа, который «был скучен»⁶ Однако летом 1888 г. произошел перелом, и в дальнейшем, на протяжении пяти семестров, Иванов посвящал себя исключительно древней истории и классической филологии, и лишь в зимнем семестре 1889–1890 г (седьмом) посещал курс истории средних веков у Ваттенбаха. Очевидно, именно к концу второго года стало окончательно ясно, что Иванова привлекает более всего история древняя, неразрывно связанная с классической филологией. «Наконец П. Г. Виноградов, со мною переписывавшийся, приехав однажды в Берлин, разрешил меня от послушания исторической науке и определенно посоветовал отдаться филологии, продолжая однако работать у Мом-

¹ Альтман М. С. Разговоры... С. 30–31.

² Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 16.

³ Ср. *Он же*. Интеллектуальный дневник. С. 15 и 48 (описание одного места из Аристотелевой «Метафизики»).

⁴ Wachtel M. Вячеслав Иванов студент... Р. 354.

⁵ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 17. Ср. его слова в беседе с М. Альтманом: «Виноградов сейчас же проектировал мне кафедру по римской истории в Москве, говоря, что прохождение моммзеневского семинария достаточное свидетельство» (Альтман М. С. Разговоры... С. 31).

⁶ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 17.

мзена: он надеялся, что я буду совмещать в Москве филологическую доцентуру с преподаванием римской истории»¹ Если бы план Виноградова, «под общим наблюдением и руководством»² которого Иванов работал все время в Берлине, осуществился, перед ним открылась бы университетская карьера, типичная для таких историков античности, как, например, Ф.Ф. Соколов (он совмещал чтение общих курсов лекций по древней истории с практическими занятиями по чтению и объяснению греческих надписей)³ или М.И. Ростовцев (он, как профессор классической филологии, читал со студентами античных авторов, вел практические занятия по надписям и папирусам, читал общие курсы по истории Греции и Рима и различные спецкурсы, например, по истории Италии, по римской топографии, по римскому государственному праву)⁴ В сущности, идеальным воплощением образа ученого-антиковеда был Моммзен — юрист и историк, провозглашавший здравицу именно филологии, а не истории⁵, «деятель того освободительного движения в современной науке, которое ищет разрушить искусственные перегородки факультетов»⁶

Итак, решив отдалиться филологии, Иванов в пятом семестре стал посещать занятия у И. Фалена, где читались послания Горация и «Электра» Софокла и Еврипида⁷, и в течение двух семестров прослушал курс Кёлера по истории древней Греции. На протяжении последних трех семестров он постоянно работал в филологическом семинарии Е. Гюбнера⁸, у которого также прослушал курсы по римской эпиграфике, по истории эллигической поэзии и истории римской литературы. Но больше всего Иванов занимался у Гиршфельда: слушал курсы, в том числе спецкурсы о римском провинциальном и муниципальном устройстве и о римских государственных древностях; на практических занятиях читал Ливия, Цицерона, Тацита и Веллея Патеркула. Продолжал он посещать и исторический семинарий Моммзена⁹

Таким образом, в Берлинском университете Вячеслав Иванов получил историко-филологическую подготовку, ориентировавшую его на профессиональную работу в области античной истории как самостоятельной ученой дисциплины, а

¹ Там же. Ср. в автобиографии Иванова (1904): «После блужданий [преимущественно] в области вопросов средневековой хозяйственности и учреждений, я, по совету проф. П.Г. Виноградова, сосредоточился наконец на историческом и филологическом изучении [древности] Рима» (Переписка Вяч. Иванова с С.А. Венгеровым / Публ. О.А. Кузнецовой // Ежегодник РО Пушкинского дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 82; с учетом рукописного черновика: РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 10. Л. 2).

² *Иванов Вяч. Curriculum vitae.* С. 189.

³ См., напр., Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на весеннее полугодие 1890 года. С. 6. О домашних семинарах Ф.Ф. Соколова см.: *Жебеев С.А.* Столетие рождения Ф.Ф. Соколова // ВДИ. 1993. № 1. С. 193; *Фразов Э.Д.* Русская наука... С. 193 сл. См. также примеч. 9 к п. 1.

⁴ О Ростовцеве-профессоре см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. С. 161–162.

⁵ *Кузаковский Ю.А.* Памяти Моммзена. С. 59.

⁶ *Иванов Вяч.* О Моммзене. С. 46.

⁷ Ср.: «Критические анализы Фалена меня увлекали» (*Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 17). *Иоганн Фален (Johannes Vahlen; 1830–1911)* — филолог-классик, представитель так называемой «Боннской школы».

⁸ Сохранилась записная книжка с конспектами Гюбнера курса о речах Цицерона («E. Hübnert's "Cicero"»). Л. 1) с разбором отдельных мест, который Иванов слушал в течение последнего своего семестра в Берлине: о ней упоминает Вахтель (Вячеслав Иванов — студент... Р. 366, пт. 6). Первая запись датирована 27 октября 1890 г., последняя — 10 февраля 1891 г. (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 2, 96 об.), но поскольку книжка заполнена целиком (97 л.), не исключено, что в ней поместились не все записи: семестр официально заканчивался 15 марта.

⁹ В списке Вахтеля этот семинар фигурирует в числе курсов, которые Иванов посещал в течение второго семестра (летний семестр 1887 г.). Затем он упоминается еще дважды (в седьмом и восьмом семестре), однако указано, что в официальном перечне курсов Берлинского университета этот не заведительствован (возможно, в это время он уже проходил у Моммзена дома). Сохранилась записная книжка Иванова с записями об этом семинаре в зимнем семестре 1889–1890 гг. (т.е. седьмом): *Übungen von Prof. Mommsen. W<inter>S.<emester> 1889/90* // РГБ. Ф. 109. К. 4. Ед. хр. 23.

не на преподавание и изучение древних языков (с сугубо грамматических позиций) или всеобщей истории в целом, включая средневековье и новое время.

Во вторую половину своего пребывания в Берлине Вячеслав Иванов начал работать над диссертацией о римских государственных откупах. Идею подал Гиршфельд¹, он же через год (т.е. в конце третьего ивановского года в Берлине) признал первый набросок, посвященный откупам в период республики, «солидною работой». На следующий год Иванов продолжил разрабатывать вопрос об откупах в семинарии Моммзена, обратившись теперь к периоду империи². Определенных данных о том, что эта вторая часть работы, «большая первой по объему»³, была представлена самому профессору на прочтение (подобно тому, как первая ее часть Гиршфельду) или заслушана в форме доклада в семинаре, нет. То, что Иванов вспоминал, как Моммзен «заводил серьезнейшие и опаснейшие диспуты с более зрелыми учениками»⁴ и ни словом не обмолвился о реакции профессора на его работу об откупах в период империи, дает, как кажется, основания полагать, что если работа и была окончена в Берлине, рукопись ее целиком представлена на одобрение не была. Заметим, что речь шла о «немецкой рукописи»⁵, состоявшей из двух неодинаковых по объему частей.

Своей отъезд из Берлина Иванов логически связывал с окончанием работы об откупах⁶. «В 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиком Нишсе, о котором начинали говорить». Поселился Иванов с женой вблизи Национальной библиотеки, где и произошло его знакомство с Гревсом, а потом и сближение с ним «на почве общих занятий римской историей»⁷. Именно Гревс, недавно приехавший из Италии, «властно указал <ему> ехать в Рим»⁸. Совету этому Иванов последовал весной 1892 г., и летом друзья провели некоторое время в Риме вместе⁹, после чего Гревс продолжил свои занятия в Париже, а Иванов надолго обосновался в Вечном городе. К этому моменту и относятся первые известные нам письма из их переписки, в которой важное место занимают две диссертации на темы древнеримской истории.

III

Уже одно только название книги Гревса, защищенной в качестве магистерской диссертации, говорит о сложностях ее рождения, делая акцент на произ-

¹ В предисловии к книге «De societatis vectigalium...», посвященной *Othoni Hirschfeldio magistro*, Иванов назвал его «сuis <scil. libelli> inchoandi auctor» (вдохновитель, зачинатель, побудитель книги — лат.).

² Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 17.

³ Он же. Curriculum vitae. С. 189.

⁴ Он же. Автобиографическое письмо. С. 17 Среди этих учеников названы Ф. Мюнцер, П. Мейер и Ф. Кюмон. В записной книжке Иванова (см. выше: С. 313, примеч. 9) упомянуты, в частности, доклады Ф. Кюмона о распространении культа Митры (25 ноября 1889 г.) и П. Мейера о речи Мешената (9 декабря 1889 г.).

⁵ Он же. Curriculum vitae. С. 189.

⁶ Там же.

⁷ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 19.

⁸ Там же. Ср.: Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Archivio italo-russo III. Vjačeslav Ivanov Testi inediti / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2001. P. 7–24; а также см. ниже: Иванов Вяч. <Волшебная страна ITALIA>

⁹ См. выше: Переписка... I. С. 289–290. Ср. в письме Иванова к С.Ф. Ольденбургу от 16/28 июня 1892 г.: «Живя в Риме с Ив.<аном> Мих.<айловичем> в непрерывном, благотворном для меня общении и интересов, и занятий, и всей внешней жизни, я имел случай проверить и углубить произведенное им еще в Париже на меня и на мою жену впечатление — уже там мы научились уважать и любить его, — имел случай оценить как его редкие личные достоинства, так и солидность его научных работ, позволяющих с полной уверенностью надеяться на богатые результаты и блестящий научный успех» (приложение к п. 1).

вольность выбора («Очерки из...») и отодвигая на второе место саму тему — историю римского землевладения. Книга состоит из обстоятельного введения (С. 3—59), двух «индивидуальных» очерков — о Горации (С. 63—234) и об Аттике (С. 237—438) и внушительного по размеру заключения «Обшеисторическое значение крупной земельной собственности в римском мире в связи с основными особенностями экономического строя древности» (С. 441—620). О том, как складывался этот первый (и оказавшийся, увы, единственным) том «Очерков», писали не раз, опираясь главным образом на воспоминания самого Ивана Михайловича и его предисловие к книге¹. Публикуемая переписка с Вячеславом Ивановым содержит много весьма важной и новой информации, дополняющей и уточняющей уже известную картину. Во-первых, письма позволяют судить о первоначальном замысле и его последующих превращениях, в результате которых и появилась эта не вполне обычная книга. Во-вторых, они дают возможность услышать диалог двух ученых, заглянуть в их профессиональную «кухню», вблизи различить характерные черты исследовательского почерка каждого из них.

По мере того как подходил к концу срок заграничной командировки Гревса (1890—1892), а диссертация так и не была готова, между друзьями все чаще обсуждался вопрос о возможности продлить срок его пребывания за границей. Судя по письмам, Иванов настаивал, что следует хлопотать об отсрочке возвращения Гревса в Россию. Он взял на себя смелость написать другу Гревса С. Ф. Ольденбургу, с которым не был лично знаком, пространное письмо, исполненное беспокойства за судьбу Ивана Михайловича и его научной работы, а получив ответ (по правде говоря, довольно сдержанный в отношении предлагаемого плана), переслал копию его Гревсу в Париж, увещывая того самому написать Ольденбургу и уполномочить его «начать нужные хлопоты» (п. 1). По словам Иванова, Гревс мучился сознанием, что «его диссертация не может быть окончена в продолжение его настоящей заграничной командировки и должна быть возвращением в Россию прервана на неопределенное время» (приложение к п. 1). Со всей возможной деликатностью Вячеслав Иванович подтверждает обоснованность беспокойств своего друга об окончании диссертации: «Они не только объективно вполне оправданы, но следует даже сожалеть, что требования, необходимо из них вытекающие, не формализовались, как кажется, в его сознании с достаточною настойчивостью» (Там же). По мнению Иванова, для «продолжения и окончания» труда необходим полный год: одних летних каникул следующего 1893 г. будет явно недостаточно, и все равно в последующем придется отказываться от преподавания на целый учебный год. Таким образом, несмотря на крайнее прилежание Гревса, работавшего по 10—11 часов в сутки², ко времени возвращения в Россию до окончания диссертации было очень далеко: работа явно не вышла еще из стадии сбора материала по истории крупного землевладения в самом широком понимании этой темы³.

¹ Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 236—237; Казанович Б. С. Вокруг «Очерков»... С. 200—202; Фролов Э. Д. Русская наука... С. 340—349. См. также: Бонгард-Левин Г. М., Ляпустина Е. В. Вячеслав Иванов и диссертация И. М. Гревса по истории римского землевладения // ВДИ. 2003. № 4. С. 178—209.

² Ср. упоминание об этом в письме Иванова Ольденбургу (приложение к п. 1) и отзыв спора о необходимости 8-часового рабочего дня в письме Д. М. Ивановой Гревсу от 14/26 августа 1892 г. (п. 4).

³ Причин столь неудовлетворительного положения дел с диссертацией было немало, но все их можно свести к одной: Иван Михайлович с самого начала командировки далеко не все свое внимание и силы отдавал разработке строго определенной темы магистерской диссертации. Позднее он вспоминал: «Плохо было то, что две цели — научная (в книгах) и монументальная (по следам старины), совмещавшиеся в моей жизни, перебивали одна другую. Но это вообще стало драмой моего существования: столкновение специально научных и шире умственных интересов, не всегда совпадающих один с другим. Не всегда удавалось их примирить, и это было причиною многих внутренних кризисов и горестей» (Гревс И. М. Моя первая встреча с Италией. С. 288).

В августе 1892 г Гревс вернулся в Россию и осенью приступил к преподаванию на Высших женских курсах и в гимназии Таганцевой. Работа над диссертацией оказалась прерванной. В письмах из Рима Иванов старался подбодрить друга, советовал хлопотать о новой командировке за границу и беречь силы для нее (п. 5). Он призывал проявить «здоровое и простое отношение» к работе и, учитывая, что она «должна служить прежде всего и непосредственно магистерской диссертацией», советовал ограничиться кратким изложением «или даже просто взять одну часть ее, чтобы она вполне удовлетворила своей цели... и прямо начать писать ее, на основании уже собранного материала», чтобы впоследствии дополнить недостающим материалом уже написанный очерк и, может быть, ограничиться для диссертации «именно этой одною частью», «касающейся землевладения» (п. 6). В этом письме предполагалась возможность «впоследствии писать вторую часть», материалом для которой могли послужить «сенаторские надписи». Видно, что замысел диссертации у Гревса все еще окончательно не оформился, отсюда и заключительная рекомендация Иванова: «В самом деле, поставьте себе задачею развить уже сложившийся у Вас в голове план с помощью наличного материала: Вы увидите, как Вам будет потом легко» (Там же). Стремясь воодушевить друга, он в годовом письме даже делится своими надеждами на то, что в заграничную поездку 1893 г тому удастся окончить диссертацию (п. 7).

Пожелания эти исполнились лишь отчасти: Гревсу удалось получить командировку за границу, но только на лето. Иванов, узнав об этом, тем не менее настаивал, что работа «должна быть написана в эти пять месяцев», и нужно лишь «прекратить хотя бы на время дальнейшее собирание материалов, которые впоследствии могут быть пополнены, и немедленно же начать их разработку», т. е. имея общий план работы и зная «ход и связь ее идей и положений», приняться за развитие плана в деталях, за пересмотр собранного материала и за составление отдельных глав. Иванов, уже неплохо узнавший характер Гревса, призывал его как можно скорее написать работу и тем самым «переступить магический круг» бесконечных *Vorarbeiten*¹, «которые даже при менее обширной теме возможно расширять до беспредельности». Он советовал прямо начать писать ту или другую главу так, как если бы нужно было написать об этом предмете лекцию (п. 8).

Сведения о летней командировке Гревса 1893 г чрезвычайно скудны². Он не стал заезжать в Берлин, чтобы по совету Иванова познакомиться там с Моммзеном, Гиршфельдом и другими учеными, а отправился через Италию в Париж. При свидании с Ивановым в Риме тот снова «расточал советы» (п. 9) ехать к немецким *maestri*, но идея эта, очевидно, не находила отклика в душе Ивана Михайловича, который не хотел ехать с пустыми руками, не закончив диссертации³. Работа над ней продвигалась не слишком успешно: часть времени пришлось потратить на составление лекционных курсов. Когда срок ко-

¹ Предварительные разработки (нем.).

² В автобиографической заметке Гревс указывает: «1893 летом с Шварсалон и Ростовцевым (Вена Венеция Флоренция — Рим Париж) → вернулся один» (Мои поездки за границу. Л. 61). Ср. выше: Переписка... I. С. 290 (Гревс в письме А. В. Гольштейн о своем общении с Ивановым в Риме в июне 1893 г.).

³ Должно быть, то, что Гревс не ехал в Берлин, отчасти объяснялось и его большим тяготением к французской науке: он был страстным поклонником Фюстель де Куланжа, увлекался книгами и лекциями Гастона Буассье, на что Иванов, сформировавшийся в школе немецкой *Altertumswissenschaft* под крылом Моммзена, указывает в п. 5 (см. также: *Бонгард-Левин Г. М. Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...»* С. 174 сл.). О «французофильстве» Гревса см. выше: Переписка... II. С. 300 сл., примеч. 5.

О французской историографии, в том числе в ее отношении к немецкой, см.: *Nicolet C. La fabrique d'une nation: La France entre Rome et les Germains. Paris, 2003*; о полемике Фюстель де Куланжа и Моммзена в атмосфере эпохи, отравленной франко-прусской войной 1870 г., см.: *Nicolet C. 1889–1989: réflexions sur Fustel de Coulanges // Nicolet C. Histoire, nation, république. Paris, 2000. P. 308–309.*

мандировки Гревса уже близился к концу, Иванов в письме к нему в Париж снова советовал при составлении магистерской диссертации соблюдать с минимальными требованиями и радовался намерению Гревса ограничить ее эпохой до Диоклетиана и к тому же удовольствоваться «социально-экономической частью первоначально поставленной темы, оставив в стороне политическую часть» (Там же). Он предполагал, что связанный очерк земельной собственности в период от Августа до Диоклетиана может оказаться достаточным для диссертации, и убеждал Гревса приложить все усилия к тому, чтобы написать ее в течение предстоящей зимы.

Однако работать даже над столь «усеченной» «до Диоклетиана» и до «социально-экономической части» темой в Петербурге, где все силы уходили на преподавание, Гревс не мог 15 октября 1893 г. он писал В. И. Вернадскому «Тяжелые обстоятельства отрывают меня... от наст.<ойшей> научн.<ой> работы. <...> Диссертация моя, было вострепенувшаяся, опять замерла, опять захватила меня ежедневная работа, к которой я не подготовлен и которая страшно измучивает, никогда не удовлетворяя. А в душе кроме того полное сознание, что сил совсем нет и пост.<оянный> страх, что вот не сегодня-завтра оборвусь окончательно»¹ В январе 1894 г в письме Иванову Гревс сетует на «невыносимо безобразную жизнь», которая подавляет его, «не только положительно отнимая все время, но и высасывая все силы». Он испытывает мучительный страх, что вот-вот окончательно «запутается в непосильных обязанностях». Понимая, что положение критическое и иначе ему диссертации не написать, Иван Михайлович «решил, пока еще не ушло последнее уж время, во что бы то ни стало с лета же устроить себе год заграничной жизни... иначе надо бросать науку безо всякого сомнения» (п. 12).

Гревсу удалось получить командировку на 15 месяцев — с 15 мая 1894 г до 1 сентября 1895 г. Настроен он был крайне серьезно: «Целью моею является исключительно одно — написать диссертацию, и я надеюсь, что мне удастся воздержаться от каких бы то ни было других работ». План рисовался так: отправиться прежде всего в Рим, чтобы повидаться с Ивановым и поработать в библиотеках; осень и зиму провести в Париже, где обстановка наиболее удобная и привычная, там «написать остов работы и с ним вместе переправиться к весне 1895 г. в Берлин под окончательное благословение тамошних светил» (п. 14).

Друзья действительно встретились в Италии в июле 1894 г и до начала августа занимались в библиотеках в Риме. 9/21 июля Гревс писал жене: «Занятия идут недурно, я рад, что поехал в Рим — уже много получил хорошего от Иванова. Но оч.<ень> себя не утруждаю во-перв.<ых> жарко ужасно, во-вторых ощущается постоянно слабость и является сильная потребность в сне»² Из Рима Иванов с семьей отправился во Флоренцию, а Гревс в Париж. В конце лета Иванов писал ему, что ждет «обещанного Горация» (п. 19)³

Разумеется, имелась в виду работа Гревса, напечатанная в январском номере «Журнала Министерства народного просвещения» следующего, 1895 г⁴, а впоследствии (с небольшими изменениями) вошедшая в I том «Очерков» 1899 г., который и стал магистерской диссертацией. Однако в 1894 г речь велась не о части будущей диссертации, работа над которой шла своим чередом, а лишь об одном из подготовительных этюдов. Предваряя его, Гревс писал:

¹ Архив РАН. Ф. 518. В. И. Вернадский. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 18 об., 19.

² ПФА. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 178.

³ В записной книжке Иванова за 1890-е гг. есть краткие записи под заголовком «Гр.<евс>», представляющие собой ссылки на отдельные места из стихов Горация (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 10 об., 11). Они могли быть сделаны по ходу чтения полученной от Гревса готовой рукописи, но, возможно, относились и ко времени обсуждения связанных с Горацием вопросов при личной встрече летом 1894 или даже 1893 г (ср. ниже: С. 319).

⁴ Гревс И. М. Очерк первый. Гораций.

Мне приходится уже несколько времени заниматься историей крупной земельной собственности в период империи в связи с изучением роста аристократических классов внутри римского государства и общества в данную эпоху. Такая задача при такой именно точке зрения, мне кажется, может послужить предметом научного труда обобщающего характера по социально-экономической истории Рима, который может способствовать окончательному разрешению великой проблемы о причинах падения империи. Работая над сложную и еще мало разъясненную тему, нельзя ограничиваться систематическим собиранием и ровным последовательным анализом материала. На каждом шагу открывается необходимость останавливаться и углубляться в частные экскурсы. Эти последние естественно вырастают в самостоятельные очерки. Одни из них сосредоточиваются около определенного источника, юридического, литературного или эпиграфического, и рассматривают его, как материал для истории землевладения; другие изучают какую-нибудь историческую личность, как представителя его форм и роли; третьи освещают какой-нибудь определенный пункт или исследуют отдельный элемент в развитии данного явления. Мне представляется небесполезным для расширения знакомства с вопросом напечатание некоторых из таких этюдов: они могут подготавливать его широкое синтетическое изображение¹

В объявленных таким образом «самостоятельных очерках» угадываются этюды о Горации² (исследование, сосредоточенное около одного источника), об Аттике³ (изучение исторической личности) и об императорском землевладении (освещение отдельного элемента в истории явления)⁴

Во время заграничной командировки 1894—1895 гг. Гревс работал по двум направлениям: готовил к печати этюды-очерки (о Горации, об Аттике, о *сальтусах*)⁵ и параллельно продолжал заниматься исследованием своей большой темы:

Особенно упорно взялся я за первую из этих двух тем <историю императорской собственности. — *Изд.*> во время моей второй заграничной командировки с лета 1894 по лето 1895 года. Кроме двух поездок в Италию я провел эту командировку в Париже. Мы жили там всю семью (104, rue Lauriston); жизнь слагалась благополучно, и я работал с неутомимым рвением. Радостно вспомнить об этом высоком годичном напряжении труда — целый год этой цельной научной жизни. Это один из лучших годов моего прошлого вообще. В 8 ч. утра выходил я из дома, к 9 ч. приезжал (на omnibusse Passy — Bourse) в Национальную библиотеку, работал там до 4-х (когда она зимою закрывается, а летом до 6), затем иногда возвращался домой обедать и вечером приводил в порядок сделанное днем. Но часто я домой не возвращался, а пообедав в ресторанчике, заходил в Cercle St. Simon пересмотреть новинки, и отправлялся в Bibliothèque Ste. Geneviève⁶, читал римских авторов и надписи (прочел всего Цицерона и многих других), собирая аграрный материал. Возвращался с чувством удовлетворения от насыщенного трудового дня.

За этот год работы я собрал материал (огромный!) для большого сочинения по истории императорской земельной собственности: 1) судьба *ager publicus* во время империи, 2) пути развития собственности императоров, 3) состояния (личные) отдельных императоров, 4) история патримония⁷, 5) императоры и сельские трудовые классы, 6) право императорского землевладения⁸

¹ Там же. С. 81—82; ср. Гревс И.М. Очерки... С. 54.

² *Квинт Гораций Флакк* (65—8 гг до н.э.) римский поэт.

³ *Тит Помпоний Аттик* (110—32 гг до н.э.) богатый и влиятельный, хотя и сторонившийся активного участия в политике римский всадник, ближайший друг Цицерона.

⁴ Очерк об Аттике печатался в ЖМНП в 1896 г., очерк об императорском землевладении так и не увидел свет (см. ниже).

⁵ Слово *saltus* (пастбище, выгон, именованное *лат.*) в специальной литературе о римском землевладении используется для обозначения крупных поместий, как императорских, так и частных. См. примеч. 25 к п. 24.

⁶ Имеются в виду Cercle St. Simon Société historique на бульваре Сен-Жермен своего рода клуб с библиотекой, открытой с утра до ночи, где можно было найти множество газет и все научные журналы (см. примеч. 37 к п. 5), и библиотека Св. Женевиэвы на площади Пантеона.

⁷ *Ager publicus* земельный фонд, находившийся в собственности римского государства, в результате завоеваний достигший внушительных размеров. Требования раздела *ager publicus* для наделения земель тех или иных групп римских граждан были одним из коренных вопросов социально-политической борьбы в Риме в последнее столетие Республики.

⁸ Патримония (от лат. *patrimonium*) собственное, частное имущество императора, в противоположность фиску (от лат. *fiscus*) государственной казне.

⁹ Гревс И.М. К истории моих научных работ. Л. 34 и об., ср. Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 235 (с сокращениями). Запись датирована 7 ноября 1929 г.

Действительно, Гревсом был собран огромный материал, но в изданном в 1899 г. первом (и оказавшемся единственным) томе «Очерков истории римского землевладения» он не нашел почти никакого применения и был, очевидно, отложен на будущее, для докторской диссертации.

В 1894 г., в начале заграничной поездки, к печати готовился первый очерк. На мысль о систематическом изучении именно Горация Гревса, возможно, навело чтение работ одного из главных его учителей в науке — Фюстель де Куланжа¹, который пользовался данными о поместье Горация для обоснования своих идей о распространении мелкой собственности во время правления императора Августа². Сам Иван Михайлович еще летом 1893 г. побывал в Вико-варо и его окрестностях и совершил прогулку по местам, где, как установили ученые-антиквары, находилось это поместье³. Можно полагать, что материал для очерка собирался и раньше, так что в 1894 г., когда Гревс снова оказался в командировке за границей, он смог довольно быстро написать (или окончательно отделать) текст очерка: он был напечатан в январе 1895 г., а послан В. Г. Васильевскому, редактировавшему журнал, осенью 1894 г., уже после того, как с ним ознакомился Иванов (см. п. 25).

Выбор стихотворений Горация как источника для истории римского землевладения нуждался в обосновании. Охарактеризовав особенности личности и таланта поэта, дававшие основания найти в его сочинениях богатый материал по социальной истории⁴, Гревс отмечал: «Внимательное изучение всех произведений Горация должно дать материал, достаточный для того, чтобы на основании данных, извлеченных из его стихотворений, составить общую картину состояния землевладения в римском мире при самом появлении принципата, или, по крайней мере, обозначить ее контуры. Такой попытки систематически до сих пор никто не сделал, а задача кажется мне небезынтересною для общей цели исследования истории римского земельного строя»⁵. Соответственно, и очерк делился на две части (не считая общего введения). В первой скрупулезно разбирались и складывались в картину данные, сообщаемые самим Горацием о его земельных владениях, прежде всего о поместье в сабинской земле. Во второй Гревс, обращаясь за примерами к другим источникам и сопоставляя их с данными поэта, стремился подтвердить вывод о сильном преобладании в Италии ко времени установления Империи крупной земельной собственности не только над мелкой, но и над средней. В заключение формулировались некоторые общие идеи о социальных задачах новой, императорской власти (ослаблении могущества земельной аристократии), которые решались прежде всего созданием императорского землевладения в противовес крупному частному, а также созданием и поддержанием мелкой и средней собственности⁶.

Закончив работу над очерком, Гревс в начале октября 1894 г. послал его Иванову во Флоренцию с просьбой не задерживать более пяти дней и отослать обратно в Париж, чтобы затем можно было переправить его в Петербург для публикации. Однако ответ задерживался, так что Л. Д. Зиновьева-Аннибал (в несохранившемся письме) успела сообщить Гревсу о положительной в общем реакции Иванова и о том, как тщательно он работает над своим отзывом, в частности, перепроверяя ссылки. Гревс немедленно ответил ей, благодаря за радостную

¹ «Кто были мои учителя? <...> “заочно” могу также назвать несомненным своим учителем *Фюстель де Куланжа*. Лично его никогда не видел, но сочинения его оказали решительное влияние на мое методическое и идейное научное развитие» (*Гревс И. М.* К моему научному учению. Л. 38 а). Ср. выше: Переписка... II. С. 304, примеч. 4.

² Ср. *Гревс И. М.* Очерк первый. Гораций. С. 89 сл., примеч. 1, С. 164, примеч. 1.

³ Там же. С. 98–99.

⁴ Там же. С. 160–161.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же. С. 187.

весть он-де «все время дрожал, опасаясь, что Вячеслав Иванович забракуют совсем» его «Горация». А ведь Иванов для него «положительно самый высший научный авторитет (так как он и очень строг в смысле метода, и замечательно дружелюбно расположен)» (п. 21).

Полученный вскоре отзыв на «Горация» (п. 22 и приложение к нему) был подробным, основательным и включал не только общую высокую оценку работы, но и постраничные (кое-где и построчные) замечания. Поздравив друга с «очень удачным началом», Иванов прежде всего подчеркнул неоспоримые достоинства очерка: «Эпюд производит чрезвычайно благоприятное впечатление свежестью и оригинальностью темы, жизненностью и наглядностью изображений, теплотою отношения исследователя к предмету исследования, тщательностью и интенсивностью вполне научной обработки совершенно исчерпанного и всесторонне освещенного материала... Вместе с тем, за ним должна быть безусловно признана новизна сведения рассеянных мелких черт в одну широкую и любопытную картину»¹. Однако само это признание примененного метода и полученного результата попытки исторической реконструкции состояния италийского землевладения на основе текстов лирического поэта не означало, что Иванов принял в работе друга все. Он точно указал на основную слабость очерка: тот был заявлен как подготовительное исследование², но Гревс, забегая вперед и предвосхищая «широкое синтетическое изображение», включил в него свои самые общие идеи о судьбах римского землевладения. По мнению Иванова, такой излишек «выводов», вытекающий из желания сделать получившуюся картину как можно более законченной и рельефной, пусть даже материала одного Горация для этого недостаточно, представлял собой «главный недостаток исследования».

У Иванова этот недостаток вызывал тем большую досаду, что он не разделял как раз основной тезис Гревса о подавляющем преобладании крупной собственности в Италии уже в конце I в. до н.э. Прямо отмеченное им «коренное несогласие» касалось собственно не роста крупного землевладения, а положения мелкой и средней земельной собственности. Предпринятую Гревсом попытку «доказать на примере экономически процветающего среднего или даже мелкого землевладельца эпохи Августа — полный упадок современной ему средней и мелкой земельной собственности» Иванов-критик расценил как «*tour de force*» парадоксализма, поскольку в том же самом очерке приведены «прямые указания самого Горация на сохранение старинной земельной собственности в руках скромных владельцев, на возникновение новых мелких собственников преимущественно в лице вольноотпущенных и клиентов, на создание мелкой собственности путем основания колоний ветеранов». Резюмируя это «единственное возражение общего характера», Иванов посоветовал выставлять «тезис о незначительности и разложении мелкой земельной собственности в Горациеву эпоху» не столь резко и безоговорочно.

Замечания, приложенные к письму на отдельных листах, касались как тонкостей филологической критики и интерпретации ее результатов, так и более об-

¹ Ср. самооценку Гревса в письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Самое большее, если моя статья прилична; а нового в ней кроме некоторой особенной “комбинации” фактов решительно я ничего не усматриваю. Величина же ее, которая произвела на Вас такое внушительное впечатление — скорее недостаток работы, чем ее достоинство» (п. 21).

² «Настоящий эпюд уже в силу особенностей самого источника, на основании которого он составлен, представляет работу чисто описательную: я задавался в нем лишь целью подготовить для общего исследования истории землевладения во время империи определенный, ограниченный одним литературным памятником материал, который может многое осветить при разработке вопроса, но не может дать решающего ответа на него» (Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 159–160).

³ Дело, требующее силы и ловкости; ловкий трюк (франц.).

ших вопросов. Иванова, сделавшего свой окончательный выбор в пользу филологии, сразу же — в методологическом введении к очерку — насторожило противопоставление «исторического» и «филологического», вполне объяснимое и даже уместное в устах всеобщего историка Гревса.

Все, что относилось к римской древности, долго считалось частною собственностью филологов, и в изучении истории римского народа выдвигались преимущественно те стороны, которые ближе всего отвечали интересам классической филологии. В силу этого древняя история Рима долго не могла вырасти в самостоятельную науку, которая находилась бы в живом общении с соседними однородными отраслями знания, а занимала место как бы вспомогательно-филологической дисциплины, обращаясь более или менее в так называемое „учение о древностях“ (Alterthümer)... Ученые, занимавшиеся римскою историей, почти все без исключения принадлежали к разряду филологов, и они охотно подчинялись уже готовым и удобным для них рамкам... Извне только юристы вносили нечто капитально новое в область познания римской древности¹

В ответ на это рассуждение (или, возможно, на какое-то иное в том же духе, стоявшее в начале очерка и не сохранившееся в окончательном его тексте на этом месте) Иванов, прошедший школу германской *Altertumswissenschaft* у прославлявшего филологию юриста и историка Моммзена, вступился за филологию как «науку о классической древности» в ее полном объеме, не знающую другого метода, другого угла зрения, кроме исторического. Поскольку его не удовлетворило и введение в целом, он довольно обстоятельно изложил свой взгляд на сложность историко-экономической темы и обстоятельства ее изучения в предшествующую эпоху, выделив четыре ряда причин, в силу которых история римского землевладения или вообще экономическая история римского государства исследована недостаточно: «Причины этого отрицательного явления лежат отчасти во внутренних условиях развития науки о римской древности, отчасти в условиях развития соседних наук, отчасти в особенностях источников исследования, отчасти в особенностях исследователей». Многие из намеченной Ивановым характеристики историографической ситуации нашло отражение в окончательном, опубликованном тексте очерка Гревса (хотя тот, как мы видели, остался при своем мнении относительно роли и задач филологии и истории и не побоялся «дразнить гусей», от чего его предостерегал Иванов, напоминая, что автор-«историк» будет иметь читателей-«филологов»).

Первым из таких читателей и был Вячеслав Иванов, изучивший присланный на отзыв этюд очень внимательно, даже придирчиво, словно проверяя на прочность и убедительность толкования тех или иных мест из Горация, предложенные Гревсом в целях производимой им исторической реконструкции. В сделанных по ходу этого разбора замечаниях Иванов демонстрирует свою великолепную филологическую подготовку и привычку к строгости анализа. Горация он знал с ранних лет, а в Берлине целый семестр слушал курс И. Фалена, посвященный чтению и разбору второй книги посланий поэта². В замечаниях на этюд Гревса можно выделить несколько микро-сюжетов, не лишенных внутреннего развития (подробнее см. комментарии к публикуемым письмам). Так, Иванов, не считая возможным толковать послание к Квинктию (Ер. I. 16) как описание реального поместья Горация, не только высказал свои возражения, но и далее в нескольких местах, где Гревс делал «глухие» ссылки на это послание при рассмотрении отдельных составных частей имения, каждый раз предлагал снабдить такие отсылки нейтральным «срв.», исключая излишне прямолинейное толкование текста. Еще один возвращающийся мотив — соображения о земельном владении поэта в Тибуре или его окрестностях в связи с вопросом о том, было ли сабинское поместье у того единственным (что стремился доказать Гревс). В общем, сделанный в письме разбор строг, но в то же время и заинтересованно доброжелателен: критик не только

¹ Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 68—69.

² *Wachtel* М. Вячеслав Иванов — студент... Р. 365; ср.: Переписка... II. С. 313 и примеч. 7.

отмечает «неувязки» или противоречия, но и подсказывает, как их лучше избежать. А иной раз и сам увлекается поставленной автором очерка задачей, например, доказательством тезиса о Горациевом виноделии в отсутствии прямых данных об этом — так что даже советует напечатать курсивом слова «лоза» в служашей косвенным аргументом цитате из 38 оды первой книги.

Но участие Иванова в работе Гревса о Горации не ограничилось замечаниями: по просьбе друга он перевел описание ландшафта, окружавшего сабинское поместье поэта, содержащееся в 16 послании первой книги. Этот перевод был приведен в очерке и снабжен следующим примечанием: «Помещенный в тексте перевод этих стихов сделан по моей просьбе другом моим, В.И. Ивановым в Риме, которому я вообще обязан большою признательностью за серьезную помощь, оказанную мне при составлении настоящего этюда»¹

Свое письмо с подробным разбором Иванов завершил пожеланием «Горацию» литературного успеха, «которого он вполне заслуживает», призывом к другу работать поспешнее и писать скорее и увереннее, а также выражением надежды на скорое получение этюдов «о saltus'ax и об Аттике». На вопрос Гревса, относившийся к участию Аттика в откупах налогов, Иванов ответил «выпиской одного примечания своей диссертации» о публиканах². Однако, судя по тому, что первую часть этюда об Аттике Гревс ему послал только в декабре 1895 г. уже из Петербурга, а в Париже во время командировки занимался в основном сбором материала по истории императорской собственности (и наряду с этим, по его словам, «прочел всего Цицерона»; ср. выше: С. 318), работа над очерком об Аттике в то время была еще далека от завершения.

Вернувшийся к Гревсу в Париж очерк о Горации вскоре был отправлен в Петербург³. Гревс же послал Иванову письмо с ответами на полученную критику К. сожалению, оно не сохранилось, но об основных его пунктах можно судить по последовавшему вскоре письму Иванову. По существу главного разногласия Гревс, видимо, продолжал настаивать на своем, и Иванов, по крайней мере внешне, смягчил свою позицию и вроде бы устранился от возражений по существу, предоставляя спор о положении мелкой собственности решиться, «как угодно будет богам»⁴. А вот в отношении «важного пункта о тибуртинском поместье»

¹ Гревс И. М. Очерк первый. Гораций. С. 107, примеч. 1.

² См. приложение к п. 22, примеч. 98.

³ Поскольку Гревс настаивал на публикации этюда о Горации целиком, его печатание было отложено с декабря 1894 г. на январь 1895 г. (см. п. Васильевского в приложении к п. 25).

⁴ Вопрос о роли и положении мелкой и средней земельной собственности в Италии и о пределах роста крупного землевладения в конце периода Республики долгое время оставался дискуссионным и не может считаться полностью решенным даже в наши дни, когда стало возможным широкое использование данных археологии и аэрофотосъемки (сбалансированную точку зрения см.: Nicolet C. *Économie et société* (133–43 av. J.-C.) // Nicolet C. *Rendre à César: Économie et société dans la Rome antique*. Paris, 1988. P. 65–69; *Idem*. *Rome et la conquête du monde méditerranéen* 264–27 avant J.-C. T. 1. *Les structures de l'Italie romaine*. 3e éd. Paris, 1987. P. 108–111, а также ср.: Marcone A. *Storia dell'agricoltura romana: Dal mondo arcaico all'età imperiale*. Roma, 1997. P. 130). В отечественной науке постепенно возобладали мнение ученых, отрицающих значительную земельную концентрацию уже в период Республики и подчеркивающих немалую роль свободного крестьянства и связанных с ним форм землевладения и господство в это время рабовладельческой виллы средних размеров (Кузищин В. И. О степени распространения латифундий в конце Республики // ВДИ. 1957. № 1. С. 64–81, *Он же*. Римское рабовладельческое поместье II в до н.э. I в. н.э. М., 1973. С. 248–253; *Он же*. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. I в. н.э.). М., 1976. С. 6, 130 сл., 227, 236, 245 сл., Штаерман Е. М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 89–92, 106, 119, 125 сл.).

О латифундиях (крупной земельной собственности) как mirage «фатаморгане», в погоне за которой постоянно находится история римского сельского хозяйства, и обусловленности смелыми оптимистическими и пессимистическими интерпретациями этого вопроса принадлежностью исследователей к той или иной эпохе, стране, традиции и школе см., например: Capogrossi Colognesi L. *Introduzione // L'Agricoltura romana: Guida storica e critica / A cura di L. Capogrossi Colognesi*. Roma; Bari, 1982. P. VII sgg. Л. Капогрросси Колоньези, включивший в эту хрестомат-

Иванов сдаваться не собирался и продолжал настаивать на своем — очевидно, в ответ на упорство Гревса в отстаивании своей точки зрения, проявленное как в переписке, так и в опубликованном тексте очерка о Горации (см. комментарии к п. 22 и 24).

В целом же Иван Михайлович отреагировал на замечания спокойно и с искренней благодарностью, с большинством из них согласился и учел, ни одно не оставил без внимания. Заделали его только слова о «*tour de force*», в которых можно было усмотреть упрек в научной недобросовестности. Должно быть, именно поэтому Иванов постарался оправдать их, еще раз указав на формальное противоречие между получившейся яркой картиной процветания «поэта-помещика» и рассуждениями о падении мелкой и средней собственности (п. 24).

Публикация внушительного по размерам этюда о Горации в Журнале Министерства народного просвещения переводила наконец в практическую плоскость вопрос о магистерской диссертации. Инициатива исходила от Васильевского, предложившего Гревсу дополнить готовый очерк еще одним в том же роде (например, о Плинии), прибавить что-нибудь «в промежутке» и соединить все в одну книгу, имеющую «размеры магистерской диссертации», а там, «в случае *настоятельной нужды*» и представить ее на степень (письмо от 18/30 ноября 1894 г. см. приложение к п. 25). По поводу этой «затаенной» мысли Васильевского Гревс решил посоветоваться с Ивановым, переслав ему письмо, полученное из Петербурга, со своей припиской. «С принципиальной точки зрения» предложенный план ему очень не нравился, ведь «диссертация должна представлять нечто стройное и систематическое». Но, конечно, Гревса привлекала реальность скорого его исполнения. «Может быть, даже если несколько переделать Горация и присоединить к нему этюд об императорском землевладении и о Плинии и, может быть, два—три мелких очерка и сделать общее заключение, выйдет и нечто не вполне отрывочное» (п. 25). Ответ Иванова не сохранился, но и молчание о нем Гревса, не желавшего ни спорить, ни уступать, и бывшие увещевания Иванова и Крашенинникова поторопиться с диссертацией, и упоминания в последующих письмах¹ позволяют с большой вероятностью предположить, что Иванов план Васильевского поддержал.

Однако работа Гревса в Париже продвигалась с большим трудом. В начале декабря 1894 г. он сообщал Иванову: «засел за “сальтусы” — очень много предстоит трудностей при разработке вопроса» (п. 25). Уже ранее собранный материал о крупном землевладении был огромен, а продолжал накапливаться новый. То, что он хотел сосредоточить около *salvus*’ов, разрослось в очерк «об императорском землевладении от утверждения империи до Диоклетиана (или несколько раньше?)» (п. 29). Между тем время командировки неумолимо шло, до возвращения в Россию оставалось полгода. Иван Михайлович был вынужден признаться себе и другим — надо соглашаться с планом Васильевского, иначе никак не успеть. Об этом он писал Иванову, намечая и то, какие очерки могли бы составить магистерскую диссертацию. Он предполагал, что это будут: только что упомянутый очерк об императорском землевладении (на 10—15 листов), затем «нечто подобное по величине» из уже собранного материала «о частновладельческой собственности в тот же период (с Плинием в центре)», а также несколько переделанный «Гораций» в виде «прелюдии». При добавлении «руководящего» предисловия и общего заключения, «которое сконцентрирует в общем выводе идеи, проходящие через все три очерка», получилась бы увесистая диссертация (Там же).

тию и перевод вышеупомянутой статьи В. И. Кузищина 1957 г., предвзята ее, высказывается еще более категорично: по его мнению, о трансформации вилл по направлению к латифундиям даже для I в. н.э. говорить еще слишком рано (Ibid. P. XXIX).

¹ Ср. в новогоднем письме Иванова из Рима: «Отчего Вы ничего не пишете мне о тех касающихся Вашей диссертации соображениях, которые я высказал в предыдущем письме, с коим возвратил Вам письмо Васильевского?» (п. 28).

Так сложился план превращения «Очерков» в диссертацию¹, который в конечном счете и осуществился, хотя вышедший в 1899 г. том заметно отличался по своему составу от намечавшегося в 1895 г., в нем не было разделов об императорском землевладении («сальтусов») и частной крупной собственности («Плиния Младшего»)², зато центральное место заняли очерки о Горации и об Аттике.

Зимой 1895 г. Гревс надеялся, что успеет завершить первые два очерка, т. е. основную часть задуманного, до возвращения в Россию. К концу февраля он окончил «обозрение государственных земель (ager publicus в Италии и провинциях)», которое было нужно ему «как установка исходной точки и зерни императорского землевладения», и перешел к следующим вопросам: «1) степень власти императора над этими государственными земельными имуществами; 2) способы их приращения; 3) императорский патримоний и т. д.». Он был «погружен в писание», а кроме того, много читал Цицерона («эксперпировал его всего кроме философских вещей») и Плиния Старшего. Тогда же дало о себе знать его излишне ревнивое отношение к предмету своего научного интереса. Он делился опасениями, которые вызывали в нем «соперники» ученые, занимавшиеся «его» темой (А. Шультен³, П. Гиро⁴), и удивлялся безразличному отношению Иванова к тому, что «Гиро захватил в свои руки всю громадную область римского землевладения» (п. 30).

Весной 1895 г. Гревс собирался ехать для продолжения работы в Рим, рассчитывая встретиться там (или, скорее, уже во Флоренции) с Ивановым, чтобы узнать его мнение «о ряде важных вопросов» и, в частности, обсудить предложения Васильевского (п. 31). Когда же Иванов по личным причинам (о которых речь пойдет ниже), не объясняя их другу, решил задержаться в Риме, встревоженный Гревс (см. п. 35) ускорил свой отъезд из Парижа и еще в марте⁵ приехал в Рим, где друзья провели вместе около двух недель.

О весенних римских днях 1895 г. мы осведомлены благодаря переписке Иванова с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: в письмах влюбленной пары то и дело встречается имя Ивана Михайловича. Лидия Дмитриевна устраивает в письме «сцену», сердясь, что Иванов с легкостью готов «украсть для Гревса и Рима несколько дней»⁶ Иванов в ответ, обыгрывая сетования подруги на приезд «неотразимого» Ивана Михайловича, пишет шуточно: «О Лидия, я пользуюсь всякой возможностью работать, но... дружба “неотразима”, как и красоты весенней Кампаньи...», а далее, перейдя на возвышенный слог, прямо посреди патетического объяснения в любви замечает: «Я иду ночью рядом с Гревсом, и мы тихо беседуем, и я кажусь одинаково с ним настроенным, но как бы уди-

¹ «Меня очень обрадовало то, что вы пишете об обращении моих “Очерков” в диссертацию. После Вашего одобрения я окончательно на это решаюсь» (п. 30).

² Соответствующие главы имеются в рукописи, подготовленной Гревсом для издания в 1938 г., публикация которой так и не состоялась. См.: *Каганович Б. С.* Вокруг «Очерков»... С. 205–206, 211–212. В архиве Гревса указанные два очерка хранятся в рукописи и машинописи: «Очерк шестой. Плиний Младший как землевладелец и как общественный тип» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 94. 2 тетради. 56 л. Рукопись; Ед. хр. 96. Л. 1–159. Машинопись); «Очерк седьмой. Развитие императорского землевладения в римском мире и его социально-политическая роль» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 95. 2 тетради. 241 л. Рукопись; Ед. хр. 96. Л. 160–258. Машинопись). Кроме того в архиве Гревса сохранилась объемистая папка (337 листов!) выписок к работе о Плинии: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 107

³ См. примеч. 12 к п. 29.

⁴ См. примеч. 10 к п. 29.

⁵ В письмах, которыми Иванов практически ежедневно обменивался с находившейся во Флоренции Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, присутствие Гревса в Риме впервые обнаруживается 23 марта 1895 г., в ночь на 24 марта Иванов пишет: «Боюсь, что не найду завтра свободной минуты, чтобы написать тебе несколько строк. Мое время не принадлежит мне более в той мере, как прежде» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 25). Скорее всего это написано почти сразу по приезде Гревса, который упоминается далее в этом письме (см. ниже: Переписка... V С. 374, примеч. 2).

⁶ РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 29 об. (12/24 марта 1895 г.); см. также в примеч. 1 к п. 37.

вился он, если бы заглянул мне в душу...»¹ К тому же, мысли Иванова заняты и собственной диссертацией (ср. ниже: Переписка... IV С. 348–349), но тем не менее он изо всех сил старается помочь другу — несколько раз переносит дату возвращения из Рима во Флоренцию, ссылаясь в том числе и на свои дружеские обязательства, и буквально накануне отъезда все еще пишет Лидии Дмитриевне: «Я не считаю удобным покидать Рим, не прочтя здесь одной части работы Гревса²; быть может, я пожертвую для этого еще несколькими днями, как ни мучительно рвусь к тебе...»³

После отъезда Иванова⁴ Гревс еще примерно на неделю остался в Риме, работая в Германском археологическом институте (см. п. 37 и 38), а потом спешит во Флоренцию⁵, чтобы встретиться с друзьями Пасху, приходившуюся в 1895 г. на 2/14 апреля. Именно там Иван Михайлович оказался свидетелем решительного поворота в судьбе близких ему людей — ставшего свершившимся фактом разрыва Вячеслава Иванова с женой, Дарьей Михайловной, ради нового союза с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал. Эти события глубоко потрясли Гревса, считавшего себя виновником случившегося⁶ (ведь это он познакомил Иванова с Лидией Дмитриевной), и омрачили, по крайней мере на время, его отношения с другом.

Вернувшись из Италии в Париж, Гревс сразу же «по уши» (п. 40) погрузился в работу и за последние апрельские дни почти завершил «в форме первоначально очерка» раздел о патримонии. Теперь надо было «переходить к самым трудным “синтетическим” задачам» (Там же). Таким образом, работа над историей императорского землевладения за два месяца значительно продвинулась вперед. К сожалению, о том, как она шла дальше, неизвестно, так как именно в это время переписка с Ивановым почти прекращается: одна-единственная открытка Гревса, посланная из Парижа в Булонь (когда Иванов был уже во Франции), свидетельствует о тени отчуждения, омрачившей их дружбу (п. 42).

Длительная заграничная командировка завершилась, и в конце сентября 1895 г. Гревс вернулся в Петербург. Там на него сразу навалились дела, и три открытки, посланные им Иванову во время пребывания того в Петербурге в октябре, полны только согованиями на занятость, из-за которой друзьям никак не удавалось свидеться (п. 44–46). Но в Петербурге они все-таки встречались⁷, причем навстречка обсуждали и научные дела: в частности, речь шла о возможности распределения очерков Гревса на два тома, из которых второй должен был стать докторской диссертацией⁸. Из Петербурга Иванов, захватив в Москву, отправился в Берлин, а потом в Париж, откуда в начале декабря писал Гревсу, спрашивая, не окончил ли тот «Агтика», и выражая надежду «получить его в ближайшем будущем» (п. 47). Гревс будто только и ждал этого призыва: он немедленно выслал уже готовую к публикации первую часть нового очерка с просьбой бегло просмотреть ее и не задерживать

¹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 28 (25 марта 1895 г.). См. ниже: Переписка... V. С. 374, примеч. 3.

² Возможно, речь идет о первой главе раздела об императорском землевладении, которую Гревс собирался прислать Иванову (ср. п. 30).

³ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 37 (2 апреля 1895 г.). Ср. в письме от 30 марта 1895 г.: «Я очень спешу с своей работой и очень невнимательно отношусь к научным делам Гревса: мысли мои во Флоренции» (Там же. Л. 31 об.).

⁴ Иванов уехал из Рима скорее всего 4 апреля. Зиновьевой-Аннибал в последний раз он писал 2 апреля, во вторник: «Вчера я думал выехать в четверг вечером, не знаю, осуществится ли это. Крайним сроком полагаю окончательно субботу. <...> Пиши еще чтобы я получил письмо в четверг утром» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 37). Последнее письмо Лидии Дмитриевны в Рим датировано 3 апреля 1895 г. (РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 45–46).

⁵ Гревс выехал из Рима 11 апреля 1895 г., см. примеч. 2 к п. 37.

⁶ См.: Дешарт О. Введение. С. 27.

⁷ См. примеч. 1 к п. 44.

⁸ Об этом Иванов напоминал в п. 53.

обратную отсылку, чтобы у него оставалась возможность учесть сделанные замечания. «переписать и представить к печати» уже в январе 1896 г (п. 48)¹

Принимая во внимание загруженность Гревса в Петербурге, можно предположить, что очерк об Аттике для публикации в журнале он начал писать еще в Париже. С этой работой могла быть связана и «специальная „ученая“ просьба», ради которой он в августе, перед отъездом в Петербург, просил Иванова прийти на встречу в Национальную библиотеку (п. 42). Речь могла идти тогда, например, о толковании сложных или «темных» мест в сочинениях античных авторов, в особенности связанных с вопросами, которые были хорошо знакомы Иванову (финансы и т.п.). В замечаниях на «Аттика» есть упоминание о подобном разговоре²

Этюд об Аттике, получавшийся очень пространным, Гревс сразу предполагал печатать частями, по мере завершения работы. В первой его части он, рассмотрев сначала происхождение Аттика и разнообразные пути его обогащения, сосредоточился на его «банкирских и вообще торгово-промышленных предприятиях»³. С точки зрения главной темы истории римского землевладения это было лишь вступление, и не случайно Иванов, откликнувшийся на присылку рукописи с энтузиазмом, прочтя ее с живейшим удовольствием, писал, что надеется вскоре получить остальную важнейшую и, по самому существу дела, наиболее самостоятельную часть исследования (п. 49). Вводный характер работы, не предполагавший значительных общих выводов, объясняет и отсутствие у Иванова «серьезных разногласий» с Гревсом. Однако и «немногочисленные возражения», касающиеся «лишь второстепенных подробностей», представляют немалый интерес, так как демонстрируют своеобразие исследовательской индивидуальности обоих.

Иванов не ограничился просто высокой оценкой работы (общим недостатком он счел лишь «некоторую многословность, бросающуюся в глаза здесь и там»), а сопроводил свое письмо подробнейшими замечаниями на нескольких листах с отдельной пагинацией (см. приложение к п. 49, общее примеч.), разделенными к тому же на две части: замечания по содержанию, озаглавленные просто «Аттик», и замечания по стилю и форме, названные «Quisquilia»⁴. Как и в случае с «Горацием», Гревс отнесся к замечаниям очень внимательно: некоторые принял безоговорочно, с другими не согласился, но и в этих случаях доводы, приведенные Ивановым, не были им оставлены без внимания, о чем свидетельствует опубликованный текст очерка (ср. комментарии к п. 49 с приложением).

Так, в вопросе о характере финансовой помощи Аттика Афинам, когда город вынужден был прибегнуть к новому займу, чтобы рассчитаться по прежнему обязательству (*versuta*), Иванов отстаивал толкование В. Друмана (см. выше, примеч. 52), согласно которому Аттик выступил лишь в роли посредника при заключении этого нового займа, не взяв с афинян комиссионных за эту «услугу». Гревс остался при своем мнении, полагая, что Аттик сам ссудил Афины деньгами на беспроцентной основе⁵. Сопоставление обеих позиций показывает, что Иванов, рассуждая прежде всего как филолог и знаток права, исходил главным образом из анализа внутренней логики краткого описания у Корнелия Непота именно

¹ Первая часть очерка (*Гревс И.М.* Очерк второй. Аттик. I) вышла в февральском номере журнала за 1896 г

² «В вопросе об интерпретации места Корнелия Непота: „*cum enim versutam*“ set... я согласен не с Вами, а с Друманом. При устной беседе с Вами я не имел возможности вникнуть в текст, теперь же нисколько не сомневаюсь, что толкование Друманна *единственно возможное...*» (приложение к п. 49. Замеч. к р. 12 Г). Конечно, нельзя исключить, что упомянутая беседа состоялась в октябре в Петербурге, а не в августе в Париже, хотя это представляется все же менее вероятным.

³ *Гревс И.М.* Очерк второй. Аттик. I. С. 340, примеч. 2.

⁴ «Пустяки, вздор» (*лат.*).

⁵ *Гревс И.М.* Очерк второй. Аттик. I. С. 308 сл., примеч. 6.

этого эпизода; Гревс же как историк, ищущий в источнике подтверждения своей концепции, считал, что приняв толкование Друмана «значит бесконечно ослаблять общее содержание всего текста»¹, свидетельствующего о великодушии Аттика. Поэтому он продолжал, приводя новые аргументы (в частности, по поводу того, какого рода посредничество могло описываться словами *se interpretare*), отстаивать свою интерпретацию как «несомненно самую вероятную по внешним и внутренним соображениям»².

Несмотря на заявленное Ивановым отсутствие серьезных разногласий, в его замечаниях явно проглядывает несогласие с общей оценкой хозяйственной деятельности Аттика, данной Гревсом, по мнению которого Атик сознательно поставил перед собой цель увеличить свое состояние и достичь большого богатства, чтобы утвердить свою личную свободу в эпоху крушения республики³. Иванов, со своей стороны, был не склонен считать, что поведение Аттика выходило за рамки римской традиции, предписывавшей домовладыке быть рачительным хозяином⁴. Свое прорывающееся то и дело в отдельных замечаниях несогласие он в конце концов сформулировал совершенно определенно, высказав его Гревсу, который позволил себе заподозрить Аттика в женитбе ради приданого: «Увлекаясь своею экономической точкою зрения, Вы склонны своему портрету Аттика придать черты Шейлока и игнорировать все благородные стороны его заведомо приятельной, по суждению всех лучших современников, и высоко культурной личности, — ради одностороннего освещения его стремления к стяжанию, стремления, никогда однако не обращавшегося в нем в позорную страсть, которая бы нарушила аттическую гармонию его характера»⁵.

Упрек этот, однако, не вполне справедлив: Гревс действительно увлекался экономической точкой зрения, поскольку писал именно «имущественную биографию» Аттика, но не устал подчеркивать «ловкую и благонамеренную осторожность» своего героя, отличавшую его от алчных и наглых современников⁶. «Атик не принадлежал к числу тех приобретателей, которые в пылу коммерческой деятельности увлекаются самым ее процессом и в нем находят если не цель, то главную прелесть жизни; расширение материальных средств было в глазах его лишь путем обеспечения свободного от зависимости и спокойного от случайностей существования. Он избежал многих опасностей, связанных с рискованными предприятиями капиталистов...»⁷.

Пожалуй, не следует преувеличивать академическую серьезность таких разногласий: некоторые замечания Иванова свидетельствуют скорее о несовпадении жизненных позиций и уонастроений, а иной раз и не вполне свободны от пристрастного отношения к предмету — например, он счел, что, упомянув в качестве примера хищничества «темное дело о злоупотреблениях Саллютия в Африке», Гревс напрасно поставил «одного из первых историков на одну доску с Верресом, когда так легко сослаться на Фонтя, Габиния и стольких других»⁸. При-

¹ Там же. С. 309.

² Там же. С. 310.

³ Там же. С. 311.

⁴ Приложение к п. 49. Замеч. к р. 13. Прим. 4.

⁵ Там же. Замеч. к р. 34.

⁶ Гревс И. М. Очерк второй. Атик. I. С. 311.

⁷ Там же. С. 337 сл.

⁸ Приложение к п. 49. Замеч. к р. 17. Прим. 5. *Гай Саллюстий Крисп* (86–34 гг. до н.э.) римский историк и политический деятель, в 45 г. до н.э. после наместничества в Африке был обвинен в злоупотреблениях, и только благодаря вмешательству Цезаря судебное преследование было прекращено. *Гай Веррес* (ок. 115–43 гг. до н.э.) наместник Сицилии в 73–71 гг. до н.э., злоупотребления которого ярко запечатлелись в исторической памяти благодаря обличающим их речам Цицерона в ходе судебного процесса в 70 г. до н.э., в результате которого Веррес, не дожидаясь обвинительного приговора, удалился в изгнание и поселился в Массилии (совр. Марсель). — *Маней Фонтей* — наместник Нарбонской Галлии в 74–72 гг. до н.э., которого Ци-

слушавшись к другу, обидевшемуся за товарища по цеху, жившего две тысячи лет назад, Гревс убрал упоминание о деле Саллюстия, заменив его ограблением Галлии Фонтесем¹

Судя по всему, при повторном просмотре рукописи очерка (или своих замечаний) Иванов сделал еще несколько замечаний. Среди них есть два, в которых упомянуто имя Моммзена. В одном Иванов отмечает неточность в юридическом смысле следующей формулировки: «*Звание всадника очень рано сделалось наследственным*» и допускает возможность говорить разве только о фактической наследственности всаднического сословия в те времена, ссылаясь при этом на авторитет моммзеновского «*Staatsrecht*»² Подчеркнутые Ивановым слова Гревс в напечатанном тексте оставил без изменения, а сделанные им далее оговорки, кстати, без ссылки на Моммзена («фактически этот порядок установился задолго до того...» и т.д.) свидетельствуют скорее о непонимании строгости требований Иванова к юридической чистоте формулировок³ В другом замечании подчеркивается важность различения крупной земельной собственности и крупного, латифундиарного хозяйства: это различие, «на котором настаивает Моммзен, не должно быть игнорируемо; напротив, выдвинуто на первый план. Ведь Вы говорите о развитии крупной собственности, недостаточно выясняя вопрос, в какой мере уживалось с ней мелкое, колонатное хозяйство»⁴ На полях против этого абзаца в письме Гревс поставил знак вопроса: очевидно, замечание требовало не просто согласия и принятия (в этих случаях соответствующие абзацы в письме перечеркивались), а приглашало к более длительным размышлениям над одним из центральных вопросов истории римского землевладения⁵

Разумеется, в ответ Гревс поблагодарил Иванова за «новую серьезную дружескую услугу», тщательные замечания и снисходительную общую оценку, хотя и заметил, что в некоторых пунктах остался «упрям» (п. 50). Вместе с этой благодарностью в Париж к Иванову должно было отправиться и продолжение рукописи — вторая часть «Аттика». Третья, заключительная часть была «еще далеко не дописана», но Гревс надеялся, что даже при некотором промедлении весь очерк целиком будет напечатан уже в апреле⁶. Однако и вторая часть была едва приведена к «возможному для посылки виду»: текст был «менее обработан (так как более сложен), чем в первой части», «самая внешность рукописи (много отдельных листков)», как опасался Гревс, могла «производить впечатление разбросанности более значительной, чем на деле». Поначалу он даже собирался отправить в Париж рукопись, в середине которой недоставало «нескольких страниц (об Аттике — посessore agrotum publicorum)», обещающая выслать их на следующий день, но в результате назавтра отослал вторую часть «Аттика» целиком, предвидя, что и ее печатание придется отложить из-за того, что еще многое ему придется переделывать, в том числе и после критики Иванова (п. 51).

Предчувствия Гревса не обманули. Иванов ответил быстро, но в несколько иной, чем прежде, манере: теперь он делал сравнительно немного замеча-

церон защищал в подобном же процессе в 69 г. до н.э. (с неизвестным исходом). Авл Габиний сторонник Помпея, наместник Сирии в 57—54 гг. до н.э., в 54 г., несмотря на защиту Цицерона, был осужден по обвинению в таких же злоупотреблениях (вымогательстве).

¹ Гревс И. М. Очерк второй. Аттик. I. С. 314 сл., примеч. 5.

² Приложение к п. 49. Замеч. к р. 11.

³ Гревс И. М. Очерк второй. Аттик. I. С. 307, примеч. 2.

⁴ Приложение к п. 49. Замеч. к р. 3.

⁵ См., например: Capogrossi Colognesi L. Introduzione // L'Agricoltura romana: Guida storica e critica / A cura di L. Capogrossi Colognesi. Roma; Bari, 1982. P. XXIII.

⁶ В действительности очерк печатался в таком порядке: ЖМНП. 1896. Февраль. С. 297—340. Июль. С. 1—66. Сентябрь. С. 76—140.

ний и исправлений, касающихся отдельных деталей, но более развернуто излагал пункты, по которым не был согласен (п. 52). Впрочем, этого и следовало ожидать, поскольку речь шла о центральной части этюда об Аттике, посвященной его земельным владениям. Следуя методу, уже опробованному в «Горации», Гревс, выясняя состав земельного богатства Аттика, стремился истолковать намеки о землевладении Аттика, находящиеся у Цицерона и Корнелия Непота, с помощью широкого набора других данных о земельных отношениях того времени.

В первых же строках своего отзыва Иванов обрушился на толкование Гревсом одного места из письма Цицерона к Аттику (II. 15. 4), которое «решительно нас разделяет». Камнем преткновения оказался вопрос о возможности оккупации общественной земли в Италии во времена Аттика, т.е. после того, как закон III г до н.э. обратил оккупированные земли в собственность их владельцев. Треть письма посвящена этой «главной контроверсе» по поводу судеб италийского *ager publicus*. Разбор этого вопроса Ивановым оказался столь убедительным и был исполнен с таким мастерством, что его критика и аргументация были целиком приняты Гревсом¹.

Кроме того, Иванов счел необходимым выразить «протест против гиперкритического отношения к биографу Аттика», которое, с его точки зрения, заключалось в том, что Гревс упрекал Непота за то, что в изображении Аттика-капиталиста и дельца он смягчил краски, стараясь приуменьшить роль капиталистической и спекуляторской деятельности в его жизни. По мнению же Иванова, именно оценивая подобное «отношение биографа к столь важной стороне жизни его героя», необходимо учитывать, что «установленный обычаем и санкционированный правом круг экономической деятельности *patris familiae diligentis* не заключал в себе, в противоположность нашей эпохе, никаких признаков, которые бы резко отличали его от круга деятельности профессионального финансиста; так что даже столь широко развитая неготиаторская, землевладельческая, банкирская деятельность, как деятельность Аттика, могла рассматриваться только как расширенное ведение хорошо устроенного частного хозяйства» (п. 52).

Данное соображение Иванова представляет самостоятельный интерес, поскольку сформулировано оно было в тот момент, когда только начинался спор «модернистов» и «примитивистов» о характере античного общества и его экономики, а проблема соотношения профессионального и социального статуса дельцов-финансистов в такой форме еще и не ставилась².

Окончание работы над второй, главной, частью этюда об Аттике означало, что пришла пора задуматься о плане дальнейших действий. Иванов поддерживал друга в «решении соединить очерки о Горации, Аттике и пр. в один том, а второй том посвятить исключительно императорскому землевладению, чтобы таким образом завоевать при помощи этого второго тома и докторскую степень». Понимая желание Гревса использовать предстоящее лето для того, чтобы поскорее окончить «наиболее важный из всех» очерк об императорском землевладении, он все же считал «более практичным и целесообразным не исключать уже написанных очерков об Аттике и Горации из рамок диссертации»,

¹ Гревс И. М. Очерк второй. Аттик. II. С. 31—43.

² Согласно Ж. Андро, для римской финансовой системы было характерно наличие финансов двух типов: одни были профессиональными дельцами, другие же, принадлежавшие к всаднической или сенаторской элите, таковыми не были и не считались, хотя заключавшиеся ими сделки могли не уступать профессиональной деятельности первых ни по размаху, ни по сложности. К числу вторых относился и Аттик. См.: *Andreu J. La vie financière dans le monde romain: Les métiers de manieurs d'argent: (IVe siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.)*. Rome, 1987. P. 16—17; *Idem. Banque et affaires dans le monde romain: (IVe siècle av. J.-C. — IIIe siècle ap. J.-C.)*. Paris, 2001. P. 16, 264—265.

а может быть, даже и «ограничиться этими двумя этюдами для получения степени магистра». Однако рассматривая план Гревса составить первый том из трех этюдов (Гораций, Аттик, Плиний), он советовал написать еще один — о землевладении в эпоху Нерона (по Сенеке, Колумелле и Петронию), «совсем маленький самостоятельный этюд, который бы занял место между Аттиком и Плинием» (п. 53). Так первый том Гревсовых «Очерков истории римского землевладения» приобретал все более определенные очертания, в немалой степени благодаря помощи и советам Иванова.

Иванов высказывал недоумение, зачем Гревс «оторвал заключение Аттика от его второй части», полагая, что заключение это «не должно быть чересчур пространно» (Там же). Однако в данном случае он ошибался: третья часть очерка, посвященная политической философии Аттика и его общественному поведению, по размерам оказалась сопоставимой со второй, главной. С нею Иванов познакомился только летом, когда Иван Михайлович вновь поехал за границу и там завершил работу над заключительной частью этюда об Аттике¹

Летом 1896 г в Париже, как обычно, собралось немало русских ученых. 7 июля 1896 г М.И. Ростовцев писал С.А. Жебелеву: «В отношении общества русского здесь более, чем нужно. Здесь Щукарев, Гревс, Аничков, Васильев, Панченко, Батюшков, не считая моих приятелей архитекторов. Как видите, людей много; из них мне вправду, кроме моих сожителей, вполне по душе один Гревс, но с ним я почти что не вижу, так как он живет далеко и, как всегда, целый день работает»² И все же напряженная работа не мешала дружескому общению. 26 июня Гревс писал жене: «Сегодня в субботу у нас будет русский день, будут Аничков, Батюшков и Лаппа»³ Именно к этому времени относится весьма интересная для нас эпиграмма В.А. Гольштейна:

*Гревс на Ваграмке*⁴

(Психическая радиограмма по Рентгену).

И среди приятинцев-кисляев
Есть вечно бодрый дядя Гревс...

Гревс докучал моралью строгой
Себя за слабости ругал
И диссертацию писал...

(Отрывки из неоконченных
стихотворений, вместо эпиграфа)

Ходит Гревс в волнении,
Не находит места:
Мучают сомнения,
Мучает Дигеста!

¹ Ср. в письме Гревса к жене от 14/26 июня 1896 г из Парижа: «Моя работа продвигается кое-как, хотя окончены «Аттики», заверживают и бесконечно мешают мысли о курсах» (цит. по Человеку с открытым сердцем. С. 258).

² Цит. по: Скифский роман. С. 385.

³ Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 258. Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) — приват-доцент Петербургского университета по кафедре западных литератур, историк литературы, критик; друг Иванова. Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920) — профессор Петербургского университета и ВЖК, литературовед и критик. Об А.С. Лаппо-Данилевском см. примеч. I к п. 58.

⁴ На авеню Ваграм в Париже жили А.В. и В.А. Гольштейны (см. примеч. 10 к п. 49), у которых или недалеко от них — останавливался обычно Гревс.

Отзыв дал мне веский
Лапа-Данилевский,
Что писать об Аттике —
Вздор без математики;

— Что вся суть истории
В формулах, таблицах.
Вот каков он, Лапа,
Не то что Аничков!

Все ж узнать мне хочется
Нет ли тут обманов,
Что об этом думает
Вячеслав Иванов?

Да боюсь и спрашивать:
Знаю, выдет каша,
Знаю, что браниться
Станет тетя Саша.

Ходит Грєвс в волнении,
Не находит места
Мучают сомнения,
Мучает Дигеста...

Сатирический пьит
и фершел:
Владимир Гушенко

Ваграмка, июль 1896 г.¹

Итак, желая узнать, «что об этом думает Вячеслав Иванов»², Грєвс в начале июля передал ему рукопись третьей, заключительной части «Аттика». Вячеслав Иванович прочитал ее непривычно быстро за два дня и вернул вместе со своими критическими заметками (см.. Приложение к п. 54³ Прочитанное ему явно не понравилось: «В общем я нахожу, что изложение крайне растянуто и что огромное количество тщательно собранного материала не соответствует малой, на мой взгляд, важности выводов, которые вдобавок, в своих существенных чертах, уже были намечены в предшествующих частях этюда; характер политико-моральной

¹ Эта эпиграмма, по другому источнику, уже публиковалась (см.. Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн. Р 337–338). Мы приводим беловой текст, сохранившийся в архиве Грєвса (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 365. Л. 1–2). ...по Рентгену открытие немецким физиком В. К. Рентеном X-лучей (рентгеновского излучения) в ноябре 1895 г. надолго стало модной темой в самых различных кругах европейского общества (ср. иронический отклик — намек на тематическое разнообразие работ М. Н. Крашенинникова в письме Ростовцева к Жебелеву от 15 февраля 1896 г. из Вены: «А когда Крашенинников напишет статью о лучах Рентгена?»; цит. по: Скифский роман. С. 382). ...Дигеста — Дигесты Юстиниана, важнейший памятник римского права. ...тетя Саша А. В. Гольштейн (ср. ниже: Переписка... V С. 376).

² В архиве Грєвса сохранилась еще одна эпиграмма-посвящение Гольштейна, в которой явно ощущается присутствие Иванова, пусть и не названного по имени:

Самобичующемуся и самовознаграждающемуся, вечно сомневающемуся и неустанно уповающему другу, Ивану Михайловичу Грєвсу

(Слог сего адреса заимствован из новейшего произведения ученого русского филолога)

(Там же. Л. 11).

³ «В понедельник же <т. е. 6 июля. Ид.> я получил в библиотеке от Грєвса 3-ю часть Аттика (67 его страниц) для рассмотрения; вчера в библиотеке я вернул ему рукопись с своими заметками...» (Иванов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. 28 июня / 10 июля 1896 г. // РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 18 об.).

проповеди (монотонной, как все проповеди) также невыгодно отличает, по моему суждению, настоящей очерк».

И отдельные замечания на сей раз были необычайно резкими и касались главным образом не деталей исторического и филологического анализа (тем более что он во многом основывался на давно уже известных работах В. Друмана и Г. Буассье¹), а тех вопросов, в трактовке которых отражались общие мировоззренческие установки Гревса, отличные от умонастроения Иванова. Всякий раз, когда Иван Михайлович, ведя речь о Риме, слишком явным образом метил в «злобы» окружающей российской (да и не только российской) действительности, употребляя к тому же столь высокопарные выражения, как «честь», «дело освобождения», «героизм», «политический индифферентизм», «честное воздержание от службы (? Государственной как в России ?)» и т.п., Иванов не мог сдержать своего раздражения, и как ученый, и как человек, не приемлющий морализаторских и потому, с его точки зрения, фальшивых суждений например, о предосудительности политического «индифферентизма» Аттика.

Стремясь соединить «социально-экономический образ» Аттика как земельно-го магната с его «интеллектуально-политической фигурой», Гревс усматривал в герое своего второго очерка «предшественника имперской земельной и служилой знати»², предстатели которой более всего поклонялись своим личным интересам, но при этом готовы были быть добросовестными и усердными чиновниками. «Аттик предшественник Плиния Младшего; это политический индифферентист и личный оппортунист, удаляющийся от дел, пока публичная карьера опасна, но готовый работать для государства цезарей, раз оно твердо установлено, будет охранять его безопасность и щедро награждать его»³ В примечании к этому выводу Гревс дал волю своим чувствам:

Аттик здесь, как и во многих других отношениях, выказал гораздо больше проникновенности, чем друг его Цицерон. Последний верил в свое политическое чутье, и его восхваляли за дар предвидения, но он постоянно делал промахи и попадал впросак, а в конце концов был выдан, как жертва союзнику, человеком, которому он сам помог подняться, и который нанес окончательный удар делу, связанному со всю жизнь Цицерона. Аттик, наоборот, до последней минуты жизни настоящим образом и безошибочно предугадывал направление, которое примут события. Затем еще Цицерон, хоть и не может быть назван вполне бескорыстным человеком, все-таки до конца остался верен известной идеологии: Аттик же радикально очистил себя от республиканских «предрассудков» и мастерски пользовался обстоятельствами заранее для своей выгоды. Цицерон погиб, Аттик остался цел и еще более «процвел» вместе с утверждением нового строя. Нельзя забывать политических ошибок и нравственной небезупречности Цицерона, если иметь в виду всю его деятельность, но вместе с тем необходимо сознаться, что вынужденная похвала сраженному врагу, выравнявшая впоследствии из уст первого императора (Август сказал про Цицерона: «Αθύρος άνήρ... καί φιλόπατρις»⁴ См. Plut. Cic. 49) звучит глубже, искреннее и справедливее, чем плоский восторг панегириста Корнелия перед жизненными удачами Аттика⁵.

По тому, как оценил эти рассуждения Иванов, чувствуется, что здесь оказались задеты глубоко личные струны, связанные с его общественно-политической позицией в целом, для которой было характерно неприятие романтизации борьбы ради борьбы, оппозиции во что бы то ни стало:

Как весь этот портрет Аттика мало убедителен и психологически, и исторически! Разве возможно было для римского гражданина не стоять ни под каким политическим знаменем? <...> Где

¹ *Drumann W* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischer zur monarchischen Verfassung. 6 Bände. Königsberg, 1834–1838; *Boissier G.* Cicéron et ses amis. 6e éd. P., 1882.

² Гревс И.М. Очерк второй. Аттик. III. С. 126–127

³ Там же. С. 125.

⁴ «Ученый человек был... и любил отечество» (Плутарх. Цицерон. 49).

⁵ Гревс И.М. Очерк второй. Аттик. III. С. 125, примеч. 2.

высказывается Атик в пользу философски-эпикурейского воздержания от политики? Он устраняется от активного вмешательства; но прямо провозглашает политический индифферентизм римлянин не мог. Да Атик и не был индифферентистом, как не был настоящим эпикурейцем: он был только «ohne Liebe und Hass»...¹ зато огромный политический интерес («civis amans patriae»² cf. ad A<tt> I, 19, 1) соединялся в нем с огромною политической проницательностью и тактом; между тем как греки-индифферентисты были, вероятно, обыкновенно «неполитические головы».

Мне кажется, что именно политическая зоркость мешала Атику активно защищать потерянное дело республиканской свободы... с которым связывали его однако все традиции его среды, тогда как и нравственная безразличность, и любовь к независимости не позволяли ему сделаться слугою тираннии. — Вообще, отличительная черта [характера] Аттуса — гибкость и приспособляемость; потому и его личность всецело обусловлена его эпохой и в других условиях места и времени была бы иною. Такие характеры могут быть, следовательно, правильно оценены только историком; а Вы в этом этюде все мерите меркой моралиста. Отсюда односторонности освещения, преувеличения, несообразности и отсутствия жизни в тщательно нарисованном портрете <...>

Почему лишь подобные Атику лица заслуживают исторической квалификации «предшественников имперской земельной и служилой знати» — не понимаю. Имперская земельная и отчасти служилое знать образовалась из [прежних] некогда оппозиционно настроенных сенаторов; другая часть служилого сословия составила из всадников, исторические традиции которых и даже практические интересы (откупы) также не чужды были республиканизма. Атик только заранее начал практиковать то политическое воздержание, которое было столь уместно в империи и отклонения от которого приводили к столь бесплодной и идейно-пустой, хотя и имевшей своих мучеников и аскетов, часто благородной и для многих психологически необходимой, — оппозиции

О реакции Гревса на столь резкую критику Иванов сразу сообщил Зиновьевой-Аннибал: «Вчера в библиотеке я вернул ему рукопись с своими заметками, которые весьма импрессионировали его, потому что я очень сильно его поругал и вовсе не похвалил. Он говорил мне, что будет все по-новому перерабатывать, но я убеждал его послать статью как есть, так как она назначается лишь для журнала и должна, все равно, быть переработана и сокращена на диссертацию»⁴. В действительности, переработка едва ли была возможна: замечания и возражения носили слишком общий и принципиальный характер. О них можно было много говорить⁵, но их нельзя было учесть, не переписав все заново и не переделав заодно себя самого, со всеми своими принципами и убеждениями. И действительно, в тексте заключительной части очерка, опубликованной в сентябре 1896 г., почти не заметно, чтобы автор стремился учесть замечания Иванова. Возможно, у него для этого не было времени, но только ли во времени дело — ведь и в напечатанной три года спустя книге изменений крайне мало!

Все более очевидными становились различия в подходах, обусловленные несопадением гражданских, политических, да и личностных позиций Иванова и Гревса. Сама жизнь разводила друзей дальше и дальше. Иванов все более погружался в литературное творчество, поэзия целиком захватывала его. Однако судьба диссертации о римском землевладении (уже принимавшей форму книжного тома) все же продолжала его интересовать. Осенью 1898 г., находясь в Петербурге, он получил из типографии 13 первых листов уже печатавшейся там диссертации и обещал сообщить Ивану Михайловичу «свои впечатления и пометки при чтении этих листов и этюда о *bina iugera*»⁶, когда вернется в Италию (п. 58).

¹ «Без любви и ненависти» (нем.).

² В указанном письме Цицерон обращается к Атику как к «гражданину, любящему отечество».

³ Приложение к п. 54. Замеч. к р. 50, 54.

⁴ См. примеч. 1 к п. 54.

⁵ «Он не рассердился на мою критическую [душу] douche, которая его чрезвычайно взволновала. Вчера он сидел в библиотеке вблизи от меня и мы много говорили о моих возражениях» (Там же).

⁶ Имеется в виду третий этюд, не предназначавшийся для включения в первый том «Очерков» (Гревс И.М. Очерк третий. «Большое сельское поместье»).

Хотя и с новым этюдом (уже опубликованным, а не в рукописи), и с первыми листами книги Иванов знакомился уже далеко не с прежним пылом, доброе отношение к другу оставалось неизменным, и он подошел к разбору очерка о «большом сельском поместье» очень серьезно, в полной мере продемонстрировав как глубину и основательность своих знаний в области ранней римской аграрной истории, так и методологическую строгость, выработанную в добросовестно пройденной им под знаменем Моммзена школе германского антиковедения (см. п. 60). В общем очерк произвел на Иванова «впечатление очень нецельное». Обилие разобранного в фактического материала и обстоятельность исследования не помешали ему почувствовать «и недостаток критической строгости, и даже как бы боязнь истинного углубления в изучаемый предмет». Прежде всего бросалась в глаза непропорциональность плана: с одной стороны, этюд «о крупном землевладении в римском мире к концу первого века империи», в отличие от очерков о Горации и Аттике претендующий на характер обобщения, неожиданно расширился до некоего «эскиза целой аграрной истории», с другой стороны, вся первая его половина оказалась заполнена «подробным рассмотрением архаических учреждений, отдаленных от эпохи, на которую указывает заглавие, более чем полутысячелетним промежутком» (п. 60). Эту несоразмерность в построении очерка Гревс вполне осознавал и пытался обосновать, но доводы его едва ли способны убедить читателя:

Чтобы окончательно убедиться в решительном торжестве крупных форм собственности над мелкими уже в последний период римской республики, надобно сделать возможно полный обзор того, насколько они сохраняли господство повсеместно в империи хотя бы к концу первого века ее существования. Такова конечная задача предстоящего исследования; но для удобного и твердого разрешения ее необходимо обратиться сначала назад и припомнить в общем ход и пути развития земельных отношений в древнейшие периоды истории Рима (курсив наш. — *Изд.*), подчеркивая в изображении вопроса преимущественно те пункты, в которых обнаруживаются последовательные изменения величины и организации «индивидуального сельского имущества»¹

Перейдя от формы к содержанию, Иванов указал на неудовлетворительность критических приемов, примененных Гревсом при обращении с данными античной традиции о земледельческой старине Рима, на отсутствие строгого метода в использовании сбивчивого и неблагоприятного материала поздней анекдотической традиции, прежде всего Валерия Максима. Внимательный (даже придиричивый) разбор многих страниц, занятых попытками Гревса выразить в абсолютных цифрах размеры земельных владений в древнейшую эпоху, также привел Иванова к неутешительному выводу. Впрочем, он прекрасно понимал всю трудность поставленной задачи («темнота отдаленнейшей эпохи; затушевка первообытного правоустройства позднейшим правовым сознанием; недостоверность предания; противоречивость ученых толкований; наконец, зависимость исследуемых частных от целого и неопределенность очертаний этого целого») и считал, что если при будущей переработке этого очерка Гревсу «удастся дать в пределах того же общего плана нечто согласное с собою самим и с целым древнейшего строя, это будет почти своего рода *tour de force*».

Ограничившись по поводу первых печатных листов подготовляемой книги немногими словами, в которых выразил свое удовольствие от чтения «похорошевшего» от заботливой переработки «Горация» и досаду от знакомства с опять не удовлетворившим его «Введением», Иванов завершил письмо просьбой простить желчь верного и преданного Зоиля, «который и на этот раз пытался быть только беспристрастным», и поздравлением «с несомненною удачей того, что действительно существенно в печатаемой... книге» (п. 60).

¹ Там же. С. 3–4.

Это был последний и, как всегда, точно выверенный жест участия Вячеслава Иванова в работе Гревса над историей римского землевладения. Иван Михайлович неизменно подчеркивал важность этого участия и считал «влияние» Иванова одним из истоков своих «Очерков» (см. ниже: С. 338, примеч. 3). Причем это было не просто воздвигшие сильной творческой личности, а передача знаний, приобретенных в лучшей школе антиковедения XIX в.:

Такое же <как и Фюстель де Куланж. — *Изд.*> (хотя может быть и не столь сильное) влияние оказал на меня, также заочно, *Маммзен*, свою «Римскую Историю». *Staatsrecht* ом, специальными статьями и исследованием надписей. Передатчиком его влияния был *Вяч. Иванов*, которого я также должен назвать *товарищем-учителем* (общение с ним дало много и научило многому)¹

Упомянув в 1899 г. в предисловии к книге с душевной благодарностью происходившее в Риме свое «научное общение и дружеское сотрудничество» с Ивановым, Гревс отмечал, что этюды о Горации и Аттике подготавливались или писались «при его длительной и разнообразной помощи», так что на страницах этих этюдов тот «найдет заметные следы своей мысли и даже местами своей критической работы»²

Спустя много лет Иванов, рисуя в памяти былые годы, старые парижские и римские дни, вспоминал, как Гревс ускользал от его филологии, спеша из Рима в Париж (п. 79). Эти шуточные слова точно определяют природу влияния, оказанного одним на другого (надо только не забывать, что под филологией они понимали не одно и то же). Встреча и дружба с Ивановым обогатила Гревса как всеобщего историка опытом серьезной научной работы в области науки о классической древности, неотрывной от классической филологии, но филолога из него не сделала. Он ни на минуту не забывал о своей главной теме — эволюции крупной собственности и ее исторической роли и своем высоком призвании к изучению экономической и социальной истории.

Насколько филологи мало старались сделаться экономистами, чтобы подготовиться к изучению истории древнего хозяйства, настолько же экономисты не расположены были приобретать филологическую выучку, необходимую для уразумения материальной жизни классических народов. В настоящее время обязанность быть готовыми к разнородной борьбе с фактическими и методическими препятствиями для разыскания истины в такой трудной области науки об обществе лежит ближе и ответственнее всего на совести историков. Историкам именно приходится вырабатывать в себе с и н т е т и ч е с к и й тип разностороннего исследователя и мыслителя, понимающего всю сложность процесса всемирной истории и вместе с тем его единство и носящего в себе способность уразуметь многообразные явления всяких порядков, из которых он складается³

Гревс видел перед собой «неизбежность приступать к делу, добросовестно исходя из наличных знаний и открыто идя навстречу строгой, но благожелательной критике», даже хорошо сознавая как недостатки своей «экономической школы», так и свои «филологические» пробелы⁴

Первый том «Очерков римского землевладения» И. М. Гревса увидел свет в конце 1899 г.⁵ В него вошли, как и было намечено, этюды о Горации и об Аттике. Однако место третьего очерка заняло пространное заключение «Обшеисторическое значение крупной земельной собственности в римском мире в связи с основными особенностями экономического строя древности» (С. 441–620), написанное в совершенно новом ключе — как опыт при-

¹ Гревс И. М. К моему научному учению. Л. 38а.

² Гревс И. М. Очерки... С. XX.

³ Там же. С. 464.

⁴ Там же. С. 467, примеч. 1.

⁵ См. примеч. 5 к п. 63.

менения предложенной историком-экономистом К. Бюхером¹ всемирно-исторической схемы экономического развития человечества к римской истории «именно с целью открыть особенности, характеризующие ее как звено в великой цепи мирового хозяйственного процесса»². Это было результатом одной из тех «случайностей», действием которых Гревс объяснял многое в своей научной жизни:

Я считаю, что истолкование бюхеровской системы в определении своеобразия античного (и особенно римского) хозяйства, — главная моя научная заслуга в историографии: я придаю ей известное значение, особенно после того, как Макс Вебер (Agrargeschichte — в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften») и Сальвиоли (Le capitalisme dans le monde antique)³ признали мою теорию именно после ознакомления с моею книгою (что мне доподлинно известно) и распространили ее на западе, хоть и ссылались на меня далеко не достаточно (ну, да Бог простит! не в этом дело). Между тем на Бюхера я натолкнулся также случайно. Книга его (Die Entstehung der Volkswirtschaft) впервые вышла в 1893 г. Я тогда работал над своею диссертациею, но первые годы книжка эта совершенно ускользала от моего внимания, я ее совсем не знал. Раз только (должно быть, около 1895—96 г.), в одном из разговоров со мной Петра Бернгардовича Струве, он спросил меня: «А как вы относитесь в своей работе к *ойкосному хозяйству*?» Увы! Я тогда его еще не знал, и Струве первый указал мне на Бюхера (изучая гораздо раньше Родбертуса, я в его исследованиях мало оценил его домьслы в этом направлении: недостаточно еще вошел в дело). Здесь же, когда я прочитал Бюхера, мои «Гораций» и «Аттик» уже были готовы, и его *ойкосное хозяйство* поразило меня совпадением с собственными моими частными выводами⁴. Я тогда пересмотрел весь свой материал и свои выводы и стал «бюхеристом» в том особом смысле, который выразился в моей диссертации, и основываясь на котором я могу сказать, что существует «гревсовская» теория, выросшая из бюхеровской, но радикально переработанной⁵.

Так в Гревсе исследователе римского землевладения — всеобщий историк, всерьез интересующийся экономическими теориями (еще в 1886 г в пространной рецензии на работу Фюстель де Куланжа о колонате он подробно разбирает некоторые идеи и построения Родбертуса, предшественника Бюхера)⁶, окончательно одержал верх над филологом, которым он, собственно, и не был, но дружба и тесное общение с Ивановым на почве науки о классической древности в немалой степени обеспечили ему, медиевисту, место в ряду зачинателей социально-экономического направления в русском антиковедении⁷.

Книга Гревса вызвала большой интерес и содержательные отклики с рецензиями или развернутыми статьями выступили коллеги-историки Н.И. Карев, М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский; подробный отзыв о работе давнего друга

¹ Карл Бюхер (Karl Bücher, 1847—1930) — немецкий экономист и статистик, представитель «новой исторической школы политической экономии»; автор теории трех стадий в истории хозяйственной жизни: «домашнего (ойкосного)», «городского» и «народного» хозяйства. О месте бюхеровской схемы в исследовании Гревса см.: Скржинская Е. Ч. Иван Михайлович Гревс. С. 237; Каганович Б.С. Вокруг «Очерков»... С. 202.

² Гревс И.М. Очерки... С. 467.

³ Weber M. Agrargeschichte. I. Agrarverhältnisse im Altertum // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3. Ausg. Bd. I. Jena, 1909. S. 52—188.

⁴ Джузеппе Сальвиоли (Giuseppe Salvioli; 1857—1928) историк права, профессор университета в Палермо. Здесь упоминается его известная книга (Salvioli G. Le capitalisme dans le monde antique: Études sur l'histoire de l'économie romaine. Paris, 1906).

⁵ Сохранилось письмо от Сальвиоли (от 16 ноября 1900 г., на франц. яз.), в котором тот просит Гревса о присылке ранее обещанного экземпляра «Очерков», о выходе которых он узнал из прессы (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 224). О поддержке взглядов Гревса М. Вебером и Дж. Сальвиоли см.: Каганович Б.С. Вокруг «Очерков»... С. 204—205.

⁶ «Я пришел самостоятельно к аналогичным выводам, но термин оставался мне еще чужд» (примеч. Гревса).

⁷ Гревс И.М. К истории моей научной жизни. Л. 35—35 об. (5 октября 1923 г.).

⁸ Он же. Новое исследование о колонате. ЖМНП. 1886. Декабрь. С. 313—318.

⁹ См.: Фролов Э.Д. Русская наука... С. 337—349; Летяев В.А. Восприятие римского наследия... С. 52—53, 59, 61—69, 73—78, 91, 94, 108—109, 150—151, 155, 182.

дал в письме к нему В.И. Вернадский¹. В целом «Очерки истории римского землевладения» получили признание как выдающийся научный труд. Споры велись, с одной стороны, вокруг опыта применения Гревсом бюхеровской теории, с другой — вокруг предложенного им метода изучения социально-экономической истории с помощью «экономических биографий» исторической реконструкции, выполненной на материале преимущественно литературных источников, казалось бы, совершенно для этого непригодных. Таким образом, в своей диссертации Гревс не просто проявил «колоссальную ученость» (по словам Н.И. Кареева), но заявил о себе как об исследователе, работающем в русле наиболее современных тенденций развития исторической науки, переживавшей на рубеже XIX и XX вв. период кардинального обновления своих теоретических и методологических основ.

21 мая 1900 г. состоялся магистерский диспут И.М. Гревса. Сохранился черновик его речи, в конце которой читаем: «Я горько сожалею, что мне удалось дать науке до сих пор еще слишком немного, но я могу открыто сказать, что чувствую в себе энергию неуклонно продолжать, насколько сил хватит, взятый на себя жизненный труд»².

Однако продолжить работу над вторым томом «Очерков», который должен был служить докторской диссертацией, Ивану Михайловичу тогда не пришлось. Этому помешало и изгнание из университета по политическим мотивам (1899—1902)³, и дававшие о себе знать еще раньше комплексы неуверенности в своих силах, боязнь спастись перед «соперниками» в науке. В октябре 1902 г., когда уже состоялось избрание Гревса профессором средней истории Петербургского университета и у него появилась надежда «возвратиться к своим трудам по землевладению», он писал Иванову: «Злокозненный Гиршфельд подсек целую массу моего труда, напечатав (в "Beiträge zur alten Geschichte") обзор императорского землевладения в Италии и провинциях⁴. Многое, тогда мною впервые собранное, перешло теперь в его собственность...» (п. 74). Иванов огорчился за друга, но, впрочем, напомнил ему о том, как не раз говорил⁵, что его «прекрасные собрания об императорском землевладении должны быть скорее сообщены публике, будучи ценными уже как таковые» (п. 75).

В датированной 7 ноября 1929 г. мемуарной заметке Гревс ретроспективно представил ход своей работы над историей римского землевладения:

Магистерская диссертация составила из «Vorstudien» для изучения монографических тем (индивидуальных этюдов) из аграрно-бытовой истории. Затем должен был последовать второй том таких же «Очерков»⁶. Потом наметились две внушительные темы: 1) История императорской собственности в римском мире и 2) ... история Италии во времена империи.

Особенно упорно взялся за первую из этих двух тем во время моей второй заграничной командировки с лета 1894 по лето 1895 года. <...»⁷

¹ Подробнее см.: *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»... С. 203—206. Письмо Вернадского к Гревсу от 1 июля 1900 г. опубликовано; см.: Из писем В.И. Вернадского / Публ. и коммент. В. Неаполитанская // Что с нами происходит?: Записки современников. Сост. В.Я. Лазарев. Вып. 1. М., 1989. С. 318—321.

² *Гревс И.М.* Речь перед диспутом на соискание магистерской степени. Черновик / ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ел. хр. 90. Л. 16.

³ См. примеч. 2 к п. 68.

⁴ *Hirschfeld O.* Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten Jahrhunderten // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte.* Bd. II. Leipzig, 1902. S. 45—72, 284—315.

⁵ С работой Гревса на эту тему, пусть и не вполне завершённой, Иванов мог ознакомиться в Риме весной 1895 г. (ср. выше: С. 325, примеч. 2).

⁶ «Один появился в Ж.М.Н.Пр. (Петроний); другой вчерне почти готов (Плиний), третий (Сидоний) заключен в моих лекциях. И еще в Журнале М.Н.Пр — первоначальное римское крестьянство и начало крупной собственности» (примеч. Гревса).

⁷ Мы опускаем здесь уже приведенный ранее рассказ Гревса о работе во время этой командировки (см. выше: С. 318).

Но кончился год, началось опять профессорство, потратилось много времени на обработку еще не оконченного первого труда («Очерки»). А затем произошел первый университетский крах (изгнание меня Боголеповым в 1899 г.), когда как раз я заканчивал первый труд. Началась страда по обеспечению хлеба насущного. Захирели неокончательно обработанные материалы. А потом *Otto Hirschfeld* напечатал (в первые 900-е года в Кюю) свою «статистику» императорского земледелия, перехитив у меня богатейший, свежесобранный и до него никем не использованный материал. У меня была «статистика», может быть, более богатая, чем у него, но, так сказать, «сливки были сняты», и я махнул рукой на неоконченный труд. Сделал я это напрасно: у меня работа ставилась иначе и гораздо шире... Теперь уже ничего не поделаешь. Поздно пополнить и пере-страивать. Перебираю тогда написанное, но вижу, что уже должным образом не справлюсь с перелелкой при нынешнем бедственном состоянии. Мир праху моей работы! Остается благодарное чувство за годы, проведенные в таком большом труде. Это ценно для себя само по себе¹

Из запланированных работ по истории римского земледелия Гревс в годы, последовавшие за защитой диссертации, опубликовал только одну очерк, основанный на материале романа Петрония⁴

К теме своей магистерской диссертации И.М. Гревс вернулся еще раз на склоне лет, подготовив в 1938 г. к печати оба тома «Очерков», которые, правда, так и не увидели свет⁵

Тем самым еще раз оправдалась его горькая самооценка. «В своем преподавании и в своих учениках я был счастлив, но несчастно сложилась исследовательская работа»⁶ Сушность своей научной деятельности Иван Михайлович действительно видел не в количестве вышедших трудов, а в

¹ Николай Павлович *Боголепов* (1846–1901) — министр народного просвещения. Об этом эпизоде см.: *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 238 сл., Санкт-Петербургские Высшие... С. 33–35, 182. Подробнее см. примеч. 2 к п. 68, а также примеч. 1 к п. 73 и примеч. 3–5 к п. 74.

² «Разумеется случайно (он не знал о моей работе, даже, может быть, и моем существовании)» (примеч. *Гревса*).

³ *Гревс И.М.* К истории моих научных работ. Л. 34. Сохранился и схематический план этой заметки, озаглавленный «К ходу, содержанию и направлению моих занятий (научных — с университета)»:

Диссертация магистерская выросла из *études préliminaires* при изуч. <ениш> ист. <орин> рим. <ского> земледелия

1) *Очерки* (Гор. <аций>, Атик. Бюхерова система влияние Вяч. Иванова разговор со Струве)

[продолжение: Петроний, набросан Плин. <ий> Мал. <ый>]

2) Подготавливал сочинение о зарождении крупн. <ой> собств. <енности> в самом древнейш. <ем> римск. <ом> крест. <ьянском> хоз. <яйстве>

(сравни. в Ж.М.Н.Пр.)

3) Докт. <орская> диссертация — подготовлялась о собств. <енности> римских императоров сделала очень много перебило изгнание из университета и выход работы О. Гиршфельда

[работал особ. <енно> много во время второй командировки в Пар. <инже> и Риме в 1894–95 г.].

(Там же. Л. 49 об.).

⁴ *Гревс И.М.* Очерки по истории римского земледелия: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: (Данные Петрония по аграрной истории I-го века империи) // ЖМНП. 1905. Сентябрь. С. 42–93.

⁵ Ср. выше: С. 324, примеч. 2. Подробнее см.: *Каганович Б.С.* Вокруг «Очерков»... С. 205–206, 211–212; *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 248. Недавно О.Б. Вахромеева опубликовала датированный 1939 г. краткий план II тома «Очерков» Гревса (см.: Человек с открытым сердцем. С. 344–346).

⁶ *Гревс И.М.* К истории моих научных работ. Л. 34. Ср. отзыв о Гревсе бестужевки Е.А. Дьяковой, цитируемый в примеч. 2 к п. 68.

профессорстве¹, рассчитывая, что ученики, для которых он «истратил с радостью свои силы», защитят имя учителя от неверного освещения его жизни²

В 1918 г он писал Иванову, подтверждая правильность того, как сложилась его профессиональная жизнь: «Вы всегда бранили меня за то, что я был медлен и неисполнителен в подготовке своих трудов для печати. Я сам всегда чувствовал в этой области утрусения. Но теперь я думаю, что мною руководил здесь добрый инстинкт: я отдавал душу и труд тому, что было во мне самое лучшее, преподаванию. Уверен, что средняя моя лекция была лучше в ее осуществлении, чем самый лучший из моих трудов в его возможности. Поэтому я, должно быть, правильно сделал, что отдался профессорству, и замышлявшиеся сочинения высохли в листках» (п. 80).

В историю русской культуры И. М. Гревс вошел не только своими научными трудами, а прежде всего как профессор-медиевист, педагог, внесший большой вклад в развитие высшей школы³, экскурсионного дела, краеведения и заслуживший благодарную память многочисленных учеников. Однако «Очерки истории римского землевладения» труд научной молодости, проведенной им в поле притяжения находившейся тогда в зените своего расцвета классической филологии⁴, заметно обогатили и отечественное антиковедение⁵

¹ «Все самые главные мои силы уходили на профессорство, но в работах над курсами и над семинариями я всегда действовал, как при исследовании, и если бы был у меня хоть малейший досуг, я бы мог выстроить из матерьялов, на них собранных, ряд общих сочинений, научных монографий и эрудитных изданий памятников. Только этого-то досуга и не было, как не хватало и решимости веры в значительность своей научной мысли» (Гревс И. М. К истории моих научных работ. Л. 34).

² На листе с отдельными заметками, озаглавленном «Ход, содерж. <ание> и напр. <авление> науч. <ных> зан. <ятий>», можно прочесть следующее признание Гревса:

Мало печатать, но пост. <оянно>, много работать
это я говорю по совести
и это знает моя семья, близкие друзья
— и ученики
(пусть скажут!)

(ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 51.)

³ Например, он был (вместе с В. А. Фаусеком) одним из инициаторов и организаторов введения предметной системы преподавания вместо курсовой на Бестужевских курсах (см. Быхова Т. А. История преподавания на историко-филологическом факультете // Санкт-Петербургские высшие... С. 81–82; Она же. Историческое отделение высших женских (Бестужевских) курсов // Там же. С. 86). О педагогической деятельности Гревса см. также ниже: Переписка... VI. С. 384–385.

⁴ Ф. Ф. Зелинский, представляя книгу Гревса широкому читателю, специальный раздел своей статьи посвятил соотношению истории и филологии. В целом его соображения перекликаются с замечаниями Иванова, изложенными в отзыве на очерк о Горации (Приложение к п. 22. Запеч. к р. 1). Ср., например: «Ясно, что по существу никакой разницы между историей и филологией нет» (Зелинский Ф. Ф. Из экономической жизни древнего Рима // Вестник Европы. 1900. Август. С. 619). С его точки зрения, историк древности должен быть филологом, и поэтому Гревс находился в невыгодном положении: «Затруднительность этого положения заключалась именно в том, что он приступил к исполнению своей задачи именно как историк; мы легко представляем себе, какого самоотречения от него потребовали эти годы, во время которых он, лелея в сердце свою прекрасную историческую мечту, терпеливо погружался в эту пучину дальнейшей филологической работы» (Там же. С. 623).

⁵ В наибольшей степени предложенный Гревсом метод индивидуальных социально-экономических биографий нашел продолжение в работах В. И. Кузицина: Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973; Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1976. Во второй из указанных монографий специальные главы посвящены, в частности, земельным владениям Цицерона и Плиния Младшего (С. 77–100, 196–225). Произведения римских поэтов как источник по истории римского крестьянства и его идеологии умело и изобретательно использовала Е. М. Штаерман (История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 109–119).

IV

В той же серии, что и «Очерки» И.М. Гревса («Записки Историко-Филологического Факультета Императорского С.-Петербургского Университета»), в том же 1899 г. вышла еще одна книга, также защищенная в качестве магистерской диссертации, «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» М.И. Ростовцева, молодого коллеги Ивана Михайловича по Петербургскому университету и Высшим женским курсам¹. Затем она была издана по-немецки², сразу вызвала немало откликов за рубежом³ и прочно вошла в ряд классических работ по истории римских государственных финансов, положив начало международной славе Ростовцева.

Судьба исследования Вячеслава Иванова о сообществах откупов в республиканскую эпоху, которую нам предстоит теперь проследить, оказалась совершенно иной — опубликованная с большим запозданием (только в 1910 г.) небольшая книжка на латинском языке осталась по существу незамеченной современниками (кроме ближайших инициаторов публикации, прежде всего Ростовцева) и мало известной ученым последующих поколений. Положение до некоторой степени изменилось⁴ после того, как она была переиздана в 1971 г. в Риме и стала более доступна, чем в первоначальной петербургской публикации в серии «Записок» Русского археологического общества. Но даже высоко оценивший книгу Иванова Клод Николе, упрекая коллег-историков в небрежении к ней и настаивая, что и до переиздания книжку эту легко можно было раздобыть и в Европе, и в Америке⁵, лишь с трудом мог разузнать хоть что-нибудь о ее авторе. В 1979 г. он со ссылкой на устное сообщение Музы Раскольниковой писал: «Иванов этот впоследствии стал одним из крупнейших русских поэтов и умер в Риме в 1950 г.»⁶ Тогда же Николе представлял читателю Иванова так: «ученик Гиришфельда и Ростовцева, переписывавшийся с Моммзеном». Скорее всего, заключение это было сделано на основе авторского предисловия к работе Иванова, где выделены именно эти три имени (но, конечно, об учебе у Ростовцева нет и речи), а также, очевидно, потому, что в одном из примечаний процитирован письменный отзыв Моммзена⁷.

Благодаря основательной статье М. Вахтеля⁸ годы учения Иванова в Берлине и его работы над диссертацией вышли из области предания и стали предметом серьезного изучения. Публикуемая переписка с Гревсом позволяет значительно расширить наши знания об этом.

Когда весной 1891 г. Иванов приехал из Берлина в Париж, одной из главных его целей было переработать немецкую рукопись работы об откупах в латинскую диссертацию⁹. В конце 1892 г. в письме Гиришфельду он дал краткий отчет о своих занятиях:

¹ Сравнительный разбор обеих книг см.: *Зелинский Ф.Ф.* Из экономической жизни древнего Рима // Вестник Европы. 1900. Август. С. 586–624.

² *Rostowzew M.* Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit bis Diokletian. Berlin, 1902.

³ См. перечень рецензий: *Зеев В.Ю.* Материалы к биобиблиографии М.И. Ростовцева / Скифский роман. С. 203.

⁴ Ссылки на книгу Иванова с разбором некоторых его положений см., например, в работе: *Cimma M.* Ricerche sulle società di publicani. Milano, 1981. P. 42, nt. 3; 48, nt. 23; 50, nt. 28; 71, nt. 87; 72 sg., nt. 88; 76 sgg., nt. 92; 82, nt. 100; 85, nt. 108; 87, nt. 112; 89, nt. 119.

⁵ В первом томе своей диссертации о всадническом сословии Николе, упомянув в основной библиографии о публикациях книги Иванова, оговорил, что сам ее не видел: *Nicolet C.* L'ordre équestre... T. 1. P. 317. Во втором же томе ссылки на Иванова уже встречаются — см., например: *Nicolet C.* L'ordre équestre... T. 2. P. 865.

⁶ *Nicolet C.* Deux remarques sur l'organisation des sociétés de publicains // Points de vue sur la fiscalité antique / Éd. par H. Van Effenterre. Paris, 1979. P. 69–95; цит. no: *Nicolet C.* Censeurs et publicains. P. 441, nt. 2.

⁷ *Ivanov V.* De societativibus vectigalium... P. 26, adn. 137. Об этом отзыве Моммзена см. ниже: С. 365, примеч. 6.

⁸ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент...

⁹ *Иванов Вяч.* Curriculum vitae. С. 189.

В Париже я оставался до начала февраля 1892 г., работал в Национальной библиотеке, знакомился с парижскими сокровищами искусства, много занимался французским языком, а отчасти и английским (в это время я совершил также и короткую поездку в Лондон¹, однако от систематического слушания лекций и участия в университетских семинарах держался в стороне. Во время пребывания в Париже я ичerner перевел свою работу на латинский язык, но этот черновой вариант вскоре перестал удовлетворять меня самого, ибо я пришел к убеждению, что необходимы некоторые специальные изменения и дополнения: да и в латыни я поемному достиг некоторых успехов, так что и с формальной точки зрения этот набросок перевода стал казаться также недостаточным. Поэтому я не захотел ехать в Берлин и решил, пользуясь благоприятными внешними обстоятельствами, сперва предпринять давно желанное паломничество в Италию².

Итак, за год, проведенный в Париже, был сделан первый, черновой вариант перевода на латинский язык подготовленной в Берлине рукописи об откупках, но даже в «отчете» научному руководителю Иванов не скрывал, что не был всецело занят одной лишь диссертацией. Там же он сообщал, что в области литературы по рассматриваемой теме со времени отъезда из Берлина «не узнал ничего нового, кроме некоторых французских диссертаций, работы Эмбера и, кажется, не очень удачной книги Делума о финансистах в Риме»³.

Когда Гревс в Париже настойчиво советовал Иванову ехать в Рим⁴, он наверняка имел в виду и то, что именно там он найдет наилучшие условия для научной работы, которые сам Гревс смог оценить во время первой своей поездки в Италию в 1890—1891 гг.⁵

Естественно, что Иванов, приехавший в Рим воспитанником немецкого антиковедения, примкнул там к «ragazzi Capitolini» — питомцам располагавшегося на Капитолии Германского археологического института⁶, который А. Михаэлис, автор первого исторического очерка об институте (1879), назвал своего рода высшим университетом «eine Art Oberuniversität»⁷. Действительно, для студентов, вышедших из немецких университетов, это была великолепная школа совершенствования профессионального мастерства. Но не только для них!

Основанный в 1829 г. как частный международный Институт археологической корреспонденции (Istituto di corrispondenza archeologica) под покровительством прусского кронпринца Фридриха-Вильгельма⁸, в 1859 г. он перешел в руки Пруссии, с 1871 г. стал официально прусским, а в 1874 г. имперским учреждением римским отделением Императорского Германского археологического института с центральной дирекцией в Берлине. Но немецкий язык в римском институте долго не имел права гражданства, уступая итальянскому и (в публикациях) французскому и латыни. После реформы середины 1880-х гг. периодические издания института стали выходить по-немецки, но вопрос о языке заседаний в Риме еще долго оставался предметом споров, и они по-прежнему велись по-итальянски⁹. «Капитолийский археологический институт, называвшийся до 1874 г. Институтом археологической корреспонденции, и по

¹ Вероятно, во время этой поездки Иванов изучал остраконы с налоговыми расписками из Египта за 18—136 гг. н.э., в сохранившихся записках (РГБ. Ф. 109. К. 7. Ед. кр. 17: 165 л.), очень скупо комментированных, имеются указания на его занятия этим материалом в Лондоне и Оксфорде «я... в Лондоне...» (Л. 163); «Ich habe... im British Museum nicht gefunden» («В Британском музее я не нашел». *Изд.* > (Л. 64); «Ashmolean Museum» (Л. 55).

² *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 368 (полный перевод этого письма приведен в примеч. 15 к п. 7).

³ Имеются в виду книги: *Humbert G.* Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains. 2 vol. Paris, 1886; *Deloume A.* Les manieurs d'argent à Rome jusqu'à l'Empire. 2e éd. Paris, 1892.

⁴ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 19; цит. ниже: С. 399.

⁵ См. выше: Переписка... I. С. 290; II. С. 306 и примеч. 8.

⁶ *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 19; ср. *Он же.* Curriculum vitae. С. 189.

⁷ Цит. по: *Модестов В. И.* Ученая жизнь в Риме. С. 362. Ср. «unsre Oberuniversität» в письме Моммзена к Якоби от 7 мая 1865 г., которое цитирует Л. Викерт (*Wickert L.* Beiträge... S. 50—51).

⁸ *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт... С. 3, примеч. 1.

⁹ *Wickert L.* Beiträge... S. 27—50.

идее своего основания, и по своей истории был учреждением международным, и этого международного характера он не утратил в своей деятельности и теперь»¹

В архиве института удалось обнаружить некоторые свидетельства пребывания Иванова в Риме. Он был зарегистрирован в Германском археологическом институте вскоре после приезда 28 марта 1892 г. Судя по книге записей², документ на право работы в библиотеке ему выдал Х. Гюльзен, второй секретарь института (см. примеч. 12 к п. 7). Фамилия «Иванов» (V Ivanov) впервые появляется в списке участников специального заседания 22 апреля 1892 г.³ Это было закрытие очередного сезона: научные заседания в институте на Капитолии проводились в зимние месяцы по пятницам, обычно раз в две недели: начинались они около 9 декабря (день рождения Винкельмана), а завершались около 21 апреля (в этот день, специально приуроченный к дню основания Рима, в 1829 г. был открыт Институт)⁴. Уже на этом первом заседании Иванов встретился с некоторыми крупными учеными, прежде всего немецкими. Среди участников был и русский филолог, будущий директор Музея изобразительных искусств профессор Московского университета И. В. Цветаев (1847–1913)⁵.

Жизнь Германского археологического института не исчерпывалась заседаниями. Для молодых ученых наряду с самостоятельной работой в богатейшей библиотеке⁶ и над коллекциями еще не изданных памятников чрезвычайно важны были и занятия, которые вели руководители института, его первый и второй секретари, одной из главных обязанностей которых было знакомить немецких стипендиатов с древностями Рима на месте⁷. В таких экскурсиях обычно участвовали не одни только стипендиаты и гости института, но и более широкий круг интересующихся⁸. По заведенной традиции один из секретарей водил слушателей по музеям, чтобы наглядно изучать памятники искусства, а другой, обходя археологические памятники и собрания надписей, обучал эпиграфике. Когда Иванов писал, что в Риме «слушал курсы» Германского археологического института⁹, он имел в виду именно эти «обходы древностей»¹⁰ (*giri, Touren*) под руководством Е. Петерсена (пластические искусства) и Х. Гюльзена (топография Рима).

Углубленное изучение Рима поначалу сильно отвлекало от диссертации. В «отчете» Гиршфельду¹¹ Иванов писал, что вскоре после приезда в Рим и первого знакомства с памятниками города им «овладело желание увязать свои антикварные штудии с систематическим использованием памятников искусства», и он стал собирать материалы к истории трабеи — парадного облачения римских царей, консулов и жрецов (помня, что этот вопрос когда-то рекомендовал исследовать Моммзен). Новая тема настолько заинтересовала его, что он «даже

¹ *Модестов В. И.* Ученая жизнь в Риме. С. 337. Там же см. описание «языковой» ситуации в институте глазами современника (С. 340–341, 349–350).

² По указанному в регистрационной книге адресу — via Castelfidardo 51 Иванов поселился в сентябре 1892 г., по возвращении из путешествия по южной Италии (ср. п. 5).

³ *Register der Adunanzten // Archiv DAI. Rom.*

⁴ См. *Модестов В. И.* Ученая жизнь в Риме. С. 353–359.

⁵ См. *Корыхалова Т. П.* Труды И. В. Цветаева по итальянской эпиграфике // ВДИ. 1973. № 2. С. 194–202; *Летиев В. А.* Восприятие римского наследия... С. 85–88.

⁶ «Издлише говорить, сколь многим я обязан возможностью пользоваться превосходной библиотекой Германского археологического института», писал Иванов Гиршфельду (*Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... Р. 368; ср. примеч. 15 к п. 7).

⁷ См. *Wickert L.* Beiträge... S. 140–141.

⁸ Ср. рассказ очевидца о *giri*, в котором, в частности, упоминается о профессоре из Гейдельберга (*Модестов В. И.* Ученая жизнь в Риме. С. 350).

⁹ *Иванов Вяч.* *Curriculum vitae.* С. 189.

¹⁰ *Он же.* Автобиографическое письмо. С. 19.

¹¹ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 368.

поговорил об этом с господином проф. Петерсеном». Учитывая характер вопроса и то, к кому именно Иванов с ним обратился, можно с достаточной уверенностью предполагать, что весной 1892 г. он участвовал в «обходах древностей», руководимых первым секретарем института Петерсеном, классическим археологом в винкельмановском духе, изучавшим тогда рельефы колонны Марка Аврелия¹

Поняв вскоре, что «это новое исследование тормозит прежнее, еще не оконченное», Иванов вернулся к оставленным на время обществу публиканов и снова принялся за дело с самого начала — взявшись за очередную переделку первой главы работы (п. 1). Гиршфельду в конце года об этом этапе он написал так: «Я снова переработал первую часть работы по-латыни, разбив при этом несколько прежде мною не утенных точек зрения»². Что имелось тогда в виду под «первой частью», «первой главой», сказать невозможно: в опубликованной в 1910 г. книге первая из 12 глав посвящена разбору наиболее ранних свидетельств источников о публиканах, а также вопросу о происхождении и времени возникновения в Риме института государственных откупов³, но, как мы увидим далее, план и сам объем работы не оставались неизменными. Ясно лишь, что за латинскую диссертацию Иванов брался несколько раз, и каждый раз с самого начала.

В конце июля эти занятия прервались из-за поездки в Неаполь (и Помпеи⁴) и на Сицилию⁵. Вернувшись в Рим, после полуторамесячного перерыва в занятиях Иванов снова погрузился в работу над диссертацией. И если сама «прочная оседлость с домашним письменным столом» доставила ему «немало удовольствия», то этого нельзя было сказать о публиканах «даже после полуторамесячной разлуки и столь же продолжительного забвения». Но он «постарался быть внимательным и к ним», разделив «свои занятия на прозу и поэзию». Под прозой разумелась как раз диссертация, а именно «размышление (курсив наш. *Изд.*) над третьей и последней главой моей противной и по самому предмету своему постыдной работы» (но вовсе не дописывание уже начатого сочинения). Очевидно, не рассчитывая на скорое завершение работы, Иванов упрекал Гревса за преждевременные сообщения о ней: «Охота Вам было говорить обо мне и особенно о моей работе с Васильевским, да еще заинтересовать моей особой таких знаменитостей. Это значит увеличить число (и без того слишком большое) людей, надежды которых я не оправдываю. И мой несчастный маленький опускул становится тем хуже, чем больше о нем говорят» (п. 5).

Осенью 1892 г. Иванов снова участвовал в «обходах древностей» вместе с *ragazzi Capitoline*: «О музеях все это время и не думал, зато занялся топографией, благодаря устроенным Гюльзенем археологическим прогулкам для осмотра древностей города. Участников набралось около 25 человек, и осмотрено уже многое. Для дополнения *gigi* иногда происходят лекции в самом Институте, в 9 ч. вечера. Так получается целый топографический курс. Очень интересно и вместе *sehr instructiv*»⁶. Иванов много занимался в библиотеке института и присутствовал на всех заметных событиях в его жизни. В письме Гревсу он рассказывал о заседа-

¹ Ср.: *Petersen E., Domaszewski A. von, Calderini G.* Die Marcus-Säule auf der Piazza Colonna in Rom. München, 1896. О Петерсене см. также примеч. 5 к п. 8.

² *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... Р. 368 (ср. примеч. 15 к п. 7).

³ *Ivanov V.* De societatis vestigalium... Cap. I. De antiquissimis publicanorum vestigiis. P. 1–12.

⁴ «Завтра утром еду в Помпеи. Мне даже дали разрешение, выдаваемое археологам» (п. 3).

⁵ См. ниже: *Иванов Вяч.* <Волшебная страна ITALIA>

⁶ Иванов — Сперанскому. 10/22 декабря 1892 г. // РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 20. Л. 11. *sehr instructiv* весьма поучительно (*нем.*). В похожих выражениях Иванов писал о *gigi* Гюльзену Гревсу (п. 7) и Гиршфельду (см. примеч. 15 к п. 7). Ср. в том же письме к Сперанскому: «Правду говорили Вы, что я не так-то скоро выберусь в Берлин!»

нии, состоявшемся в начале декабря в день рождения Винкельмана, а также о том, как библиотека института украсилась бюстом Де Росси, открытым в присутствии последнего, и бронзовым грифом на ионическом пилястре серого мрамора, поднесенным некогда Герхарду и пожертвованным теперь институту его вдовой (см. примеч. 24–27 к п. 7).

Суя по этому письму с пожеланиями на новый, 1893 г., Иванов рассчитывал в мае или июне поехать в Берлин, чтобы «держать экзамен» разумеется, после представления факультету готовой диссертации. Назначение им для себя какого-то определенного срока окончания работы, как кажется, было связано с вмешательством всячески горюпившего его, как и Гревса, М. Н. Крашенинникова. Последние месяцы 1892 г. Иванов «посвятил последней части... работы, многое прежде смутное выяснил, но успел обработать по-латыни только [начало] около четверти ее¹, и так как дело могло затянуться еще на продолжительное время, послушался совета Крашенинникова... и принял за первую часть², уже изложенную по-латыни до поездки в Неаполь, чтобы употребить главным образом эту часть в качестве берлинской диссертации» (п. 7). Он рассчитывал, что справится с этим месяца за полтора, и тогда уже следовало бы писать Гиршфельду и, представив готовую диссертацию, договариваться об экзамене. Однако, поскольку необходимое Крашенинникову для его работы³ факсимиле надписи из Нарбона можно было раздобыть именно у Гиршфельда, Иванову пришлось несколько раньше нарушить то таинственное молчание, которое он сохранял перед Берлином почти два года, и 30 декабря 1892 г. отправить берлинскому профессору уже не раз процитированный «полный доклад о нынешнем состоянии своих штудий». Собственно о диссертации там было сказано следующее: «Сейчас я как раз приступил к окончательной редакции той части моей работы, которая должна быть представлена Вам в качестве диссертации; Вы увидите, что моя прежняя работа существенно изменилась»⁴.

Гиршфельд ответил без промедления, письмо его датировано 8 января 1893 г.⁵ Он настоятельно призывал Иванова больше не медлить, советовал «выделить одну единственную главу, лучше всего об организации обществ откупщиков» и представить свою работу самое позднее в апреле (чтобы докторский экзамен мог состояться в его деканство).

Таким образом определились рамки диссертации: по существу, речь шла о той части работы, которая впервые была сделана в семинарии Гиршфельда на третьем году пребывания Иванова в Берлине. В первые месяцы 1893 г. он, стремясь выполнить то, что Гиршфельд воспринял как данное ему обещание, «интенсивнее возделывал свой огород», из-за чего «вообще прекратил почти всякую переписку». За это время он «сызнавал написал ту часть работы, которую надумал, наконец, выделить для диссертации» (п. 8)⁶. Удовольствия ему публиканы по-прежнему не доставляли: «Я бесконечно долго вожусь с этою скучной материей, но вскоре надеюсь сбить с плеч надоедливую ношу». Однако к середине апреля

¹ Ср. в п. 8: «Представьте себе, что три месяца до Рождества я потерял, занимаясь тою частью, которая не имеет никакого отношения к диссертации! <...> Мне казалось, что все это нужно включить в диссертацию; между тем, самый простой расчет мог показать, что тогда она значительно превысила бы узаконенный объем».

² Вероятно, здесь под последней частью Иванов разумеет раздел, посвященный откупам в эпоху Империи, а под первой — в эпоху Респубрики.

³ См. примеч. 16 и 17 к п. 7.

⁴ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 368 (см. примеч. 15 к п. 7).

⁵ *Ibid.* Р. 369. Иванов полностью приводит это коротенькое письмо в п. 8 (перевод см. в примеч. 5 к нему).

⁶ Ср. в письме Иванова к Сперанскому от 13/25 апреля 1893 г.: «Раньше я сидел за обработкой текста диссертации, которую опять написал сызнавал, и не хотел тогда ни под каким условием отрываться от этого дела; только теперь снова позаботился я о переписке» (РГБ. Ф. 601. К. 1. Ед. хр. 30. Л. 15).

стало ясно, что к назначенному сроку ему никак не успеть, а между тем Гиршфельд, весьма недоброжелательностью и нерешительностью своего русского ученика, торопил его, передавая через направлявшихся из Германии в Рим коллег «настойчивые требования явиться в Берлин, убеждения не трусить и т.п.» (Там же). Обдумывая, как следует поступать, Иванов сначала написал о своих планах Гревсу:

Я надеюсь, что приблизительно через неделю будет своевременно попросить его <scil. Гиршфельда>, как декана, о разрешении прислать ему мою диссертацию с прошением и пр. по почте; сам я явился бы тогда прямо к экзамену. Если бы он, на что, впрочем, есть мало вероятия, не разрешил такую присылку, чтобы не отступать от буквы устава, то я и по окончании диссертации должен буду остаться в Риме, чтобы повторить, что нужно к экзамену. Если же я получу разрешение, то через несколько недель надеюсь отослать манускрипт, сам же опять-таки принужден буду остаться на месте. Вполне исполнить желание Гиршфельда, т.е. представить работу в апреле, мне во всяком случае невозможно: еще нужно пересмотреть ее, написать примечания, переписать. Что касается экзамена, то сдавать его можно или до летних ferias, т.е. до августа, или после них, т.е. со второй половины октября. Как ни жаль, что нельзя будет устроить экзамен и защиту в деканство Гиршфельда, которое истекает 15 октября, но нет возможности поспеть к июлю, и остается взять на себя обязательство приехать в Берлин в октябре. Итак придется просидеть еще несколько месяцев в Риме (п. 8)¹

Следуя намеченному плану, 23 апреля Иванов написал Гиршфельду письмо, в котором объяснял причины незавершенности своей диссертационной работы и просил перенести экзамен на осень:

Мне крайне досадно, особенно после Ваших настойчивых призывов, что я не могу сообщить Вам, что исполнил Ваше желание относительно завершения моей работы в этом месяце. Мне так и не удалось, несмотря на все мои усилия, довести ее до нужного уровня, и не приходится надеяться, что в оставшиеся несколько дней у меня будет возможность просмотреть готовый в настоящее время текст, снабдить его цитатами и некоторыми еще недостающими примечаниями и переписать набело. А поскольку прибавляется еще и то обстоятельство, что необходимая все же (несмотря на мои прежние соответствующие занятия) систематическая подготовка к устному экзамену займет некоторое время, я должен сделать тягостное признание, что не смогу сдавать докторский экзамен уже в летний семестр и потому буду вынужден отложить его на начало зимнего семестра, так что мое огромное желание при Вашем деканстве по крайней мере подвергнуться испытанию, к моему глубокому сожалению, наверно не исполнится, так как экзамены, насколько мне известно, возобновляются только после 15 октября.

Поэтому я имею честь покорно просить Вашего разрешения после завершения моей диссертации (стало ясно, приблизительно в мае) послать ее Вам, как декану, вместе с прошением о допуске к докторскому экзамену и т.п., так как сам я для подготовки к устному экзамену хотел бы еще несколько месяцев спокойно пожить в Риме. Тогда бы я экзаменовался сразу после осенних каникул. Мне отказано в чести и удовлетворении получить ученую степень от Вас, как декана, но я надеюсь, что по крайней мере формальным принятием моей диссертации Вы положите начало моей промоции. В случае если Вы сообразовите согласиться с этой просьбой, я постараюсь прислать Вам свою работу как можно скорее²

Ответ Гиршфельда, датированный 11 мая 1893 г., был кратким и не слишком ободряющим: заявление о допуске к экзамену можно подавать только по завер-

¹ О своих планах на будущее Иванов тогда же писал Сперанскому: «Сильно хочется приехать скорее к Вам, в Москву. Работы там будет, как и Вы справедливо думаете, видимо-невидимо. Я начну, конечно, с частных уроков. Приготовление к магистерскому экзамену и писание диссертации не будут, надеюсь, чрезмерно трудны. В Берлин я представляю одну лишь часть своей работы. Будь то для магистерской диссертации или просто для собственного удовольствия, во всяком случае хотелось бы потом приготовить к печати и остальную (большую) часть работы, а также дополнить ее прибавлением других частей, до сих пор еще неразработанных. Все это сейчас posteriores, но пишу об этом потому, что Вы в своем письме заводите речь о том, что меня ожидает в России. Впрочем, будущее в лоне богов, и лучше обратиться к настоящему» (Там же. Л. 15–16). — *curae posteriores* — заботы последующие (*лат.*).

² *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 370. Полный пер. см. в примеч. 10 к п. 8.

шении подготовки к экзамену, прежде этого он не сможет принять и диссертационную работу, которую следует подавать вместе с формальным заявлением; так что если Иванов приедет в Берлин в начале или середине октября, то сможет попасть на устный экзамен в начале ноября¹

Получив таким образом отсрочку, Иванов, видимо, отложил на время «надолговую ношу» и снова стал делить свое время «между прозой и поэзией». Летом он немало времени провел с приехавшим в Рим Гревсом, общался с другими русскими и, в частности, познакомился с художником Нестеровым, который его «очень заинтересовал» (см. примеч. 13 к п. 9). Время это было важным и для его творческой жизни в целом, в которой классические штудии в этот момент, видимо, не занимали центрального места: в сентябре 1893 г. он сообщал Гревсу как о важном для себя событии о своем непосредственном ознакомлении с философией Шопенгауэра, «который удивительно глубок и не имеет ничего общего с модным “Шопенгауэром” наших дней, как его конструировали для собственного обихода современные мыслители из *profanum vulgus*» (п. 9). Здесь нельзя не вспомнить, что из Берлина в 1891 г. Иванов уезжал с томиком Ницше²

С наступлением осени дела с диссертацией шли все хуже. Иванов жаловался Гревсу, что чувствует себя «как нравственно, так и физически очень неудовлетворительно», работает «очень непроизводительно» и скоро устает от работы (п. 10). В конце концов выяснилось, что он заболел малярией, которая надолго подорвала его работоспособность.

Впрочем, тогда же он беседовал о своей диссертации с Моммзеном, приехавшим в Рим (в частности, чтобы скрыться от празднования своего 50-летнего докторского юбилея в Германии³). Встреча состоялась в Германском археологическом институте, где и жил старый профессор:

Свидание особенного интереса и результатов не имело, но побудило меня еще раз тщательно пересмотреть одну главу работы, так как в разговоре он выдвинул энергично на первый план некоторую уже ранее им высказанную теорию, которую я не считал (да и теперь, признаться, не считая) могущей быть примененной к данному случаю. До сих пор ломая себе голову над аракулум старика. Относительно докторства сказал, что должно «*diese rein äusserlichen Dinge rasch abmachen*»⁴ (п. 10).

Об этой встрече Иванов сообщил и Гиршфельду в письме, написанном в первый день 1894 г., чтобы, пользуясь благовидным предложением новогодних поздравлений, известить профессора о том, что он уже не надеется приехать в Берлин до окончания зимнего семестра. Свое новое промедление он объяснил, с одной стороны, малярией, на три—четыре месяца подорвавшей его силы, с другой же трудностями, встретившимися в работе над диссертацией.

...К тому же при последней переработке моей диссертации некоторые пункты я все еще не мог для себя прояснить. Поэтому я пошел однажды к господину профессору Моммзену, чтобы представить ему свою точку зрения на природу сложносоставных обществ откупщиков⁵. Кажется, мне не удалось изложить ее ему ясно и потому достаточно убедительно. Но во всяком случае его ответное замечание, подчеркивающее небезызвестную мне, впрочем, и ранее противоположность договора между частными лицами и договора между государством и

¹ Ibid. P. 371. Пер. см. в примеч. 10 к п. 8.

² Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 19.

³ Подробнее о подготовке и праздновании юбилея Моммзена см. в примеч. 4 к п. 10.

⁴ «Быстро уладить эти чисто внешние дела» (нем.).

⁵ Ср.: *Ivanov V De societatis vectigalium...* P. 26, adn. 137, где приводится примечание, сделанное Моммзеном на полях экземпляра диссертации, с формулировкой его (так и не принятой Ивановым) точки зрения. Ср.: *Cimma M. Ricerche sulle società di publicani*. Milano, 1981. P. 72 sg., nt. 88 (исследовательница приняла сторону Моммзена); *Nicolet C. Censeurs et publicains*. P. 314 (признается правота Иванова); *Badian E. Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic*. Revised with a critical bibliography. Ithaca: London, 1983. P. 107, 153, nt. 115, 160–161 (без упоминания работы Иванова высказывается та же, что и у него, точка зрения).

частными лицами, оказалось для меня очень полезным; и теперь я полагаю, что полностью установил результаты своего исследования. Надеюсь, в недалеком будущем смогу предложить их Вам на суд

Не владеясь здесь в детали спора между учеником и учителем по поводу *societas Bithynica*, состоявшей, по словам Цицерона, из других сообществ откупщиков², отметим, что причины того взаимонепонимания, о котором писал Иванов, крылись в первоосновах профессионального мышления: Моммзен на всю жизнь остался юристом, и вопрос о признании за сообществами публиканов уже в эпоху Республики качества юридического лица имел для него решающее значение, а его разрешение, исходя из общих взглядов на этот вопрос («один из самых бесплодных вопросов философии права», по словам такого историка, как Ростовцев³), предопределяло и то, как он считал нужным понимать вышеупомянутые слова Цицерона; Иванов же был историком и филологом, подготовка которого предполагала довольно глубокое знакомство с римским правом, но основывалась все же не на специальном изучении правовых дисциплин. В начале IV главы своей диссертации (т.е. следующей после той, где рассматривался вызвавший несогласие Моммзена вопрос) он прямо заявил, что споры о вопросах права оставляет более сведущим, а сам занят исследованием обществ откупов с точки зрения филолога⁴. Наилучшие возможности для такого изучения открывали общества публиканов эпохи Республики, чем, должно быть, объяснялись и настойчивые советы Гршфельда ограничиться именно этой темой, которые тот повторил в ответном письме 21 января 1894 г., выражая надежду, что экзамен отложен ненадолго⁵.

Однако дело двигалось медленно. В новогоднем письме 1894 г к Сперанскому Иванов, предполагая, что тот сердится на него («За что же? Скорее всего за то, что забыл родину и не еду домой, что не внемлю дружеским и благожелательным призывам»), признавался: «Действительно, я ввел в заблуждение себя и других, вообразив себе, что мои заграничные дела уже почти в шапке. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»⁶.

Зимой 1893—1894 гг. Иванов продолжал работать, посещал заседания в Германском археологическом институте⁷ и, кажется, еще весной рассчитывал, что к осени закончит и диссертацию, и подготовку к экзамену. Во всяком случае, в мае он писал Гревсу: «В августе, быть может, я окончательно покину Рим...» (п. 15). Однако, когда в августе, после летней встречи с Гревсом в Риме. Иванов с семьей обосновался во Флоренции, мысли его были далеко: это было время стремительного увлечения Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал (подробнее см. Переписка... V). Диссертация в очередной раз была отложена: Иванов с радостью разбирал очерк Гревса о Горации (п. 22 и 24), работу К. Крумбаха о средневековых греческих пословицах (см. примеч. 12 к п. 22), но не занимался изрядно надоевшими ему публиканами.

¹ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 371 ф., пер. см. в примеч. 2 к п. 11.

² Речь шла о следующем месте из письма Цицерона к Фурию Крассипеду, проквестору недавно образованной провинции Вифиния: «*Volo enim te existimare me, cum universo ordini publicanorum semper libentissime tribuerim idque magnis eius ordinis erga me meritis facere debuerim, tum in primis amicum esse huic Bithynicae societati, quae societas [ordine] ipso hominum genere pars est maxima civitatis constat enim ex ceteris societatibus...*» — «...Я хочу, чтобы ты полагал, что, в то время как я всегда с величайшей охотой способствовал всему сословию откупщиков, что мне и надлежало делать ввиду больших заслуг этого сословия по отношению ко мне, я прежде всего друг этому вифинскому товариществу; это товарищество и вследствие принадлежности к самому сословию и по своему составу величайшая часть государства (ведь оно образовано из других товариществ)...» (*Cic. ad Fam. XIII. 9. 2*; пер. В. О. Горенштейна; курсив наш. — *Изд.*).

³ *Ростовцев М. И.* История государственного откупа... С. 275.

⁴ *Ivanov V* De societatibus vectigalium... Р. 32.

⁵ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... Р. 372; пер. см. в примеч. 2 к п. 11.

⁶ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 616 (письмо от 24 декабря 1893 г. / 5 января 1894 г.).

⁷ *Бонгард-Левин Г. М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 160 (заседания 8 декабря 1893 г. и 26 января 1894 г., с указанием некоторых участников).

Гревс переживал за друга, и в новогоднем письме от 1 января 1895 г воодушевлял его, советуя поскорее переписать набело диссертацию, уже весной ехать в Берлин, чтобы сделать «последний шаг к докторату» (п. 27). Судя по всему, это письмо, полное призывов преодолеть научный кризис и застой в специальной работе, Иванов принял близко к сердцу (как о том сообщала Гревсу и Дарья Михайловна в п. 36). Из Флоренции, где для работы над диссертацией не было должных условий, он отправился в Рим¹ и уже оттуда 11 января написал Гревсу в Париж, откликаясь, в частности, и на рассуждения того о талантах каждого из них: «Уже моя недостаточная научная продуктивность свидетельствует об отсутствии решительно выраженного таланта к той научной области, которую я хочу культивировать. Заблуждаетесь Вы и относительно моей мнимой нерешительности: будь я достаточно подготовлен, я бы не медлил более ни минуты; но именно моя неподготовленность обуславливает мой образ действий» (п. 28).

План действий рисовался Иванову так:

Присехал я сюда вчера вечером и намереваюсь пробыть здесь недель шесть, чтобы наедине поприлежнее приняться за свои дела, прежде же всего, привести свою работу в окончательный вид, сделать ее *druck-fertig*² и даже, если представится возможность, переписать заново. Семью я оставил во Флоренции, куда буду теперь стремиться душой и где рассчитываю по возвращении из Рима, провести еще некоторое время в приготовлениях к экзамену. В апреле надеюсь я лично представить в Берлине свою диссертацию, после чего, в случае, если увижу, что оставшаяся процедура докторирования затянется на ряд месяцев, съезжу, быть может, на короткое время в Москву... Если случится поехать в Россию до окончания промоции, то семью я оставляю там, а сам вернусь в Берлин и буду стараться, во что бы то ни стало, окончить это дело в течение летнего семестра. Диссертацию, во всяком случае, желал бы я представить в факультет до поездки в Россию. Таковы мои настоящие планы; ехать же в Берлин немедленно, как советуете Вы и Крашенинников, для меня невозможно (п. 28).

Приведение диссертации в окончательный вид оказалось делом не быстрым. Сперва Иванов собирался пробыть в Риме до конца февраля (ср. его письмо к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 3 февраля, цит. в примеч. 1 к п. 36). 21 февраля он писал ей же: «Когда отделаюсь от своих римских обязательств, еще не знаю определенно»³. К этому времени он уже «принялся за переписку диссертации» и предполагал, что это сложное дело, «требующее многих справок и размышлений», может задержать его в Риме «до половины марта» (ср. письмо к Зиновьевой-Аннибал от 25 февраля, цит. в примеч. 1 к п. 36)⁴. Наряду с работой над диссертацией, Иванов продолжал посещать заседания Германского археологического института⁵.

6 марта Иванов получил открытку от Гревса (п. 31), который хотел посоветоваться с другом по поводу полученного от В.Г. Васильевского письма (см. примеч. 1 к п. 31) и готов был приехать для этого в Рим. Иванов сразу же написал Лидии Дмитриевне, сообщая, что работы ему «остаётся еще много», и предлагая ей решать, возвращаться ли ему во Флоренцию к середине марта или остаться в Риме «для научных совещаний с Гревсом», чтобы вместе с ним приехать во Флоренцию в апреле (см. примеч. 2 к п. 33). Гревсу он ответил, что рассчитывает

¹ Следует оговориться: Иванов поехал из Флоренции в Рим не только ради работы над диссертацией, но и чтобы наедине с самим собой разобраться в сложившихся отношениях с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см. ниже: Переписка... V С. 373, примеч. 3, а также примеч. 1 к п. 36). Как ни сложны и мучительны были его переживания, приведшие к решению бросить семью, Иванов напряженно работал над диссертацией, как это видно по его письмам к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

² Готовый к печати (нем.).

³ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 37 Л. 31.

⁴ Ср. в письме Д.М. Ивановой к Гревсу: «Вы знаете, что значит для Вячеслава "переписывать" Списывать начисто просто он не умеет, следовательно, здесь во Флоренции — без библиотек заниматься работою ему невозможно. Он может окончательно переписать ее или в Риме, или в Берлине» (п. 36).

⁵ Бонгард-Левин Г.М. Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» С. 161 (заседание 1 марта 1895 г., с указанием некоторых участников).

пробыть в Риме самое большее до 15 марта, и так значительно продолжив «срок своего римского паломничества», для того чтобы «по крайней мере начать переписку диссертации начисто в Риме, чтобы увидеть, как пойдет дело». Окончить переписку за оставшееся время он не надеется, но полагает, что «значительная, если не большая часть работы, будет сделана»¹ и, доведя дело до конца во Флоренции, он будет в Берлине уже в мае (с. 33).

Однако и эти планы смешала жизнь с ее страстями. В середине марта Иванов во Флоренцию не вернулся. После свидания с Зиновьевой-Аннибал в Риме 12—15 марта (см. примеч. 1 к п. 36) он остался там, чтобы, продолжая работу, дожидаться Гревса и уже вместе с ним приехать во Флоренцию². Счастье переполняло и вдохновляло его³, и он писал Лидии Дмитриевне: «1ое апреля будет уже очень скоро, работы у меня еще масса, и это печально, потому что не позволяет мне писать задуманный цикл песен...» (19 марта)⁴. «Я не знаю еще, в который из первых дней апреля я приеду... Я работаю для тебя, мысль о тебе меня окрыляет, но труд влачится тяжело и медленно. Все же я не боюсь большой задержки» (25 марта)⁵. «Я работаю жадно, спешно, и потом отчаиваюсь, видя, что работа не идет с той быстротой, как я бы желал... Но, Лидия, нужно быть благоразумными и мне, и тебе. Нужно иметь немного терпения. И притом дело идет всего о нескольких днях. Но в какой именно из первых дней апреля я приеду, я, как мне ни печально это, не могу определить, потому что наперед расписать ход той работы, которую должно сделать в Риме, невозможно. <...> Моя возлюбленная, прощай. Я спешил набросать тебе эти строки, чтобы думать затем только о твоей сопернице моей диссертации» (27 марта)⁶. «Я очень спешу с своей работой... Дел, вопреки прежним ожиданиям, страшно много» (30 марта)⁷. «Работы и всяких забот у меня масса; не знаю, как все одолею» (31 марта)⁸. Все доделать, действительно, не удалось — уже из Флоренции он просил Гревса, задержавшегося в Риме еще на несколько дней, навести некоторые справки — найти источник важной выписки из Моммзена, касающейся происхождения системы откупов (см. примеч. 4 к п. 38).

Иванов пробыл в Риме по крайней мере до 4 апреля (см. примеч. 1 к п. 37). Судя по всему, работа над латинской диссертацией о публикациях, если и не была там завершена полностью, то, во всяком случае, дело явно шло к концу. Однако это вовсе не означало приближения докторского экзамена. Во Флоренции произошел разрыв Иванова с Дарьей Михайловной (см. п. 39—41), что не могло не повлиять и на его академические планы, которые состояли в том, чтобы в 1895 г., разделавшись с диссертацией и докторским экзаменом в Берлине, возвратиться в Россию (ср. примеч. 2 к п. 36 и примеч. 1 к п. 37). Еще из Рима, в последнем письме оттуда (2 апреля) Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: «Разлука наша

¹ 14 марта Д. М. Иванов сообщала Гревсу, очевидно, со слов мужа: «Теперь переписано всего 1/3 работы» (см. п. 36).

² Ср. в письме Зиновьевой-Аннибал к Иванову от 26 марта 1895 г.: «К чему ты в Риме говорил, что твоя работа окончена почти и что ты остаешься в Риме лишь для Гревса» (РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 33).

³ Ср. в биографическом очерке О. А. Шор: «Он остался один в Риме, но он не был один: сквозь шемящую тоску разлуки он во всем и всюду чувствовал ее живое, вызывающее его творческие силы, присутствие. По-иному зазеленели и запахи деревьев, забили фонтаны, по-иному затрепетала душа. <...> Все оказалось простым и легким. Сами собою получились решения научных недоумений, и В. И. быстро заканчивает свою затянувшуюся диссертацию; сами собою пришли радостные ритмы, звуки, и полились песни, полные эфирной красоты» (*Дешарт О.* Введение. С. 24; курсив наш. — *Изд.*).

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 19 об. К письму приложены стихотворения «Золотое счастье» и «Испытание».

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 29 об.—30, 30 об.

⁷ Там же. Л. 31 об.

⁸ Там же. Л. 35.

прежде всего обусловливается требованиями нашей деятельности. Впрочем, еще неизвестно, где будем мы оба...»¹

В таком состоянии неопределенности Иванов и покинул, как и было намечено, в начале мая Италию, где прожил безвыездно три года. 9 мая 1895 г. в первом письме из Берлина он писал Зиновьевой-Аннибал: «Если бы ты знала, Лидия, как мне недостает Италии и всего итальянского и итальянской речи. Как странно везде говорить по-немецки. Как легко дышится там, у тебя, в твоей близости, как тяжело здесь. Выезжая из Флоренции я уже чувствовал себя в Немечине, сидя под перекрестным огнем немецкой речи. Долго хранил я инкогнито как духовный родня почтенных соседей, но двое были моими спутниками до Триеста, и мы кончили чуть не дружбой...»² Приехав в Берлин, в университете Иванов, кажется, даже и не появился: он был занят переговорами с матерью Дарьи Михайловны³ и подготовкой поездки в Россию. Ехать было необходимо, но никакой радости возвращение на родину ему не доставляло, и он писал Лидии Дмитриевне 14 мая: «Я еду главным образом для матери. Но ехать нет охоты; а прежде я так об этом мечтал...»⁴ И снова о том же, 16 мая:

Итак, сегодня вечером я выезжаю в Россию... Как долго ждал я этого дня! Как мечтал о нем! А когда он настал, мне тяжело и тоскливо на душе, и я охотно остался бы по сю сторону «рубежа», если бы «в покорной тоске» не ждала меня там старуха-мать. Как жутко ехать в Россию! Словно из светлого мира божьего уходишь в киммерийскую ночь... Ты знаешь, что я не люблю либеральных фраз; но в течение девяти лет и особенно в течение последних четырех из них я чувствовал себя слишком свободным, чтобы не чувствовать живо всей униженности возврата в отечественное *подданство*. Дай Бог, чтобы пришлось увидеть за рубежом побольше отродных явлений, чтобы родина понравилась мне, а я родине. Быть может, дым отечества усладит меня; но сегодня я тоскую, расставаясь с гостеприимною почвой старой культурной Европы. Сегодня я в грустно-лирическом настроении, и потому пишу тебе. Ты понимаешь меня: ты меня любишь. Тебе последние строки того долгого и, несмотря на все блуждания, благодатного периода моей жизни, который научил меня, что своим и родным можно называть только свое и родное *по духу*.

Прощай, родная Европа, и пусть будет мне определено судьбою скорое и радостное с тобою свидание!

¹ Там же. Л. 36 об.

² Там же. Л. 42.

³ В разговорах с зятем А.Т. Дмитриевская упомянула и о ходивших по Москве слухах, касавшихся Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Рассуждая об этом в письме (от 14 мая 1895 г.) к последней, Иванов полусерьезно демонстрирует свое мастерство историка:

Дорогая моя! Я считаю в настоящее время наиболее правдоподобным следующее объяснение таинственных московских слухов. Донос твоего мужа о твоей поездке за границу «в обществе двух профессоров» сделался ведом твоим многочисленным родственникам, тебе отчасти даже неизвестным, но тем не менее существующим в Москве... и повторяется, как это, в московских кружках, привыкших «интересоваться» тобою, как личностью «экстраординарную», приняв, конечно, более или менее фантастические формы. О твоей связи со мною нет речи; говорят только, что ты «не одна», и прибавляют, что *он*, к сожалению, человек женатый: ясно, что этот *он* не кто иной как... наш бедный друг, Иван Михайлович. Или я ничего не смыслю в исторической критике! Чутье историка если смею в скромной степени претельдовать на таковое побуждает меня питать доверие к показаниям моего источника, моей *belle-mère*, касающимся московских толков; я верю, что эти последние действительно дошли до нее, тогда как отнесение их к *нашей* связи есть уже дело ее собственного гения. Итак, я позволяю себе надеяться, что о наших отношениях никто, кроме заведомо посвященных лиц, ничего не знает и что московские сплетни тебе вовсе не опасны.

(Там же. Л. 43 и об.) *belle-mère* — теща (франц.). Донос К.С. Шварсалона о поездке Лидии Дмитриевны за границу в сопровождении двух профессоров имел в виду, по всей видимости, ее путешествие в Европу в 1893 г. с Гревсом и М.И. Ростовцевым; см. Переписка... III. С. 316, примеч. 2.

⁴ Там же. Л. 44 об.

⁵ Там же. Л. 46–47. Впрочем, уже 18 мая он писал Зиновьевой-Аннибал из Варшавы: «Границу переступил я не без радостного волнения. Первые впечатления были очень благоприятны» (Там же. Л. 48).

Свидание с Европой, действительно, оказалось скорым: уже 1 июня Иванов снова был в Берлине, где прожил полтора месяца. Однако не имеется никаких данных о том, чтобы он предпринимал там какие-либо шаги, связанные с докторской защитой: мысли его были целиком заняты отношениями с женой и Лидией Дмитриевной, к которой он и поехал в середине июля во Францию (см. ниже: Переписка... V С. 371, 376, а также п. 43).

Только осенью того же, 1895 г., Иванов вернулся к своим академическим делам. 12 октября, прибыв в Берлин из Парижа по пути в Россию, Иванов в письме к Зиновьевой-Аннибал в Женеву сообщал, что, побывав в ее парижской квартире, «взял с собой манускрипт своей диссертации»¹. В Берлине он не задержался, и уже 2/14 октября появился в Петербурге, куда его привели прежде всего заботы, связанные с разводом с Дарьей Михайловной (см. п. 43). Но, разумеется, он занимался не только этим нелегким для него делом: в одном и том же письме к Зиновьевой-Аннибал (от 9/21 октября) Иванов рассказывал и о совершении необходимого для развода «фиктивного прелюбодеяния»; и о том, что Дарья Михайловна представила его Владимиру Соловьеву, с которым он обсуждал возможности литературной карьеры (ср. примеч. 9 к п. 73); и, наконец, о попытке Крашенинникова помочь ему устроиться на преподавательскую работу в России:

Крашенинников вздумал (основываясь на одном мнимом прецеденте) сделать меня, без докторского диплома, прямо магистром и спрашивал проф. <ессора> Помяловского², возможно ли непосредственное допущение меня к магистерскому экзамену; на что получил, конечно, ответ отрицательный, но сопровождаемый советом заменить немецкую «промоцию»³ (на дороговизну которой жаловался за меня мой радетель) — экзаменом в весенних филологических комиссиях, выдержанное которого (а он для меня не труден) даст мне с кандидатским дипломом право как магистривания так и учительствования в России. Крашенинников очень увязался за этот план, но я предпочитаю остаться при плане докторивания в Берлине. — довольно однако тем, что на случай неудачи в Германии нашелся новый ресурс: я думал, что не буду допущен к испытанию в комиссиях, потому что не пробыв установленного четырехлетия в русском университете⁴, Помяловский же уверен что меня министерство диспенсирует от этого требования⁵.

Иванову предстояло принять непростое решение: как устроить свою будущую жизнь. 11/23 октября он писал Зиновьевой-Аннибал:

Дорогая Лидия! Обстоятельства требуют от меня безотлагательных решений. Мне представляется, с одной стороны, возможность поездки за границу, для завершения своих тамошних дел; с другой — возможность заработка и устройства своей научной и литературной карьеры в России. Отсутствие средств заставит меня избрать второй путь; мои симпатии принадлежат первому. Необходимые для него средства я могу иметь только от твоей дружбы. Извести меня, может ли твоя дружба оказать мне эту услугу.

Не удивляйся, что я говорю о дружбе, а не о любви. Я хочу пользоваться денежным кредитом подруги, а не возлюбленной...

Избран был первый путь, и Иванов, захвав на несколько дней в Москву повидаться с матерью и дочерью⁶, 8 ноября 1895 г. прибыл в Берлин, чтобы решительно приступить наконец к долго откладывавшемуся делу — защите диссертации и

¹ Там же. Ед. хр. 39. Л. 3.

² См. примеч. 1 к п. 13.

³ Ср. «Лица, имеющие степень доктора заграничных университетов, освобождались от магистерских экзаменов» (Жебелев С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Публ. И.В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2002. С. 153).

⁴ См. выше: Переписка... II. С. 310, примеч. 4.

⁵ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 10 об.—11. — *dispensiruyet* — от франц. *dispenser* — освободит.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Ср. в письме к Зиновьевой-Аннибал от 20 октября / 1 ноября 1895 г.. «Еду в Москву как мне тяжело мне это, — чтобы мать не подумала, что я забыл ее и бросил и не стала бы мучиться еще больше, — потом, чтобы напомнить Саше о себе» (Там же. Л. 14).

подготовке к замене. Уже на следующий день он подробно описывал Зиновьев-Аннибал свою встречу с Гиршфельдом:

Вчера, на рассвете, прибыл я, наконец, в Берлин. <...> Но писать тебе не хотел, прежде чем не увижусь с Гиршфельдом и не открою таким образом кампании. И вот, сегодня я перешел Рубикон порог знакомого кабинета... «Endlich!»¹ Гиршфельд получил, еще в августе, письмо на мое имя и теперь долго отыскивал его; оно оказалось от Виноградова из Скандинавии! Мой Meister не изменился ни в обращении, ни наружностью; только седина гуще легла на черные волосы. Он нашел, что я «sehe wohl aus»² Деловитость и сдержанность не допустили его до подробных расспросов о том, как я провел эти годы, и я был этому рад; он ограничился вопросом, «ob es mir gut gegangen»³ Я объяснил ему, что приступаю теперь к давно отложенной «промоции». «Jetzt wird's Ernst»⁴, замечает Meister, и мы рассматриваем диссертацию. Он очень доволен моим планом сделать таковою только три или четыре главы всей работы, состоящей из двенадцати глав⁵, но подает в факультет [всю] рукопись целиком для ознакомления со связью и результатами всего исследования... Затем он устрашает меня! Он непременно хочет, чтобы я заявил декану о своем желании иметь не его, Гиршфельда, а Моммзена главным рецензентом своей работы, так чтобы Гиршфельду было поручено составление только второй, дополнительной рецензии (Correferat). Его доводы: 1) черед за Моммзеном: предыдущая работа была рецензирована Гиршфельдом; 2) полу-филологический, полу-юридический характер моей работы и вообще ее предмет, более входящий в круг занятий Моммзена, нежели Гиршфельда; 3) мое прежнее участие в семинарии Моммзена. Я не прочь оказать всякое почтение dem alten Herrn⁶, но не хочу для этого жертвовать своими интересами. Обращаю внимание Meister'a на то, что в Моммзене я наверно встречу большую оппозицию своим теориям, о чем заключаю из разговора с ним в Риме. Гиршфельд убеждает меня, что разница воззрений нисколько не вредит делу, что он с своей стороны будет также официально рецензировать работу, — и безусловно стоит на своем требовании. Я подчинюсь, и мы решаем, что я немедленно же побываю у Моммзена и, «быть может, он сам отклонит предложение реферировать о вашей диссертации», — утешает Meister. И прибавляет: «обыкновенно главный референт является и экзаменатором». «Но я вам откровенно говорю, что боюсь экзаменоваться у Моммзена». — «О, это ничего не значит. Он будет спрашивать вас главным образом по древностям». «Но он имеет обыкновение предполагать, что каждое примечание его 5-томного "Staatsrecht'a"⁷ хорошо известно каждому, кто имеет с ним дело». — «Каждое примечание? О, нет. Но "Staatsrecht" Вы и без того должны хорошо прштудировать...» И опять малосбыточное утешение: Моммзен уезжает из Берлина в февраль, и тогда волей-неволей экзаменовать меня придется Гиршфельду. — Звонюсь в виде Моммзена, стучусь у двери его кабинета, вижу среди шкапов с книгами den alten Herrn с седыми локонами и в сером халате. Излагаю ему, скрепя сердце, свое желание иметь его рецензентом своей работы: увы, он и не думает ссылаться на недостаток времени и слагать скучную повинность на плечи младшего коллеги; он говорит только, с иронической миной старой лисы, что не от него зависит принять на себя рецензию, а от решения декана, — как прикажет sreatatissimus⁸, так он и делает. Смотрит работу, одобряет план ограничения диссертации несколькими главами, внушает, что это должно оговорить в латинском прошении, подаваемом декану, и ласково (без той сухости, как в Риме) со мной расстается... Вывод: мне предстоит сделать выбор глав, намечаемых для отдельного отпечатания с официальной обложкой в виде диссертации, имматрикулировать⁹, просмотреть всю работу и официально вручить ее вместе с латинским прошением и жизнеописанием и суммой, кажется в 170—180 марок, декану философского факультета. Рассмотрение моей диссертации продолжится до января или далее; я, со своей стороны, не хочу экзаменоваться раньше февраля. Гиршфельд, на вопрос мой, необходимо ли по закону, и если нет, то желательно ли для выяснения [каких-нибудь] возможных недоумений при чтении моей работы присутствие мое в Берлине, ответил дважды отрицательно и спросил, не в Россию ли я хочу тем временем съездить, на что я возразил: «нет, в Париж, где у

¹ «Наконец-то!..» (нем.).

² См. примеч. 5 к п. 47.

³ «Хорошо выгляжу» (нем.).

⁴ «Все ли у меня было в порядке» (нем.).

⁵ «Теперь дело принимает серьезный оборот» (нем.).

⁶ Ср. примеч. 6 к п. 49.

⁷ Старому господину (нем.).

⁸ Имеется в виду фундаментальный труд Моммзена «Римское государственное право» *Mommson Th. Römisches Staatsrecht*. 3. Auflage. Band I—III, 1. Leipzig, 1887 Band III, 2. Leipzig, 1888. Два тома (II и III) подразделяются на полутома, поэтому Иванов называет труд 5-томным.

⁹ Высокоцитимый (лат.).

¹⁰ От нем. *immatrikulieren* — зачислять, вносить в списки.

меня есть друзья, и где я могу спокойно готовиться к экзамену». Итак, извести меня, рада ли ты будешь скорому моему приезду (так, недели через две) <...>

Благодарю тебя за присылку ста франков; но без внесения выше означенной суммы не могу передать декану диссертацию, и потому принужден опять хлопотать у тебя о кредите. <...> Кроме того, думаю купить «Staatsrecht» так меня напугал Гиршфельд, как ни велики эти затраты (около 60 марок) и несколько других книг

10 ноября¹

Был сегодня вторично у Гиршфельда, чтобы сообщить о результате свидания с Моммзеном и переговорить о выборе глав. «Das heisst auf Deutsch daß er das Referat übernimmt», говорит улыбаясь Meister. «Er ist ja aktiv» мне это плохое утешение; «es wäre kein richtiges Verhältnis, wenn ich es übernehme...»² Это делает честь пиетету Meister'a по отношению к Altmeister'у, но за что я должен чрез это страдать? Потом следовали долгая дискуссия о моих теориях, и Meister старался меня опровергнуть, но, по-видимому, был в конце концов более или менее примирен с моими срезами силою моих аргументов. Я решил рискнуть и представить на суд моих критиков самые еретические главы, как наиболее характеристичные для работы, а также и наиболее удобные по внешним причинам для отдельного издания³. Далее Meister взял на себя труд убеждать меня не едтить в Париж. «Das ist sehr unpraktisch. Paris ist kein richtiges Boden dafür, es ist abscheulich auf den Pariser Bibliotheken zu arbeiten, Sie müssen sich hier niederlassen und sich concentrieren. Paris ist zerstreuend» и т.д. и т.д. Я ему сказал, что имею в Париже друзей, с которыми могу жить и спокойно работать. Заключил Meister что делать нечего, wenn ich anderwärtige Verhältnissen habe⁴. Итак, спаси меня от рассеивающего Парижа и «ужасных» тамошних библиотек и сохрани мне «Fühlung» с Берлином и все три здешние библиотеки и восстанови в глазах Meister'a честь моей солидности — своим приездом сюда, но только по крайней мере на месяц. <...>

Говорили мы и об экзамене, он рекомендовал сказать декану, что я хочу [быть] подвергнуться экзамену не раньше конца февраля, ставя на вид, что б.<ыть> м.<ожет> это не будет допущено и экзамен отложат до начала мая (март и апрель — ферии). Я же сказал что экзамен в феврале меня страшит, хотя бы в виду нового обязательства проштудировать 5 томов Моммзенова Staatsrecht'a. Meister ничего не возражает на это: видно, и сам признает необходимость хорошей подготовки для Моммзена, хотя и уверяет, что последний не делает страха⁵.

16 ноября из Берлина Иванов вновь сообщает Зиновьевой-Аннибал о положении дел с диссертацией и подготовкой к экзамену¹⁰.

Что касается моих дел, то я, так сказать, окончательно законтраковался в университете: проделал сегодня ряд формальностей, внес деньги, имматрикулирован и занесен в книгу «докторандов»¹¹. Сегодня спрашивал меня декан и о выборе между Гиршфельдом и Моммзеном, и я назвал Моммзена... Работу однако я могу вручить декану только по получении [выходного] выпускного свидетельства, которого я не выправил при оставлении университета в 1891 году и которое будет приготовлено чрез неделю. Остается еще много дела: приходится — mit grosser Aengstlichkeit¹² перечитывать свое латинское творение; потом придется отдать его [в печать?] переплетчику для

¹ Продолжение письма написано карандашом поперек листа, поверх текста, написанного на кануне.

² «По-немецки это означает, что он принимает рецензию на себя» (нем.).

³ «Ведь он деятелен... было бы неправильно, если бы ее принял я» (нем.).

⁴ Ср. примеч. 6 к п. 49.

⁵ «Это очень непрактично. Париж неподходящее место для этого, занимаясь в парижских библиотеках ужасно, Вам нужно поселиться здесь и сосредоточиться. Париж рассеивает» (нем.).

⁶ Коль скоро у меня есть обязательства в другом месте (нем.).

⁷ «Контакт, связь» (нем.).

⁸ От нем. *Ferien* (ср. лат. *feriae*) — каникулы.

⁹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 28—29 об.

¹⁰ Из этого же письма следует, что Иванов собирался совмещать занятия поэзией и наукой: «Зачем, зачем решила ты учиться в Париже! Ты пошла туда за настоящею школой, как я пошел к немцам, за настоящею наукой: мы не ошиблись в выборе учителей, но этот выбор роковым образом замедлил наш путь... <...> Как бы то ни было, у тебя, как и у меня, двойная цель и двойное поле деятельности, и если одна энергия не может обеспечить тебе будущее певницы, то [та же энергия] она может одна упорчить за тобой будущее писательницы, достойной этого имени» (Там же. Л. 32 и об., курсив наш. *Изд.*).

¹¹ «Докторантов» (нем.).

¹² С большой тщательностью (нем.).

брошюровки, составить латинские прошение и жизнеописание и т.д. Времени своего приезда определить пока в точности не могу; декан, по-видимому, ничего не будет иметь против моего отсутствия. Экзамен мне крайне хотелось бы сбыть с плеч уже в феврале: но перспектива испытания у Моммзена, с обязательством усвоить себе [и во всяком случае прочитать], кроме прочего материала, тысячи четыре тяжелых страниц *Staatsrecht*'а, — побуждает меня слержать свой пыл и воспользоваться пасхальными фериями (март и апрель) для приготовления к экзамену¹

Иванов всей душой стремился в Париж, к любимой, обещая себе и ей, что будет там усердно заниматься: «В Париже думаю ежедневно работать в библиотеке. Установлю число рабочих часов и их распределение, и свяжу себя ежедневным тебе отчетом»² Однако назначать точный день отъезда он не рисковал и 21 ноября писал Зиновьевой-Аннибал:

Более определенно говорить по свойственной мне осторожности — боюсь, до разговора с деканом, от которого теперь официально зависит моя участь во всех отношениях; разговор же этот произойдет, когда я буду передавать ему работу; работу же передать я не могу, не сделав трех вещей: 1) не получив университетского свидетельства, которое обещали приготовить к субботе, 2) не дочитав самой работы до конца (это займет также еще несколько дней), 3) не сброшюровав ее. Итак, надеюсь покончить официальные дела с деканом в первой половине следующей недели, после чего, вероятно, получу свободу; но всякие случайности могут дело замедлить. Пробуду же в Париже, если разрешит декан и всемогущие Парки, до мая³ Когда я подумаю, что целых четыре месяца буду еще висеть в воздухе, мне становится как-то стыдно; но сунуться на экзамен, да еще к Моммзену, уже в феврале препятствует внутренний демон⁴

К словам «висеть в воздухе» Иванов сделал следующее примечание:

Имею в виду состояние, следующим образом описанное Гёте:

Nirgends haften dann
Die unsicheren Sohlen.
Und mit ihm spielen
Wolken und Winde.

Вот как бывает с тем, кто «hebt sich aufwärts und berührt mit dem Scheitel die Sterne», — к чему я всегда опрочетчиво стремился. Теперь я остепенился и ищу feste Stellung⁵ ... Но, увы! —

Steht er mit festen
Markigen Knochen
Auf den wohlgegründeten
Dauermden Erde:
Reicht er nicht auf,
Nur mit der Eiche
Oder der Rebe
Sich zu vergleichen⁶

¹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 32 об.—33.

² Там же. Л. 36.

³ Ср. в п. 47: «Я отправился в Париж, где намереваюсь пробыть до экзамена, который может состояться, по моему желанию, только в начале мая».

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 39 и об.

⁵ Прочное положение (нем.).

⁶ Речь идет о стихотворении Гете «Границы человечества» (1779). См. соответствующие строки в пер. А. Фета:

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет:
Если подымется он и коснется
Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры.

Пребывание в Берлине подходило к концу. 26 ноября 1895 г. Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: «В воскресенье простился с Гиршфельдом. Он примирился с моим отъездом и желал мне „glückliche Reise“¹. Я сообщал тебе о своем намерении купить „Staatsrecht“ Моммзена. Ввиду безденежья, я решился было потом отказаться от этой научной роскоши. Но Гиршфельд сам спросил меня при последнем свидании: „besitzen Sie das Staatsrecht“² и, на мой отрицательный ответ, посоветовал мне приобрести книгу. Это убеждает меня в том, что я был прав в начале, когда покупка представлялась мне необходимой, и думаю купить главное творение Altmeister'a. <...> Работа еще у меня в руках; придется исправлять и дополнять много микроскопических мелочей. Она уже сброшюрована, и подать ее завтра; теперь же иду в университет для предварительных переговоров с деканом. Время у меня все занято. Бегаю по библиотекам и рвусь в Париж...»³

Последнее письмо Иванова из Берлина датировано 29 ноября 1895 г.⁴ 11 декабря он писал Гревсу в Петербург уже из Парижа, чтобы представить краткую реляцию о своих делах: «В настоящее время бедная работа моя, вероятно, рассматривается Моммзеном. <...> Я погружен теперь... в чтение „Staatsrecht“⁵» (п. 47). Решение берлинских светил не заставило себя долго ждать «в вечер под Новый год» (п. 52) Иванов получил от Гиршфельда открытку с лаконичным сообщением:

Моммзен Вашу работу проверил, и хотя он заявил о своем несогласии по некоторым пунктам, все же отзыв о ней дал самый благосклонный, к коему я по прочтении работы с удовольствием присоединяюсь. Так что с этой стороны никаких возражений против допуска Вас к экзамену наверняка не возникнет. 14 января Моммзен едет в Италию и вернется сюда, вероятно, к началу летнего семестра⁶.

Судя по письму к Гревсу от 22 января / 3 февраля 1896 г., Иванов рассчитывал, что защита диссертации и докторский экзамен состоятся в июне⁶. Однако этого не случилось. Тому были весьма серьезные причины: в апреле умерла его мать, к которой он относился с особым благоговением. Иванов сообщил о печальном событии Гиршфельду и получил в ответ небольшую открытку, датированную 17 июня 1896 г..

Дорогой господин Иванов.

Мои искренние соболезнования по поводу смерти Вашей матери. Я очень сожалею, что из-за этого Ваша промоция снова подвергается отсрочке, тем более что за это время (около 6—8 недель назад) появилась толстая книга Фердинанда Книпа о публикациях⁷, с которой Вам теперь еще нужно будет разобратся. У меня пока не было возможности ее оценить.

С деканом я поговорил; он просил меня сообщить Вам, что перенес срок Вашего экзамена на начало ноября. Но потом Вам уже ни при каких обстоятельствах не надо откладывать его дальше!

С поклоном

О. Гиршфельд⁸

Если ж стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной,
Прочной земле,
То не сравнятся
Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

¹ «Счастливого пути» (нем.).

² «Есть ли у Вас Staatsrecht» (нем.).

³ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 41 и об.

⁴ Там же. Л. 45—46.

⁵ Wachtel M. Вячеслав Иванов студент... Р. 372—273; см. также примеч. 77 к п. 52.

⁶ Ср. «Подумайте, не можем ли мы съехаться в Берлине, где я должен буду защищать диссертацию в июне, где Вы украсили бы мой диспут и познакомились бы с maestri» (п. 52).

⁷ Kniep F. Societas publicanorum. Bd. 1. Jena, 1896. Ср. ниже: С. 357, примеч. 1.

⁸ Wachtel M. Вячеслав Иванов студент... Р. 373.

Иванов был полностью поглощен семейными делами: 28 апреля 1896 г в Париже Лидия Дмитриевна родила дочь, Лидию. В начале июля Зиновьева-Аннибал поехала в Швейцарию, и возобновилась ее регулярная переписка с Ивановым¹, в которой, пусть и нечасто, попадаются сообщения, проливающие свет и на занятия Иванова римской историей. Так, он подробно рассказывал о встречах в Национальной библиотеке с приехавшим в Париж Гревсом, упоминал и других знакомых-историков (ср. примеч. 1 к п. 54; Переписка... V С. 377, примеч. 4). Особый интерес представляют свидетельства об отношениях Иванова с М.И. Ростовцевым, начинавшим тогда работать над своей диссертацией об откупках.

7 июля 1896 г Ростовцев в письме к С.А. Жебелеву, описывая русское общество, которое он застал, приехав в Париж (ср.. Переписка... III. С. 330), сообщал: «Здесь же, говорят, и Иванов, но я его еще не видел, хотя хотелось бы вспомнить с ним Рим, да кстати поговорить и об наших работах. Он занят почти тем же, чем и я, только в большем масштабе»². Желание это осуществилось очень быстро: уже 10 июля Иванов рассказывал в письме к Зиновьевой-Аннибал: «В библиотеке встретился с Ростовцевым, и узнал, что он пишет диссертацию о том, что составляет одну из важных глав моей работы, — о таможенных пошлинах у римлян. Это было мне очень неприятно и даже несколько беспокоило меня, так как он может предупредить мою книгу — особенно ту, вторую ее часть, где рассматривается этот предмет³. Вдобавок, он говорит, что видит аналогии с греческими государствами, а это — одна из моих важных точек зрения»⁴. В понедельник, 13 июля Иванов продолжает эту тему: «В субботу в библиотеке я беседовал с своим конкурентом Ростовцевым. Его теории не совпадают с моими. Диссертацию он напишет еще не скоро⁵, но уже теперь посылает в печать статью с неизданными до сих пор надписями, данными ему Борманом⁶ и очень важными для меня, так что я

¹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 1–44. Первое письмо датировано 3 июля, последнее (перед отъездом в Швейцарию и самого Иванова) — 24 июля 1896 г.

² Цит. по: Скифский роман. С. 385. Иванов и Ростовцев познакомились в Риме в 1893 г (Там же. С. 248; ср. п. 13, а также мемуарную запись Гревса о путешествии в Рим вместе с Ростовцевым летом 1893 г., цит. Переписка... III. С. 316, примеч. 2), но тогда Ростовцев еще не собирался заниматься историей откупов, и вопрос этот, видимо, между ними не обсуждался. Ср. в письме Ростовцева к Жебелеву от 6 августа 1895 г из Рима: «Из нашего брата никого в Риме нет, даже Иванов исчез бесследно из Рима» (Скифский роман. С. 375).

³ Вопрос о таможенных пошлинах (*portoria*) в опубликованной диссертации Иваново специально не рассматривается: лишь в приложении «*Instrumentum epigraphicum*», где собраны надписи, упоминающие публиканов и отдельные пошлины, разумеется, фигурируют и *socii portorii* (*Ivanov V De societatis vestigalium*... P. 113–132).

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 18 об.—17. О заимствовании римлянами у греков многих элементов откупной системы см.: *Ivanov V De societatis vestigalium*... P. 7–9. Ср. у Ростовцева, например: «Юридические основы откупа и откупных обществ в республиканском Риме греческие; оригинальным созданием Рима является спекуляция и все, что с ней связано, и внутренняя организация обществ» (История государственного откупа... С. 53–54).

⁵ Защита магистерской диссертации Ростовцева «История государственного откупа в Империи (от Августа до Диоклетиана)» состоялась в Петербургском университете весной 1899 г (утверждена 21 апреля 1899 г.). Ср. выше: С. 340.

⁶ Евгений Борман (Eugen Bormann; 1842–1917) — историк, эпиграфист, ученик Моммзена; директор Археолого-эпиграфического семинария при Венском университете (с 1885 г.). Занятиям в руководимом им эпиграфическом семинарии Ростовцев посвятил зимний идеалом 1895–1896 гг., где, в частности, начал заниматься темой будущей магистерской диссертации. Ср. в его письме к Жебелеву от 17 декабря 1895 г из Вены: «Теперь занят вопросом о таможах в римских провинциях во времена империи: вопрос сложный и кропотливый... Кажется, однако, что я уже теперь в состоянии высказать кой-что новое в области этого вопроса. Работается здесь хорошо. Чему особенно способствует личность Бормана, которого можно назвать идеалом учителя. Я еще не видел человека, который бы так много отдавал времени своим ученикам и при этом так много сам работал. Не скажу, чтобы он был ученый очень широкий, но в области римской истории и эпиграфики, особенно в отделе фактическом, он один из очень и очень немногих» (цит. по: Скифский роман. С. 380; подробное описание работы семинара Бормана см.: Второй отчет о командировке магистранта М. Ростовцева // Там же. С. 426–427).

очень этому рад. Он предложил мне зайти к нему сегодня, чтобы посмотреть надписи и еще поговорить об общей нашей теме: вместе собирались мы и победать. О книге Книпа он также имеет очень невысокое мнение»¹ Наконец, в письме от 19 июля: «Вчера я по условию обедал с Рост. <овшеввым> и был у него: он показывал свои материалы»²

В Берлин Иванов приехал не к началу ноября (как было назначено деканом), а только в декабре 1896 г — первое его письмо к Зиновьевой-Аннибал в Париж датировано 18 декабря («Вот я опять в Берлине, в атмосфере деятельности, трезвости, некоторого мозгового напряжения и бодрящего зимнего холода. Время занято и расчетливо эксплуатируется»³). На следующий день он отправился к декану и побывал у Гиршфельда, о чем тогда же, 19 декабря, сообщал в Париж:

С деканом сегодня виделся. Он возвратил мне мое письмо и certifiсat Гольштейна⁴ со словами: «beides war überflüssig»⁵ Первое заседание факультета будет 14 января, второе 28го или 21го Я не решился экзаменоваться в первое заседание, и потому экзамен должен состояться во второй половине января (21го или 28го). Для окончательного определения дня,

Речь идет о статье Ростовцева: Eine neue Inschrift aus Halikarnass // Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn. Bd. 19. Wien, 1896. S. 127–141. Эта надпись из Галикарнасса (OGIS. 525) была поставлена двумя рабами императорского отпущенника, совмещавшего в своем лице и купеческие таможенных пошлин, и прокуратора. — Работа над публикацией этой надписи под руководством Бормана стала для Ростовцева первым серьезным шагом в изучении откупной системы в эпоху Империи. В диссертации Иванова ссылка на эту надпись фигурирует в приложении «Instrumentum epigraphicum» под номером 100^а, свидетельствующим о том, что ссылка была добавлена в уже готовую работу (De societibus vectigalium... P. 128–129).

¹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 29 об. Ср. мнение о книге Книпа (см. выше: С. 355, примеч. 7), высказанное Ростовцевым в его диссертации: «Последним трудом является книга Книпа, Societas publicanorum (Jena, 1896). Она даст много материала, принимает во внимание и эпиграфические данные, но система автора постоянно отрывается от темы и говорит о многом, что стоит с нею только в отдаленной связи, в высшей степени затрудняет чтение и пользование ею книгой» (История государственного откупа... С. 46 сл., примеч. 1).

В предисловии к диссертации, подписанном в Рождество 1909 г., Иванов напоминал, что побудителем его работы был Отто Гиршфельд, рецензентом — Теодор Моммзен, а выпустить ее в свет спустя почти 15 лет убедил друг, Михаил Ростовцев. Однако он не поддался бы на эти уговоры, если бы, познакомившись с содержанием недавних исследований Книпа, Дитриха и Миттиса, не убедился, что выводы, которые намеревался опубликовать он сам, все же не окажутся бесполезными. (Помимо работы Книпа, упомянуты еще две, появившиеся значительно позже: Dietrich C.G. Die rechtliche Grundlagen der Genossenschaften der römischen Staatspächter. II. Progr. schol. Afr. 1908; Mitteis L. Römisches Privatrecht bis auf die Zeit Diokletians. Bd. I. Leipzig, 1908).

В 1979 г. Клод Николе констатировал: «Самым полным юридическим исследованием по-прежнему остается работа Книпа 1896 г., но наилучшим и наиболее детальным историческим исследованием товариществ публиканов в эпоху республики является работа Иванова 1910 г.» (Nicolet C. Censeur et publicains. P. 441, nt. 2).

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 40 об. Возможно, именно с этой (или предыдущей) встречей в Париже в июле 1896 г. следует связать единственное упоминание об Иванове в диссертации Ростовцева — ведь никаких данных ни о других встречах, ни о переписке между ними в последующее время до выхода книги Ростовцева в 1899 г. не имеется (ср. примеч. 22 к п. 24) и, судя по всему, уже готовой работы своей Иванов в 1896 г. Ростовцеву не показывал.

Ср., в связи с толкованием числительного XX в надписи из Верхней Паннонии, которую поставил cond(uctoris) VIII ser(vus) vi(licus) XX (CIL III. 4288): «Как на то обратил мое внимание г. В. Иванов, эта vigesima скорее есть обозначение самой таможенной пошлины, которая таким образом была равна пошлине сицилийской» (Ростовцев М. И. История государственного откупа... С. 81, примеч. 3). В диссертации Иванова эта надпись фигурирует в приложении «Instrumentum epigraphicum» под номером 87 (De societibus vectigalium... P. 126).

³ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 48 об., ср. далее: «У декана сегодня, в пятницу, не было Sprechstunde. Пойду завтра» (Там же. Л. 50). — Sprechstunde — приемный час (нем.).

Вероятно, в Париже Иванов запасся сертификатом от В. А. Гольштейна (ср. примеч. 10 к п. 49), подтверждавшим, что он задержался в Париже из-за болезни своей или кого-то из домашних.

⁵ «И то, и другое было ни к чему» (нем.).

декан просил зайти опять в начале января, когда будет установлено расписание заседаний. Из университета я поехал к Гиршфельду, но не имел должного élan для того чтобы вынести из этого свидания многое. Г <иршфельд> участливо спрашивал меня [о том], как жилости мне в Париже, о смерти матери, о том, буду ли я габилитироваться¹ в России с помощью печатаемой работы, хочу ли я быть приват-доцентом в Москве, быть может в Дерпте... Я отвечал на это отрицательно, но не отрицал намерения эксплуатировать диссертации в России и едва наемкнул на намерение далее прожить за границей. Потом как-нибудь спрошу о возможности габилитироваться за границей. Мюншер², мой знакомый, допущен приват-доцентом в Базельский университет на основании еще не напечатанной и незаконченной работы о Плинии. Г <иршфельд> советовал раньше экзамена позаботиться об издателе [, указывал] и сделать некоторые указания. Он думает что издатель будет недоволен если я заставлю его ждать продолжения, и мы почти условились что лучше издать манускрипт в его теперешнем объеме, а продолжение выпустить под отдельным заглавием: «quaestiones alterae», т.е. дальнейшие исследования. Вполне дарового издателя едва ли удастся найти: придется б.<агть> м.<ожет> заплатить за 300 обязательных экземпляров диссертации и т.д. Посылал меня к Моммзену попросить прочесть написанный им подробный реферат о моей работе и оказать ему необходимую честь предложением экзаменовывать меня. Вообще Г <иршфельд> был очень мил, просил заходить к нему советоваться, предложил мне пользоваться [сво<ей>] если будет нужно, его библиотекой. Смеялся над моей медлительностью. В начале января будет праздноваться десятилетний юбилей нашего Института für Alterthumskunde³

Встреча имела продолжение на следующий день (письмо от 20 декабря 1896 г.):

Сегодня я опять попал к Гиршфельду, потому что забыл вчера у него в передней зонтик, [а] и горничная, после тщетных поисков в разных местах, доложила ему обо мне и он вышел ко мне, говоря, что забыл мне вчера что-то сказать, но не мог все же припомнить. Я дал ему свой адрес. Он опять посылал меня к Моммзену и давал советы, как с ним говорить об экзамене. Я на этот раз сказал ему о своем намерении остаться, хотя бы на первое время, за границей. [Он не совсем еще понял меня и] «В Париже?» спросил он. Я отвечал, что не связан определенным местом. Тогда он посоветовал мне так как мне нужно изучать греческую литературу для русского экзамена остаться в Берлине: [сюда на] здесь, с летнего семестра, будет читать знаменитый эллинист, Wilamowitz⁴. Я принял это к сведению. Потом я спросил опять его мнения об удобстве напечатания моей работы в объеме теперешнего манускрипта: он считает это вполне возможным, потому что она довольно закончена по содержанию, но мое намерение (которое вчера лишь утвердилось у меня) прибавить *краткий очерк* того, что должно было бы составить продолжение книги, краткий — для того чтобы не затягивать издания — нашло полное его одобрение. Это он считает гораздо более целесообразным чем откладывание продолжения книги, в виде отдельного исследования, на неопределенное время. Я опять указал ему на свое желание отделаться поскорее от настоящей темы и перейти к другим научным задачам. Как на одну из таковых, я указал далее на проект истории всаднического сословия в Риме. «Ach, nein, nein!» воскликнул он (как и следовало ожидать) — что, впрочем, очень мало потрясло меня. «После того как Моммзен только что дал исследование об этом в своем Staatsrecht!... Это потом, потом!» Вероятно, он опять будет предлагать мне что-нибудь очень специальное и ученое. Nous verrons⁵ — Разговор этим в сущности ограничился. <...>

Милая возлюбленная, мне очень горько и грустно встречать здесь приближающиеся праздники, которые заявляют себя лесами елок на улицах. Горько и грустно быть без тебя и без нашей семьи, и тем более горько и грустно, что я понапрасну, в сущности, наложи на себя это наказание. Конечно, полезно, даже необходимо было приехать теперь для предварительных совещаний; но все же понапрасну разлучен я [теперь] буду с тобой все долгое время

¹ Разбег: стремление (франц.).

² От нем. *habilitieren (sich)* получить право преподавания в высшем учебном заведении.

³ О Ф. Мюншере см. примеч. 5 и 6 к п. 8. Иванов виделся с ним и во время предыдущего своего пребывания в Берлине: «Был у встретившегося мне в нашем Институте доктора Мюншера (Иванов Зиновьевой-Аннибал. 20 ноября 1895 г. // РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 38).

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 55 и об., 53 и об.

⁵ Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф (Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf; 1848–1931) выдающийся филолог-классик, автор основополагающих работ почти во всех областях древнегреческой филологии и истории; с 1883 г. профессор в Геттингене, с 1897 г. в Берлине. Зять Моммзена (ср. примеч. 4, 5, 7, 8 к п. 10). Ср. также примеч. к п. 9 к п. 70.

⁶ Поживем увидим (франц.). — О всадническом сословии см.. *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III, 1.*

в ожидании экзамена. Впрочем, нечего жалеть о том, что, с одной стороны, непоправимо, с другой может принести мне огромную пользу, если я интенсивно воспользуюсь этим суровым средством против моего влюбленного шалопайства и буду работать... Je veux être sage, très sage — но все же мне худо...¹

Итак, в Берлине Иванов интенсивно готовился к докторскому экзамену, а также предпринимал шаги для издания диссертации. Последовав совету Гиршфельда, он в ближайший понедельник отправился к Моммзену. Об этой встрече он рассказал в письме к Зиновьевой-Аннибал от 22 декабря 1896 г..

Вчера я был у Моммзена, но пришел к старику, видно, не в добрый час. Он принял меня церемонно, в салоне, с таким видом, точно образ мой никогда раньше не отражался на его сетчатой оболочке. «Im vorigen Jahr haben Sie die Güte gehabt, die Recension über meine Arbeit zu übernehmen; mir wäre es sehr wichtig, vor der Drucklegung der Arbeit diese Recension einzusehen»² (Говорю, как научил меня Гиршфельд). «Ja, Ich habe Ihre Arbeit durchgesehen... aber ich erinnere mich an dieselbe nicht mehr». «Sie behandelte die Frage über die Publicanen». «Ja, das weiss ich, über die Publicanen... aber sie ist mir nicht mehr erinnerlich... [Und] Auch ist mein Referat wohl [sehr kurz] nicht eingehend genug und kann Ihm kaum von Nutzen sein». — «Im Gegentheil, Prof. Hirschfeld sagt mir, Sie haben sich ziemlich ausführlich über meine Arbeit ausgesprochen». «Wollen Sie denn dieselbe umarbeiten?» «Ich glaube, ich würde dazu jedenfalls nicht Zeit genug finden; aber ich möchte mich [schon] doch vor der Drucklegung Rechenschaft ablegen über das Verhältniss Ihrer Ansichten zu den meinigen»³. — В заключение Моммзен просит меня зайти еще раз, после того как он снова посмотрит работу, и — уже в передней — поручает мне просить декана от его имени о доставлении ему снова моей диссертации вместе с его рецензией и назначает мне опять быть у него 2^е или 3^е января. Иду тотчас к Гиршфельду, который живет неподалеку, — третий день подряд, и рассказываю ему, wie mein Besuch bei M. <ommsen> abgelaufen ist. Услышав мою повесть о слабости памяти знаменитого человека, он хохочет. «И все же вам необходимо будет, при новом свидании сказать ему: "Wünschen Sie mich zu prüfen oder soll ich mich an Prof. Hirschfeld wenden?"... Es geht nicht anders; er war ihr Hauptreferent»⁴. Далее он говорит об экзамене: ich mache mir zu viele Gedanken⁵, я пройду во всяком случае, он уверен в моем знании Staatsrecht⁶а, Моммзен также будет иметь gutes Vorurtheil⁷ на основании своего отзыва о работе и т.д.

Иванов незамедлительно отправился в университет: «Третьего дня я был у декана и передал ему поручение Моммзена. Моя работа с его рецензией. [буду<т>] вероятно, уже отосланы ему»¹⁰. В ожидании новой встречи с Моммзеном Иванов проводил дни рождественских и новогодних праздников во все менее милом ему Берлине («Кажется, я решительно и навсегда потерял вкус к немецкой среде»¹¹) за подготовкой к экзамену и предавался раздумьям, которыми постоянно делился с Лидией Дмитриевной:

¹ Я хочу быть благоразумным («паинькой»), очень благоразумным... (франц.).

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 56–58.

³ «В прошлом году Вы любезно взяли на себя рецензирование моей работы; мне было бы очень важно взглянуть на эту рецензию, прежде чем работа будет отдана в печать» (нем.).

⁴ «Да, я просмотрел Вашу работу... но теперь уж больше ее не помню». — «В ней разбирался вопрос о публиканах». «Да, это я знаю, о публиканах... но припомнить ее уже не могу. К тому же мой отзыв, пожалуй, [очень краток] недостаточно подробен и вряд ли может Вам пригодиться». «Напротив, проф. Гиршфельд говорит мне, что вы высказались о моей работе довольно подробно». «Так Вы собираетесь ее переработать?» «Думаю, для этого у меня в любом случае не нашлось бы достаточно времени, но все же до сдачи в печать мне хотелось бы дать себе отчет в том, как Ваши взгляды соотносятся с моими» (нем.).

⁵ Чем закончился мой визит к Моммзену (нем.).

⁶ «Угодно ли Вам экзаменовывать меня, или мне надлежит обратиться к проф. Гиршфельду?.. Иначе нельзя: он был вашим главным рецензентом» (нем.).

⁷ Я-де слишком сильно беспокоюсь об этом (нем.).

⁸ Доброе предрасположение (нем.).

⁹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 59 и об., 61.

¹⁰ Там же. Л. 62 об. (письмо от 25 декабря 1896 г.).

¹¹ Там же. Л. 63–63 об.

29 дек. <абря 18> 96 (утром).

<...> Когда кончатся мои здешние мытарства? хочешь ты знать. Я ведь не знаю этого сам: но если диссертацию не удастся напечатать и защитить в феврале, то защита оттянется до апреля. Во всяком случае, больше чем диссертацию (т.е. 5 глав) напечатать в феврале едва ли удастся. Что же касается проектируемого заключительного эпизода, то написание его не вызовет, я надеюсь, много времени, и я успею, вероятно, его кончить в то время как будет печататься уже готовый теперь текст. Итак, едва ли можно рассчитывать на возврат в Париж раньше апреля. Однако ты останешься же со мной значительное время после поездки в Петербург?..¹ Впрочем, не будем жить вперед: я имею суеверный страх предположений и определенных планов. — страх и вместе горький опыт неосуществимости тех из них, которые нам кажутся особенно привлекательными. Благодарю Судьбу за счастье, которое имею в жизни: оно приходило помимо ожиданий и часто вопреки им. — В последнее время, милая радость, не работается мне. Мозг мой испытывает прямо страдание от пассивного усвоения навязываемой ему научной пищи. Мысли и образы не дают мне покоя и не хотят уступать места чужим и чуждым представлениям и понятиям. Читать для меня стало невыносимо трудно. О, если бы спал с моих плеч этот нелепый, детский, мелочный, нервы раздражающий экзамен! Это маленькое, маленькое препятствие моему благополучию, ничтожный камешек в моей обуви, который делает мне однако невыносимым существование! Как это комично, я знаю сам, потому что сознаю себя бесконечно выше требуемого экзаменом научного уровня; но и страшно вместе, потому что я никак не могу опускаться до него. с[п]уститься так, чтобы его наполнить, как жидкое тело: мой дух не в силах изменить своей эфирной, т.е. газообразной, природе. — Эти трагикомические lamentation, впрочем... суть только требуемые Аристотелем «Entladungen der Leidenschaft»² и в этом смысле, вместе с только что совершенной прогулкой в Тиргартен, приготовление к добросовестному «Ochsen»³ в течение остального дня, который, именно вследствие «Entladung», обещает мне быть более или менее успешным⁴

1 янв. <абря 18> 97, утром.

<...> Я имею привычку дожидаться торжественно новогодней полночи, и не изменил традиции и вчера. Один, с научными книжками, как два года назад в Риме, встречал я новый год; только твой дорогой портрет не лежал предо мной, как вчера, два года назад в Риме.

<...> Все, что я пишу, девочка, не актуально, не правда ли? Я начинаю новый год грехом против актуальности! А между тем этот год не должен быть контемплативным⁵; я должен быть активен и актуален. Почему думаю совершить сейчас маленькую актуальную беспелезность: помня всякие прежние Neujahrswünsche⁶ и прочие любезности Гиршфельда, занести ему карточку⁷

2 янв. <абря 18> 97

<...> Вчера я передал горничной у Гиршфельда свою карточку, но она как-то тотчас доставила ее по назначению и вернулась прося войти, когда я уже спускался по лестнице. Г <иршфельд> был по обыкновению очень мил; посоветовал мне между прочим идти к Моммзэну только в понедельник и, по вопросу об экзамене, просто сказать ему: «Wie soll ich dem Decan sagen, ob Sie oder Prof. H<irschfeld> mich prüfen werden?»⁸

4 янв. <абря 18> 97

<...> Был у Моммзэна, но старик ушел до 5 часов вечера в библиотеку. Придется идти в другой раз⁹

¹ Речь идет о первых пяти главах работы, опубликованной в 1910 г. Ср. примеч. 2 к п. 1, примеч. 6 к п. 49, а также выше, письмо Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 9–10 ноября 1895 г (С. 352–353).

² Речь идет о планировавшейся (и состоявшейся в конце января 1897 г.) поездке Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в Петербург по делам, связанным с ее разводом с К.С. Шварсаломом.

³ «Разряды страсти» (нем.). Речь идет о катарсисе как освобождении от страстей. О «разрядах» (Entladungen) говорил Ницше — ср.: «Нам надлежит уразуметь греческую трагедию как дионисийский хор, который все снова и снова *разряжается* аполлинийским миром образов. <...> Праснозна трагедии излучает такое видение драмы в цепочке следующих один за другим *разрядов*...» (Фридрих Ницше. Рождение трагедии / Сост., общ. ред., коммент. и вступит. ст. А.А. Россиуса; Пер. А.В. Михайлова. М., 2001. С. 107; курсив наш. Изд.).

⁴ Зубрежка (нем.).

⁵ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 64 об., 67 и об., 65.

⁶ От лат. *contemplativus* — созерцательный.

⁷ Новогодние поздравления (нем.). Ср. выше: С. 355.

⁸ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 1, 2.

⁹ «Как мне сказать декану: будете ли экзаменовать меня Вы или профессор Гиршфельд?» (нем.). Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 7 (приписка на верхнем поле).

Встреча с мэтром, от отзыва которого во многом зависела судьба Иванова как антиковеда, состоялась на следующий день. Впечатление было столь сильным, что письмо к Зиновьевой-Аннибал целиком занято рассказом о ней:

6 янв. <аря 18>97

Слушай, моя девочка, что я расскажу тебе о своих делах и проделках Моммзена, и приговорясь быть разочарованной.

Жду вечера в гостиной. На лестнице сверху, из кабинета, слышен крадущийся шорох и шелест. Мне знакомо это шушанье. *Le chétif grand savant s'arproche*¹ Маленький, тшедушный, в сером шлафроке², он горбится, словно под тяжестью белых кудрей, лежащих по плечам, и жмется, как будто ему свежо. Через очки, из-под темных бровей, холодно и неприветливо смотрят острые темные глаза. Складки выразительно бороздят бритое старческое, худое лицо и придают скептическую горечь плотно сжатым губам, на которых мгновениями змеится ироническая улыбка. Несколько старчески потухшее выражение трезвой и вдумчивой сосредоточенности ежеминутно нарушается как бы легкими конвульсиями внутренней жизни, выражающимися в маленьких нервных жестах, игре мускулов лица, вспыхках живых глаз. Он передает мне свою визитную карточку, на которой написано: «Ich habe nichts dagegen einzuwenden, daß Herr Ivanov mein Gutachten an Herrn Decan mittheilt wird»³ «Акты», т.е. мою работу и свою рецензию он уже отослал декану. Я выражаю свою благодарность... Сидя затем на кресле против меня и слегка улыбаясь, он произносит: «Ich bin mit Ihrer Arbeit unzufrieden. An der Construction ist vieles auszusetzen. In einigen Jahren werden Sie es machen können. Aber eben — wir hören auf, und Sie fangen an...»⁴ — Что касается результата, т.е. что работа принята, это ведь уже мне известно. Я бы желал [потом] слышать от него дополнительные разъяснения к его рецензии, если это будет необходимо; — он не думает, чтобы это было необходимо, притом его память слаба, он уже не помнит хорошо моей работы, прочитанной год тому назад. — Как должен я сказать декану относительно экзамена? — О выборе экзаменатора, ведь условливаются между собою декан и экзаменующийся, но он, с своей стороны, согласен экзаменовать меня, моего заявления теперь — для него достаточно, я не имею нужды еще беспокоиться и приходить к нему, чтобы условиться об этом. Прощание.

Импрессионированный⁵ столь [краткой] резкой формулировкой [его] протеста против моих научных ересей, я иду к Гиршфельду, чтобы заявить ему свое удивление его крайнему оптимизму [со стороны последнего] в оценке впечатления, произведенного на Моммзена моей многострадальной работой. Но Гиршфельд в университете.

Сегодня утром являюсь к Гиршфельду, рассказываю ему свой визит. Он уверяет, что рецензия была «recht günstig», и что [это только «zugespitzte»] М [оммзен] хотел только — «zugespitzt»⁶ — выразить свое несогласие с моими теориями, которые ведь и его, Гиршфельда, не убедили, за отсутствием [окончательного] «eines positiven Beweises»⁷; на что я замечаю, что еще не потерял надежду убедить его, если он захочет потом внимательнее прочесть диссертацию. Далее, я указываю на то, что ввиду столь решительного неодобрения, с одной стороны, и «слабости памяти» Моммзена, с другой, благодаря которой впечатление моей работы, если оно было сколько-нибудь благоприятным, изгладилось, — я не думаю, чтобы он явился на мой экзамен «mit dem [günstigen] guten Vorurtheil»⁸, о котором говорил Гиршфельд, и вместе спрашиваю, считает ли он вопрос об экзаменаторе решенным. Г <иршфельд> восклицает, что, конечно, теперь он и не решился бы экзаменовать меня, раз Моммзен выразил свою готовность, и пр., но, по-видимому, несколько импрессионирован и озабочен случившимся. Я в свою очередь признаюсь ему, что отчасти декуражирован⁹ и хочу экзаменоваться недели на две позднее. Г <иршфельд> отвечает, что не хочет торопить меня. Затем начинает рекомендовать для приобретения и показывать разные книжки, по которым удобнее всего в короткое время возобновить в памяти все существенное. В заключение, я прошу извинить меня, если не яв-

¹ «Шуплый великий ученый приближается» (франц.).

² Домашний халат (нем.).

³ «Я ничего не имею против того, чтобы мой отзыв господину декану был сообщен господину Иванову» (нем.).

⁴ «Я не доволен Вашей работой, в структуре много недостатков. Через несколько лет Вы сможете с этим справиться. И все же мы заканчиваем, а Вы начинаете».

⁵ От франц. *impressionner* производить впечатление, волновать.

⁶ «Вполне благожелательная» (нем.).

⁷ «В заостренной форме» (нем.).

⁸ «Положительного доказательства» (нем.).

⁹ «С добрым предрасположением» (нем.).

¹⁰ От франц. *décourager* палать духом.

люсь на праздник Института¹, теперь мне не до того, я занят, и являться туда «in meinem unfestigen Zustande» мне не хочется. «Am Ende verstehe ich, dass Sie nicht kommen wollen»², заключает Гиршфельд

Я еду в университет, присутствую на защите одной диссертации (о Шопенгауэре), чтобы говорить потом с деканом, узнаю от него, что заседания факультета состоится как 21 так и 28 января, сообщаю ему о своем намерении экзаменоваться [лучше] позднее, около половины февраля, на что он вполне согласен, — предьявляю карточку Моммзена и читаю «Gutachten»³... Но прежде замечу для твоего успокоения, что оттягивая еще «Termin»⁴, как это решительно необходимо ввиду возможности всяких неожиданностей со стороны Моммзена, я едва ли сколько-нибудь замедляю дело, так как если бы даже успел защитить диссертацию в феврале (что теперь будет уже нелепо), печатание остальной работы задержало бы меня до начала другого семестра (половины апреля), теперь же только защита переносится на апрель.

«Gutachten», насколько я мог запомнить (п.<отому> ч.<то> списать его было нельзя, и самое разрешение прочесть его возбуждает изумление педелей⁵), гласит так

«Die Arbeit des H<er>m I.<vanov> geht in vieler Hinsicht über das Maß hinaus, welches wir gewöhnt sind bei Promotionen zu verlangen. (Er beantragt dann die Zulassung der Dissertation...) Sie zeigt eine... Beherrschung (или что-то подобное) des reichen Materials (приблизительно) von Schriftstellern und Inschriften in umfassender Weise, eine sorgfältige [Herausziehung] (не то слово) Benutzung der philologischen Litteratur, eigenes Denken und endlich eine Fähigkeit den [recht] spröden Stoff in einer correcten, wenn auch nicht immer bequemen und oft verkünstelten lateinischen Rede darzulegen. Wenn ich [auch] dieses Lob ausspreche, so... (смысл: so muß ich andererseits auch sagen), daß der Verfasser seine Kräfte überschätzt hat und den sehr grossen (или außerordentlichen или т.п.) Schwierigkeiten der gewählten Aufgabe vielfach nicht gerecht geworden ist»⁶ Переход к отдельным возражениям против 4 первых глав, очень коротким, и из которых ни одно не [было] осталось мною непредвиденным, непродуманным и не устранимым в моей работе, так что ни одно и не убедило меня. Возражения показывают, что М.<оммзен> не изучил мою работу достаточно глубоко, не понял меня, одним словом, до конца, и что — прибавлю я, как это ни кажется смелым, старики не имеют достаточной духовной подвижности, чтобы, сойдя с привычной почвы, стать на точку зрения молодых: устное прибавление «wir hören auf, und Sie fangen an»⁷ кажется мне неизлишним. Я решительно убежден в справедливости своей теории и считаю невозможным занять другую точку зрения через несколько [дней] лет. Впрочем, меня это мало затрагивает за живое. «Gutachten» кончается так. «Ich empfehle nicht nur, wie gesagt, die Arbeit des H<er>m Ivanov zuzulassen, sondern auch sie als diligenter et subtiliter factam zu bezeichnen, in diesem Sinne, daß der Positiv mehr bedeutet als der land<es>übliche Superlativ»⁸ Следует пометка Гиршфельда: «Einverstanden. H.<irschfeld>»⁹ — Какое впечатление произведет на тебя эта рецензия? Напиши. Diligenter — значит «тщательно»; «subtiliter» — скорее всего соответствует «тонко», когда говорится напр.<импер> о тонком анализе и т.п. Эти слова будут значиться в дипломе¹⁰

¹ Ср. выше, в письме к Зиновьевой-Аннибал от 19 декабря 1896 г. (С. 358).

² «В моем непрочном положении» (нем.).

³ «В конце концов, я понимаю, что Вы не хотите приходить» (нем.).

⁴ «Отъезд» (нем.).

⁵ «Срок» (нем.).

⁶ От нем. *Pedell* — школьный сторож (швейцар), служащий учебного заведения.

⁷ Это косвенное неодобрение выбора темы объясняется совершенно преувеличенным представлением Моммзена о ее важности и трудности; хотя, действительно, до сих пор все многочисленные попытки разрешения этой проблемы ником, кажется, не удовлетворили» (примеч. Иванова).

⁸ «Работа господина Иванова во многих отношениях выходит за рамки того, что мы обычно требуем при промоции. Она показывает... владение (или что-то подобное) богатым материалом (приблизительно) авторов и написей всеобъемлющим образом, тщательное [привлечение] (не то слово) использование филологической литературы, самостоятельное мышление и, наконец, способность изложить разрозненный материал на правильной, хотя и не всегда легкой, а зачастую и вычурной латыни. Высказывая эту похвалу... (смысл: однако, с другой стороны, я должен сказать), что автор переоценил свои силы и в целом ряде случаев не справился с очень большими (или чрезмерными и т.п.) трудностями избранной задачи» (нем.).

⁹ Ср. выше С. 361, примеч. 4.

¹⁰ «Я рекомендую не только, как уже сказано, принять работу господина Иванова, но и отметить ее как diligenter et subtiliter factam, в том смысле, что позитив значит больше, чем расхожий суперлатив» (нем.). — *diligenter et subtiliter factam* — тщательно и тонко выполненную (лат.).

¹¹ «Согласен. Гиршфельд» (нем.).

¹² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 9—11 об.

Иванов мог быть раздосадован нежеланием Моммзена вступать в детальную полемику с ним, однако упрек в недостатке «духовной подвижности» трудно признать справедливым: напротив, для Моммзена было весьма характерно сочетание исключительной требовательности и открытости к исканиям молодых ученых. Напомним знаменитую историю о том, как в мае 1889 г. докторскую диссертацию защитил Макс Вебер, и Моммзен задал ему несколько вопросов. «Тогда между Моммзеном и молодым Вебером началась широкая дискуссия. Моммзен сказал в заключении, что, будучи совершенно не согласен с тезисами Вебера, не хотел бы помешать успеху кандидата, и снял свои возражения. Он сказал, что новое поколение имеет совершенно новые идеи, которые старики не в состоянии сразу понять, и данный случай, возможно, к таковым и относится». Особенно трогательны были заключительные слова Моммзена, обращенные к Веберу: «Когда я должен буду отправиться в свой последний путь, я никому другому не скажу с такой радостью: "Сын мой, возьми мое копье, которое стало непосильным бременем для моих рук"»¹

Ожидая со дня на день встречи с Зиновьевой-Аннибал в Берлине, куда она должна была заехать на несколько дней по дороге в Петербург, Иванов встретил русский Новый год, отметил его, в частности, походом в концерт на 5 симфонию Бетховена и в ресторан в честь Лидии. Наутро он писал ей:

13/1 янв. <аря 18>97

Темно — словно солнечное затмение! Я пишу в 11 час. утра, моя комната светлая, с двумя большими окнами. и я пишу при свете!! О, жалкий, богами отверженный Север, когда я покину тебя?.. А ты еще собираешься переселиться ко мне сюда с семьей, надолго... Нет, дорога, так долго мои дела не затянутся; а жить здесь ради здешней филологии — слишком большая жертва²

Очевидно, приносить себя в жертву одной филологии ему хотелось все меньше. И все же, оставшись один после отъезда Лидии Дмитриевны в Петербург, он вернулся к подготовке к экзамену³ и начал переговоры о печатании диссертации, о чем и рассказывал в письме от 28/16 января:

У Calvary⁴ мне недавно сказали, что их шеф уезжает на днях на 6 недель из Берлина и что я теперь должен поговорить с ним об издании своей книги. Поэтому я был сегодня у него, чтобы узнать принципиально, возьмется ли он и на каких условиях издать книгу. Он выразил, во-первых, сожаление, что исследование написано не по-немецки, потому что тогда сбыт его был бы больше: юристы и экономисты не читают по-латыни. Затем, желает получить с меня за все 300 марок «à fond perdu»⁵, причём составляет нужное мне число экземпляров диссертации [даром] бесплатно. Можно и по-другому условиться: я [издаю] печатаю у него книгу на свой счет (он говорит, что это обойдется в 450–500 марок) и получаю половину цены с каждого проданного экземпляра. Во всяком случае будет куплено, глав.<ным> обр.<азом> библиотеками, экземпляров 120 или больше. Впрочем, это только нормы соглашения. Он желает [рассмотреть] получить на рассмотрение мою работу, и если редактор их издания («Berliner Studien für classische Philologie und Archäologie»), Prof. Seyffert⁶, выссет очень благоприятное мнение о работе, то цена 300 марок может быть понижена. Узнав это, я простился.

<...> Слушай, что я накажу тебе: кланяйся от меня Гревсам и осведомься у И.<вана> М.<ихайловича>, сколько экземпляров [русской] магистерской диссертации требуется представить в России: это мне нужно будет принять в расчет при издании»

¹ Цитаты из биографии М. Вебера, написанной его женой Марианной (*Weber M. Max Weber: ein Lebensbild*. Tübingen, 1926. S. 132), приведены по ст. *Коханов Л.Л. Теодор Моммзен и его вклад в науку римского права* // ВДИ. 2004. № 4. С. 193–194.

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 17 об.

³ Ср. в его письме к Зиновьевой-Аннибал от 27/15 января 1897 г.: «Дорогая Лидия! Пишу тебе в тот момент, когда ты, по моему расчету, только что приехала в Петербург; волнуясь и ожидаю телеграммы... Что с тобой, что будет, и как все кончится? Сиди опять один в своей, теперь уже нашей комнате; могу заниматься, но мысль настороже и ежеминутно следует за тобой...» (Там же. Л. 22).

⁴ Имеется в виду берлинская книготорговая и издательская фирма S. Calvary & Co.

⁵ «Безвозвратно» (франц.).

⁶ Под редакцией Оскара Зайферта выходила серия «Берлинские исследования по классической филологии и археологии».

⁷ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 24 об.—25, 26.

Итак, в начале 1897 г. Иванов намеревался опубликовать свою диссертацию, чтобы воспользоваться ею не только для «докторирования» в Берлине, но и возможного «габилитирования» в России. Он прилежно готовился к экзамену: 31 января он пишет в Петербург: «В концерт (дневной, интересный, посвященный Шуберту)... не пошел, не желая терять времени (ибо хорошо работаю). <...> Я занимаюсь с удовольствием»¹. В письме от 1 февраля (предпоследнем перед прекращением надолго переписки с Зиновьевой-Аннибал, а следовательно, и окончанием уединенной жизни) упоминается конкретная тема: «Возвращаюсь к истории Луция Элия Вера»².

Но ни диссертация в Берлине не была тогда напечатана, ни экзамен с защитой так и не состоялся, и степени доктора Иванов не получил, хотя «еще долгое время не оставлял планов держать экзамен»³. Об этом свидетельствует то, что «в именном списке студентов Берлинского университета он числится с летнего семестра 1896 г. по зимний семестр 1897—1898 гг.»⁴. Когда летом 1898 г. Иванов был в Петербурге, он брал у Гревса и с его помощью в библиотеке Высших женских курсов большое количество книг, необходимых для подготовки к экзамену (см. п. 58, примеч. 2, 4—8, 10—13, 16, 17). В ноябре того же года, сообщая Гревсу, что бракоразводный процесс Зиновьевой-Аннибал вступил в решающую стадию, он делает неожиданный вывод: «Я принужден буду на критическое время расстаться с семьей. Это снова концентрирует меня на заботе об экзамене» (п. 61). И далее просит разрешения задержать у себя «на зимние месяцы» не возвращенную ранее книгу Ница «История римской республики», которая нужна, очевидно, именно для подготовки к экзамену. Это ноябрьское письмо 1898 г. последнее известное нам свидетельство о намерении Иванова все-таки довести до конца промоцию в Берлинском университете.

Конечно, теперь он отдавал себя прежде всего поэзии. Однако не прерывались и занятия наукой, но только темы изменились: «Он провел почти весь 1899 г. в Англии, где в лондонском Reading-Room при Британском Музее усердно собирал материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во вселенскую миссию Рима»⁵. Во время поездки в Грецию в 1901—1902 гг. произошел окончательный поворот: «Вячеслав в библиотеке, где он горячо принялся за материалы для своих новых, определившихся научных замыслов», — сообщила Зиновьева-Аннибал Гревсу из Афин в конце лета 1901 г. (п. 65). А сам Иванов писал старому другу 19 ноября / 2 декабря 1901 г.: «Мое несौщество (разумею обращение к эллинской древности и, в частности, к истории религии) дается мне трудно... перело мной, грозя, открываются дали за далями» (п. 66)⁶. В 1903 г. в Петербурге вышел в свет первый сборник стихов Вячеслава Иванова «Кормчие звезды», и в том же году он уже «читал курс лекций о Дионисе в парижской Высшей школе общественных наук»⁷. О публикациях и экзамене в Берлине больше не было и речи. Много лет спустя, в 1917 г., Иванов изложил этот «сюжет» своей жизни так:

Что до моей диссертации, она была представлена в Берлине, и вскоре Гиршфельд обрадовал меня новогодним приветом (1896 г.), присланным в Париж, с припиской, что Моммзен высказался о ней очень благоприятно («sehr günstig beurtheilt»), и что сам он к его оценке в факультете присоединился. Каково же было мое разочарование, когда, явившись через несколько месяцев к Моммзену, вышедшему ко мне в калатике, я услышал от него: «Вашею работою я собственно недоволен; через несколько лет Вы напишите нечто лучшее». После чего он дал мне свою визитную карточку с

¹ Там же. Л. 33 об., 34 об.

² Там же. Л. 36.

³ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент... P. 359.

⁴ *Ibid.* P. 359, 362, nt. 32.

⁵ *Дешарт О.* Введение. С. 30. Ср. примеч. 10 к п. 30.

⁶ Ср. «Зато в Афинах, где я пробыл год, я уже всецело предаюсь изучению религии Диониса» (*Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо. С. 21).

⁷ Там же.

⁸ «Оценил ее весьма благосклонно» (*нем.*). Ср. выше: С. 355, а также примеч. 77 к п. 52.

просьбой к декану факультета показать мне его отчет. Новое удивление испытал я, найдя в отчете шедрые похвалы, кончавшиеся заявлением «um nicht Superlative zu gebrauchen», — что диссертация далеко выходит за обычный уровень и написана «diligenter et subtiliter»; следовала детальная полемика с моею теорией (о societas publicanorum), имевшей ту особенность, что она противоречила его собственной. Мне оставалось явиться на экзамен, который, по уверениям Гиршфельда и намеку самого Моммзена, был бы простою формальностью; Гиршфельд убеждал меня также по получении докторской степени «абилитироваться» в Германии приват-доцентом. Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, вроде «Государственного Права» Моммзена, не обесценивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этою возможностью не мирилось. Да и не тем уже в то время сердце полно было!

Конечно, это взгляд ретроспективный. Решение окончательно отказаться от завершения промоции в Берлине было принято, но мысль о законченной, но так и не опубликованной работе, получившей к тому же высокую оценку великого Моммзена, не покинула его окончательно. В ноябре 1902 г. Иванов из Шатлена, где его семья наконец обосновалась надолго, писал относительно вынашиваемых Гревсом новых замыслов, связанных с историей землевладения в Италии: «Теперь все это так далеко от меня! Божества и культы и мифы составляют предмет моих научных *préoccupations*. Знаете ли, что привычка учиться сделалась моей второй природой, и даже “экзамен” свой — *horribile dictu!* я бы мог сдать теперь без значительного труда (до такой степени живуче во мне все давно заброшенное и старинное), если бы не жаль было времени и внимания, отвлекаемых от того, что может иметь будущее, тем, что принадлежит прошедшему; но диссертация своей мне все же жаль...» (п. 75)⁴

Судьба распорядилась так⁵, что диссертация о публиканях все же увидела свет⁶, и этому в значительной степени способствовал давний друг Иванова

¹ «Во избежание суперлативов» (нем.).

² «Тщательно и тонко» (лат.). Ср. выше: С. 362, примеч. 10.

³ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 20–21. Ср. в автобиографии Иванова (1904): «1 января 1896 года проф. Гиршфельд извещал меня, уже в Париже, что в философском факультете Берлинского университета диссертация заслужила “очень благоприятную” письменную оценку Моммзена. Вопреки указанию в книге И. М. Гревса “Очерки из истории римского землевладения”, т. I, СПб. 1899, стр. 258 прим. 4 и стр. 645, перешедшему в русский Энцикл. «опедический» Словарь Брокгауза (см. также М. И. Ростовцева “Ист. <оризо> [рим.] госуд. <арственного> откупа в Римской имп. <рии>”, стр. 81 прим. 3), я говориваю, что моя работа, имеющая быть изданной, [до сих пор] доныне [еще] не появлялась в печати. На долгое время личные переживания и литературные замыслы оторвали меня от научных занятий» (Переписка Вяч. Иванова с С. А. Венгеровым / Публ. О. А. Кузнецовой // Ежегодник РО Пушкинского дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 83; с учетом рукописного черновика: РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 10. Л. 2–3).

⁴ *Préoccupations* — заботы (франц.). — *horribile dictu!* — страшно сказать! (лат.). Ср. в письме Иванова к С. А. Венгерову от 14/27 декабря 1904 г. «Неприятно было также говорить о том, чего еще нет, в смысле совершившегося литературного факта, — и все же необходимо: сдать отчету, прежде всего, свою латинскую диссертацию, все еще погребенную в бумагах Берлинского университета, а речь о ней в научной литературе, однако, уже была» (Там же. С. 82).

⁵ Ср. в предисловии Иванова к диссертации: «*Libellum fata voluerunt...*»

⁶ «В 1896 г. ... латинское сочинение (*De Societatibus Vectigalium*) было принято берлинским философским факультетом в качестве докторской диссертации, на основании подробной и одобренной рецензии, написанной Моммзеном (см. р. 26 adn. 137). Тем не менее, этой работе суждено было появиться в свет только в 1911 г., в Петербурге, в Записках Императорского Археологического Общества, после чего я получил от Общества диплом на звание его действительного члена» (Иванов Вяч. *Curriculum vitae*. С. 189). — ... см. р. 26 adn. 137 — на указанной странице диссертации в обширном примечании Иванов процитировал отзыв Моммзена («*hanc dissertationem... diligenter et subtiliter scriptam*» *judicavit*; ср. выше: С. 362, примеч. 10), а также привел сделанное рецензентом на полях прочитанной им в 1895 г. диссертации развернутое примечание, формулирующее его несогласие с автором по вопросу о природе сложносоставных обществ откупщиков (ср. выше: С. 346, примеч. 5; 347, примеч. 2), чтобы здесь же ответить, почему он не может приять это критическое замечание. — ... в 1911 г. — ошибка памяти: книга вышла в 1910 г. См.: *Компелев Н. В.* Неизданная автобиографическая справка... С. 193, примеч. 14.

М.И. Ростовцев, который уже с весны 1906 г. настоятельно просил, едва ли не вынуждал поэта сдать латинский текст диссертации для опубликования в «Записках Императорского Русского Археологического Общества»¹

Но текст диссертации Иванов, как известно, представил в Берлинский университет, а собственной копии окончательного текста у него, очевидно, не было. И вот, спустя почти 10 лет (1/14 марта 1906 г.), он обращается за содействием к Гиршфельду:

Многоуважаемый господин профессор!

После многолетнего молчания напоминаю Вам снова о себе и своих некогда столь усердных занятиях Римом с просьбой о любезной помощи в том, чтобы вернуть к жизни мой *opusculum* о сообществах откупщиков, уже несколько лет погребенный в архиве Вашего философского факультета. Я далеко отошел от римских штудий, так как вступил на литературное поприще, и единственное обстоятельство, которое все еще связывает мою нынешнюю деятельность и творчество с филологией, лежит в области эллинской религии. Я посетил Афины и собрал материал для исследования дионисийского культа, потом почти случайно прочел в русской *Ecole des hautes études sociales*² в Париже курс лекций о дионисийской религии, которые я затем опубликовал в виде ряда статей в двух русских журналах³ и думаю в скором времени издать их здесь отдельной книжкой⁴. При этих обстоятельствах я, конечно, не помышляю более о докторском экзамене, однако мои друзья настаивают, чтобы я спас от забвения диссертацию, которой я обязан Вашему руководству и помощи, а прежде всего Вашей школе. Этого требует от меня, в частности, дружба профессора Ростовцева, который для этой цели, между прочим, предоставляет в мое распоряжение Записки эллинистического археологического общества. Я намерен согласиться напечатать в названных «Записках» небольшую работу, которая, как кажется, не полностью устарела, с указанием обстоятельств ее написания. Я был бы Вам весьма обязан, если бы Вы смогли оказать мне помощь в том, чтобы достать эту работу и получить ее здесь. В настоящее время я не располагаю распиской от факультета в получении от меня работы, так как все мои бумаги остались в Женеве, где постоянно живет моя семья, однако к настоящему письму я прилагаю прошение на имя декана. Итак, позвольте мне, многоуважаемый учитель, надеяться на добрую весть от Вас. Издаю с гордостью слезу за Вашим славным поприщем и неизменно чувствую себя благодарным и преданным Вам всей душой. С почтением

Ваш Вячеслав Иванов.

Я считаю, что надежнее отправить работу прямо в эллинистическое общество, и по этому поводу я Вам вскоре напишу снова с точным указанием адреса.

Покорнейше прошу Вас найти какой-нибудь способ для того, чтобы не затруднять скорую публикацию формальностями.

Мой адрес: *Таврическая 25*, кв. № 24. С.-Петербург⁵

Книга о публиканях увидела свет только в апреле 1910 г., после четырех лет настойчивых усилий Ростовцева. Однако тогда был отпечатан только основной текст диссертации; работа же над эпиграфическим приложением продолжалась

¹ Подробнее см.: *Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю.* Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов: (Новые материалы) // ВДИ. 1993. № 4. С. 210–221. Скифский роман. С. 248–258. Ср. также ниже: *Переписка...* VI. С. 385.

² Высшая школа общественных наук (франц.) свободный университет, открытый в Париже в 1901 г. для русских студентов по инициативе, прежде всего, М.М. Ковалевского. Подробнее см.: *Гутнов Д.А.* Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М., 2004.

³ Ср. в автобиографической справке Иванова: «В Афинах... в библиотеке Германского Археологического Института собирал материалы по истории Дионисова культа. Первым результатом этих занятий был курс лекций о религии Диониса, читанный мною, по приглашению М.М. Ковалевского, в русской Высшей Школе общественных наук в Париже, в 1903 году» (*Иванов Вяч. Curriculum vitae.* С. 190).

⁴ Ср. примеч. 8 к п. 75.

⁵ Ср. *Котрелев Н.В.* Незданная автобиографическая справка... С. 193 сл., примеч. 17

⁶ *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент... Р. 373–374. 9 апреля 1906 г. Иванов снова написал Гиршфельду, чтобы поблагодарить за помощь и попросить, в случае если рукопись его диссертации еще не отослана в Петербург, не спешить с ее отправкой и избежать рисков пересылки по почте, поскольку он предлагает забрать ее в Берлине лично, когда в скором времени поедет за границу (*Ibid.* Р. 374).

и после того, как «печатание публиканов кончилось»¹ Этим Иванов занимался в августе 1910 г в Риме², куда приехал после довольно долгого перерыва и, оказавшись на Капитолии, поспешил «зайти тут же по соседству в Германский Археологический Институт и узнать о библиотечных часах и пр.»³ Заходим в Институт и сцена. Портье смеется на меня как на монаха, который проспал 100 лет. Я думал, что есть еще Гюльзен, быть может, даже Петерсен и проч. и проч. *Tempi passati*⁴ *Neue Zeiten, neue Lieder*⁵ Только доблестный Йоллер все на месте⁶

Свою книгу, посвященную *Otoni Hirschfeldio Magistro*⁷, Иванов подарил библиотеке Германского археологического института на книге надпись по-немецки: «Библиотеке Германского археологического института в Риме передана от автора». Дата не указана, но можно предположить, что благодарный автор сделал свое приношение учреждению, в котором создавалась когда-то его работа⁸, в начале августа 1913 г., когда он был в Риме и именно из Института на Капитолии посылал экземпляры изданной диссертации о публиканах в подарок своим старым товарищам по Берлинскому университету П. Мейеру⁹ и Ф. Мюнцеру¹⁰

¹ См.: *Бонгард-Левин Г. М., Востель М., Зуев В. Ю.* Ук. соч. С. 215.

² Ср. в письме Ростовцева к Жебелеву от 26 августа 1910 г. из Венеции: «В Риме последние два дня был Иванов... Addenda хочет написать в Риме, и, кажется, серьезно» (цит. по: Скифский роман. С. 407). В тот же день (13/26 августа) Иванов писал М. М. Замятинной из Рима: «Много работаю в Институте, отказываюсь от всех почти осмотров» (цит. по: *Богомазов Н. А.* Из итальянских впечатлений Вячеслава Иванова // VIII Международная конференция Вячеслава Иванова: Между Св. Писанием и поэзией [Европа Orientalis. XXI. Roma. 2002]. Vol. 2. P. 114).

³ В учетных книгах Института его имя (Dr. Ivanoff) зарегистрировано среди тех, кто получил право работать в библиотеке. с 24.VIII по 30.X. Рекомендацию дал Ростовцев, который в то время тоже находился в Риме и занимался в институте. О встрече с Ростовцевым см. в цит. письме Иванову к М. М. Замятинной (*Богомазов Н. А.* Ук. соч. С. 112–113).

⁴ Былые времена (*итал.*).

⁵ Новые времена, новые песни (*нем.*).

⁶ Иванов М. М. Замятинной. 13/26 августа 1910 г. (цит. по: *Богомазов Н. А.* Ук. соч. С. 113). О Гюльзене, Петерсене, Йоллере см. примеч. 12 к п. 7, примеч. 5 к п. 8, примеч. 4 к п. 5.

⁷ Отто Гиршфельду, учителю (*лат.*).

⁸ Ср. в пулливой автобиографии Иванова (1906):

В пламенном бреду
Малярии три года в Риме трясся.
Плел диссертацию, как сеть паука.

Цит. по: *Азадовский К.* Вячеслав Иванов и Ф. Ф. Фидлер // *Vjaceslav Ivanov: Russischer Dichter europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjaceslav Ivanov-Symposiums, Heidelberg, 4.–10. September 1989 / Hrsg. von Wilfried Pothoff.* Heidelberg, 1993. S. 39.

⁹ В архиве Иванова сохранилось письмо от П. Мейера с благодарностью за присылку книги (РГБ. Ф. 109. К. 29. Ед. хр. 79). Письмо от 7 августа 1913 г. отправлено из Берлина и адресовано Иванову в Рим, в Германский археологический институт. Вспоминая общую учебу у Гиршфельда, Мейер сообщает Иванову, что из прежних друзей часто встречает Э. Корнемана и Ф. Мюнцера (Л. 1 об.). Ср. примеч. 5 к п. 8.

¹⁰ Уже после отъезда из Берлина в 1891 г. Иванов встречался с Мюнцером в Риме в 1893 и 1894 гг. (ср. п. 8 и примеч. 6, 10 к нему) и позднее в Берлине (см. выше: С. 358, примеч. 3). В архиве Иванова сохранилось три письма от Мюнцера (РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 39): две открытки (от 23 сентября 1894 г. из Сиракуз и от 10 января 1895 г. из Афин) и письмо от 7 сентября 1913 г. из Кенигсберга:

Уважаемый господин Иванов!

Конечно, для меня было большим сюрпризом, когда месяц назад я получил Ваше сочинение о публиканах, и дружеское посвящение пробудило множество воспоминаний, которые, казалось, уже давно отошли в прошлое. Если бы именно в тот день, в утро которого пришла посылка, я не отправлялся в длительное путешествие, то немедленно бы взялся за перо, чтобы поблагодарить Вас и выразить свою радость в связи с этой весточкой. Теперь я делаю это тотчас же по возвращении, еще до того как я прочел книгу; кто знает, в Риме ли Вы еще сейчас? Живее всего стоят у меня перед глазами те часы, которые

V

«Если бы меня спросили, каковы главные устои моей жизни теперь и вообще с тех пор, как я стал зрелым человеком, я бы ответил: главные их у меня три — наука, дружба и вера (религиозная вера)», писал Гревс в воспоминаниях о детстве. И далее специально о дружбе: «Чувство это, чем дольше я жил, тем больше ложилось в сердце моей личности, становясь основой моей эмоциональной природы. Оно не только составляло факт личной жизни и постоянное индивидуальное искание; оно выросло в один из устоев самого морального господствующего настроения, даже взглядов на мир»¹.

Сила дружеских чувств Гревса к Иванову объясняется не только близостью научных интересов, крепкой профессиональной помощью, безраздельной поддержкой, которую оказывал новый друг Гревсу в его частых приступах неуверенности в собственных силах, в серьезности и правильности выбора пути. Не менее важно то, что Гревс встретил Иванова в пору, когда он сам переживал глубокую семейную драму, подробности которой остаются неизвестными². Приведем в подтверждение нашему замечанию, слова Гревса из письма к жене от 30 июня / 12 июля 1894 г., где он рассказывает о первых днях своей жизни в Риме после свидания с Ивановым в Анцио:

Перв.<ый> раз, как я пошел в библиотеку Vittorio Emanuele, звук часов там с необыкновен.<енно> силою вызвал во мне воспоминание о том, что чувствовалось там в тот год, когда мы были вместе³. А потом потянулись воспоминания о всем том, что затем последовало. На душе стало жутко, но вместе с тем оч.<ень> ясно представилось, что зло это может совсем исчезнуть и загладиться главн.<ый> след его. Оно загладилось бы даже и раньше давно, если бы ты его признала прямо и добросовестно тогда же после моего возвращения, а не продолжала утверждать, что все есть дело моей фантазии. — Оно и теперь может замениться добром, если ты действительно соединишь себя со мною теми чувствами, о которых ты говоришь последнее время, и если ты снова станешь со мною по-прежнему откровенною вполне и до глубины, так чтобы душа твоя была для меня открыта и чтобы я мог жить в ней, сам ею подыматься и тебе помогать твердо и чисто стоять. Твоя открытая идущая ко мне душа даст мне силу для нашей обшей внутр.<енней> жизни и веру в возможность дальн.<ейшего> развития ее под покровом сдвнства любви и дружбы. До сих пор с твоего уезда от меня в 1891 году у меня не было такого

мы вместе провели в Риме, наша поездка в Анцио и приятные чаепития у Вас дома, хотя с тех пор теперь прошло уже 20 лет. Чего только не происходило с каждым из нас за 20 лет! Наверно, о моей жизни за это время Вы знаете больше, чем я о Вашей, так как Вы, конечно, чаще, чем я, выдвигались с нашим общим дорогим другом Ростовцевым, которого я встретил в последний раз в 1908 г. в Берлине и от которого я, хотя и не теряю с ним связи, все же лишь редко получаю подробные известия или посылаю ему свои. Чего Вы, возможно, еще не знаете, так это того, что я уже полтора года в Кенигсберге и смог теперь вернуться от филологии, которую я представлял в Базеле, к древней истории; конечно, из-за этой перемены мне приходится много возиться со своими лекциями. Кроме того, здесь находишься совсем далеко от всех друзей, и едва ли представляется случай увидеть у себя кого-нибудь в гостях. Но тот, кому, как Вам, приходится путешествовать между Россией и Заладом, возможно, когда-нибудь приедет и сюда и порадует меня визитом. Еще раз сердечно спасибо за прекрасный подарок и добрую память. Приветствую Вас и желаю всяческого благополучия!

Ваш Ф. Мюнцер.

(РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 39. Л. 3 и об., подлинник по-немецки). Это письмо, как и письмо П. Мейера, адресовано Иванову в Рим, в Германский археологический институт.

¹ Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 13, 31.

² Эпистолярные и автобиографические материалы, приводимые О. В. Вахромеевой (Человек с открытым сердцем. С. 253–260), мало проясняют суть происходившего в семье Гревса, но подтверждают глубину и длительность кризиса.

³ Во время первой своей поездки в Италию в 1890–1891 г. Гревс с семьей прожил в Риме «несколько больше четырех месяцев» (см.: Человек с открытым сердцем. С. 246). библиотека Vittorio Emanuele ныне Национальная библиотека Италии.

наст. <ошего> чувства, не было между нами открытой жизни и именно с твоей стороны, от того так плохо все и восстанавлилось¹

Тяжесть положения усугублялась тем, что Гревс не получал ожидаемой поддержки «приютинского» братства и даже упрекал некоторых в недолжной поддержке Марии Сергеевны. Спустя многие годы в автобиографической заметке, посвященной семье и детям, Иван Михайлович писал: «Идеалы братства» поколеблены были жизнью, сложностью ее, слабостью нас самих, материальным бытом, непродуманностью самой мечты. Были (если не прямые) измены друзей, то колебания их в угоду недоброжелательных начал. Вся эта смута породила тяжелый разрыв между нами, Машей и мной, жившими раньше душа в душу, все это как будто грозило дорогому «первенцу» опасными бедствиями, потерялся духовный дом, дружная семья, добрые недра, в которых должен был укрепляться дух. Но беда миновала: наша взаимная любовь и наше идейное единение победило налетевший недуг. Мы сумели понять причастность разлада в нас и вновь сойтись на общую дружную жизнь»²

О душевном состоянии, в котором Гревс прожил первую половину 1890-х гг., можно судить по его признанию в письме к В. И. Вернадскому от 15 октября 1893 г. из Петербурга: «Я тяжело ощущаю потребность общения с тобою и с Наташей: несколько лет почти полного душевного и в большинстве случаев, и научного удаления от вас сильно отразились на моей внут.<енной> жизни. Из всех прежних друзей я только к вам и еще к Аде сохранил прежнюю близость и прежнюю веру, и с вами-то именно и нет общения, а во многом нет и полного понимания»³

По всем нам известным источникам видно, что Гревс принадлежал к тем людям, для кого сочувственное окружение необходимо по самой их духовной сути, кто страдает от душевного одиночества⁴, отсюда у него и вполне сознательный культ дружбы, рефлексия которого опиралась на опыт античных авторов и гуманистов Возрождения (ср. п. 80). Следует полагать, что для Гревса встреча с Ивановым восполнила острый дефицит дружеского общения и потому навсегда стала существеннейшим элементом в его понимании собственного жизненного пути.

Летом 1918 г. Гревс писал Иванову: «Наш союз так странно создавался или развивался приливами и отливами, слияниями и расхождениями, бурно, иногда тяжело переживались порою разногласия или факты, очень важные, не допускали сопереживания... Происходили надрывы, но суть оставалась в том, что соединяло с самого начала, с первого нашего парижско-римского периода, в который мы узнали друг друга, почувствовав не только любовь друг к другу, но и некое особое сродство душ. Говорю от себя с полной уверенностью, но думаю, что и Вы скажете то же самое: в перерывах, какие происходили в наших сношениях, если причиною их казались мне Вы, смущающий меня какой-ниб.<удь> акт Вашей жизни, то я являлся активно реагировавшим на него в сторону расхождения. Вы никогда не изменяли всегдашнему благожелательству, и когда я приходил, пережив то, что разделяло, вновь с открытым сердцем. Вы встречали меня всегда с прежнюю дружбою» (п. 80). Расхождение, о котором говорит здесь Гревс, было связано с важнейшим, поворотным событием в жизни Иванова — его встречей с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал.

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 167 и об. Речь идет о заграничной командировке Гревса в 1890—1892 гг., в которой он был вначале с семьей, а с лета 1891 г., после отъезда жены и дочери в Россию, один.

² Цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 253—254.

³ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 18 об. *Наташа* Н. Е. Вернадская (см. примеч. 5 к п. 12). *Ада* — Александр Александрович Корнилов (1862—1925) юрист и историк. О В. И. Вернадском и А. А. Корнилове см.: Человек с открытым сердцем. С. 181—182.

⁴ 16/28 июня 1892 г. Иванов из Рима писал С. Ф. Ольденбургу, с которым не был лично знаком, о «непокойном, иногда мучительном состоянии духа» Гревса, замечая, что «это тягостное душевное состояние, по-видимому, слагается», по крайней мере, отчасти «из моментов интимного характера». И далее: «Мотивы интимного характера требуют постоянной благотворной близости людей, стоящих с Иваном Михайловичем в столь же интимных отношениях» (см. приложение к п. 1).

Гревс был знаком со Шварсалонами — молодым историком Константином Семеновичем и его женой Лидией Дмитриевной, урожденной Зиновьевой, задолго до своей встречи с Ивановым (и до того, как роковым образом познакомил чету Ивановых с Лидией Дмитриевной)¹ Эти отношения возникли и развивались в той нише, которую образовала в Петербурге «прогрессивно» настроенная интеллигенция, в основном нового поколения, с размытым социальным составом, что делало возможным возникновение в котле разложения русского традиционного общества тесных контактов революционного подполья и аристократических салонов, неимущих студентов и крупных капиталистов.

Гревс и его жена безраздельно приняли сторону Лидии Дмитриевны, когда обнаружилась супружеская измена Шварсалона, представшая посвященным не в образе возвышенной любви, требующей разрыва во имя высших запросов личности, а в виде циничного разрыва, тем более отягощенного бесконтрольной эксплуатацией состояния жены не имевшим собственных средств мужем² Важно понять, что Шварсалон оскорбил в Лидии Дмитриевне не личность, как тогда говорили, «страсть», требующую безраздельной взаимности; нет, поругана была полнота ее личности в ее социокультурных проекциях — в поведении супруга было вероломство, предательство заявленных идеалов, карьеризм, традиционно отвергаемый интеллигентской этикой материальный расчет. Сама она в язвительном письме к неизвестному характеризовала мужа так: «До сих пор я помнила слишком ясно, что человек, женившийся на девушке с состоянием для того, чтобы на ее средства содержать любовниц, вводить их в ее дом и заставлять ее принимать их в ее доме как самую дорогую сестру, человек, кот.<орый> на деньги жены, но на свое имя купил себе дом и имение и с грубыми угрозами выгонял из дому жену, не давая ее паспорта и <нрзб.> грозясь лишить ее права на детей, человек, распространивший слухи о помешательстве своей жены и в Канц.<елярии> Прош.<ений>, на Высочайшее имя приносимых, где велись бракоразводные дела. *Изд.*> называвший ее социалисткой, человек, писавший на жену и на друга И.М. Гревса фальшивый донос, и не считая еще массу подлостей и низостей отказывающийся дать развод, когда жена просит себе свободы от [уз брака, которые не дают ей

¹ Наиболее раннее упоминание вполне уже дружеских отношений встречается в письме Гревса к жене из Петербурга от 31 августа, видимо, 1889 г. «Вчера вернулся от Шварсалона, у которого провел часть субботы и воскресения на даче» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 159). См. также ранние письма Гревса к К.С. Шварсалону, за лето 1891 г., вполне дружественные — РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 12 («Мы настолько душевно сблизились с вами, что положительно считаем вас хорошим другом» — Л. 1, 12 июня 1891 г., Париж).

Отметим, что среди книжных заказов Лидии Дмитриевны в этих письмах фигурирует К. Маркс (Л. 3).

² Мы не имеем здесь возможности входить в подробности этой бытовой истории, представляющей серьезный интерес для культурно-исторического исследования. Для понимания отношения Гревса к событиям в семье Шварсалонов см. его письмо к Шварсалону в защиту Лидии Дмитриевны (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 100).

Приведем изложение истории, как она сохранилась в семейном предании, записанном дочерью Иванова и Лидии Дмитриевны: «Мама была яркой социалисткой; она выросла в аристократической богатой семье. Когда она была молоденькой девушкой, к ней пригласили блестящего преподавателя, пользовавшегося большой популярностью, чтобы он ей дал несколько уроков на общие культурные темы. — Константина Семеновича Шварсалона. Он посвятил свою ученицу во все общественные движения эпохи. Она страшно ими увлеклась, поверила в беззаветный идеализм своего наставника, решила с ним вместе посвятить себя служению народу, и, несмотря на отчаянное сопротивление семьи, вышла за него замуж. Брак оказался несчастным. Мама наняла нарочито бедную, неотапливаемую квартиру (принципиальный вызов буржуазии!), присоединилась к партии эсеров (она жалела и любила крестьян) и стала в своем доме устраивать тайные политические сходки. Муж был от этого в ужасе, он опасался за свою карьеру. Постепенно выяснилось, что его проповеди были только приманкой для невесты с деньгами и высокими связями. Прошло несколько лет, пока мама, наконец, убедила в том, что он ее во всем обманывал; как только это произошло, она взяла своих троих детей и уехала с ними за границу. Брак окончился разводом» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 16).

возможности жить, как она| порабощающих уз брака, отказывающийся несмотря на <нрзб.> и торжественное письменное обещание, данное мне, своей жене. да, — до сих пор я думала, что подобный человек — подлец и негодяй»¹

Упомынутый донос на Гревса был вызван тем, что именно в его сопровождении Лидия Дмитриевна уезжала за границу летом 1894 г², как и годом раньше (см. выше: С. 350, примеч. 3). Сама эта поездка была выражением заботы молодого ученого о психологической и социальной реабилитации женщины, обманутой в своих лучших чувствах. Характерно в этой связи письмо Гревса к жене от 5/17 июля 1894 г. (из Рима, где только что столкнулись Иванов и Зиновьева): «Знаешь что? Лидия Дмитриевна почти решила ехать на целый год учиться петь.

Я оч.<ень> поддерживаю этот план. Насколько прочны ее надежды на голос, я не знаю, но во всяком случае в Париже лучше выучат ее, чем в России, и дело выяснится скоро. Но главное, это, по-моему, хорошо для общего нервного оздоровления и нравств.<енного> уравнишения. Сост.<ояние> ее оч.<ень> плохо, и в Петербурге ее все волнует и муж, и родственники, и бесконечные разрывающие ее на части знакомые, и соблазнительные всякие “общественные” предприятия. В Париже она отрешится от всей суетолюки, выгонит вон сумбур из головы, оправится, будет жить уединенно и работать. Как ты думаешь? Для нас, т.е., глав.<ое> для Кати это также хорошо будет у нее детское общество. Хорошо это будет для Анюты — у нее также окажется общество. Только ты ей этого не говори пока, м.<ожет> б.<ыть>, это еще расстроится, а тогда она будет разочарована»³

По публикуемым письмам просматриваются сами события, последовавшие за случайным и мимолетным знакомством в Риме Иванова с Л.Д. Шварсалон (после разрыва с мужем она, еще до формального развода, стала называть себя девичьей фамилией Зиновьева), а также немалая роль, которую вольно или невольно сыграл в них Гревс, и то, как тяжело переживал он драму своих друзей.

6 июля 1894 г Гревс появился в Порто д'Аншио, где отдохали Ивановы, а через день Иванов, оставив семью на купаниях, ради друга и продолжения ученых занятий возвратился в Рим (см. примеч. 2 к п. 18). Первая встреча с Лидией Дмитриевной продолжалась всего несколько дней, ее хронологию позволяет установить позднейшее письмо Иванова к ней (8/20 декабря 1896 г.): «Сейчас, найдя случайно старые письма, открыл дату нашей прогулки в Колизей: понедельник, 16^{то} июля 94 г — 17^{то} мы ездил в Тиволи; 18^{то} ты уехала в Швейцарию. 15^{то} ты была в Аншио. Какое совпадение с датой переселения в Булонь. В ночь на 16ое июля 95 г. мы, в Булони, окончательно сошлись»⁴. Как ни коротка была встреча, она произвела огромное впечатление и на Иванова, и на Зиновьеву. Вскоре после своего отъезда, Лидия Дмитриевна из Женевы написала Иванову письмо, усилившее в нем впечатление от мимолетного знакомства. Иванов опоздал написать в Женеву и не знал, куда ему направить ответ, и запросил у Гревса адрес Лидии Дмитриевны «немедленно», многократно подчеркнув это слово (п. 19). Между тем Зиновьева с детьми оказалась в захолустном итальянском городе Пезаро, где брала уроки пения. У нее возникли трудности с обменом денег и приоб-

¹ РГБ. Ф. 109. К. 22. Ед. хр. 27. Л. 3. Черновик. (Судя по упоминаемым реалиям бракоразводного процесса, это письмо относится к 1898 г.). В архивной единице хранения, описанной как письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к неизвестному, три листа, но первые два суть другое письмо и, скорее всего, к другому лицу, от времен уже петербургской «башни».

² Ср. в мемуарной записи Гревса: «1894 (весною) летом) с Обольяниновым и Лид.<ией> Дм.<итриевной> (из Полтавы через Волинск) через Вену и Швейцарию» (Путешествия мои в Италию. Л. 41). О Л.А. Обольянинове см. в примеч. 2 к п. 16.

³ ФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 174. Гревсам предстояло провести зиму в Париже, поэтому им приятно и удобно было бы иметь дружеское семейство с детьми в чужом городе: Анюта няня и домработница, ее сестра Дуня жила у Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см. примеч. 8 к п. 21).

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 57 об., какие и к кому письма оказались под рукой у Иванова в Берлине в конце 1896 г. — неизвестно.

ретением хорошего английского чая, действительно редкого в «кофейной» Италии еще и сегодня. 31 августа / 12 сентября 1894 г она так поспешила Иванову причину своего нового, второго в истории их отношений письма: «Мне надо было разменять русские деньги на итальянские и я обратилась к Ив.<ану> Михайл.<овичу> с просьбою, не знает ли он кого-либо в одном из больших городов Италии, к кому бы я могла обратиться за этою услугою. Он прислал мне Ваш флорентийский адрес¹ и уверил меня за Вас, что Вы охотно исполните мое поручение. Со своей стороны, помня, как Вы и Дарья Михайловна были ласковы и добры со мною, я решаюсь просить Вас об этой хлопотливой услуге»²

Иванов ответил 2/14 сентября 1894 г из Флоренции:

Вы не поверите, как я раз Вашей ссылке уже по той одной причине, что в месте Вашего изгнания нет меняльных контор и чайных лавок, существование которых в Пезаро лишило бы меня не только Вашего письма, но и всякой возможности узнать, где Вы и что с Вами: Гревс, упорно отмахивающийся на мои настоятельные просьбы «немедленно» сообщить Ваш петербургский или иной адрес, вероятно, и в будущем не согласился бы признать мое желание поддержать с Вами письменные сношения заслуживающим внимания, если бы Ваша нужда в размене денег и покупке чая не явилась, к счастью, в глазах нашего друга более серьезным и уважительным основанием этих сношений. Из чего Вы видите, как я стремился ответить вам и как тревожился невозможностью сделать это, после того как пропустил те дни, когда Вы были еще в Женеве...

Что же касается моей выше сознанный вины, то я мог бы, правда, сослаться в оправдание ее на анархию и хаотичность той неопределенной и хлопотливой поры, когда я получил Ваши дружеские, доверчивые, поэтические строки, — поры проводов и собственных сборов в путь, — но сознаться лучше, что главная причина моего промедления заключалась в особенном внутреннем впечатлении, произведенном на меня этими чудесными строками, всколыхнувшими в моей душе такие хорошие, но и такие сильные волны, что я оказался бы плохим учеником пронизанных чувством меры эллинов, если бы решился тотчас же отвечать Вам, не восстановив в душе трезвой ясности и спокойного равновесия...

<...> Возвращаясь к Вашему первому письму, где нет речи ни о рублях, ни о часе...

Прочитав это письмо, я убедился, что одним разочарованием, одною разрушенной иллюзией в моем прошлом стало меньше. Не иллюзией оказывалось то впечатление духовной общности, взаимного сочувствия и понимания, которое с первого мгновения оставило на меня мимолетное знакомство с Вами. Мне не нужно было более упрекать себя в том, что я, изменяя привычной сдержанности, был бы может, до нескромности — экспансивен, в разговорах с Вами о Вашем характере, о Ваших стремлениях, что я позволял себе непрощенные предостережения, навязчивые анализы, ненужные советы: оказывалось, что именно эта инстинктивная откровенность послужила одним из благоприятных условий, облегчивших Вам выход из некоторого тяжелого душевного кризиса. Мне не нужно было более обвинять себя и в фантазерстве, когда, при воспоминании о беседах с Вами, мне казалось, что наш диалог не должен был так внезапно прерваться и что его продолжение в той же мере естественно и желательно, в какой длинное вступление к нему было излишне: Вы, как оказывалось, также имели это чувство, также думали, что нам можно и должно поговорить еще о многом... О, Вы не знаете, как дорого было мне, что Вы, без внешнего повода, снова подали мне голос и что этот голос звучал таким тенным призывом к дружбе! Должно ли говорить, что я был бы счастлив, если бы пользовался тою степенью Вашего доверия и сочувствия, какую предполагает дружба? Я не обманываюсь: есть что-то общее, если не в наших натурах, то по крайней мере в наших вкусах. Быть может, это привычка смотреть на мир глазами художника; быть может, это индивидуалистический пафос, если позволено так выразиться, вера в человеческую личность и жажда ее вольного, всестороннего, колоссального развития; быть может, это так сказать идеалистический лунатизм, болезненная страсть проходить через мир, как во сне, со взглядом, устремленным далеко вперед, на одну намеченную точку, на точку, выбранную где-то высоко над горизонтом повседневной жизни... Как бы то ни было, мне симпатичны Ваши великодушные, вольнолюбивые, славолюбивые порывы, Ваша женская жажда верного и преданного служения идеалу. Ваша двойственная способность носить в себе трагический мрак и отражать олимпийский свет, любить жизнь и не ценить ее, быть впечатлительной и задушевной и вместе энергичной и смелой, быть религиозной, как та евангельская женщина с «алавастровым сосудом драгоценного мира», — и вместе отстаивать против тирании положительного вероучения свою внутреннюю свободу

¹ См. п. 20. Должно быть, то обстоятельство, что именно он сообщил Лидии Дмитриевне флорентийский адрес Ивановых, впоследствии лишь усиливало у Гревса чувство вины.

² РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 1 и об.

³ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 36. Л. 1—4.

В своем первом письме из Пезаро Зиновьева-Аннибал в самых неопределенных выражениях говорила о возможности новой встречи двух семей, и Иванов теперь отвечал: «Благодарю Вас, как от себя, так и от лица жены, за так любезно выраженное Вами желание с нами увидеться. Каким образом можно было бы попытаться осуществить его, об этом нужно подумать вместе с женой, а теперь как раз жена и Саша не со мною: с конца августа они путешествуют по Швейцарии, но уже в этом месяце думают вернуться сюда» (Там же).

Просьбы Зиновьевой-Аннибал Иванов исполнил. Она же в своем следующем письме, от 5/17 сентября 1894 г., помимо выражения благодарности сообщила, что сможет приехать на две—три недели во Флоренцию; 7/19 сентября решение было принято: «Еду, — писала Лидия Дмитриевна Иванову, наверное 30 сент. <ября> н. <ового> с. <тиля> буду во Флоренции в 6 вечера»¹ Обмен открытками в двадцатых числах сентября показывает, как Иванов подбирал для приезжавшей комнату в гостинице. 15/27 сентября 1894 г. он сообщал Лидии Дмитриевне: «Моя семья вернулась. Жена очнь обрадована предстоящим свиданием с Вами и просит передать Вам ее сердечный привет»²

Следующее сохранившееся письмо переписки Иванова и Зиновьевой-Аннибал относится к январю 1895 г.³ и свидетельствует о том, что между корреспондентами уже установились отношения совершенно не похожие на дружбу, о которой вел речь Иванов в начале сентября 1894 г.

Мы приводим эти сведения не только ради документации важнейшего передела биографии Иванова и Зиновьевой-Аннибал: необходимо отметить, что описание его в наиболее объемном и распространенном на сегодня очерке жизни Иванова, написанном О.А. Шор⁴, лишено фактических оснований⁵ В то же время следует подчеркнуть, что автору его, несомненно, были чужды установки «романизированного жизнеописания», позволяющие беллетристу-биографу выставлять в повествование вымышленные эпизоды, диалоги и т.п. Иногда те события, описание которых не может быть подтверждено печатными или рукописными источниками, явно имели место в свое время, но Ольга Александровна рассказывала о них со слов самого Иванова на аберрации его памяти накладывались позже и ошибки ее собственной. (Мы говорим прежде всего о событийной канве жизни Иванова и других персонажей повествования О.А. Шор; с необходимыми оговорками наше утверждение может быть распро-

¹ РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 5—7.

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 36. Л. 10; описание путешествия Д.М. Ивановой см. в ее письме к Гревсу от 4/16 октября 1894 г. (п. 23).

³ 16 января 1895 г. Иванов писал Зиновьевой-Аннибал во Флоренцию из Рима (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 37. Л. 1), куда он уехал не только для завершения работы над диссертацией, но и чтобы разобраться в своих чувствах и запутанных отношениях. Сам он в позднейшем в письме к Лидии Дмитриевне (16 ноября 1895 г.) назвал это «бегством из Флоренции в Рим», где переживал «мучительную, но поэтическую пору» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 36 об.).

Ср. описание событий конца 1894 — начала 1895 г. в очерке О.А. Шор: «Л.Д. стала часто посещать Ивановых. Дарья Михайловна, как это часто бывает, сама немало способствовала сближению мужа своего с его новым другом. Прошла осень, прошла часть зимы. Пожар разгорался. Когда они собрались тушить его, было уже поздно. В.И. попытался спастись бегством. Он один уехал в Рим в январе «для археологических работ» Но разлуки не выдержал. Через два месяца он Лидию позвал» (*Дешарт О.* Введение. С. 23).

⁴ *Дешарт О.* Введение. С. 21—25.

⁵ Свидетельством ошибки О.А. Шор в датировке встречи Иванова с Лидией Дмитриевной — помимо приведенной выше (см. выше: С. 371) выдержки из письма Иванова к ней служит «Хронологическая канва жизни» Иванова, где знакомство с Зиновьевой помечено июлем 1894 г. (РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 17. Л. 1), тогда как О.А. Шор относит его к 1893 г. и вынуждена вставить целый «инкубационный» год между первым знакомством и триумфом новой любви, что не могло не повлиять и на последующих исследователей — например, ср. «От их первой встречи до марта 1895 г., когда они решились кинуться друг другу в объятия, прошло, как-никак, два года без малого» (*Аверинцев С.С.* «Скворещини вольных гражданин...» С. 42).

странено и на ее содержательное истолкование жизни Иванова.) Разумеется, сказанное к отдаленное отношение к проблематике настоящего очерка, нужно однако подчеркнуть, что именно Гревс был вовлечен самым непосредственным образом в роковую череду событий (как отмечала и О.А. Шор¹), и это, несомненно, тяготило его.

Первоначально Гревс, вероятно всего, не заметил перемены в отношениях Иванова и Зиновьевой-Аннибал. О том же свидетельствует и его переписка с Ивановым, Дарьей Михайловной и Лидией Дмитриевной в последующие месяцы (п. 20–38). Неизвестно, посвятил ли в происходящее Иванов Гревса при их встрече в Риме в марте 1895 г.² (т.е. уже после решающего римского свидания с Зиновьевой-Аннибал; см. примеч. 1 к п. 36), или, что более вероятно, Гревсу все открылось, только когда он оказался на Пасху во Флоренции. Во всяком случае, Иван Михайлович не случайно несколько раз упоминается в переписке двух влюбленных: ради него и его научных дел Иванов раз за разом откладывает свой отъезд из Рима (см. примеч. 1 к п. 37); его присутствие ощущается и там, где вроде бы и речи не может быть ни о чем, кроме любви³; его приезд во Флоренцию вместе с Ивановым обсуждается как чуть ли не единственная возможность для Лидии видиться с Вячеславом⁴.

Первое письмо Гревса Иванову по возвращении в Париж, после «флорентийских событий»⁵ (слова Д.М. Ивановой в п. 39), исполнено глубокой горечи: «Не написал Вам до сих пор потому, что вернулся из Италии в очень запутанном настроении (думал о Вас пост. <оаянно>, но написать что-нибудь определенно сильное не мог)». И далее:

Хотелось бы написать Вам что-нибудь <уд> хорошее, но к великому для меня горю не умею теперь чувствовать в унисон с Вами, не умею видеть для Вас ни счастья, ни блага в новом обороте, который приняла Ваша жизнь, и испытываю от этого большую тяжесть душевную.

¹ Дешарт О. Введение. С. 27

² См., Переписка... III. С. 324–325. Возможно, Гревс и сам мог о чем-то догадываться, но предпочитал гнать от себя даже мысль об этом. В ночь на 24 марта Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: «Гревс как будто избегает упоминать о тебе в разговорах со мной: кажется, он почувствовал, что ты значишь для меня что-то особенное» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 25).

³ Ср. в письме Иванова от 25 марта 1895 г.: «Лидия, я люблю тебя, и ты сделала меня счастливым, и ты дала мне возможность найти самого себя. Я постоянно думаю о тебе и лелею в мечтах твой образ, и всякий раз как мысль моя устремляется к тебе, меня охватывает какое-то вдохновение, я чувствую себя сильным, смелым, гордым, высоким, способным на все благородное, в полном обладании всеми способностями своей души. Я иду ночью рядом с Гревсом, и мы тихо беседуем, и я кажуся одинаково с ним настроенным, но как бы удивился он, если бы заглянул мне в душу. Она бесконечно напряжена, она вся трепещет, она расширяется как широкое звездное небо, мерцающее над нами, и всеело отражает его в себе; я чувствую себя богом, несущим в себе весь мир с необъятной силой, с необъятным страданием, с необъятным счастьем, и в средоточии моего мира я несу и лелею один милый златокудрый образ...» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 28 и об., курсив наш. Изд.).

⁴ 24 марта Лидия Дмитриевна пишет: «Я только и мечтаю что о тех вечерах, которые благодаря присутствию Гревса делаются опять возможными. Я буду сидеть в своем уголке на диване, а ты рядом, и мы будем так близко друг к другу» (РГБ. Ф. 109. К. 21. Ед. хр. 34. Л. 30). И спустя несколько дней, 29 марта, снова о том же: «Теперь жду со дня на день назначения тобою дня твоего приезда. Мой милый, я жду тебя. Но как грустно, что Гревс не останется долго во Флоренции. Как можем мы видеться иначе, как, мой милый, Я не могу ходить к Вам» (Там же. Л. 36). Иванов писал в ответ 30 марта: «И.<ван> М.<ихайлович>, несмотря на все мои убеждения, летит крайне неприятный для нас план остаться в Риме один до 10, 12 числа, а потом посвятить во Флоренцию дружбе три полных дня» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 33 об.).

⁵ Ср. запись Гревса о пребывании в Италии в 1895 г.: «...Флоренция» (на Пасху — Ивановы — роман его с Л.<идией> Д.<митрисвной>») (Путешествия мои в Италию. Л. 41).

За несколько дней до своего возвращения из Рима Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: «По приезде во Флоренцию регулирую семейные отношения. Намереваюсь сохранить неизменными их внешние формы» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 38. Л. 36 об., 2 апреля 1895 г.). Ср.: «Я прямо сказал о всем женс. и между нами был решен развод» (Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 20).

Больно мне чувствовать, что у нас с Вами гораздо меньше общего, чем раньше казалось: большая близость с Вами была для меня последние годы таким важным элементом жизни и дала мне столько серьезной поддержки. Я теперь уважаю и люблю Вас по-прежнему, но, как будто порвались многие нити, через которые шло общение и росло сближение. И не одно эгоистическое огорчение от сознания обнаружившейся между нами разницы в целом ряде основных понятий волнует и гнетет меня: меня смущает и тревожит страх за Ваше будущее оттого, что затуманилась раньше ясная для меня картина его. Оставаясь Вам верным другом, я горячо желаю Вам, чтобы принесло Вам добро то чувство, которое Вы теперь называете счастьем, и чтобы вышли Вы победителем из переживаемого Вами нравственного кризиса (п. 40).

Гревса омрачает не только несчастье Дарьи Михайловны, но и распад семьи друзей, неприятие логики действий друга искажение его прежде безукоризненно-светлого образа. Как человек своего времени и круга, Гревс не может и не хочет вычеркнуть Иванова из числа друзей, но видно, что его совесть в глубоком смущении и чувства противоречивы.

Более определен Гревс в письме к Зиновьевой-Аннибал (п. 41): здесь он резок уже потому, что должен напомнить ей перед лицом Дарьи Михайловны ее же состояние в момент крушения собственной семьи. Поясняя одновременно письмо к ней от М.С. Гревса (см. примеч. 4 к п. 41), Иван Михайлович пишет: «Надеюсь, что Вы правильно поймете ее и поверите, что она не считает себя вправе Вас судить. Она не может (по поводу происшедшего) и перемнить о Вас мнения, так как вообще Вас мало знает. Ее сблизило с Вами пережитое Вами личное горе, и она принимала в Вас живое сердечное участие: событие, которое произошло теперь между Вами и И-<вановым>м, так же, как и меня, тяжело поразило ее, но, не зная совсем ни В.<ячеслава> И.<вановича>, ни Д.<арью> М.<ихайловну>, она решительно не может по совести высказать ни сочувствия, ни неодобрения Вам. Мне кажется, что это ясно, что такое отношение вполне честно и не заключает в себе ничего обидного по отношению к Вам. Стало быть, не может быть и речи и о нежелании для нее встретиться с Вами». Характерна для кризиса христианской культуры двойственность позиции Гревсов: с одной стороны, их «тяжело поразили» сам по себе факт супружеской измены Иванова и распад его семьи, вне зависимости от представлений о личности его самого и его жены; с другой стороны, Гревс допускает, что, зная Марию Сергеевну ближе Вячеслава Ивановича и Дарью Михайловну, она могла бы усмотреть какие-то личные качества, делающие все происшедшее приемлемым и, может быть, даже похвальным.

Уже вполне и только от себя Гревс продолжает:

Свое отношение к теперешнему моменту Вашей жизни я Вам дружески и вполне откровенно высказал при свидании: оно осталось таким же и теперь: вы были ближе и сроднее мне раньше, больше гораздо вызвали сочувствия, когда боролись с горем, чем когда находились [в полосе счастья] под обаянием счастья; я не мог скрыть от вас, что переживаю расстройством семьи Ивановых, как горе и для себя, близкого друга их обоих, что не симпатизирую тем элементам (я говорил Вам), на которых состоялось Ваше сближение, и не могу даже радоваться за вас и за В.И., т. к. не предвижу для Вас прочного и хорошего счастья, каково я бы мог от полноты души Вам пожелать, и т. к. между Вами мне всегда будет представляться образ Д.М., неповинно Вами оскорбленной, которая всю свою жизнь влагала в интересы В.И., а теперь видит себя одинокою и смысл почти десяти лет существования уничтоженным навсегда. Для моего элементарного (сознанию искренне) нравственного чувства с такого рода явлениями очень трудно примириться, особенно, когда дело касается такого человека, как В.И., которого я действительно очень горячо люблю, как Д.М., к которой чувствую искреннюю дружбу, и как Вы, в которой мне всегда чувствовался человек, близкий мне если не по темпераменту, то по идеалам. Я вернулся из Италии весь подавленный тем, что произошло между вами, и до сих пор остро болят душа, когда я думаю о том, что Вы сделали друг с другом. Нет ни против кого злого чувства, но есть за всех (хотя и по разным причинам) мучительная боль (п. 41).

Гревс подходил к ситуации с меркою этической: «Чувство любви говорит в Вас теперь гораздо сильнее чувства долга», не скрывал он своей мысли от Лидии Дмитриевны (Там же).

Однако вскоре события приобрели неожиданный оборот, и Гревсу, посвященному в происходящее, пришлось снова переосмысливать свою позицию. В письме к жене от 8 июля 1895 г из Парижа он рассказывал:

Важное место в нашей жизни занимает Лидия Дм.<итриевна> Тетьа Саша¹ приняла ее под свою опеку, и во всей истории она теперь играет самую жалкую и страдающую роль. Дело в том, что в Москве Иванов опять сошелся с женой, хотя объявил ей, что Лидию он любит больше, чем ее, и от Лидии не отказывается, так что у него две жены теперь. Она на это согласилась, написала мне (скрыв, впрочем, факт, что между ними возобновились супруж.<еские> отношения), что Ив.<анов> человек благородный и [идеальный] гениальный, и что ему, как гению, нужны особые условия счастья, и что Лидия теперь самое лучшее условие для этого, что она желает ему лучшего счастья и просит меня любить и холить его. Иванов, вернувшись в Берлин, рассказал обо всем Лидии и предлагал ей продолжать любовные отношения. Но она оч.<ень> оскорбилась и отказалась и здесь находится в полупомешанном отчаянии. Ждет Иванова сюда для окончательного объяснения. В довершение всего Иванов написал ей вчера, что получил известие от Дарьи Михайловны, что она решила выйти замуж (уж не знаю, за кого: не за Краешнинникова ли?). — Я совершенно сбит с толка, не знаю, что думать. Какой-то получается кошмар, но с волевым характером. Лидию, конечно, очень жаль, и она наиболее симпатична теперь из всех их, но все же и у нее много дури в голове и страшная склонность раздувать личные <мелочи>?. Что ты про все это скажешь?

Поведение Иванова, судьба семьи попали в центр внимания его окружения, как и впоследствии, в еще более напряженной ситуации 1912—1913 гг., когда перестало быть тайной сочетание Иванова с падчерицей, В.К. Шварсалон, что повлекло за собою несостоявшуюся дуэль С.К. Шварсалона с М.А. Кузминым, громкие пересуды в Петербурге и Москве², вероятно, в конечном счете, и переезд Иванова с семьей из Петербурга в Москву. Напомним, что Иванов дважды нарушал церковные каноны (и, следовательно, основанные на них гражданские законы Российской Империи): во-первых, ему было формально запрещен церковным судом второй брак после того, как он оказался виновной стороной в расторжении брака с Дарьей Михайловной³; во-вторых, недопустим был брак с до-

¹ Дружеское прозвище А.В. Гольштейн (ср. выше: Переписка... III. С. 331).

² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 185. Ответ М.С. Гревса неизвестен.

³ *Азодовский К.М.* Эпизоды // НЛО. № 10. 1994. С. 123—129; *Богомазов Н.А.* К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конф. 15 мая 1990 г. Л., 1990. С. 172—173.

⁴ Сохранилось отношение С.-Петербургской Духовной Консистории ректору Императорского Московского университета:

Определением С.-Петербургского Епархиального Начальства. 24/31 мая сего 1896 года состоявшимся и утвержденным Святейшем Правительствующим Синодом, как видно из указа Оного, от 29го июля того же года, за № 3661 брак супругов Ивановых, совершенный 4го июня 1886 года причтом Московской Иоанно-Предтеченской, в старой Коношанной, церкви, по причине доказанного прелюбодеяния Вячеслава Иванова Иванова, на основании 253 ст. Уст.<ава> Дух.<овных> Консисторий, расторгнут с воспрещением ему, Иванову, навсегда вступать в новые браки и преданием его, затем, по 20 пр.<авилу> Поместного Анкирского Собора, семилетней церковной эпитимии; Дарии же Михайловны Ивановой, урожденной Дмитревской, дозволено, если пожелает, вступить в новый брак с другим, беспрепятственным к тому, лицом.

Сообщая о сем, С.-Петербургская Духовная Консистория имеет честь просить Вас, милостивый Государь, сделать распоряжение об учинении надлежащих отметок — как о расторжении брака супругов Ивановых, так и об осуждении Вячеслава Иванова Иванова на всегдешнее безбрачие во всех документах бывшего студента 2-го курса вверенного Вам Университета сына Титулярного Советника Вячеслава Иванова Иванова, с тем, чтобы отметка эта неопустительно была вносима во все новые документы его, в случае выдачи ему таковых. К этому Консистория присовокупляет, что в свидетельстве его, Иванова, выданном ему из Императорского Московского Университета 23го мая 1886 года, за № 1434, Консистории уже учинена надлежащая отметка.

(ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 298. Ед. хр. 281. Л. 2—3.) Гражданское состояние Иванова как русского подданного определялось двухгодичным его пребыванием в университете, и студенческое личное дело играло роль формулярного списка.

черью жены. И в том, и в другом случае незаконный брак совершался за границей, не в русской церкви и при сложных ухищрениях со стороны вступающих в брак¹. В обоих случаях при законном ходе дела Иванову грозило судебное преследование и серьезное уголовное наказание². Однако, русское общество было уже принципиально иным и к поведению такого рода отнеслось толерантно — в том числе и в лице священнослужителей и людей обостренного, взъяскующего религиозного сознания (вспомним, например, о. Павла Флоренского, будущего священника С. Н. Булгакова, ближайшего друга Иванова В. Ф. Эрн и др.).

Возвратимся, однако, к нашей теме. Неустроенное гражданское и нравственное положение Иванова и Зиновьевой-Аннибал делало их жизнь в России невозможной, а за границей — весьма трудной. Они переезжали из города в город, из страны в страну, скрываясь от К. С. Шварсалона, действительно предпринимавшего попытки их выследить. «Делать нечего, писала Лидия Дмитриевна А. В. Гольштейн 18 октября 1897 г., приходится делаться цыганами, хотя и не родились мы с кочевыми инстинктами»³. В узком кругу русских «парижан» и «итальянцев» Иванова преследовали сплетни⁴. Вот как мотивировала Лидия Дмитриевна в письме к А. В. Гольштейн от 16 сентября 1897 г. переселение семьи в захолустную горную деревушку: «Мы здесь работаем понемногу и живем анахоретами. Париж пугает нас тяжелой атмосферой мелкой подлой лжи и осторожности, которую он невольно наложит вновь на нас. Надо жить на две

¹ Оба раза обряд венчания совершал один и тот же престарелый священник греческой церкви в Ливорно (см. *Лешарт О.* Введение. С. 35; *Иванова Л.* Воспоминания. С. 52).

² Ср. признание Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в письме к А. В. Гольштейн от 18 октября 1897 г., где рассказывает о попытках К. С. Шварсалона шантажировать семью своей жены, в том числе ее брата, Санкт-петербургского предводителя дворянства, и попытке брата разрешить столкновение интересов с помощью отсутствующих: «Прибавлю еще Вам то, что пишу теперь матери, то есть что и после получения развода и даже исполнения заветной мечты матери и Предводителя узаконения моего положения браком с Вячеславом я буду по-прежнему удобным предметом для шантажа г-ну Шварсалону, ибо наш брак будет незаконен. Словом, этот подкуп и смысла не имеет и, кроме того, идет против моего чувства так сильно, что знаю наперед, что никогда на него согласиться не могу» («Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 164).

³ Там же. С. 165. Однако — испытания оттеняли счастье: «Правда и то, — продолжала приведенную фразу Зиновьева-Аннибал, — что наши скитания имеют в себе для меня и много поэзии, и радости, и пользы. Словом, не могу не быть довольною своею жизнью и не знала бы, что в ней изменить».

⁴ Ср. п. 58 (1898 г.). Но гораздо ранее того, 7/19 июля 1896 г., Иванов писал Зиновьевой-Аннибал: «Вчера Гревс сообщил мне, что Ростовцев спрашивал его, правда ли, что я разошелся с женой, как говорит профессор Кондаков (и следовательно tutti quanti). Гревс ответил, что вероятно заключают об этом из моей жизни врозь с женой и что сам он ничего не знает. Р <Ростовцев> ответил: "ну, да ведь вы не скажете"» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ел. хр. 40. Л. 40). Знаменательна высказанная Ростовцевым уверенность в совершенной лояльности Гревса по отношению к Иванову. Между прочим, Ростовцев мог бы задать свой вопрос и самому Иванову, поскольку неоднократно виделся с ним в это время, обсуждая вопросы сугубо профессиональные (см. выше: Переписка... IV С. 356—357).

В атмосфере слухов и сплетен естественным было стремление Иванова отгородиться от встреч с посторонними, с людьми, которым его положение и состояние неведомы были изнутри, интимно, ср.: «К нам подошел, — рассказывал Иванов Зиновьевой-Аннибал в письме от 11 июля 1896 г. о своей встрече с Гревсом в парижской Национальной библиотеке, — Шукарев, общавшийся между прочим, что видел мою «супругу», у которой был "после диспута Крашенинникова", и не спросивший, к счастью, моего адреса» (Там же. Л. 25 об.).

Никодим Павлович Кондаков (1844—1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог — *tutti quanti* — все (*итал.*). Об А. Н. Шукареве см. примеч. 22 к п. 7 Докторский диспут М. Н. Крашенинникова, на котором присутствовала Д. М. Иванова, состоялся в Петербургском университете 5 ноября 1895 г. (см.: *Аифертьева А. Н.* М. Н. Крашенинников. С. 381—382). О том, что Ростовцев еще в 1895 г., даже находясь в заграничной командировке, где мало общался с русскими, все же был в курсе того, что Дарья Михайловна находилась в Петербурге одна (ср. п. 43), свидетельствует его письмо к Жебелеву от 11 сентября 1895 г. из Рима, в конце которого читаем: «Кланяйтесь Вашим и Ивановой — она дама милая» (цит. по: Скуфский роман. С. 378).

фамилии, детей постоянно уберечь и беспокоиться за их болтливость на курсах и в лицее, и масса, масса мелких уколов, о которых только я одна могу иметь истинное понятие»¹

Нет сомнения, что и за резкими перепадами в отношениях Иванова и Зиновьевой с А. В. Гольштейн, игравшей выдающуюся роль в жизни русской интеллигенции в Париже, ближайшей приятельницей Гревса, тесно дружившей и с Зиновьевой-Аннибал, стоит также импульсивная реакция Гольштейн на поведение Лидии Дмитриевны и Иванова. В свое время Александра Васильевна сама с детьми сбежала от мужа и, кажется, исключительно по идеологическим соображениям. Сколько можно понять из отрывочных сведений в ее переписке, Гольштейн не могла примириться с новыми основаниями для оправдания и идеологизации личного поведения, декларативно индивидуалистскими и включающими в себя апологию эстетизированной и спиритуализированной телесности, чувственности (такого рода аргументацию следует предположить развернутой и в неизвестном нам письме Зиновьевой-Аннибал, на которое Гревс отвечал: «Не буду распространяться о «философской» части Вашего письма; тоже поговорим при свидании; скажу только, что мне она не очень понравилась: много в ней чересчур громко сказано (жизнь нас — простых, обыкновенных людей слагается в гораздо более скромных формах, чем вам рисуется)», и многое очень недоказательно; в искренности ваших слов я не сомневаюсь, но под влиянием увлечения, во многом Вы просто ошибаетесь» п. 41, ср. приводимый ниже черновик письма Зиновьевой-Аннибал к А. В. Гольштейн).

За всем этим стояло то, что получило название «нищиеанства»³ Гольштейн (и во многом Гревс) были «демократами» старой формации. В этом смысле предельно выразительны слова А. В. Гольштейн в письме к Гревсу от 24 февраля 1896 г из Парижа: «В субботу <10/22 февраля. Изд.> Иванов читал у нас конференцию о Нитче. Ужасная гадость этот Нитче, и теперь мы с Ивановым будем спорить жестоко и часто. Читал Иванов свою конференцию плохо в смысле ин-

¹ Бахмстевский архив. Фонд Гольштейн А. В. Письма Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Из горногорного уединения Иванов и Зиновьева вскоре перебрались в столь же удаленную от средоточия научной и эмигрантской жизни местность на берегу Генуэзского залива (см. п. 56). Интересно, с биографической точки зрения, продолжение приведенного отрывка: «Процесс <бракоразводный процесс Лидии Дмитриевны с Шварсаломом. — Изд.> теперь начнется в скором времени, и мы мечтаем, хотя это еще лишь план, остаться здесь до его окончания, такого или иного. Будет же оно когда-нибудь и, быть может, не позже декабря?! <...> Дети страшно много учатся с В. <ячселавом>, т. е. Сережа с ним, а Вера со мной. Сережа уже окончил хорошо курс 8ого класса и вполне готов перескочить прямо в 7^ю» (Там же).

² Ср. в письме С. И. Алымовой к М. М. Зяматиной от 12 августа 1900 г.. «Позавидовала я Вам и в том, что людей Вы видите интересных, а они в Самаре, конечно, есть, но где-то от меня далеко. Как Ивановых бы мне хотелось видеть, хотя я их немного боюсь, мне кажется, их души ушли куда-то далеко от моей души. Да, они живут в царстве мысли, которое с жизнью имеет мало соприкосновений, а я вся ушла в земные дела» (РГБ Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 24. Л. 22 и об.).

³ Ср. «Властителем моих дум все полнее и могущественнее становился Ницше. Это нищиеанство помогло мне — жестоко и ответственно, но, по совести, правильно — решить представивший мне в 1895 г. выбор между глубокою и нежною привязанностью, в которую обратилось мое влюбленное чувство к жене, и новою, всецело захватившею меня любовью, которой суждено было с тех пор, в течение всей моей жизни, только расти и духовно углубляться, но которая в те первые дни казалась как мне самому, так и той, которую я полюбил, лишь преступною, темною, демоническою страстью» (Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 19—20).

Мотив нищиеанства встречается и в бакинском рассказе Иванова о своей семейной истории: «Да, первый раз я женился в Москве, когда мне было 20 лет и 3 месяца, на Дмитриевской. Я души не чаял тогда в ее брате и, не будучи этого, не женился бы я на сестре его. Девять лет жил я с моей первой супругой и имел дочь. Потом начинается моя любовь к Лидии Дмитриевне. Мы думали с ней, что это у нас темное, демоническое влечение, а оказалось, что это истинная была любовь. Уже потом, после мы это узнали. Я развелся с Дмитриевской, очень сурово и жестоко это было, но я тогда был нищиеанцем, и это мне помогло. Теперь я это воспринимаю как убийство, ибо жизнь Дмитриевской оказалась совершенно разбитой, а дочь наша сошла с ума...» (Альтман М. С. Разговоры... С. 48).

тонации, но зато написал ее прекрасно»¹ Но наряду с философским обоснованием неприязни к Иванову у Гольштейн было и традиционное классово-эстетическое: «Иван <нова> вижу часто, писала она Гревсу 23 апреля 1896 г., не очень его люблю и очень опасно думаю о дальнейшей судьбе Лидии... Знаете, под великим секретом сообщу окончательное впечатление об Ив. <ванове> — он человек не нашего общества и этим, я думаю, очень, очень многое объясняется и в его поведении, и в том впечатлении, кот <орое > он производит. C'est souvent agaçant: son français est trop correct², его поклонны слишком низки, его шютки слишком по талии и проч. и проч. А что слишком совсем это его чудовищный эгоизм. Я иногда он бывает симпатичен умом и всегда любовью к Вам»³ Отметим многозначительное для нас — при всей резкости отзыва указание на неизменно выказываемую Ивановым любовь к Гревсу

А тот, между тем, занимал примирительную позицию. Вот пример сказанному из письма Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 22 июня / 4 июля 1896 г из Парижа:

Гревс очень надолго задержал меня при выходе из библиотеки — объяснениями по поводу Александры Васильевны... Он начал с приглашения прийти к нему сегодня вечером пить чай и прибавил, что не знает хорошенько, в споре ли я с А. <лександрой> В. <асильевной> или нет, но что она также приглашает меня. Я объяснил ему, что, конечно, «ссора» не есть слово, могущее [точно обозначить] охарактеризовать мое отношение к А. <ександре> В. <асильевне>; что большое уважение, которое я всегда к ней питал, я продолжаю питать к ней и теперь в той же мере; что я не имею никаких *gaspines* <злопамятность (франц.) — Изд.> ни за некоторые некорректности ее образа действий, ни, еще менее, за форму сделанной ею оценки моего характера; что я считаю, однако, продолжение отношений между нами невозможным при том мнении о моей личности, какое она высказала и формулировку которого до сих пор не сочла нужным изменить. Вот главная суть того, что я сказал Гревсу в ответ на его предложение восстановить прежние отношения, объясниться (о чем?), не относиться строго к ее запальчивым выходкам и пр. Я повторил еще раз, что считаю бесполезным подержание чисто внешних отношений знакомства, при столь невыгодной внутренней оценке [моей личности] моего характера, даже если бы мое чувство собственного достоинства позволило мне сохранять эти формальные отношения при таком внутреннем условии, что А. <лександрой> В. <асильевной> ничего не сделала до сих пор для того чтобы показать, что тогдашняя ее характеристика моей личности не есть действительное выражение ее мнения обо мне, и что поэтому я не могу принять ее приглашения, за которое прошу его от моего лица ее поблагодарить. Гревс признавал, что я совершенно вправе так поступить и несколько раз указывал на то, что А. <ександра> В. <асильевна> собиралась поехать у Л. <идии> Д. <митриевны>, но благодаря внезапному отъезду последней «это так и не вышло». Я выразил надежду, что по твоем возвращении ваши отношения уладятся, и вместе удивлен, что А. <ександре> В. <асильевне>е даже и в мысль не приходило в течении долгого времени, что ее слова могли огорчить и обидеть тебя... Хорошо ли я сказал, Лидюша?»⁴

Сколько-нибудь точных подробностей о столкновении, которое старался загладить Гревс, мы не знаем, но самая суть его проясняется из черновика письма Зиновьевой-Аннибал к Гольштейн:

Пользуюсь случаем, чтобы высказать Вам всю мою глубокую благодарность за Вашу дружбу, горячее и деятельнее которой я не встречала в жизни, и также мое глубокое горе при сознании, что этой дружбы для меня уже нет. Позвольте мне, как бывало, поговорить с Вами со всею искренностью, которая и Вам, и мне обыкновенно дорога. Дружбы между нами не может более быть, не потому чтобы мы ссорились друг на друга, разочаровались друг в друге и т.п. — нет, при всем моем глубоким уважении, благодарности и любви к Вам, я чувствую, что между нами стоит нечто, что навсегда разделяет наши сердца. Это ваше отношение к тому, что мне всего дороже в жизни, нет, дороже даже самой жизни, к моей любви, к моему счастью, к человеку, который воплощает эту любовь и счастье. Причиной моей разлуки с Вами является наш последний разговор с двух его сторон. Во-первых, по сути своей, он доказал, что Вы не уважаете моего лучшего друга и мужа и не верите в него. Права я или нет в глазах других, я не знаю, но для меня физически невозможно общение с человеком, которому мой муж внушает подобные чувства. Это отталкивает, оскорбляет

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 364. Л. 67

² Зачастую это раздражает: его французский слишком правилен (франц.).

³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 364. Л. 70 и об.

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 6—8. Письмо от 22 июня / 4 июля 1896 г

меня, заставляет меня глубоко страдать в обществе этого третьего [недоброжелательного] лица и даже чувствовать к нему вражду совершенно несправедливую и тем более мучительную.

<...> Если Вы имели непобедимое желание искренно высказать мне Ваше недоверие и ненависть к И.<ванову>, это дело Ваше и мое, но распространять недоверие и враждебность вокруг меня, [подкапывать] мутить и возбуждать ближайших мне людей это прямо очень плохо, по крайней мере, я так смотрю. Вы и Вл.<ладимир> Авг.<устович>² впрочем иного мнения и быть может оттого что у Вас обоих ужасающий меня взгляд на любовь. Но даже если посмотреть на любовь просто как на дружбу, то и здесь Вы не правы. [Сколько раз страдала я из-за этого в разговорах вас обоих о М.<арии> С.<сергеевне> и И.<ване> М.<ихайловиче> Вл.<ладимир> Авг.<устович> при всей моей семье говорил о предполагаемой ее любви к другому. Что может быть оскорбительнее этого для И.<вана> М.<ихайловича> На его месте я более не переступила бы порог Вашего дома, это вопрос его чести и вопрос его <нрзб.>] <...> Да, мы с Вами глубоко расходимся и во взгляде на любовь. Для меня она священна, Божество, которому я молюсь. Божество, для которого у меня в душе и уме есть целая сложная религия. Для Вас что она? Вы отделяете страсть от дружбы, атош от affection. Для Вас страсть презренна. Для меня она так же святая, как и дружба. Если любовь полная соединяет двух людей, действительно <природою?> созданных друг для друга, то высшего блаженства, высшей счастливости нет на земле. Дружба может только «утешать» меня, любовь же дает счастье. Ведь с ее смертью умру и я. Никогда не чувствовала я любви к первому мужу, то была только affection — дружба и <нрзб.> и часто чувствовала я, что мне тяжело жить только этой дружбой, что есть что-то иное, неизведанное, чего ищет моя душа. <...> Теперь я нашла настоящее, сильное, цельное, абсолютное чувство и я так счастлива, что человек, не имевший подобного чувства, не может даже измерить <половинами?> этого счастья. Моя любовь слишком полна и счастлива, для того чтобы я могла хоть на минуту вообразить ее неразделенной. Теперь я глубоко знаю душу человека, которого люблю, чувствую всю неизмеримость его счастья через меня. Его нало глубоко понять, вернее, почувствовать его душу, чтобы объяснить все его внешние противоречия и полюбить ее и уважать ее так, как она этого достойна. Другим, быть может, нужны будут годы и годы чтобы поверить ему и нашему союзу, но какое дело мне до других и до их мнения. Я знаю то, что я знаю, верю и люблю, и все существо мое говорит о том, что нечестно и не благородно мне быть другом человеку, который отделяет меня от любимого существа, уважает меня, презирая его. Да, эта дружба есть физическая невозможность³

В одном из публикуемых писем (п. 58) Иванов упрекает Гревса в неосторожности поведения, которая могла повлечь за собою «выход» К.С. Шварсалона на след жены и принудительную передачу детей на попечение отца. До окончания бракоразводного процесса это было вполне реально³ В бракоразводном процес-

² См. примеч. 10 к п. 49.

² РГБ. Ф. 109. К. 22. Ед. хр. 29. В архивохранилище черновик отнесен к 1895 г., что невозможно. Судя по ряду бытовых деталей (обсуждение которых потребовало бы приведения большого количества фактов, которые нас не могут интересовать в русле нашей главной темы), письмо Зиновьевой-Аннибал связано именно с той ситуацией, которую обсуждали Иванов с Гревсом в Национальной библиотеке в июле 1896 г. О неровных отношениях Гольштейн с Зиновьевой-Аннибал дают представление и ее слова в письме к Гревсу: «Недавно между Ивановыми (Лидия) и нами произошло новое примирение. Проездом в Россию у нас была Анюта Лидии Дмитриевны, прожила у нас три недели и помирилась с Лидией окончательно. Шальной она, Лидия, но хороший человек...» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 364. Л. 201, письмо помечено 12 марта, но год не указан; упомянута Анна Шутова, воспитанница-прислуга Зиновьевой-Аннибал, чью сторону держали Гольштейны в столкновении с хозяйкой-воспитательницей).

Позволим себе упрекнуть авторов обеих публикаций фрагментов из переписки Иванов с А.В. Гольштейн (Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн; «Обнимаю вас и матерински благославляю...») в стремлении представить их отношения преимущественно в благостных тонах. Пренебрежение конфликтной стороной отношений заставляет публикаторов обойти молчанием последний разрыв, после которого Гольштейн уже не могла измениться к Иванову, навсегда осудив его, в связи с публичным вмешательством четы Ивановых в семейную жизнь М.А. и М.В. Волошиных.

³ Говорить о серьезности намерений К.С. Шварсалона преследовать жену и добиваться права на детей у нас нет достаточных оснований ввиду отсутствия положительных данных. Но о настоятельности опасений Зиновьевой и Иваново свидетельствует их переписка, особенно за 1896 г., когда принимались раздельные квартиры с тщательно скрываемыми адресами, когда появлялись предупреждающие телеграммы такого, например, содержания: «Вчера толстый белокурый господин спрашивал тебя у консьержки. Семья отправляется сегодня в Лозанну. Сообщи, что думаешь» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 10, подлинник по-французски; в этой единиче хранения, содержащей письма Иваново за 1896 г., имеется подробная информация о принимавшихся мерах предосторожности). Несомненно, биографические реалии этого времени отражает стихотворение 1915 г. «Париж»:

се Шварсалонов Гревс был, как видно из нижеследующего, целиком на стороне Лидии Дмитриевны. Первоначально он недооценивал серьезности положения дел, как явствует из разговора, о котором 11 июля 1896 г. Иванов рассказывал Зиновьевой-Аннибал в письме из Парижа:

Вчера я говорил с Гревсом о моем плане скрыть твой настоящий адрес. Он отнесся к моим соображениям, по обыкновению, не измеряя всей *portée* наших опасений. По его мнению, Ш. <варсалон> не вздумает поселиться близ вас, — и скрывать от него, что вы в Гуюн¹, нельзя и не стоит. Но потом он изменил свой взгляд и нашел, что *loca* следует поступить по моему плану, т. е. написать Ш. <варсалону> в Россию, что дети поехали в Швейцарию, именно в Aire², откуда ты их устроишь где-нибудь в горах для пользования горным воздухом.

Отношение его к некоторым сторонам жизни удивительно. Я выразил опасение, что Ш. <варсалон> при свидании будет вести себя нахально и наговорит тебе дерзостей. Г. <ревс> замечает, что никому нельзя запретить законом говорить дерзости... И когда я смотрю на него в ответ с недоумением, прибавляет: «а как бы вы могли защитить ее?» Я отвечаю, что выбросил бы Ш. <варсалона> вон, и сообщаю, что между нами условлено было мое присутствие при свидании в соседних комнатах, чтобы, по твоему зову, я мог войти и говорить с Ш. <варсалоном> вместо тебя; но что Гревс немедленно возражает, что он поступил бы совершенно так же и что по его приезде в Париж это было уже его дело — помочь тебе при свидании с мужем. <...> По мнению Гревса, зависит от усмотрения почтовых чиновников сообщить или нет твой адрес Ш. <варсалону>⁴

Несмотря на очевидную наивность Гревса (скорее, однако, последовательный гуманизм, требующий обращаться на равных даже с виновной и неблагородной стороной), Иванов был твердо уверен, что в юридической процедуре Гревс ни в коем случае не откажет в помощи Лидии Дмитриевне: «В Россию нужно тебе спешить, непременно в Россию! убеждал Иванов Зиновьеву-Аннибал в письме от 29 апреля 1898 г. С братом нужно видеться <и рзб.>, ради Сипягина, и с самим Сипягиным; и к Гревсу нужно обратиться, если есть еще время для его показаний, и к Зарудной»³ «Что же ты сидишь, ничего не предпринимая?», продолжал свои настояния Иванов в письме от 1 мая 1898 г..

Очевидно, что ты должна немедленно ехать в Петербург... Личное присутствие твое в Петербурге, при настоящем практическом положении дел, мне представляется безусловно необходимым и притом безоговорочным. Должно быть на месте и действовать, действовать до самого момента решения дела — и даже, быть может, после того. Я не хочу обещать ни тебе, ни себе, что твое пребывание в Петербурге будет делом нескольких дней: я считаю неизбежным дожидаться окончания дела в консистории, оно же последует <...> в начале русского лета. И я думаю, что эта жертва с твоей стороны принесет свои плоды. В России, думается мне, очень влияет на ход дел личное, неформальное вмешательство, не только в форме протекции, но и

Всечеловеческий Париж! В тебе я сам
Таил свою любовь, таил свои создания,
Но знал консьерж мой час стыдливого свиданья...

(Свет вечерний)

¹ Важность, значение (франц.).

² Горная деревушка в Швейцарии.

³ Деревня в Швейцарии, у места переправы через Рону (Aire-la-Ville).

⁴ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 40. Л. 25 и об.

⁵ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 42. Л. 5 об.—6. В рамках настоящей статьи нет нужды специальным образом исследовать бракоразводный процесс Зиновьевой-Аннибал, поэтому приводимые в этой связи цитаты мы оставляем без развернутого комментария — нас интересует только то, в каком ракурсе видится Иванову в этой связи Гревс.

Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853—1902) в рассматриваемое время главноуправляющий императорской Канцелярией по принятию прошений, с 1900 г. министр внутренних дел. Также упомянуты брат адресатки Александр Дмитриевич Зиновьев (1854—1931) и, скорее всего, мать М. С. Гревс Зоя Александровна Зарудная, которую Гревс называл «сенаторшей», «генералшей» (Человек с открытым сердцем. С. 77 203).

через непосредственное нравственное воздействие. Поверь мне, что очень будет важно для дела, слабое впечатление произведет на всех твоя личность' <...> Итак, твоя задача — перекрыть враждебное влияние 1) самим фактом ходатайства, 2) впечатлением твоей личности и нравственной правоты твоего дела, 3) эксплуатированием связей с Сипягинным и Корфом. Впрочем, не тебя учить, как действовать в Канцелярии! Вот, твоя первая задача, и она очень важна! Дальше, ты побывавшая у всех, к кому брат и адвокат найдут возможным послать тебя, и будешь красноречива и энергична. Далее, ты увидишься с Зарудной; но если брат найдет это вредным, ввиду возможной конкуренции влияний (Саблера и Победоносцева), то ты оставишь пока З. <Зарудную> в покое, если же на Саблера мало можно полагаться, то тем более драгоценна помощь Зарудной. Далее, ты попросишь Гревса помочь тебе, если адвокат найдет возможным привлечь и его. Вот покамест то, что я могу обозреть вперед; но несомненно, что на месте ты найдешь сама пути, быть может, вовсе непредвидимые. Итак, не сомневайся, что поехать стоит и нужно, будь умница, будь прежнюю Эринией Шв-<арсалон>а прежде не нужно было учить тебя ни энергии, ни изобретательности. Доброй воли тебе нужно только на дорогу, и больше ничего. Поезжай же тотчас, сопровождаемая моей любовью и благословением! поезжай, Лилия лилейнораменная, лепетуостная...¹

Дело о разводе тянулось еще не один месяц. В ноябре 1898 г Иванов сообщил Гревсу, что оно, «благополучно пройдя первую стадию, вступает в следующие две еще более опасные, чем первая, так как даже слухи могут теперь быть приняты в расчет» (п. 61). Впрочем, как кажется, помощь Гревса не потребовалась.

К этому времени тень отчуждения, омрачившая было дружбу Гревса с Ивановым, давно рассеялась. И хотя жизнь обоих складывалась так, что и личные встречи были нечастыми, и общение в письмах явно замирало, связь не пресекалась вовсе — осталась испытанная старая дружба, при определенных обстоятельствах готовая возобновиться в прежних формах ученых бесед и совместных путешествий по местам классической древности. В конце 1901 г Иванов из Афин, где он с пылом неопита обратился «к эллинской древности и, в частности, к истории религии», писал Гревсу в Петербург: «И невольно вспоминается мне наша ἡ ἐν Ῥώμῃ συμφιλολογία², и как бы хотелось пережить здесь ее παλιγγενεσία⁴. Как хорошо было бы, если бы мы собрались сюда при мне!» (п. 66). Намечавшаяся встреча в Греции не состоялась.

Однако в это же время готовился к печати первый сборник стихов Вячеслава Иванова «Кормчие звезды», и Иван Михайлович оказывал ему покровительство (во имя дружбы и общих Муз» (п. 73), принимая живое и деятельное участие в его судьбе (в частности, вел корректуры), и вообще «очень сильно увлекся им» (п. 68). Публикуемые письма позволяют проследить историю посвящения Гревсу стихов в этом сборнике — именно как памятного подарка на десятилетие дружбы (п. 65 и 68).

¹ Ср. в письме Иванова к А. В. Гольцштейн от 3/15 июля 1898 г. «Поездка Л. <Ииди> Д. <митриевны> в Петербург была попыткой двинуть дело личным участием и принесла, мне кажется, в этом отношении некоторую пользу. Дело не решено еще и в первой инстанции, благодаря искусному затягиванию его Ш. <варсалон>ом; но присутствие Л. <Ииди> Д. <митриевны> в Петербурге было полезно, между прочим, уже тем, что дало возможность, путем представления обстоятельных медицинских и, специально, психиатрических свидетельств, немедленно ответить на новую проделку Ш. <варсалон>а на ходатайство его о расторжении брака в его пользу (с предостережением, следовательно, детей ему) — по причине душевной болезни жены, обусловленной «печальным (!) законом наследственности», и проявляющейся в идее фикс освобождения от него, Ш. <варсалон>а, и в болезненно-ожесточенном против него настроении» (Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольцштейн. Р. 343). О попытке Шварсалона распространять слухи о помешательстве Лидии Дмитриевны, как и о других его подлогах и низостях, включая ложный донос на нее и Гревса, см. в цитированном письме Зиновьевой-Аннибал к неизвестному (см. выпл.: С. 370–371).

² РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 42. Л. 7–8. Владимир Карлович Саблер (1845 или 1847–1929) юрист, служивший по духовному ведомству, в рассматриваемое время управляющий канцелярией Синода при обер-прокуроре К. П. Победоносцеве (1827–1907), позднее, в 1911–1913 гг обер-прокурор Синода. Корф — неясно, кто имеется в виду: в высших эшелонах власти одновременно присутствовали несколько представителей этого рода.

³ Совместные ученые беседы в Риме (греч.).

⁴ Возрождение (греч.).

Словно подводя промежуточный итог, Гревс писал Иванову в октябре 1902 г.: «Дружба моя к Вам и сознание многих духовных нитей, которые нас связывают, несмотря на различие многих основ мировоззрения и душевного склада, живут во мне с неослабевающей силою. Посылаю же Вам одушевленный привет старой симпатии, скрепленной столькими и радостными, и тяжелыми жизненными встречами, столькими вместе пережитыми важными впечатлениями. Я не поэт, но любовь к поэзии живет в моем сердце, и эта-то любовь, признающая в вас поэта, направляет к Вам горячее поздравление и пожелание доброго пути первой вестнице вашего таланта — вашей родившейся книжке. Я с радостью выполню все касающиеся ее Ваши поручения» (п. 74).

VI

В 1903 г в Петербурге вышел первый сборник стихов Вячеслава Иванова «Кормчие звезды». Испытав «особый подъем симпатии и радости по поводу выхода давно ожидавшейся... книги», Гревс откликнулся на присылку экземпляра собственными торжественными стихами «в стиле оды», призывая Иванова-поэта проявить снисхождение к форме, но проникнуться «искренностью их содержания» (п. 77). Тема дружбы звучит в них возвышенно-элегическим воспоминанием:

Юности нашей пора золотая, когда мы, глубоко
Рима величьем пленясь, мыслью сошлись и мечтой,
Канула в море времен; но не забуду вовек я,
Жив пока в сердце моем дар драгоценный небес,
То, что с тобой пережил, когда зрел союз наш духовный.

И после этого письма (от 17 февраля / 2 марта 1903 г.) переписка прервалась ровно на 15 лет! Конечно, нельзя исключать того, что какие-то письма Иванова и Гревса друг к другу не сохранились, но ясно одно: эта лакуна в целом отчетливо отражает отсутствие постоянного близкого общения. Жизненные пути наших героев расходились, все более уводя и того, и другого от занятий древнеримской историей. Причем именно 1903 г знаменовал важный рубеж: Иванов после опубликования «Кормчих звезд» решительно и навсегда вошел в цех литературный; Гревс в январе того же года был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории в С.-Петербургском университете (см. примеч. 5 к п. 74) и в апреле поехал на I международный конгресс исторических наук в Риме, где, как медиевист, участвовал в работе секции средневековой и новой истории (п. 77).

Осенью 1905 г Иванов вернулся в Россию после почти двадцатилетнего пребывания за границей и поселился в Петербурге. Здесь он стал одной из самых заметных и ярких фигур литературного мира. К этому времени он был уже известным поэтом и теоретиком культуры. Слава его возрастала год от года. С Ивановым времен расцвета русского символизма. Ивановым-мэтром, «Вячеславом Великолепным» профессор-историк Гревс почти не общался. Среди посетителей знаменитой «башни» на Таврической улице, где «на "Ивановских средах"» встречались люди очень разных даров, положений и направлений¹, упоминаются имена профессоров-антиковедов Ф.Ф. Зелинского и М.И. Ростовцева, но имя Гревса не встречается.

Гревс был профессор-просветитель, классический русский либерал кадетского типа, человек по существу досимболистской культуры и моралист по природе. «Дионисийская» и авангардистская атмосфера, окружавшая Иванова в эти годы,

¹ Бердяев Н. «Ивановские среды» // Русская литература XX века / Под ред. С.А. Венгерова. Т. 3. Ч. 2. Кн. 8. М., 1916. С. 99.

мистико-эротические искания с привкусом скандала (в частности, литературная деятельность Зиновьевой-Аннибал, писавшей о лесбийской любви, а после ее смерти — связь, а затем и женитьба Иванова на ее дочери Вере Шварсалон) не могли не шокировать его. Для Иванова же, с его презрением к «моралину»¹, не были близки либерализм и морализм Гревса, любимыми писателями которого были И. С. Тургенев и Р. Роллан².

Гревс целиком был занят научной и педагогической работой: огромной популярностью пользовались его общин и специальные курсы по средневековой и средневековой европейской культуре³, всю душу вкладывал он в семинарские занятия⁴, научные экскурсии⁵ и в руководство учениками из его школы вышли крупнейшие историки-медиевисты О. А. Добиаш-Рождественская (1874–1939), Л. П. Карсавин (1882–1952), Н. П. Оттокар (1884–1957). Как декан Исто-

¹ *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 59. Ср. слова Иванова, записанные его собеседником в Баку в 1921 г.: «Я-то вообще к моралистам хотя испытываю чувство глубокого уважения, но я при них застаиваюсь на все пуговицы» (*Альтман М. С.* Разговоры... С. 52).

² Об отношении Иванова к Р. Роллану и сопоставлении последнего с Гревсом см.: Там же. С. 65 (в особ.: «Ну, вот теперь все понятно. Роллан — это Гревс. Роллан — это чистый агнец, и Дант, конечно, за его прекрасную душу поместил бы его в одну из самых высоких сфер, но одновременно и в чистилище: ибо не будь глупым»). Подробнее см. примеч. 28 к п. 80.

³ «Варварская Европа в изображении римских писателей, в ее собственной историографии, поэзии и законодательства, зарождение и расцвет феодализма, движение городов от их римских precedентов до расцвета немецких республик, французских и итальянских коммун, великие проявления духовной культуры Средних веков от бл. Августина и Боэция до Франциска Ассизского и Данте» — так очертила круг тем профессора-медиевиста Гревса О. А. Добиаш-Рождественская (К 25-летию учено-педагогической деятельности И. М. Гревса. Сб. статей его учеников. СПб., 1911. С. IV). Ср. обзор основных лекционных материалов Гревса, составленный О. Б. Вархоремовой по архивным источникам: *Человек с открытым сердцем.* С. 5.

⁴ О Гревсе — профессоре Петербургского университета см.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. С. 167–170. Краткую характеристику преподавания Гревса на Высших женских курсах см.: *Вархоремова О. Б.* Духовное пространство Университета. С. 117, примеч. 435. «И. М. Гревс читал историю романских стран (преимущественно Италии) в раннем средневековье, историю французской культуры позднего средневековья, курс о зарождении средневековой духовной культуры (поздняя античность, христианство, варварство, образованность IV–VI вв., древний и новый мир). Перечень проводимых им семинарских занятий был также обширным; «Юлиан Экланский и поздние сочинения блаженного Августина», «Дино Компаньи и Флоренция во времена Данте», «Августин и пелагианство (анализ и интерпретация памятников)», «Франциск Ассизский и раннее францисканство (сочинения Франциска, уставы, легенды о его жизни)», «Григорий Турский, как памятник для ознакомления с культурой франкской эпохи (романизация и варваризация)», «Документальная и монументальная история городов римской Галлии», «Анализ многоотомного сочинения А. Данте *De monarchia*» и др.» (Там же. С. 118).

Ср. воспоминания бестужевки Е. П. Приваловой, поступившей на курсы в 1910 г.: «Очень большое, можно сказать, первенствующее место занимали в жизни Бестужевских курсов просеминарские и семинарские занятия. В семинарские группы записывались по желанию, но иметь больше трех семинариев одновременно запрещалось. Это была одна из форм борьбы с распыленностью внимания и верхоглядством. Самое сильное впечатление из всех семинарских занятий произвел на меня семинарий, руководимый профессором И. М. Гревсом. Не могу сказать, чтобы тема, выбранная профессором, духовная культура средневековой Италии, была мне очень близка. Меня занимало другое: удивительное мастерство, с каким раскрывал Иван Михайлович содержание взятого для анализа текста. Интересен был сам процесс подготовки к очередному занятию. Надо было не только самостоятельно прочесть и перевести отрывок латинского текста, но и сильно прокомментировать его. А как увлекательны были часы совместной работы, когда сухой и, как нам казалось, малосодержательный документ начинал на наших глазах обрывать живую ткань, светиться, играть новыми красками, приобретая ценность большого научного факта. И. М. Гревс как человек обладал большой притягательной силой. Мы любили его за всегда равное, благожелательное отношение к нам» (цит. по: Санкт-Петербургские Высшие... С. 241).

⁵ Подробное описание поездки в Италию в 1912 г. см. в кн.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. С. 277–309. Ср.: *Гревс И. М.* Экскурсия в Италию 1912 г. // *Человек с открытым сердцем.* С. 282–289 (описание экскурсий прерывается на Флоренции). О предыдущей поездке см.: *Он же.* К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах: (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.) // *ЖМНП.* 1910. Февраль.

рико-филологического факультета Высших женских курсов в 1906–1918 гг., он отдал много сил делу введения предметной системы преподавания вместо традиционной курсовой¹. Серьезную роль играл Гревс и в академическом движении за автономию, выступая, в частности, в 1906 г. в печати в качестве депутата этого движения петербургской профессуры²: «В статьях, посвященных университетскому вопросу в журналах “Право”, “Научное Слово” и “Полярная звезда” (“Созидание и разрушение в высшей школе” и др.), он отстаивал начала свободы и культуры, “университет, независимый от правительственного произвола и партийного правого и левого ожесточения”, мечта создать из него “мастерскую, где куется познание истины и создаются жизненные и общественные идеалы”»³.

С этим академическим, университетским миром жизнь Иванова в Петербурге, особенно в пору расцвета «башни», почти не соприкасалась, хотя с античностью он не расставался — занимаясь исследованием религии Диониса и переводами эллинических поэтов⁴. После смерти в 1909 г. И. Анненского, Иванов в течение двух лет (1910/1911 и 1911/1912 учебные годы) был его преемником на Высших женских курсах Раева⁵, где преподавал историю античных литератур и вел семинарий по Горацию⁶. Ф.Ф. Зелинский, неизменно подчеркивавший свою роль в том, что Иванов получил эту кафедру «несмотря на то, что кандидат формально был только бывшим студентом, который не окончил университета», отмечал, что это стало возможно «в результате» опубликования латинской диссертации о публикациях⁷ (подробнее см. выше: Переписка... IV С. 366–367).

В годы, последовавшие за смертью Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (1907), Иванов посвящал «много усилий делу петербургского Религиозно-философского общества, а также делу Общества ревнителей художественного слова»⁸. Именно в связи с этой его деятельностью, а не с преподаванием на курсах или печатанием диссертации, произошла новая встреча с Гревсом, запомнившаяся последнему: «на вечере в память Соловьева» (см. п. 78). Называя своих учителей, Гревс писал в автобиографической заметке: «Среди писателей, которых я изучал, своим учителем могу назвать Данте, а из русских Тургенева и Владимира Соловьева»⁹.

В очерке «Мои встречи и отношение к Владимиру Соловьеву» (датированном 25 ноября 1923 г.) Гревс вспоминал и Вяч. Иванова:

Когда я впервые [познакомился] сблизился с Вяч. Ивановым в Италии и узнал о его стихах, то я, перед его возвращением в Россию, настойчиво направлял его к В.С. Соловьеву, как к благороднейшему руководителю и советчику, мне казалось, и в области поэзии. Он так и сделал: Владимир Соловьев оценил его вещи и прежде всего помог ему поместить в «Журнале Минни-

¹ Санкт-Петербургские Высшие... С. 81–84; Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета. С. 94–95. Предметная система была введена в 1906–1907 учебном году.

² Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета. С. 90. Примеч. 371.

³ Добинин-Рождественская О. Гревс Иван Михайлович // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 14. Стлб. 777

⁴ Ср. примеч. 8 и 18 к п. 75.

⁵ Высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н.П. Раева, или Вольный женский университет, были открыты в 1906 г. (Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета. С. 90).

⁶ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 21, Он же. Supplicium vitae. С. 190–191.

⁷ Зелинский Ф.Ф. Иванов Вячеслав, Дионис и праднионисийство. Баку 1923 (по-русски). 299 стр. // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. С. 246; ср.: «Как нелегко мне было провести его кандидатуру, ученого без степени, на должность профессора античной литературы в одном из женских университетов Петербурга!» (Он же. Поэт славянского возрождения Вячеслав Иванов // Там же. С. 251).

⁸ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 21.

⁹ Гревс И.М. К моему научному учению. Л. 38а об.

стерства народного просвещения» превосходный перевод одной из од Пиндара¹. Это было в начале 90-х годов. Потом Вяч. Иванов и Соловьев познакомились ближе, и религиозно-философское учение Соловьева повлияло на Музу Иванова и склад мировоззрения последнего. Помню, как он выступал на одном из вечеров, посвященных памяти Соловьева², в Петербурге, в зале Тенишевского училища после 1910-го года с очень хорошим словом о нем (оно потом напечатано было в его сборнике «Борозды и межи», под заглавием «Религиозное дело Соловьева»), я почувствовал новый прилив почитания Соловьева и любви к Иванову, в тот вечер много читали стихов В.С., выступал с особою речью А.А. Блок (его речь «Рыцарь-монах» в «Сборнике Первом» о Соловьеве, изд. «Путь» 1911 г.) и вообще было хорошо, царил одухотворенная атмосфера³.

Именно в эти годы у Гревса постепенно усиливались «идеалистические», как он сам выражался, настроения, а после смерти в 1910 г. 16-летней дочери Шуры возродилась и религиозность⁴, не означавшая для него, однако, отказа от либерализма, западничества, веры в прогресс и науку. Отметим, что в переписке Иванова с Гревсом религиозные вопросы почти не затрагиваются. По всей видимости, в этой области у них не было особой близости, не было даже точек сколько-нибудь заинтересованного соприкосновения. Вероисповедная эволюция Иванова достаточно известна — но только в самых внешних чертах — и критически не осмыслялась в своей специфичности⁵. От детской веры в Бога Иванов перешел к воинствующему атеизму, затем долгое возвращение к вере и церкви, самая активная роль в религиозных исканиях русского общества 1900–1910-х гг и, наконец, в 1926 г. переход в католичество⁶. Религиозность Гревса публичного выражения не имела. Проблемы религии с исторической, с философской стороны были ему интересны, но проявить вовне этот свой интерес в полной мере он не сумел⁷. Но насколько важна была для него вера, понимали и те, кто не разделял ее: «Иван был верующий глубокий христианин, писал В.И. Вернадский 17 мая 1941 г., на следующий день после смерти Гревса, его вдове Марии Сергеевне, и в этом, я думаю, я нахожу и смысл жизни, и нужное для сознательно живущего человека в [нашем мире] нашей социальной среде равновесие и успокоение»⁸.

Однако запомнившаяся Гревсу встреча с Ивановым на вечеру в память Вл. Соловьева не была единственной. Позднее, в 1918 г. он вспоминал также

¹ См. примеч. 18 к п. 75.

² Упомянутый Гревсом вечер состоялся 14 декабря 1910 г.

³ Иванов Вяч. Борозды и межи: Опыт эстетические и критические. М., 1916.

⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 41. Л. 5 об.

⁵ Ср. в воспоминаниях Гревса: «Могу сказать про себя, что я вырос с детства с Богом в душе. Это дало мне важную силу и крепкий упор в ранней юности. <...> Когда впоследствии настал кризис сомнения, надлом неверия — эта заложенная первоначальным слоем вера не выветрилась, а залегла глубоко внутри, чтобы проснуться вновь, когда жизнь дошла до центра» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 31).

⁶ Ср. однако: Аверинцев С.С. «Скворещица вольных граждан...» С. 57–64.

⁷ Иванов считал, что вероотступничества он не совершил, напротив, утверждал, что в нем свершилось воссоединение церковей, так что он, всю жизнь дышавший одним легким, став католиком, вздохнул впервые двумя легкими. Эта фраза стала излюбленным выражением папы Иоанна Павла II.

⁸ Ср. сеговония Гревса в письме В. И. Вернадскому от 27 сентября / 9 октября 1894 г. из Парижа: «Жизнь моя идет однообразно: ничего, кроме работы над диссертацией, не делаю и ни о чем не думаю, а страшно бы хотел заняться общефилософскими и религиозными, а также политическими вопросами» (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 458. Л. 22 об.).

⁹ Там же. Ед. хр. 464. Л. 40–41. Машинопись-отпуск с авторской правкой. Знаменательно продолжение приведенного отрывка: «Я смотрю на жизнь человека глубоко иначе, чем Иван. Я давно не христианин и считаю, что загадка жизни, ответ на которую дает христианство, не отвечает реальности — реальности чрезвычайно сложной и до сих пор не разрешенной человечеством. Но к этому разрешению мы идем коллективным научным трудом и далеки еще от его разрешения».

и о речи Иванова на своем собственном юбилее, отмечавшемся в 1909 г. (п. 80). С этими редкими встречами в 1909–1910 гг.¹ связаны посвященные Гревсу стихи Иванова в сборнике «Сог ardens» (см. выше: Переписка... I. С. 295–297).

Новое сближение Гревса и Иванова произошло после октябрьских событий 1917 г., которые и тот, и другой восприняли как катастрофу, хотя и не участвовали в борьбе с большевиками.² Переписка возобновилась после того, как в апреле 1918 г. Гревс написал Иванову в Москву: «Я давно влекусь написать Вам, т. е. весть дать от себя. Думаю о Вас часто всегда с тех пор, как не виделись. Сколько бы ни разводила нас судьба или внутр.<енние> временные несогласия, старое наше общение и дружба оставили в моей душе неизгладимую связь, которая временами даже остро оживает. Последние годы я особ.<енно> часто заглядывал в Ваши стихи и Ваши книги. <...> Знал о Вашем участии в "Народоправстве", но также номера до меня сюда не доходили. Теперь слышу об участии Вашем в "Новых Вехах" и это оч.<ень> заинтересовало меня. Но желание написать Вам истекает не из этих реальных сведений о Вас, а из каких-то более глубоких, отчасти иррациональных источников: это именно оживление некоего давнего союза» (п. 78). Перечисляя свои схождения с Ивановым, Гревс называет христианство, любовь к России и любовь к романской культуре. Письмо заканчивается фразой: «Среди страшных бед родины и человечества только мысль о вечном дает силу жить». Возобновление общения с Ивановым, очевидно, стало для Гревса одной из опор в тяжелое время.

Иванов с радостью откликнулся (22 мая 1918 г.) на этот «нечаянный привет», заметив: «Вы знаете ли, что я почти вовсе не пишу писем, а вот Вам все писал бы и писал. Как хотелось бы поговорить о многом и многом, и сколькоим предаться воспоминаниям!» (п. 79). Он сразу же выслал Гревсу по его просьбе свою книгу «Родное и вселенское». Письмо его дышит любовью, оно полно задушевных воспоминаний о времени, когда они жили один в Риме, другой в Париже, а также благодарности Гревсу за то, что он сохранил в душе «живые корни прежнего союза»: «Не свидетельствует ли сама жизнь их о том, что он истинный?» (Там же).

Гревса, ожидавшего, по его признанию, ответа с «некоторым страхом после такого долгого перерыва в отношениях», это письмо Иванова воодушевило на настоящий гимн дружбе с толкованием цитаты из посвященного ей трактата Цицерона (п. 80). Из этого же пространныго письма становится понятной, почему Гревс, решившись написать Иванову после такого долгого перерыва в отношениях, надеялся на понимание старого друга: «Хочу сказать Вам, что за эти годы разлуки нашей внутренно я часто связан был с Вами.

¹ Упомянем еще об одной нет. не встрече, а мысленном соединении Иванова с Гревсом в сознании ученика последнего Л. П. Карсавина, который в письме из Рима 23 октября 1910 г. сообщал учителю: «Вчера же видел издали в Риме около Пантеона Вяч. Иванова с палочкой» (Российская историческая мысль: Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина: письма И. М. Гревсу (1906–1916) / Отв. ред. А. Л. Ястребицкая; сост. А. К. Клементов, С. А. Клементова. М., 1994. С. 63).

² Об «ответе Вячеслава Иванова на Октябрь семнадцатого года», который «вносит в разногласию русской поэзии совсем особую ноту», см. Аверинцев С. С. «Скворещиц вольных граждан...» С. 95–99. О позиции Гревса свидетельствует его письмо Е. Я. Рудинской от 9 февраля 1918 г., когда немцы стояли у ворот Петрограда и воображение рисовало апокалиптические картины плена, голода и стыда: «Подлинно укрепился антихрист в нашей несчастной стране... Не знаю, что будет. <...> Все теперь валят на большевиков. Это означает просто отказ от ответственности. Большевики только оболочка нашей внутренней природы. Одно гнусное осталось в нас... Мы не заслуживаем, как народ и как государство, ничего другого, как терпеть все это. Легко сваливать прежде на царя, теперь на большевиков. Очевидно, исправления возможны только в пламени адских мук предстоящих десятилетий...» (цит. по: Человек с открытым сердцем. С. 297).

Переживал я не только чудные воспоминания об общем прошлом, но и сродство душ по сохранившимся следам (глубоким в душе) нашего идейного общения; и оно возобновлялось общением с Вашими сочинениями». И теперь Гревс рассказывает о том, как накануне у себя дома с лучшими своими учениками-друзьями читал стихи Иванова и как им «было при этом хорошо». И, как когда-то, в 1903 г., делится с другом-поэтом своими стихами («старомодными подражаниями»).

Это необычайно эмоциональное письмо, написанное 31 мая / 13 июня 1918 г., находится в архиве самого Гревса, а не Иванова. Возможно, речь идет о черновике, Иванову же был отправлен беловой вариант или другое, близкое по содержанию письмо (см. общее примеч. к п. 80). Однако в его архиве такого письма нет, и это допускает иные предположения: либо письмо так и не было отправлено, либо оно могло быть возвращено адресатом автору при личной встрече.

А встреча такая действительно произошла. О ней Гревс рассказывал своей ученице Е. Я. Рудинской в письме от 14 мая 1919 г. «Прошлым летом мы с ним <Вяч. Ивановым. — *Изд.*> увиделись в Москве и сильно, особенно сильно сблизились, совсем на «романтический» лад, но глубоко искренно. Это мне очень много дало. Мы тогда обменялись стихами, которые я привожу¹ Цитируемое в этом письме стихотворение Иванова «Возврат» датировано: «Москва 1/14 июля 1918».

И. М. Гревсу

Чудесен поздний твой возврат
С приветом дальнего былого
И голоса, все молодого,
Знакомый звук, любимый брат.

И те же темные глаза,
Из коих вдруг вся юность грянет,
Порой по-прежнему туманит
Восторга тихого слеза.

Но дум каких, каких видений
В твоих глазах разлился свет! —
Молчанье... В слове нужды нет
Где есть улыбка упреждений.

Так! Цвет Кашмира не поник
Хоть на Памирах стынут льдины,
И благолепные седины
Пустынный окаймляют лик.

Откуда ты нисходишь, гость?
Не с тех ли пажитей, где снова,
У рек воды живой, былого
Цветет надломленная трость?

(СС III. 529–530)²

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 127 Л. 130–131.

² Стихотворение было опубликовано в сборнике «Свет вечерний» (Oxford, 1962. P. 49–50), который составлялся самим автором в 1946–1947 гг. В комментариях О. А. Шор указывается, что «стихотворение написано в Москве, в 1918 или 1919 г., когда друзьям привелось встретиться после многих лет разлуки», а «напечатано в сборнике “Норд”, Баку, 1926» (СС III. 837). Приводимые нами материалы позволяют установить точную дату.

Встреча состоялась в Москве не ранее 13 июня (письмо Гревса) и не позднее 14 июля (стихотворение Иванова) 1918 г. По возвращении в Петроград Гревс получил «чудный привет»¹ — присланную по его просьбе Ивановым книгу «Нежная тайна» с начертанными на ней вышеприведенными стихами, написанными после встречи в Москве (см. п. 81, примеч. 1 и 2). Сам он в это время собирался на отдых в Калугу, где задержался на целых два месяца и написал оттуда Иванову только 9/22 сентября 1918 г. Свое долгое молчание он объяснял так: «Первое время тело погружено было в глубокую усталость, плод пережитого года, а дух в созерцание; активно действовать был не в состоянии, оттого безусловно никому не писал. А Вам по непростительной, может быть, слабости, душа рвалась ответить "ритмическим подражанием", форма которого воплотилась в мере моей творческой немощи лишь теперь». К письму было приложено посвященное Иванову стихотворение с просьбой принять «скромную лепту на алтарь дружбы» (см. п. 81).

Как видим, письма 1918 г. полны стихами Гревса, который тогда же признавался: «Я теперь в старости гораздо больше люблю стихи, чем в молодости, и погружение в поэзию дает мне и утешения, и вдохновения. Я и сам в старости стал писать стихи, которых совсем не писал в юности. <...> Я, конечно, не поэт, но мне хочется (потребность живет неодолимо) ритмически выразить то, что — самое интимное, что наполняет душу и что не удовлетворяется простою речью» (п. 80).

Спустя несколько лет, в 1923 г., Гревс в очерке «Мои встречи и отношение к Владимиру Соловьеву» вспоминал:

В одну полосу (довольно позднюю) моей жизни я сам стал писать стихи на темы интимных своих переживаний, всегда под покровом любви: я, конечно, отнюдь не претендую на малейший поэтический дар, но неодолимо мною ощущается потребность ритмически выражать самые сокровенные или самые дорогие сердцу чувства. Я иногда дерзал посылать тому же Вячеславу Иванову некоторые мои стихотворения, и он писал мне раз, что чувствует на моих этих вещах влияние поэзии Соловьева. (Он писал: сам Соловьев учился у Фета, а вы питаетесь от Соловьева. Если это верно, как это радостно мне, коли во мне может отражаться хоть малейшим, самым отдаленнейшим образом его дух!) Не могу сказать, как тронули меня, совсем не-поэта, эти слова крупного поэта, облегающие меня, недостойного, с таким привлекательнейшим, любимейшим образом. Я хочу здесь привести одно четверостишие мое (которое, грешен, мне нравится и было одобрено Ивановым), написанное летом 1917 года, под прямым влиянием лирики *dolce stil piuvoc*, но на которое, думается, веял также дух поэзии Соловьева. Пьеса эта озаглавлена мною «Дружба-любовь» <следует текст стихотворения, цитируемого в п. 80. *Изд.*>¹.

Посылая из Калуги в сентябре 1918 г. письмо, завершающее обмен стихотворными посланиями, Гревс выражал надежду на будущее: «Думаю, что обновление нашего союза восстановит постоянное общение, установит равное с обеих сторон свободное и желанное переплетение ответов и приветов» (п. 81). И, как в былые времена, сообщал Иванову о своих занятиях и предметах раздумий — об очаровании Калуги с ее церквями; о работе над книгой о поздней римской империи и над воспоминаниями; о переводе «Жана Кристофа» Ромена Роллана, о чтении лекций местным педагогам (Там же).

Однако свидетельств такого постоянного эпистолярного общения у нас нет. Но нет и уверенности, что в данном случае лакуна в сохранившейся переписке объясняется длительным перерывом в дружеских отношениях (как это было после 1903 г.), а не тяжелыми условиями 1918–1920 гг., которые не могли не отразиться ни на возможностях и способах самого письменного сообщения, ни, в особенности, на сохранности писем. Действительно, следующий сохранившийся документ — письмо Иванова от 15 мая 1920 г. (п. 82) не кажется написанным после долгого перерыва, а скорее выглядит звеном в череде регулярных сообщений. К тому же, из самого этого письма явствует, что корреспонденты перешли на «ты», и перед своей подписью Иванов ставит «любящий тебя всю жизнь».

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 6.

Само же письмо было связано, главным образом, с хлопотами Иванова об отъезде за границу, в которых Гревс деятельно ему помогал. «Дорогой друг, Иван Михайлович, писал Иванов из Москвы. Приношу тебе величайшую благодарность за то, что ты выхлопотал мне академическую грамоту Ты знаешь, как она мне нужна; но в то же время она после инцидента с московским университетом служит мне и реабилитацией. Получение ее было для меня большою радостью. Считаю уместным поблагодарить в прилагаемом письме и лично Сергея Федоровича <Ольденбурга. — *Изд.*> К тому же на свидетельстве нет печати, обстоятельство немаловажное ввиду того, что бумагу придется, б.<ыть> м.<ожет>, показывать консулам: отсюда просьба прислать мне, если возможно, копию с печатью. Выехать мечтаю во 2^ю половину июня...» (п. 82).

Речь шла о документе, который теперь известен¹ В Петербургском филиале архива РАН сохранился рукописный черновик официально выданного удостоверения на французском языке о командировании за границу В.И. Иванова автора многочисленных научных трудов в области классической филологии для научной работы. Сертификат датирован 4 мая 1920 г и подписан Непременным секретарем Российской академии наук академиком С.Ф. Ольденбургом и управляющим делами Академии О. Нордгеймом² Этот сертификат был выдан Вячеславу Ивановичу Иванову в связи с его официальной просьбой, посланной из Москвы 31 марта 1920 г., и на основании протокола заседания отделения исторических наук и филологии от 28 апреля 1920 г..

Литератор Вячеслав Иванович Иванов из Москвы (Б. Афанасьевский пер., 4, кв. 3), от 31 марта с. г. «Нуждаясь для выполнения нижеозначенных научных работ в высоко покровительстве Академии, которое существенно облегчило бы мне доступ в книгохранилища и другие ученые учреждения Запада, особенно затруднительный в настоящее время для русских граждан, прошу Академию не отказать мне в ученой командировке за границу. Эта командировка не потребовала бы ни затрат из сумм Академии, ни ходатайства со стороны последней об отпуске моем в чужие края, так как я уже получил от Комиссариата Иностранных Дел разрешение на выезд из пределов России. Долгом считаю при сем заявить Академии, как это было мной заявлено Народному Комиссариату Иностранных дел, что политическое поведение мое за границей, как лица, не принадлежащего ни к какой партии, будет определяться принципом безусловного воздержания от участия в политических делах и в борьбе политических мнений.

Цели, которые я ставлю себе, предпринимая заграничную поездку, таковы: а) написание подготовляемой мной монографии о творчестве и веке Эсхила, задуманной как оригинальное филологическое, историко-литературное, культурно-историческое и религиозно-историческое исследование, — и в связи с этой работой завершение и усовершенствование полного перевода (размерами подлинника) Эсхильских творений, из коих уже переведены мною трилогия «Орестея» и трагедии «Персы» и «Семь против Фив»; б) составление заказанного мне университетского руководства по истории эллинской религии; в) перевод «Божественной Комедии» Данте, составление сопровождающего перевод комментария». — Положено выдать соответствующее удостоверение на французском языке³

Истории неудачной попытки Иванова выехать в 1920 г с семьей за границу посвящена специальная работа⁴, однако, «инцидент с московским университе-

¹ См. Неизвестное письмо Вяч.Ив. Иванова академику С.Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // НЛО. № 10. М., 1994. С. 255, примеч. 17

² ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 1918. Ед. хр. 12. Л. 137 См. примеч. 1 к п. 82.

³ Подробнее см. Котрелев Н.В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии. С. 497–522.

⁴ Ср. в письме Гревсу: «При мысли о взятом мною на себя деле и радостно на душе, и боязно. Ужели суждено, чтобы я перевел и Эсхила, и Бож <естественную> Комедию? ведь обоих этих поэтов я боготворю... Ужели суждено мне спокойно работать над Дантом в тени его Battistero?.. Не будем глядеть на будущее без надежды!» (п. 82).

⁵ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а 1920. Ед. хр. 168. Л. 249.

⁶ Берд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы // НЛО. № 40. М., 1999. С. 306–313.

том» (п. 82) в ней не упоминается. Официальные документы, относящиеся к этой истории, нам неизвестны, но имеется мемуарное свидетельство Л.Л. Сабанеева¹, по всей видимости, достаточно правдоподобное:

В. Иванов был склонен рассматривать революцию как род стихийного бедствия, и надо было подумать лишь о том, как от этого бедствия избавиться. Сам, в сущности, выученик Западной Европы, проведший в ней всю первую половину жизни, человек высочайшей культуры — он немедленно стал искать «пути в Европу», и вся его советская жизнь была поисками этого пути — поисками, далеко не всегда удачными.

<...> Я вовсе не хочу искажать моего вышеприведенного «иконописного» его портрета, но должен признать, что много было им понаделано в этом процессе своего «замышленного побега» и ненужного, и порой высококомичного, свидетельствующего о его полнейшей практической беспомощности, которая очень даже выжется с «иконописным» моим портретом.

Наконец препятствия были преодолены. Разрешение на выезд было дано. Даны были и чрезвычайно высокие рекомендации от разных почтенных советских учреждений. Но Иванов был все же в тревоге: он решил получить рекомендательные письма от университета, потому что ехал в Западную Европу и рекомендации советских инстанций там могли иметь разве отрицательные воздействия, особенно в те годы.

С этой целью он решил повидать тогдашнего (одного из последних «выборных») ректора Московского университета, моего коллегу П.Н. Сакулина². Об этом свидании мне рассказывал сам Сакулин, и этот рассказ чрезвычайно характерен и для практической неловкости нашего поэта, и для того, чтобы понять, как человек «слишком мудрый» и слишком ученый может наделать глупостей.

Сакулин мне рассказывал, что Вячеслав начал с того, что заявил, что он находится в обладании массы рекомендаций, но только от советских учреждений, и что это его удручает. «Все эти рекомендации для меня суть как своего рода „*prudenda*“ <срамные части тела. *Ibid.*>» (выразился он, как привык, по-латыни), и что он хочет иметь рекомендации от Московского университета как от учреждения, сохранившего (тогда это было еще так) дозу независимости от властей.

Я бы мог быть вам и университету полезен, пояснил Иванов, я бы мог для примера рассказать, как героически ведет университет борьбу с властью за свою независимость... Тут он заметил, что лицо Сакулина не выразило не только никакого восторга, но, напротив, явные признаки беспокойства. Надо помнить, что то были годы решительной и последней схватки университета с властью и что положение самого ректора Сакулина было более нежелезистое (он был «выборный ректор», сторонник автономии и член партии народных социалистов, большевиками ненавидимой).

Заметив это, Вяч. Иванов продолжал совершенно спокойно:

Ну, если вам это не подходит, я могу сделать там доклад о том, как университет успешно и плодотворно сотрудничает с новой властью... Тут уже его прервал Сакулин:

Вячеслав Иванович! Университет не есть фиговый листок для прикрывания ваших «*prudenda*»!

И аудиенция на этом оборвалась. Встретились два мира: политический и поэтический, друг другу чуждые и воспринимавшие события совершенно по-разному. Глубоко ученый и мудрый в своей области, Вяч. Иванов был по-детски наивен, когда касался тех вопросов, которые его никогда не интересовали или если интересовали, то абстрактно. На всякого мудреца довольно простоты — это необходимо для равновесия и справедливости³.

¹ Леонид Леонидович Сабанеев (1881—1968) — музыковед, музыкальный критик, композитор; окончил не только консерваторию, но и физико-математический факультет Московского университета. В своей книге воспоминаний о Скрябине (1925 г.) он касался взаимоотношений Скрябина и Иванова.

² Павел Никитич Сакулин (1868—1930) — литературовед, председатель Общества любителей российской словесности, никогда ректором Московского университета не был. Эту должность в 1919—1920 г. занимал М.М. Новиков, который в апреле 1920 г. был арестован по делу о так называемом «Тактическом центре», но через 13 дней освобожден. В ноябре того же года он ушел в отставку в связи с реорганизацией управления университетами. Некоторое время продолжал работать на физико-математическом факультете, но в 1922 г. в составе большой группы представителей русской интеллигенции был выслан в Германию.

Возможно, разговор Иванова с Сакулиным происходил как раз в апреле 1920 г., когда ректор Новиков находился в заключении.

³ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / Сост., предисл. Т.Ю. Масловская; коммент. С.В. Грохотов. М., 2004. С. 148—150.

Детали и даже самый факт подобного разговора Иванова с ректором Московского университета — возможно, более или менее свободная фантазия мемуариста (ср. С. 391, примеч. 2), но логика ситуации воспроизведена совершенно верно: мемуарная запись прямо перекликается с протоколом заседания Общества любителей российской словесности, на котором 16 мая 1920 г. в круглом зале Правления Московского университета оно прошло с Ивановым и Бальмонтом, уезжавшими за границу, прошалось, несмотря на задержку паспортов. При этом слова, сказанные (согласно рассказу Сабанеева) Ивановым Сакулину, явственно слышатся в приветствии сего последнего, явно стремившегося публично поддержать своего недавнего собеседника. «Ураган революции не застал врасплох тех, кто верил в призывный клич “вперед”, поэты шли вместе с народом. Теперь душа жаждет свободы и покоя, тишины интимного самоуглубления. Их душа пилигримка. <...> Они снаряжаются в путь от наших “горящих зданий” Там, на чужбине, они расскажут, как на севере восходит солнце свободы, расскажут, чем мы живы и чем мы слабы. Они вернуться. Залог возвращения в их любви к родной речи, к родной природе»¹

Одна из версий объяснения, почему отъезд за границу тогда так и не состоялся, приведена в воспоминаниях дочери поэта:

В начале 1920 года, благодаря покровительству Луначарского, были выданы командировки за границу Бальмонту, Вячеславу и другим. Наш случай был особенно исключительным, т.к. командировки с семьей обычно не давали. Все было уже организовано и даже назначен день отъезда, кажется, в мае месяце. Вера и все мы мечтали об отъезде в Швейцарию, в Давос. Мы верили, что там она сможет вылечиться от легочного процесса. <...>

Когда Луначарский выхлопывал командировки Бальмонту и Вячеславу, он попросил их дать ему лично честное слово, что они, попав за границу, хотя бы в первые один или два года не будут выступать открыто против Советской власти. Он за них рвался. Они оба дали это слово. Но Бальмонт, который выехал первым, как только попал в Ревель, резко выступил против Советской России. В результате этого выступления Бальмонта командировка Вячеслава была аннулирована. Помню трагическое лицо Веры... когда она узнала эту весть.

Это смертный приговор.

Последняя ее надежда на выздоровление в Давосе рушилась²

Приведем официальный документ — ответ Особого отдела ВЧК на настоятельную просьбу Иванова от 18 июля 1920 г. выпустить его с умирающей женой на руках за границу, направленную Н. К. Крупской и переадресованную ею в ВЧК.

¹ См.: *Котрелев Н. Иванов — член Общества любителей российской словесности: (Вячеслав Иванов и советская цензура) // Еуропа orientalis. 1993. N. 1 (XII). P. 331–334; ср. там же острое выступление Бальмонта, которому заграничный паспорт, однако, был вскоре выдан: «Вспоминания начало 90-х годов, думаешь с ужасом о том времени, о эпохе безлюдья, когда люди были так же редки, как цветы на морском берегу. Между тем временем и нашим — странный параллелизм, противоречие и сходство. Тогда и теперь бесправие, и часто чувствуешь, что не к кому обратиться, когда душа кричит. Тем более я счастлив, что меня и моего старшего брата В. Иванова так дружески приветствуют. Особый отдел ВЧК задерживает наш отъезд. Но мы уедем. Мы увидим вольную Италию, где люди дышат, где, созидавая, перерабатывают, а не только ломают. И в этом здании, где, невзирая ни на что, люди работали при температуре ниже 0°, с особой силой чувствуешь, что все преходяще, что рабий лик изменится, и наука снова будет свободна, как она была свободна в самые тяжелые времена прошлой жизни России».*

² *Иванова Л. Воспоминания. С. 85, 86. 28 июля 1920 г. А. В. Луначарский писал В. И. Ленину (в связи с тем, что «Бальмонт скомпрометировал себя с советской точки зрения»): «Мне кажется нерациональным задерживать <...> Вяч. Иванова, которому заграничная поездка обещана давным-давно, у которого страшно больна жена и который много раз своей честью заверял, что ни в коем случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской Республики. Еще с Бальмонтом я мог допустить, что он что-нибудь сбрендул, что же касается В. Иванова, то это человек гораздо более сдержанный и последовательный» (ЛН. Т. 80. В. И. Ленин и Луначарский: Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 207–208). — См. также: *Берд Р., Иванова Е. Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 55–56.**

Мы полагаем, что Вячеславу Иванову нельзя дать заграничного паспорта по следующим соображениям: 1. Вяч. Иванов во всех своих официальных выступлениях (в деловых заседаниях, диспутах и т.д.) старается подчеркнуть свою аполитичность и защищает всегда независимость литературы и искусства от государственной власти — в то же самое время, в своих частных беседах с людьми его лагеря он достаточно резко высказывается противником коммунизма вообще и настоящего советского строя вообще. 2. Известно со слов самого Вяч. Иванова, что он запаса мандатом от группы профессоров или на тот случай, если та или иная страна его не впустит с советским паспортом, или для того, чтобы проехать с профессорским мандатом, таким образом себя не компрометируя перед европ<ейским> «общественным» мнением. Кроме того, этот мандат был выдан ему с той целью, чтобы он сообщил европ<ейскому> общ<ественному> мнению о положении ученых и литераторов в Советской России¹.

Документ был подписан 24 июля 1920 г. В.Р. Менжинским, с начала 1900-х гг дружившим с М.А. Кузминым и Ю.Н. Верховским — друзьями Иванова. Осведомленность Особого отдела впечатляет! Судя по цитированному выше протоколу, Общество любителей российской словесности выдало Иванову рекомендацию для зарубежных научных заведений, которую, в отличие от соответствующего документа, выданного Академией наук, обнаружить не удалось. Один из этих двух «мандатов» или оба — по всей вероятности, и имел в виду Менжинский.

Во всяком случае, разрешение на выезд тогда не дали. 8 августа 1920 г скончалась Вера Константиновна, которой едва минуло тридцать лет. «В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой² дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку», сообщал Иванов в письме С.Л. Франку от 3 июня 1947 г.³

Так Иванов оказался в Баку, где стал профессором университета по кафедре классической филологии⁴. Из Баку 12 мая 1922 г и было написано последнее его письмо Гревсу («Дорогой друг, Иван Михайлович! Меня грустно тянет окликнуть тебя... Редчайшие встречи, далекая переключка сердец вот наше общение. Живы ли мы оба еще?» — п. 83). Очевидно, писалось оно после большого перерыва: в нем подробно рассказано и о том, «как прервалась... песня» поэта⁵ со смертью Веры, и о жизни его и детей в Баку, и об университете, и о новых хлопотах о выезде за границу, и в связи с этим о надежде на помощь Гревса («Прошу за границу, обещают, говорят денег нет. Кстати, если бы Академия опять прислала мне бумагу о командировании за границу, как тогда, когда ты мне в этом дружески помог, это бы увеличило мои шансы» Там же).

С просьбой о содействии Иванов обратился и напрямую к С.Ф. Ольденбургу, направив ему с оказией, через ректора Бакинского университета, письмо, датированное 6 июля 1922 г. После рассказа о бодрой, невзирая на лишения и неблагоприятные условия, работе университета и просьбы к Академии о высылке необходимых книг по филологии, он перешел к своим личным просьбам:

Через Ивана Михайловича Вы любезно выслали мне бумагу от Академии (от 4 мая 1920 г за № 417)⁶, приказывающую обеспечить мою научную работу за границей; но заграничная командировка моя, волею судеб, не могла осуществиться, в Москве нашли, вопреки мнению

¹ Цит. по: Берд Р. Ук. соч. С. 311.

² Ср.: «После смерти Веры на Вячеслава напал ужас от мысли оставаться еще другую зиму в Москве. Он попросил на службе командировку, раз нельзя в Италию, то куда уютно на юг, где не нужно будет больше видеть снега, где все другое» (Иванова Л. Воспоминания. С. 86).

³ Франк В.С. Переписка С.Л. Франка с Вяч. Ивановым // Мосты. Вып. 10. Мюнхен, 1963. С. 363.

⁴ См.: Котрелев Н.В. Вячеслав Иванов профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXI: Литературоведение. Тарту, 1968. С. 326—329. (Уч. зап. Тарт. ГУ Вып. 209).

⁵ Стоит заметить, что здесь Иванов единственный раз в переписке с Гревсом (если не считать перевода из Горация в п. 22, 24) приводит свои стихи.

⁶ См. примеч. 1 к п. 82.

А. В. Луначарского, что «культурных сил из России за границу отдавать нельзя» etc. etc., — одним словом, меня за границу не пустили, предоставили возможность выезда на Кавказ, и вот, я оказался профессором в Баку. Здесь мне давно обещали заграничную командировку, но не хватает денег; я довольствуюсь в этом отношении *minimum* и не теряю вовсе надежды на заграничный годовой отпуск для работ по Эсхилу и греческой религии¹. Мне было бы важно подтвердить мое и университетское в мою пользу ходатайство командировкою от Академии наук, от коей мне желательно было бы получить возобновление прежней командировки, ибо предыдущая не могла быть использована. Быть может, по изменившимся обстоятельствам, Вы могли бы найти какой-либо путь облегчения действительной реализации таковой командировки, для меня важной поистине существенно, через Петербург и Москву. Такова моя особливая просьба к Вам, за прямое изложение коей приношу Вам, к чьей доброте я так откровенно прибегаю, глубочайшее извинение, если нарушаю при этом пределы того, что подлежит собственно Вашему ведению и влиянию. Прошу Вас передать от меня дружеский привет Ивану Михайловичу, которому я недавно писал...²

Хлопоты, как казалось, увенчались успехом. По крайней мере, это явствует из дневниковых записей М. Альтмана за 1922 г. «19 октября. Позавчера ночью В.<ячеслав> мне неожиданно сообщил, что получил телеграмму из Москвы от Александры Николаевны Чеботаревской, что Луначарский советует ему приехать в Москву. Это значит, что письмо В.<ячеслава> к Луначарскому с просьбой содействовать отправке его за границу возымело действие и вот через две недели В.<ячеслав> собирается в Москву, чтоб оттуда выехать в Германию. Это известие меня как громом поразило, я никак не ожидал его отъезда раньше весны, и согласно этому был построен весь мой план занятий этого года... 14 ноября. <...> В.<ячеслав> вопреки своим «сборам» вновь остался в Баку и пребудет здесь, вероятно, до весны»³.

Возможно, намерение Иванова обратиться к Гревсу — одному из немногих оставшихся еще у него на родине академических знакомых — содействием в деле организации заграничной командировки и послужило толчком к написанию письма от 12 мая 1922 г., но не более того: характер письма дружеский, даже интимный («Последнее наше свидание источник постоянной радости моей при воспоминании о нем»), а в конце его вставлена формула, почти дословно повторяющая ту, которой некогда завершались письма Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «Обнимаю тебя, как люблю» (п. 83).

То, что Иванов написал столь подробное и доверительное письмо из Баку именно Гревсу, должно быть, объяснялось не просто неизменностью дружбы, испытанной десятилетиями⁴, но и тем, что очередной жизненный поворот вывел Иванова как раз на то поприще, к которому он готовился, когда дружба с Гревсом только зарождалась, и теперь вдруг ожила ее первооснова — занятия наукой, прежде всего филологией, в роли университетского профессора:

Мне говорят, что у меня призвание быть академическим учителем, и в самом деле кафедра — лекции, семинарий, направление т<ак> наз<ываемых> «научных сотрудников», т. е. оставленных при университете для приготовления к докторскому экзамену и написания диссертации, — совсем по мне, по моему вкусу, по моему зрелу. <...>

¹ См. выше: С. 390, примеч. 3.

² Цит. по: Неизвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С. Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // ИЛО. № 10. М., 1994. С. 254—256.

³ Альтман М. С. Разговоры... С. 62, 63.

⁴ О прочности чувств Иванова к Гревсу свидетельствует между прочим и то, что ния последнего не раз возникало в беседах с Альтманом. Помимо упоминавшегося сравнения Гревса и Романа Роллана (см. выше: С. 384, примеч. 2), приведем еще одну запись, датированную 20 сентября 1921 г..

— Слышали Вы о смерти Гумилева?

— Нет, не о смерти, а об убийстве гнусном, отвратительном. Его убило ЧК по обвинению в каком-то контрреволюционном заговоре (человек 60 всего убили, называют профессора географии Таганцева, Попова, даже (но я не верю — было бы слишком ужасно) Гревса)» (Альтман М. С. Разговоры... С. 89).

Будущее совершенно неизвестно. Не век же сидеть в Баку, как мне ни нравится этот удивительный, отчасти экзотический, именно персидский город. Поеду ли, как прошусь, в Германию и Италию, Бог весть. Одно знаю: надоело мне быть литератором и пером добывать деньги (п. 83).

Трудно себе представить, чтобы Гревс не ответил на такое письмо, но в фонде Иванова в РГБ его писем после 1918 г нет.

Несколько лет назад Дмитрий Вячеславович Иванов передал Г.М. Бонгард-Левину из Римского архива отца копию последнего из известных писем Гревса: это почтовая открытка, отправленная 13 августа 1924 г из Киева на временный адрес Иванова в Москве, где тот провел несколько месяцев перед отъездом в Италию. В Киеве судьба столкнула Гревса с коллегой Иванова по Бакинскому университету В.М. Зуммером (о нем см. примеч. 2 к п. 84), сообщившим последние новости, получив которые, Иван Михайлович поспешил написать в некотором смысле прощальное письмо:

Вспоминаю я тебя часто, но тут вспомнил особенно ярко долгую летопись нашего знакомства и дружбы. Он <Зуммер> мне рассказал много о тебе, о горьком, но и радостном, что пришлось пережить тебе за эти годы. Особенно порадовал меня он вестью о том, что ты едешь в Италию. Счастлива за тебя и заранее представляю себе, как много ты опять от нее получишь в форме воспоминаний, новых восприятий и вдохновений. От всей души желаю тебе хорошего там пребывания. <...> Не знаю, удастся ли мне с тобой еще раз свидеться, но хорошо, что жизни наши встретились глубоко несколько раз (п. 84).

Увидеться Гревсу и Иванovu больше не пришлось. В конце августа 1924 г Иванов с семьей уехал в Италию, где провел еще почти треть своей долгой жизни и умер 16 июля 1949 г в Риме. Гревс остался в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, многое пережил (в 1923 г его изгнали из университета, в 1929 г он был на грани ареста, только в 1934 г смог вернуться в университет) и умер 16 мая 1941 г.

Известная нам переписка Гревса и Иванова завершается 1924 г., и нет оснований предполагать, что она продолжалась. И все же одно неожиданное продолжение она имела: в течение нескольких месяцев 1932 г Гревс получил от первой жены Иванова Д.М. Дмитриевой четыре письма (п. 85—88), в которых она, чувствуя приближение смерти (умерла она в Харькове 22 июля 1933 г.), спешила рассказать Гревсу то, что могло бы оказаться важным «для имеющих родиться филологов» (п. 85), которые будут заниматься изучением творчества поэта. Она обратилась именно к Гревсу, зная его чувства: «Вы любите В.<ячеслава> И.<вановича>, и его дела Вам близки к сердцу. Только о его делах я и буду писать Вам...» (п. 86).

В известном смысле, эпилогом многолетних дружеских отношений можно считать статью Гревса «О культуре (Мысли при чтении “Переписки из двух углов” Вяч. Иванова и М.О. Гершензона)», написанную в 1921 г для какого-то журнала, но оставшуюся неопубликованной¹. Книга эта, ставшая частью общеевропейской дискуссии о «кризисе культуры» и «кризисе гуманизма» одна из наиболее известных в наследии Иванова философа культуры. В своей статье Гревс приветствует тот факт, что «поднято знамя с образом культуры в такую пору» и замечает, что «интересно прислушаться, что мыслят о ней два выдающихся писателя <...> Один замечательный поэт, т.е. творец культуры, другой ее испытанный историк, оба философы, т.е. ее истолкователи»².

«Спор о культуре» авторов «Переписки из двух углов» Гревс комментирует следующим образом: «Почему разошлись в такой первооснове два крупных представителя нашей современной культуры? <...> Но можно успокоиться: это толь-

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 270. 36 л. Ср.: Картун В.П., Сешников А.В. Третий угол: (И.М. Гревс в пространстве «Переписки из двух углов» В.И. Иванова и М.О. Гершензона) // История и историки. М., 2001. С. 175—186.

² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 1.

ко видимость. Оба автора в сущности солидарны... Это они выбрали удобный литературный прием, чтобы выявить, заострить антинормии в природе культуры и в ее раскрытии, обнаружить коллизии в ее судьбах... Иванов блюдет веру в незыблемость культуры во все времена, хранит почитание ее абсолютных, бесконечных вершин. А Гершензон является искателем ее постоянного обновления... Ему душно не в культуре, а в ее кризисе или, как Иванов говорит, в ее «грехопадении»¹. «Борьба против «грехопадения культуры» идет через откровение Бога», — полагает Гревс, замечая, что «этот спасительный путь прекрасно укажет в нашей литературе сильная группа религиозных философов. Она идет от Вл. Соловьева»² Наиболее выдающимися представителями этого направления Гревс называет С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Н.О. Лосского и «нашего поэта Вяч. Иванова».

Длившаяся более тридцати лет и запечатленная в письмах дружба Иванова и Гревса яркая страница в истории русской культуры, независимо от того, развивалась ли та в России или за ее пределами³ Название нашей книги «История и поэзия» закономерно еще и потому, что и одна, и другая — грани единого творчества.

*Г.М. Бонгард-Левин
Н.В. Котрелева
Е.В. Ляпустина*

¹ Там же. Л. 3–4.

² Там же. Л. 24.

³ См.: Бонгард-Левин Г.М., Каганович Б.С. Вячеслав Иванов и Иван Гревс: (история дружбы, запечатленная в письмах) // Человек. Наука. Цивилизация: К семидесятилетию академика В.С. Стёпина. М., 2004. С. 647–678.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

<ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА ИТАЛИА>

Вячеслав Иванов.
<Волшебная страна ITALIA>

В дополнение к переписке Вячеслава Иванова с И. М. Гревсом мы публикуем наброски очерков Иванова об Италии, отражающие его первую встречу со страной, в которой он прожил большую часть своей сознательной жизни, которая стала ему второй родиной и местом упокоения.

Только два очерка из четырех были в какой-то мере закончены, два других нам известны в неотработанных черновиках и набросках, которые время разбросало по разным архивохранилищам. И тем не менее единство замысла и даже порядок следования очерков в авторской публикации (если таковая замышлялась) очевидны. Реалии, стоящие за ними, хорошо очерчены Ивановым в его «Автобиографическом письме» к С. А. Венгеру, датированном январем—февралем 1917 г..

В 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров и напутствуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиком Ницше, о котором начинали говорить. <...> В парижской Национальной библиотеке, правильно мною посещаемой, познакомился я с И. М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий римскою историей последовала и душевная дружба. Он властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться. Ни с чем не сравнимы были впечатления этой весенней поездки в Италию через долину разлившейся Роны, через Арль, Ним, Оранж с их древними развалинами, через Марсель, Ментону и Геную. После краткого предварительного пребывания в Риме мы пустились в путь дальше, на Неаполь, и объездили Сицилию, после чего надолго сели в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя до некоторой степени римлянами¹

Поразительно сходно описывал свое путешествие Иванов за четверть века до того в письме-отчете к О. Гиршфельду, у которого учился и писал диссертацию в Берлинском университете: «Я решил ... предпринять давно желанное паломничество в Италию. Я выбрал путь через Вашу provincia — имею в виду Южную Францию — и посетил, правда, наскоро Лион, Вьену, Оранж, Ним вместе с Pont du Gard, Арль, Марсель. В первый раз (если не считать давней поездки в Трир) стоял я на земле классической древности², посреди остатков римской культуры; в первый раз увидел я и благословенный юг»³.

Публикуемые наброски представляли собою попытку положить на бумагу «впечатления этой весенней поездки в Италию»⁴. Думается, датировать предаваемые печати наброски не следует позже, чем весной—осенью 1892 г., когда Иванов, жадно оглядывая Италию от Генуи до южной оконечности Сицилии или оглядев ее (22 сентября / 4 октября 1892 г. Иванов, как это видно из п. 5, уже больше недели, как осел в Риме, завершив многомесячное путешествие), захотел рассказать о своей встрече с «волшебной страной Италией», начав издавека, с

¹ Иванов Вяч. Автобиографическое письмо. С. 19.

² М. Вахтель отметил, что тут Иванов цитирует, не называя, предполагаемый общеизвестным источником выражение из пятой «Римской элегии» Гете (*Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison (Wisconsin), 1994. P. 36*).

³ См. примеч. 15 к п. 7

⁴ Разумеется, Иванов имел возможность не раз посетить Pont du Gard и позже (о чем никаких сведений у нас, впрочем, нет), однако несомненно, что публикуемые рукописи отражают именно первое путешествие через Прованс. Об этом говорит и специфическая интонация неофита, столь не свойственная зрелому Иванову, и стилистическая простота рассказа (следует заметить, что автор при отделке текста, как правило, идет от простого к сложному, что раскрывает выbranную Ивановым стратегию стилистического развития).

подступов к ней, где явились глазам странника «след и несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие». Работа была заброшена в самом начале, и никаких оснований предполагать, что Иванов возвращался к ней позже, у нас нет.

Общее заглавие к публикуемым фрагментам взято из рукописи одного из них, — того, где описывается встреча с римским миром еще не в Италии, а в римской провинции французском Провансе. Лицевая страница первого листа этой рукописи оформлена как обложка или титульный лист: сверху, с небольшим спуском и центральной выключкой, акцидентным контурным шрифтом было написано первоначальное название того текста, который должен был заполнить тетрадь: ITALIA. Выписав это слово, Иванов принял решение изменить заглавие и слева стал приписывать к первоначальному, тем же контурным шрифтом (но тут прописною оказалась только первая буква, остальные были строчными) эпитет: Волшебная; в последний, вероятно, момент, заголовок осложнился еще более и уже наискось вверх над словом «Italia», частично поверх его первых букв, выписано слово «страна», так что заголовок принял вид: Волшебная страна ITALIA¹.

Весьма знаменательно, что панорамный заголовок не соответствует по содержанию очерку, при котором сохранился. Конечно, тот факт, что все прочие известные нам фрагменты находятся в Москве — только механическая случайность, объясняющаяся превратностями судьбы ивановского архива (см. ниже, общее примеч. к очерку <«Pont du Gard»>), но и тут важно подчеркнуть, что даже в московском архиве поэта занимающие нас рукописи хранились без внешней связи одна с другою, почему Ал.Н. Чеботаревская и могла одну часть увезти в Петроград, тогда как две другие, дневник 1892 г и рукопись очерка <«Этна»>, остались в Москве. Важнее иное: работа над очерками «Мессина» и «Таормина» велась в тетради путевого дневника 1892 г., где они примыкают в хроно-топографическом порядке к записям о предыдущих отрезках пути, а работа над <«Pont du Gard»> была начата вне пределов дневника, как дополнение к нему, когда невозможно было вставить эти заметки туда, где им надлежало бы находиться в последовательности путешествия. Из этого мы должны сделать вывод, что очерк о знаменитом римском акведуке был задуман автором как вводный к ряду других, рассказывающих уже о римской Италии.

Для кого писались эти очерки? Трудно не заметить, что повествование Иванова подразумевает внешнего адресата. Оно сильно беллетризовано, просто, может быть, даже упрощенно по содержанию и стилистике; его можно было бы представить помещенным на страницах толстого журнала, скорее даже в газете. Но и фиксацию для собственной памяти — в стилистике газетного очерка исключить нельзя. Литературная работа раннего, «пренатального» Вяч. Иванова не только не изучена, но еще и не выявлена сколько-нибудь полно, и мы откладываем обсуждение вопроса о читательском предназначении печатаемых очерков — на будущее.

Что можно сказать о жанре публикуемых текстов? Ответа однозначного у нас нет. Весьма вероятно, что их первоначальный замысел возник в рамках дневника, который Иванов начал вести, отправляясь из Парижа в Италию. По крайней мере, наброски и черновики «Мессины» и «Таормины» находятся именно в дневниковой тетради 1892 г., с которою нам необходимо познакомиться внимательно.

Она хранится в московской части ивановского архива (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14). Тетрадь парижского производства (на нижнем форзаце типографская надпись: *Paréterie des étudiants et de l'Odéon || Chélu et Bénard*). Сравнение ее с другими дошедшими до нас рабочими тетрадями Иванова (совсем простыми и дешевыми, деловыми ср. в частности, ниже описание тетради, где содержится беловик очерков Мессины и Таормины) показывает, что в данном случае был

¹ ИРЛИ. Ф. 607 № 221. Л. 1.

выбран материал для создания особо важного текста, каковым задумывалось описание странствия по Италии: эта тетрадь, скорее даже альбом, изготовленная, вероятно, вручную, выглядит парадно картонный переплет («библиотечный» без уголков, но корешок ледериновый) поволочен «мраморной» бумагой, черно-желтой (возможно, она была бело-черной, но пожелтела), розовые форзацы; бумага не линована¹

Тетрадь толстая, что также свидетельствует о ее парадной «важности», всего в ней 170 листов. Однако 120 из них остались чистыми — по мере заполнения тетради она все более превращалась в черновик, а когда Иванов дошел до описания своих сицилийских впечатлений, по всей вероятности, был оставлен и самый замысел, а вместе с ним и тетрадь: записей после сицилийских очерков нет, беловик же рассказов о Мессине и Таормине мы находим в другой тетради, работа над описанием посещения Pont du Gard и также незавершенным, по-видимому, очерком об Этне вообще велась на неброшюрованных листах писчей бумаги и в основном журнале путешествия отражения не получила, а описания дальнейших этапов нам неизвестны вовсе.

В этой тетради содержатся записи о последовательных этапах приближения Иванова к Риму, о встрече с Вечным городом и дальнейшем углублении в историю не только его империи, но уже и Великой Греции: Вьена (Л. 2–11 об.), Ним (Л. 11 об.—19 об.), Рим (Л. 20–20 об.), Мессина (Л. 22–30 об.) и Таормина (Л. 31–50). Следом за римской записью аккуратно вырезаны два листа дневника, удаленные листы несомненно несли на себе текст — по срезу видны остатки букв (еще один лист вырван, неаккуратно, после 24-го листа, но и тут на корешке сохранились остатки букв).

Последние фрагменты имеют собственный шмуц-титул «Сицилия» (Л. 21). Текст обоих очерков изобилует поправками, оба имеют сохранившиеся тут же первоначальные варианты — Иванов работал над ними достаточно напряженно.

Начинается дневник с весьма подробного отчета об отправлении семьи Ивановых из Парижа, причем события описываются именно как подробности семейной жизни, совершенно непонятные стороннему читателю (отправка забытых вещей в Берлин, который Иванов еще мыслит, несомненно, как центр своей жизни в Европе; частности отношений с парижскими квартирными хозяевами и т.п.). Очевиден сутубо дневниковый и интимный характер текста; ближе к концу, однако, дневниковая установка уступает место намерениям создать деперсонализированный путевой очерк. Пример такого изменения замысла мы видим в публикуемых главах². Знаменательно, что, будучи вынесенными из общей тетради, заметки о Мессине и Таормине получают порядковую нумерацию I и II, как члены некоего целого, нам не известного (возможно, этот факт следует соотносить с тем, что в черновике им предшествует, как уже сказано, шмуц-титул «Сицилия» — замысел собственно очеркового текста является при смене местонахождения). С одной стороны, сплав дневниковых и очерковых тактик характерен для «Итальянского путешествия»

¹ Возможно, не случайно то, что первая запись (Л. 2–11 об.) сделана «торжественными» красными чернилами.

² Обратим внимание, например, на то, как изменяется даже фиксация точки зрения в последнем абзаце мессинского очерка — вместо привязки ее к конкретному наблюдателю дается картина, воспринимаемая неизвестно кем (сняты местоимения первого лица): «Море окружает [нас] мажк почти с трех сторон, и с трех сторон доносится [до нас] вверх торжественный шум прибоя, производя неизъяснимое впечатление». С другой стороны, сравнительно с черновой версией (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 22–31), в этом варианте опущены некоторые бытовые подробности (описание головных уборов итальянских солдат, уничтожительная характеристика мессинцев и т.п.) — текст стремится к вневременной и величичной обобщенности. Заглядывая на десятилетия вперед, можно было бы усмотреть в этой особенности текста не только фундаментальную опцию ивановского стиля, но прообраз его гносеологической установки *a realibus ad realiora*.

Гете, бывшего прямым образцом для Иванова. С другой стороны, если принять предположение о предназначенности очерков (хотя бы в замысле) для печати, естественным представится именно стремление снять нарочитую привязку к сиюминутному личному опыту в угоду рутине газетной и журнальной культуры.

Пожалуй, именно о смене жанровых ориентиров свидетельствует четко выстраиваемая связь между очерками (курсив наш, кроме выделения слова «фьюмары», принадлежавшего Иванову): «Дорога ведет по узкой береговой полосе между морем справа и Пелорской горною цепью слева. Горы отчасти буры и обнажены, отчасти заросли маслинами и кактусами. <...> Роскошная темно-зеленая полоса густых апельсиновых и лимонных садов занимает узкую равнину между высотами и морем. Сады перемежаются виноградниками, также подобными садам, потому что лозы висят в них гирляндами между обвитых ими древесных стволов. <...> Изредка плодородная полоса прерывается широкою фьюмарою, усеянную мелкими белыми камнями: это высохшее русло весеннего горного потока» (окончание «Мессины») «Дорога в Таормину ведет снова по плодородной береговой полосе между морем и Пелорскими горами. По мере удаления на Юг, горы становятся выше, каменистые фьюмары многочисленнее и шире» (первые две фразы «Таормины») «Скоро мы покинули несравненную Таормину. Мы нетерпеливо стремились скорее достигнуть самой Этны и увидеть извержение» (последние две фразы «Таормины») «Представ нам однажды, могучий силуэт Этны надолго сделался нашим спутником» (Начало «Этны»)¹ Из дневниковой связи повествования, определяемой внешним численником, Иванов переходит к связности книжного типа, построенной на системе тематических подхватов² То, что два законченных сицилийских очерка были перебелены в новую тетрадь, говорит, вероятно, в пользу предположения об отказе Иванова от дневникового жанра в пользу очеркового (а отсутствие общего заглавия на первом листе тетради указывает на колебания автора в определении объема цикла, который мог бы включать в себя только «Сицилию» поскольку «Мессина» получила порядковый номер один, или же, напротив, описание итальянского путешествия в целом и т.п.).

Дневник Иванова оказался крайне отрывочным. Но две записи для нас весьма важны и интересны. Прежде всего первая, сделанная уже в дороге, с пометкою «Вьенна, 10 февр.<аля> / 29 янв.<аря> Среда». Иванов описывает предыдущий день, день отъезда, «полный хлопот» настолько, что, «нельзя было даже зайти еще раз в Лувр, с которым я простился в воскресенье», «до последней минуты мы не знали, успеем ли мы выехать», сюда же примешиваются события мрачные, особенно первое для Иванова, как известно, чрезвычайного поклонника кошек³ «Новорожденный котенок <квартирных хозяев Ивановых. Изд.>, названный русским именем, умер

¹ Следует, однако, оговориться: в излаваемом нами автографе текст начинается сверху страницы без спуска и без абзацного отступа, что может означать, что публикуемый фрагмент имел начало, нам неизвестное.

² В этой связи необходимо заметить типологическое подобие прочим очеркам зачина очерка «<Pont du Gard>». Приступ «Издальска завидел я цель моей прогулки...», которым открываются все три известные нам варианта этого текста, резко вводит читателя in medias res и предполагает объяснение мотивации путешествия либо предпосланным этому рассказу (в некоем объеме предисловии или в концовке предыдущего очерка и т.п.), либо возникающим по его ходу. Ничего подобного в нашем распоряжении нет, однако мы должны предположить подобную мотивацию в замысле автора, оставшуюся неположенной на бумагу.

³ Между прочим, в рассматриваемом дневнике (в начале тетради) имеется вложение (Л. 1а) рисунок с подписью: «Gatto <кот (итал.)». Изд., играющий на мандолине». Автограф и рисунок, принадлежат, кажется, Иванову. И самый шуточный характер рисунка, и связь его с общеизвестной привязанностью Иванова к кошкам, и увлечение Дарьи Михайловны мандолиной (о чем не раз упоминается в переписке Иванова с Гревсом) заставляют думать о том, что это не случайное, механическое вложение, а органический фрагмент дневникового текста.

перед нашим отъездом. Подле вокзала наша карета раздавила до смерти собаку какого-то итальянца». Упомянут и тот, кто «властно указал» Иванову «ехать в Рим»: «Гревсу было невозможно прийти, он был пополудни. <...> Днем мы окончательно решили ехать через Нишу; напрасно Гревс советовал противное». Но важнее всего последние фразы этой записи, из которых видно, сколь важно для Иванова событие: «Отправляясь, волнуясь, но бодр и весел. В воскресенье состояние духа было, вследствие предстоящего отъезда, совершенно подавленное. Когда поезд трогается, я чувствую, что я счастлив и заявляю это. Поездка эта, мнится, будет иметь для меня какое-то чрезвычайное значение»¹ Нужно иметь в виду, что речь идет о переживаниях, связанных с отъездом именно в Рим, чтобы лучше оценить высокую правдивость «Автобиографического письма» Иванова, процитируем соответствующее место еще раз: Гревс «властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться».

Вторая запись о первой встрече с Городом:

Рим

Несмотря на бессонную ночь в вагоне, я, конечно, тотчас бросился бежать по улицам, пошел на Монте-Пинчио — видеть общий вид города, к крепости Ангело², в церковь св. Петра³, в Колизей, на форум, на Капитолий и т.д. очень устал физически и еще более нравственно, и возвратился настолько смущенный и, так сказать, сбитый с толку, что не мог бы даже выразить и определить своих ощущений. В новой оболочке, покрывшей старый Рим, многое болезненно неприятно меня поразило. Глаз открывал повсюду много прозы, много безвкусицы. Неожиданно и часто неприятно поражал, после Парижа, известный отпечаток провинциализма. И рядом с этим вдруг так много поэтически-своеобразного, неожиданно-живописного. Но прежде всего повсюду внезапно поднимаются такие величественные остатки старины, такие памятники, такие развалины, которые вдруг могущественно потрясают душу. Многие из них так знакомы по книгам и рисункам и так новы и неожиданны в своем реальном явлении! Все эти впечатления так сильны и так непохожи одно на другое, что душа устает и чувствует себя бессильной. Мне стало почему-то печально. Еще не можешь примирить всех этих звуков, составляющих как бы дисгармонию. И вместе с тем уже сознаешь, что все это вместе, в самой дисгармонии, прекрасно и стройно. Начинаешь убеждаться, что Рим далеко еще не испорчен новою прозой, что это лишь незаметные пятна на великой картине. Вообще. Рим произвел на меня первое впечатление подобное впечатлению от очень хорошей и очень трудной, серьезной музыки. Еще не успел понять ее и не заметил даже большую часть ее красот, но уже успел полюбить ее, уже угадываешь ее великий смысл и почувствовал в душе еще неопределенное и темное, но уже глубокое и необычное содрогание. В конце дня я был, как говорю раньше, совсем утомлен нравственно. Зато, со следующего дня, с теплыми, летними лучами солнца, с голубым прелестным небом, началось мое радостное восхищение всем, что я встречаю здесь на каждом шагу. Все стало несравненно и мило. И каждый новый день все увеличивает мое восхищение. Так хорошее произведение искусства все более нравится, чем более с ним сближаешься. Я уже теперь понимаю, что в первый день я был почти слеп⁴.

«Избыток благоговейных чувств к Вечному городу» роднит Иванова со многими и многими русскими предшественниками и со всем культурным преданием европейского гуманизма, ключевой фигурой в котором для Иванова был, безусловно, Гете. Много говорилось о влиянии «Итальянского путешествия» Гете на русских, приведем лишь одно высказывание, наблюдателя для нас в высшей степени важного, высказывание пусть и предпо-

¹ РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 2 и об.

² Ср. примеч. 5 к п. 19.

³ Так Иванов, еще не освоившийся с итальянским языком и римской номенклатурой, называет Каstellу Сант'Анджело (Замок Святого Ангела).

⁴ Речь идет о соборе Св. Петра.

⁵ РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 20 и об.

ложительное, но убедительное своей картинною наглядностью — Гревс пишет о Тургеневе: «Томик "Italienische Reise" был, конечно, всегда с ним в Риме, он так же, как Гёте, приехал в Рим на лошадях, в дилижансе. Как Гёте, панорама Рима открылась ему с высот monte Mario; как Гёте, Тургенев вступил в Рим через porta del Popolo. Это, наверно, трогавшее его совпадение с одним из наиболее почитавшихся им поэтов»¹ Иванов прибыл в Рим уже поездом на паровой тяге и ступил на римскую землю на вокзале Термини, но тонус встречи с Вечным городом был все еще тот, завешанный веками — иначе невозможно объяснить, как это Иванов удерживал себя от поездки в Рим, поскольку «считал себя не довольно подготовленным» к нему? Иванов несомненно и очень отчетливо сознавал свое преемство Гете, более того, он отразил эту свою родовую связь, правда, косвенным образом — внимательно размышляя о Гете и духовном опыте его странствия по Италии. Гете для Иванова — не просто родоначальник нового возрождения, в жизнестроительной мощи которого Иванов искал себя, роль Гете, говорит Иванов, много важнее, это роль гения-законодателя: он «страстно воспринимает, вливает эти новые откровения, преобразует их в плоть силою своего поэтического гения, вводит их в организм европейской культуры»² Дело в том, что «эллинизм эпохи возрождения был эллинизм не истинный. Рим и его формы занимали первый план, застали, останавливали прозрение в душу Эллады»³ Смысл нового эллинизма, нового возрождения — в волевом и целеустремленном преобразении личности, первый пример которого явил Винкельман, «этот верующий паломник классической древности, с трудом пробирающийся в Рим, там поселяющийся, обращающийся в римлянина, чтобы жить в соседстве и непосредственном созерцании древнего искусства, поистине гуманист нового возрождения»⁴ «Винкельман — родоначальник представления о греческой стихии, как элементе строя и меры, жизнерадостности и ясности; оно же господствует и по сей день. Родилось оно из белого видения греческих божественных мраморов, из сияющего сна Гомерова Олимпа»⁵ Но ударение Иванов ставит на жизнестроительной задаче нового гуманизма, задаче, обращаясь человека в первую очередь на самого себя: биографический очерк Винкельмана, говорит Иванов, «написанный Гете, впервые показал, как этот человек пересоздавал себя, чтобы стать греком, язычником, тем гармоническим существом, исполненным меры и стройности, для которого греки имели на своем языке обозначение (καλὸς κάταθός) <...> Чего же он ищет? Вечных типов, чистых линий и очерков божественной олимпийской красоты, уже различимой им в ее истинном эллинском выражении и напечатлениии среди памятников римской эпохи. Он открывает, обнаруживает в античном подлинно-греческое»⁶

Мы сейчас цитировали работу Иванова, создававшуюся приблизительно десять лет спустя после его первого появления в Риме и сицилийского путешествия. Но и еще через десять лет он говорит все о том же, определяя смысл устремления Гете в Италию: «Довольно грезить расплывчато и смутно о стране богов, их нужно видеть, осязать, понять, познать, принять в душу напечатление их нетленной формы»⁷

В этой связи отметим одну общую черту у всех очерков итальянского путешествия Иванова: всякий раз, взглядевшись в классический пейзаж или в

¹ Гревс И. М. Тургенев и Италия. С. 45.

² Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. СПб., 1904. Февр. С. 61.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 60–61.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Там же.

⁷ Статью «Гете на рубеже двух столетий» (1912) цит. по: Иванов Вяч. Собр. соч. Т. IV 1987 С. 119.

говорящие руины, путешественник, под конец, видит словно бы оживших римлян и греков. По дороге у Pont du Gard идут легионы победителей мира — «сильных волею и мышцами людей с могучими шеями и четырехугольными широкими головами». С высоты Пелорского маяка под Мессинской «парус, скользящий по энергично вздымающему свои волны проливу, кажется парусом Одиссея». В таорминском театре «осанка и поступь» уборщиц-итальянок раскрывают свое родство «величавому и спокойному танцу греческой трагедии»¹. Тот, в ком Иванов видел учителя, именно после того, как побывал на Сицилии, говорил: «Что касается Гомера, то у меня как будто завеса упала с глаз. <...> Теперь, когда я мысленно вижу перед собой все эти берега и предгорья, заливы и бухты, острова и мысы, скалы и пески, поросшие кустарником холмы, мягкие луга, плодородные поля, разукрашенные сады, холеные деревья, висящие лозы, облачные горы и всегда веселые равнины, утесы и берега, все это, окруженное морем, переменчивым и разнообразным, теперь только «Одиссея» стала для меня живым словом»². «Описания, сравнения и т.д., представляющиеся нам поэтическими, все необыкновенно естественны, хотя нарисованы с чистотой и задушевностью, перед которой испытываешь страх. Даже самые необычайные вымышленные обстоятельства исполнены естественности, которую я никогда не ощущал в такой мере, как теперь, близости от описанных предметов»³, для Гете сицилийские впечатления удостоверяют правдоподобие гомеровского дискурса, сколь ни глубокомысленны извлекаемые из того следствия или сопутствующие размышления. Может показаться, что в Иванове мы видим проявление всего лишь романтической фантазии, уваливающей эвokatивные послы пейзажа и археологического окружения. Но знакомство с последующим развитием ивановского творчества заставляет нас уже в этих ранних опытах различать основы его эстетики, более того — обшей мировоззренческой установки, исповедующей, что смерти нет, что над и под исторической данностью живет другая и более истинная жизнь.

Мы видели, с каким неудержимым нетерпением буквально врывается Иванов в Рим. Но необходимо заметить и дуализм «Рим—Эллада». Как позже Иванов формулировал смысл этого противостояния: «Рим и его формы занимали первый план, застили, останавливали прозрение в душу Эллады». Вероятно, отсюда и формальное разделение дневниково-очерковой прозы на два цикла — собственно римский и сицилийский. Сицилия открывала Иванову (как и Гете) глаза именно на греков, на греческий мир. Но у Иванова явственны уже в этих ранних опытах мистические обертоны, недаром его так привлекает Этна — выход на дневную поверхность хтонического мира с его Тифоном, Циклопами. Противопоставление Эллады и Рима отражалось на другом плане как противоборство истории государства и права и истории

¹ Особенный интерес в этой связи представляет очерк «Этна»: «Поезд минует тенистые сады, окружающие станцию Ачиреале, которую ее климат и минеральные воды сделали убежищем больных: здесь ревность циклопа Полифема убила Акиса, возлюбленного морской нимфы — Галатеи; несчастный юноша превратился в источник, до сих пор текущий в море и сохранивший его имя. Вскоре потом появляются в отдалении острова Циклопов; это брошенные олноглазными великанами в море, неподалеку от берега, остроконечные чернобазальтовые скалы, о которые разбиваются морские волны; один из этих камней, наверно, тот, который ослепленный Одиссеем Полифем метнул наудачу вслед успешему отчалить врагу». Очерк, по крайней мере, в известной нам рукописи, явно не завершен, работа остановилась, когда сюжет ее все еще оставался невыясненным (ни в том его аспекте, который определяется жанром путевой записи, непременно указывающей начало и конец пути; ни с точки зрения диктата внетекстовой реальности). Иванов ехал посмотреть на извержение вулкана, о котором в известном нам фрагменте речь так и не заходит). Но и здесь момент реальной остановки работы совпадает с моментом выявления кажущегося (а как будто и не кажущегося?) присутствия древней жизни в жизни сего дня.

² Гете И. В. Собр. соч., в 13 т. М., 1935. Т. XI: Путешествие в Италию / Пер. Н. А. Холодковского. С. 242—243.

³ Там же. С. 242.

религии, филологии. А это ставило Иванова перед труднейшим профессиональным, по сути дела — жизненным выбором¹. До самого конца эти два полюса, по существу и в своих символах Рима и Эллады определяют экзистенциальные решения Иванова. Укажем только на важнейшее стихотворение-исповедь 1927 г..

ПАЛИНОДИЯ

И твой гиметский мед ужель меня пресытил?
 Из роши миртовой кто твой кумир похитил?
 Иль в вешем ужасе я сам его разбил?
 Ужели я тебя, Эллада, разлюбил?
 Но, духом обнищая, твоей не знал я ласки,
 И жутки стали мне души недвижной маски,
 И тел надменных свет, и дум Эвклидов строй.
 Когда ж, подземных флейт размычивой игрой
 В урочный час ожив, личины полой очи
 Мятежною тоской неукротимой Ночи,
 Как встарь, исполнились — я слышал с неба зов:
 «Покинь, служитель, храм украшенный бесов».
 И я бежал, и ем в предгорьях Фиваиды
 Молчанья дикий мед и жесткие акриды.

(Свет вечерний)

Пьеса написана в Риме, и монашеская Фиваида — именно Рим! Это возвращает нас к первой встрече Иванова с Вечным городом. Замечательно важный отзвук этой встречи мы находим в рукописи очерка <«Pont du Gard»> На листе с одним из вариантов наброска, к его концу, текст становится все мельче, все труднее читаемым, строчки рвутся и лезут косо вверх. А ниже, на свободном месте, горизонтально, отступя от левого поля, как положено, записано двестише:

Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим,
 Тебя приветствует полночный пилигрим²

Недаром на верхней странице рукописи было начертано название «Волшебная страна Italia». Задуманная тетрадка должна была принять впечатления, смысл которых писавшему был ясен. И совершенно естественно, когда набрасывалась схема вводного очерка, творческое сознание было направлено на основную тему, собственно, на ее средокрестие — им владел Рим. И нужно было бросить прозу, чтобы записать сложившееся двестише. Вяч. Иванов, описывая встречу с Римом и римлянами на дальних подступах, в Провинции, уже был в Риме, на пороге Города, чувствуя себя еще только паломником (лишь на третий год жизни там он почувствовал себя «до некоторой степени» римлянином — см. выше: С. 399).

В приведенном двестишии мы усматриваем эмбрион первого, самого знаменитого стихотворения из цикла «Римские сонеты», написанного, когда в 1924 г

¹ Ср. рассказ Иванова об одном из первых моментов выбора между историей и филологией: «Наконец, П. Г. Виноградов, со мною переписывавшийся, приехав однажды в Берлин, разрешил меня от послушания исторической науке и определенно посоветовал отдаться филологии, продолжая, однако, работать у Моммзена: он надеялся, что я буду совмещать в Москве филологическую доцентуру с преподаванием римской истории» (Автобиографическое письмо. С. 17; см. также: Переписка... II); а также более поздние свидетельства того, как он все более углублялся в изучение греческой религии через филологию, удаляясь от древнего Рима и истории (ср., п. 66, 75).

² ИРЛИ. Ф. 607 № 221. Л. 3 об.

Иванов приехал «в Рим умирать», как говорил он перед отъездом из Москвы друзьям. Вот его начальный катрен:

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним «Ave Roma»
Приветствую, как свод родного дома.
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим

С рукописью, затерявшейся безвозвратно где-то в России, эти стихи связывала не только риторика приветствия северным паломником вечного Города, с его неновой рифмой, красиво и умно обыгранной² «Пилигрим арок» помнит о своем блуждании в поисках римского акведука: «Вновь арок древних верный пилигрим», именно без запятой после первого слова, означает, что говорящий снова стал паломником, снова, как тогда, когда в цитированном письме к О. Гишфельду рассказывал, что «решил... предпринять давно желанное паломничество <в оригинале Pilgerschaft> в Италию». И как тогда, древние арки предстали ему в «поздний час», только уже не одного дня, а всей его жизни и целой мировой эпохи. Одна из главных черт поэтической индивидуальности Вяч. Иванова — долгое, иногда в десятилетиях вынашивание, непрозвольное вызревание замысла.

Н.В. Компелев

<А> <Pont du Gard>

Издалеко завидел я цель моей прогулки, и вдвойне обрадовался, потому что солнце уже стояло низко и ранние зимние сумерки могли застигнуть меня на пути. Там, где двумя рядами холмов означалась в стороне речная долина, голубели, перекинутые с одного ее края на другой, [до шести] около десятка¹ больших, величавых арок. Всмотриваясь, глаз открывал длинный ряд сквозных малых дуг, протянувшийся на помосте, образованном нижними сводами. Этот неожиданный, [<нрзб.. м. б. несомненный?>] след и [<нрзб.>] несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое

¹ Цикл, состоящий из девяти сонетов, вскоре стал достоянием друзей в России. Надежда Григорьевна Чулкова вспоминала: «В.И. уехал в Рим 27 авг. 1924 г., а стихи его о встрече с Римом... помечены: "Рим, осень 1924"». В 1924 году он прислал нам свои новые стихи. Вот его сонет о встрече его с Римом» и т.д. (Чулкова Н.Г. Моя жизнь с Г.И. Чулковым и встречи с замечательными людьми: Вячеслав Иванов // ИРЛИ. Р. I. Оп. 35. № 192. Л. 210–216). В публикации этих воспоминаний Л. Ильиной стихотворные тексты не приводятся см.: Вестник РХД. Париж: Нью-Йорк; Москва, 1989. № 157. С. 125–149. Помимо текстов, воспроизведенных в воспоминаниях Чулковой, в Пушкинском Доме «Римские сонеты» хранятся в виде еще двух машинописных копий, также, очевидно, полученных из Рима — в Ленинграде и Баку. Обе эти копии, озаглавленные «Ave Roma», поступили в Рукописный отдел тогда, когда основная часть фонда Вяч. Иванова была разобрана и описана, то есть после 1938 г. Одна из них, недатированная, от Б.В. Шапошникова, в 1948 г. (Ф. 607 № 356). Другая, с датой «1927 г.», в составе части архива Е.А. Миллиор, в 1997 г. (Ф. 607 № 374). О распространении «Римских сонетов» в рукописных копиях на родине поэта см.: *Компелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким: К истории журнала «Беседа» // *Europa Orientalis*. 1995. XIV 2. P. 203–204.

Среди архивных материалов Вяч. Иванова, поступивших от сотрудника Литературного музея Пушкинского Дома Б.В. Шапошникова беловой автограф стихотворения «Язык» («Родная речь певцу земля родная...»; дата: 10 февраля 1927 г.) на бланке Collegio Borromeo, с надписью: «Память свидания с дорогим Борисом Валентиновичем Шапошниковым в Павии 15 мая 1927, от любящего его автора» (ИРЛИ. Ф. 607 № 358. Л. 1).

² *Klimoff A.* The First Sonnet in Vyacheslav Ivanov's Roman Cycle // *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic, and Philosopher* / Ed. by R.L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 126.

присутствие, [явясь] [внезапно представ]⁴ вызывает волнение, отчасти подобное тому, которое испытываешь, когда, неожиданно, отдаленное, зияющее рыкание возвестит присутствие льва.

Только подойдя вплоть к реке, я мог обозреть все здание. Колоссальные [полукружия] дуги, на которых покоился ряд малых арок, оказались поставленными на новый ряд столб же широких, но несколько более низких сводов, опиравшихся на дно реки. С одной стороны это дно [было] покрыто водой, с другой, в виде каменной отмели, выступало над волнами. Каменистые откосы берегов, отчасти обнаженные, отчасти заросшие зеленым колючим кустарником и с обеих сторон реки опоясанные, по высоте нижних сводов, двумя белыми полосами ровных дорог, поднимались до верхних аркад и вмещали в своих краях всю сохранившуюся часть [«нрзб.» <протянутого некогда>] некогда <на? десятки? миль? протянутого?> водопровода⁵ Акведук римлян утратил свое значение для позднейших провинциалов², и рядом с помостом нижнего яруса протянулось полотно нового моста, подпертого новыми сводами, прислоненными к древним. Два стада овец, непрерывно звеня колокольчиками, двигались по каменистому скату; их сопровождали [пастухи] медленно шедшие пастухи в пестрых полосатых плащах и [добродушные расторопные собаки] расторопно устремлявшиеся в разные стороны для сбора стада собаки. Я поднялся по ступеням до верхних аркад и вступил в полутемную галерею, служившую желобом водопровода. Я шел не нагибаясь, но [часто] ощупую; [только] часто впрочем отверстия между раздвинутыми над головой каменными плитами давали доступ свету и «нрзб.» шель, местами прерываясь, тянулась между плитами потолка и [«нрзб.»] огромными глыбами стен³ Едва отесанные, они часто [выступали] неправильно выст<упали>¹ и стесняли и без того узкий путь; скрепленные здесь, в «отраде?» <нрзб.> водопровода цементом, [«нрзб.»] они казались «нерушимой?» циклопической твердыней. Сильный ветер, врывавшийся в галерею, не делал ни короче, ни удобнее бесконечно <долгий?> <длинный?> <проход?> Наконец я выбрался на противополож<ный> берег [и по разбросанном] [и карабкась по] «и» с разбросанных там и сям плит развалины бросил общий взгляд на акведук и долину. Гарда, [синяя] быстрая и металлически-синяя, [в противоположность «нрзб.» «Роне?»] и большинству как реки России, [ползла] подползала узкой змеей под крайние своды и извивалась далее в каменистой, но зел<но>й долине, между высоких и крутых [очерченных красивыми] красиво <столпившихся?>, но в эту пору угрюмых берегов⁴. Ветер все крепчал, и «гневный?» бурный шум [«нрзбр.»] его [в шелестящем], усиленный воем и шелестом колких «кустов?» [«нрзбр.»] покрывали эти, покры<вавших> эти высоты и склоны, преследовал меня, когда я спешно спуска<лся> по «этой?» тропинке вниз, ища дороги. Вскоре я нашел ее и оглянулся в последний раз назад. Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [«темных?»] резных полукружиях сводов торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в визан-

⁴ Первоначально фраза начиналась так: «Этот след и печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явясь] внезапно представ»; фраза стала изменяться с появлением в ее начале эпитета «нежданный».

⁵ Первоначально фраза кончалась: «сохранившуюся часть далеко <протянутого?> некогда водопровода»; затем: «некогда <на? десятки? миль? протянутого? водопровода?».

⁶ Первоначально читалось: «...Часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врывался воздух и свет <дня?> и, лишь изредка прерываясь, тянулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами длинная, но недостаточно широкая для] шель»; затем: «часто впрочем в отверстие между раздвинутыми над головой каменными плитами врывался воздух и свет <дня?> и [прерываясь время от времени] местами прерываясь, длинная [«нрзб.»] высокорасполож<енная> шель тянулась между плитами потолка [и] [глыбами] [каменными] и стенами».

⁷ В нижнем слое текста начало фразы было причастным оборотом предыдущей: «...стенами, едва отесанными, [часто выступавшими] [часто стеснявшими] выс<тупавшими?».

⁸ Первоначально читалось: «... между крутых берегов, с очертаниями гор, красивых, но в эту пору довольно угрю<мых>»; затем: «... между высоких и крутых, но угрюмых берегов, с очертаниями гор».

тийс<ких> [церк<вах>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам. [Скоро настал вечер.] Между тем на Севере, над противоположным берегом реки, выплывала полная луна. Я шел назад по дороге, обставле<нно>й фиговыми деревьями, лишенными листья [и обвеянными голыми шариками, остатками прошлогодних плодов]. По сторонам ивоводобные, серосеребристые, низкие оливы встречались <стадами?>, <посеянные?> <на?> <равном?> <расстоянии?> друг от друга. Чем более сгушался <светло?> сизый цвет сумерек, пронизанный лунными лучами, тем бурней и порывистой становил<ся> мистраль, тем светлей казалась ровная, как скатерть, дорога. [Убит<ые?>] [Известковые дороги Прованса [гладки, как <нрзб.>] [как бы <нрзб., м. б., недописано> из <пепла?>] <белы?> и гладки как <нрзб.> из <пепла?>] Я часто на повороте ошибался, думая, что это <вода?> Контуры сглажи<ваются>, а воображение усилива<ет> <нрзб.>. Кажется, что идут по этой дороге легионы³ <Текст обрывается.>

<B.>

Pont du Gard

Вид внезапно представшей римской аркады своеобразно поражает современного путешественника. Не красота очертаний заставляет тогда сильнее биться сердце, и не поэзия воспоминаний: но есть в этих каменных полукружиях особенный смысл и особенная окаменелая жизнь, как в далеких сфинксах, заносимых песками [Ливий<ской пустыни?>] пустыни. Самые линии так многозначительны в ясной простоте своей! Никогда спокойная и, следовательно, победоносная сила человеческого самоутверждения не выражалась ощутительнее, нежели в римской арке. Прочная, легко выносящая на себе бремя тысячелетий, она твердо стоит на обеих ногах и, описав половину окружности, [все сводящей к примирительному единству] все обнимающей в примирительном, гармоническом [все]единстве, не хочет кончать круговой путь свой и только крепче утверждает на своих незыблемых опорах. Ее простота и естественность как бы уверяют нас, что пред нами непроизвольное создание природы; но ясная ее разумность возвращает ее, в наших мыслях, постоянно человеческого духа. Тогда мы прозреваем на ее величие. Тогда мы вспоминаем ее творцов, и нас смущает эта близость гения римского народа. [Этими зданиями] Мы представляем себе строителей этих сводов, сильных волею и мышцами⁴ людей с могучими шеями и четырехугольными широкими головами; зорких людей, которых мы, несмотря на века духовных блужданий, едва ли превзошли объемом понятий; людей, которые [не творили ничего] [не боялись ни смерти и страдания] [не бледнели пред смертью и мукой] не бледнели пред смертью и мукой все равно своей или чужой, которые [не творили ничего кроме того] творили только то, что по прочности было рассчитано на века и поколения, которые говорили языком каждое <фраза не дописана, нижеследующий текст отделен пробелом>

Строители этих зданий, люди [сильные волей и мышцами] с четырехуголь<ыми> широкими головами на могучих выях, [нам кажутся как бы расою хищных зверей] были носителями уже неведомой нам, сосредоточенной силы. Они кажутся нам как бы расою могущественных хищных зверей, и нам также чуждо притязание меряться с ними в силе [духа] тела и воли, как со львом и королевским тигром. [Они могут] [Они способны [в] чрез] [Чрез отдаление веков мы ощущаем их <демоническое обаяние>] Чрез отдаление веков мы ощущаем то демоническое обаяние, которое испытывали, сталкиваясь с ними, варвары. [Они мог<ли?>] [И между] Они [мыслили] были так дальновидны и мыслили с такою ясностью, что мы [ед<ва>], несмотря на сто-

летия духов<ных> блужда<ний>, [почти не] едва превосходим их [объемом] обилием и широтой понятий.

Печатается по автографу: ИРЛИ. Ф. 607 № 221. Л. 2–3 (фрагмент А). Л. 6 (фрагмент В).

Впервые напечатано: Вячеслав Иванов на пороге Рима: 1892 год (ИРЛИ. Ф. 697 221. Волшебная страна ITALIA: Pont du Gard; «Рим, наконец я твой! Святой, великий Рим...») / Публ. Н.В. Котрелева и Л.Н. Ивановой // Вячеслав Иванов новые материалы / Сост. Даниэла Риши и Андрей Шишкин. Салерно, 2001. С. 7–24. (Русско-итальянский архив III).

Рукопись не датирована. Вероятнее всего, она поступила в архивохранилище вместе с другими бумагами Иванова в составе огромного архива и библиотеки, оставшихся после кончины Федора Сологуба (декабрь 1927 г.) и переданных в Пушкинский Дом его наследниками. Со временем эти материалы разъединили, создав три личных фонда: Федора Сологуба (№ 289), Ал.Н. Чеботаревской (№ 189) и В.И. Иванова (№ 607).

Даты материалов этой, основной, части пушкинодомского ивановского фонда (позднее он пополняется и из других источников) начинаются с 1887 г и заканчиваются 23 августа 1920 г., т.е. наиболее поздние из них были созданы за несколько дней до отъезда семьи Ивановых на Кавказ (28 августа 1920 г.). Имущество Ивановых, прежде всего обширный архив поэта, оставалось на попечении Ал.Н. Чеботаревской, и некоторое количество рукописей вскоре оказалось в петроградской (а малое время спустя и ленинградской) квартире Сологуба — Чеботаревских, откуда они и поступили в Пушкинский Дом.

В рукописи имеется четыре варианта фрагмента А и два варианта фрагмента В. Все они представляют собою черновики, ни в одном из них (кроме, быть может, публикуемого нами здесь варианта А) сюжет не получил сколько-нибудь завершённой разработки. Для переиздания нами отобраны более пространные и в этом смысле более информативные варианты фрагментов А и В. У нас нет оснований судить о том, в каком отношении друг к другу они находились: Иванов мог иметь замысел, сводящий их в некое единое целое; мог мыслить их как расходящееся в два прозаических этюда развитие двух тем, возникших в поисках (биографический аспект) и созерцании величественной аркады (эстетический анализ римской арки); наконец, один из них мог отменять другой⁴ — в этом случае мы не смогли бы сказать, какое решение представлялось автору удачным выражением потребности высказаться. Далее, при цитировании не воспроизведенных в нашем издании вариантов А и В, за археографическими и текстологическими подробностями мы отсылаем по умолчанию к указанной выше публикации Л.Н. Ивановой и Н.В. Котрелева.

Заголовок, который присвоен здесь всему разделу, в рукописи соединен и с фрагментом А (в опущенном нами варианте на листе 4, третий вариант, на листе 7, заглавия не имеет), и с фрагментом В (в той его версии, которую мы здесь воспроизводим; без заглавия остался, однако, вариант В на листе 4 и об.); и все же, поскольку его нет при трех вариантах из пяти, в т.ч. и при том варианте фрагмента А, который мы перепечатаем, наиболее пространном и отработанном, мы помещаем заглавие в ломаные скобки как редакторскую конъектуру.

Текст публикуемого варианта фрагмента А заканчивается на середине страницы естественным образом, в силу исчерпанности сюжета. Начальные фразы этюда, отработанные прежде, в этом варианте учитывают принятые решения и писаны четко и почти набело, однако авторские сомнения нарастают по мере развития текста, а в конце почерк переходит в малоразборчивую мелкую скоропись. Явно, Иванов только торопливо фиксирует композицию замысла, оставляя словесную отработку на будущее. Но схема путевого очерка здесь вполне завершена: путник нашел свою цель, осмотрел памятник и уходит, его впечатления настолько живы, что фантазия готова видеть невидимое.

В очерке описан знаменитый памятник древнеримской архитектуры — величественные остатки акведука, в начале первого века по Р.Х. переброшенного через глубокую долину реки Гар, недалеко от французского города Нима, в который когда-то и подавалась вода.

Хотелось бы подчеркнуть одну деталь, как кажется, являющую присутствие и в этих текстах магистральной ивановской темы. Мы имеем в виду фрагмент варианта на листах 2–3: «Солнце садилось за развалины, светлые камни потемнели, и в [темных?>] резных полукупольных сводах торжеств<енно> [золот<ело?>] сияло небесное золото. Арки, казалось, вмещали в себе золотое поле, как в византийских<ких> [церк<вах>] храмах; фантазия могла по воле наполнять их строгими и <торжественными?> образами, подобными мозаичным ликам». Совершенная римская арка, разумеется, символизирует рах Romana, «римский мир», «неизгладимо» установивший «свое властное и творческое присутствие» на противоположных концах вселенной, скрепивший их в неразрывное единство. Но наполнены римские полукупольники и светятся золотом византийских мозаик. И более того, первоначально было сказано, т.е. думалось, о русских «церквях» (учтем и сравнение реки Гар с русскими реками!), но затем, реалистического правдоподобия ради, русские «церкви» заменились византийскими «храмами». Собственно говоря, сведения о золотых фонах православных мозаик Иванов мог получить только из книг (личный опыт созерцания их торжественного немерцающего света ему был дан несколько позже, только в отблесках южно-итальянских

памятников, восходящих к византийским и нормано-византийским временам — к концу сицилийского путешествия, в Палермо), видение мозаичного золота, византийского неба позволяет догадываться о специальном интересе молодого Иванова к церковным древностям, к православному Востоку в его отделенности и единстве с Западом. Легко указать параллели в близких по времени текстах Иванова. «Мерно и медленно, — писал он в дневнике 1888 г., — падали важные, победные и вместе печальные аккорды... Бетховена... полные легких отзвуков наших церковных песен. Мне чудилось наше победное шествие в [заветный] час, когда смирились несчетные враги, нас не понимавшие, и мы даем народам, стоящим с серьезными лицами и полным внутренним умиления, какой-то торжественный завет¹. Три десятилетия спустя ивановский стих прорисовал арку, в которой один священный язык отвечает другому (и церковно-славянский выступает за греческий):

«Fiat» София рекла; Роза ответила: «есмя».

(*Rosa Sophia Cor ardens, часть вторая*)

И еще одна важная параллель. Кажется, можно усмотреть знаменательное сходжение ивановского описания Pont du Gard с другим, принадлежащим Жан-Жаку Руссо:

Мне советовали посмотреть Гардский мост; я так и поступил. Позавтракав отличными фигами, я взял себе проводника до Гардского моста. Это было первое римское сооружение, которое я видел. Я ожидал увидеть памятник, достойный рук, создавших его. Но он превзошел мои ожидания, и это было единственный раз в моей жизни. Только римляне могли создать подобное. Вид этого простого и благородного сооружения пораил меня тем сильнее, что оно находится в пустыне, а уединение и тишина значительно усиливают впечатление от предметов и вызываемый ими восторг. Дело в том, что так называемый мост этот не что иное, как водопровод. Невольно задаешь себе вопрос: какая сила перенесла эти огромные камни так далеко от каменоломни и собрала столько тысяч человеческих рук в колоссальное место? Я бежал три этажа этого великолепного сооружения, почтение к нему почти лишило меня смелости попирать его ногами. Отзвук моих шагов под его необъятными сводами казался мне мощным голосом тех, кто их построил. Я терялся в этой необычности, словно насекомое. Чувствуя себя маленьким, я в то же время ощущал нечто возвышающее душу и со вздохом говорил себе: «Зачем не родился я римлянином?» Несколько часов пробыл я там в восхищенном созерцании. Я вернулся рассеянный и задумчивый².

Помнил ли Иванов текст предшественника, когда записывал свои впечатления от вечерней экскурсии к римскому акведуку? Подобных сведений у нас на сегодня нет, осторожнее усмотреть в близости двух текстов палингенез, законный в гуманистической традиции: непроизвольно повторяется восторг (Руссо говорит о несравненном впечатлении от Pont du Gard, а далее в «Исповеди» рассказывает о более бледных встречах с руинами в тех же городах, которые посетил в 1892 г. Иванов, — Иванов, перечисляя этапы своего путешествия, называет из всех памятников только Pont du Gard; стремительное перемещение по водоводу и речному косогору; звание к теням римлян и преклонение перед римским гением; мечтательное возвращение — структурные симметрии двух текстов достаточно определены для того, чтобы говорить о том, что Иванов воспроизводит *жизненный опыт* гуманиста, и вопрос о возможной зависимости ивановского наброска от повести Руссо представляется второстепенным.

¹ Колебания в числе арок (ср., ниже, текст черновика с Л. 4, где также фигурируют шесть арок) можно объяснить безотчетной коррекцией первоначального зрительного опыта последующими: в первый момент часть арок скрыта от путника линией высокого берега, позже, от уровня воды он видел фронтальную проекцию всего сооружения.

² Провинциалы, в данном случае, романизованные варвары, насельники завоеванной и колонизованной (ср. далее у Иванова: «в покоренной духовно стране» и варианты) восточной части Нарбонской Галлии (именовавшейся *provincia*, без уточнений, о чем речь), доселе сохраняющие, в романской форме, для своей территории ее древнее название — Прованс.

³ Отметим очевидную связь этого пейзажа со многими ивановскими стихотворениями, вошедшими в первую книгу поэта «Коричневые звезды». Мы имеем в виду световые и колористические элементы — лунный свет и закатное золото, цветовые доминанты сизого и серебра/серебра в различных сочетаниях, частое присутствие пепла в ивановской палитре. Многократно повторяются в лирике Иванова такие пейзажные темы, как светлая дорога (или река), восход луны над бровкой берега/линией скал или гор: специфичны, как лирическая ситуация, для Иванова (и не только в первой книге) хронотоп звката и сочетание шума (воды, ветра) с лунным светом; если наше предположительное чтение <вода> (за которую путник принимает пепельно-светлую дорогу) верно, то перед нами ранний пример важной для ивановского пейзажа метаморфозы/уподобления земли/воды именно в топосе пути. Многочисленные примеры читатель без труда подберет в «книге лирики», мы же ограничимся несколькими картинами:

В стихотворении «Eritis sicut Dei», помимо прочего, о чем идет речь, следует отметить закатные огни, сквозящие в просветах между древними колоннами (вспомним, что просвечивающий золотом лес — одна из самых распространенных тем живописи модерна):

...Тропой обрывистой наверх Голгофы новой
Я шел. Закат угас, багряный и суровый,
И мглою пепельной, как прахом урн, замет
Нагулю крутизну и безотрадный дол...

Усталый, я достиг вершины каменной
И видел древний храм. Зари венел огнистый
Далеко обнимал вечерний небосклон
За лесом сумрачным рассеянных колонн.

В стихотворении «На крыльях зари» мы находим, помимо прочего, о чем идет речь, пробуждаемую лунным колдовством зрячую мечту, которой открывается древность края:

В час, когда к браздам Титана, вслед колесам золотым,
Дол, курильница тумана, благодарный стелет дым
И, покорствуя, присмлет синей ночи тихий дар,
А с востока даль объемлет сребропламенный пожар

И, царя, луна восходит в блеске дивном из-за гор
И в ущелия низводит чародейственный дозор,
И в очах вскипают слезы, и, проснувшись с луной,
Реют видящие грезы над почившею страной... —

Наконец, парной реализацией некоего инварианта к пейзажу Pont du Gard, в которой являются и арки, и сами римляне (ср. «легионы» в комментируемом фрагменте или «близость гения римского народа» на Л. 4, или «людей с могучими шеями и четырехугольными широкими головами» на Л. 6) предстает стихотворение «Колизей»:

Как тяжкий гулок свод, и мрак угрюм и густ!..
Вхожу: луна сребрит истлевшие громады.
Как впадины очей потухнувших, аркады
Глядят окрест. Все спит. Простор арены пуст...

И мнится: древний род Неронов и Лукуст
Наполнил чуткий мрак... Теснятся мириады.
Незримо — зоркие, на мне лежат их взгляды.
Беззвучный слышен плеск, и клик безгласных уст...

Несомненно, что в печатаемых черновиках мы встречаемся с ранней попыткой описать один из важнейших сенсорных, эмоциональных и предметно-содержательных топосов экзистенции и литературного творчества Вяч. Иванова.

⁴ Отметим (хотя в нашу задачу не входит содержательное комментирование публикуемых текстов) очевидный библизизм словосочетания «сильных волею и мышцами». В самом деле, ср. «и вывел нас Господь из Египта [Сам крепостию Свою великою и] рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знаменями и чудесами» (Втор 26, 8; то же мы видим и в других местах: Втор 9, 26; Втор 26, 8; 3 Цар 8, 42; Пс 88, 14; Ис 30, 30; Иер 32, 21, 3 Езд 15, 11, ср. также Ис 48, 14: «Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном и явит мышцу Его над Халдеями»; приводим цитаты по русской Библии, в нашем случае этого вполне достаточно). Для сознания и языковой стратегии Иванова знаменательно обращение к церковно-славянскому, как только он переходит от бытовой зарисовки к умозрению, ср. в конце фрагмента Л. 4—4 об. архаичное управление «мы прозреваем на ее величие» или греко-византийскую/церковно-славянскую субстантивацию «остатки, с уверенным и величавым спокойствием поучающие поколения о том, что те *сильные* были здесь и творили для нас свое великое дело» (курсив в цитатах наш). Ориентация раннего Иванова на классицистские и еще более архаичные культурные ценности является несомненным свидетельством его рано осознанной и целенаправленно культивируемой укорененности в *гуманистической* традиции (ср. далее в тексте наше замечание о вольном или невольном сближении ивановского описания нимского акведука с его описанием у Ж.-Ж. Руссо).

⁵ См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин: 1921—1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris. 1983. С. 295 (Письмо Ал.Н. Чеботаревской к Яценко А.С. от 17 марта 1924 г.); Обатнин Г.В. Из материалов Вячеслава Иванова в

Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1991 год / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб., 1994. С. 29–31, *Иванова Л.Н.* Об архивном наследии Вячеслава Иванова // Русский литературоведческий журнал. 2001. №. 15. С. 287–292.

⁶ На это предположение наводит связь между началом фрагмента В («Вид внезапно представшей римской аркады своеобразно поражает современного путешественника») и ситуацией внезапности первого впечатления в начальном абзаце фрагмента А («Этот неожиданный <...> след и <...> несомненная печать Рима, неизгладимо отметившего здесь свое властное и творческое присутствие, [явьясь] [внезапно представ] вызывает волнение...»); на том же месте в варианте А (Л. 7): «Являясь внезапно, эта [явств<енная>] несомн<енная> печать [и часть] Рима, неизгладимо отметившего [своим] свое присутствие в [порабошенной <доселе?>] покоренной духовно стране, вызывает волнение...»). На Л. 4 имеется третий вариант А, обрывающийся как раз на том, что глаз путешественника нашел в пейзаже арки римского волопровода. Он перечеркнут целиком, а ниже на том же листе как бы взамен зачеркнутого, начинается вариант фрагмента В: «Вид внезапно представшего римского здания и, в особенности, римских аркад [почти всегда] своеобразно поражает [сердце] современного путешественника» и т.д.

⁷ Значительна замена первоначально возникавшего грубого «порабошенной духовно стране» на положительное — «покоренной духовно стране» (Л. 1).

⁸ *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник... С. 13, ср. Там же. С. 46. Примеч. 11, связывающее приведенную запись со стихотворением «Missa solemnis, Бетховена» и другими дневниковыми замечками.

⁹ *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь // *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч. В 3 т. М., 1961. Т. III. С. 227.

I Мессина

В полдень 4го августа наш итальянский пароход «Ортигия» вступил в Мессинский пролив. Море представляло собой широкий поток, быстро текущий между двух земель. Оба берега были равно гористы; их очертания одинаково спокойны. Калабрийский берег был окутан легким туманом; сицилийский был ближе к нам, и мы ясно видели его тут бурые, там зеленые скаты. Море казалось раствором синей краски; оно было ярко и непрозрачно.

Вид Мессины скромен. Небольшой город, расположенный по основаниям невысоких столпившихся гор, постепенно развертывал перед нами длинную линию своей набережной. Вдоль по берегу, равномерными группами, тянулись в ряд каменные дома того типа, который носит в Италии имя *palazzo*. Многие из них могут быть и по-русски названы дворцами. Они невысоки и часто черепичная кровля неожиданно надвигается без посредствующего карниза на большие окна бельэтажа. Здания, рассчитанные на несколько этажей, сохранили от землетрясений прошлого века только нижние свои части; верхние этажи были или недостроены, или разрушены.

Впереди далеко ушедший берег описывал крутой изгиб и возвращался закрученную косою. Коса останавливалась, заканчиваясь укреплениями, против середины набережной, и давала судам проход в уютную круглую гавань. Серповидное расположение бухты снискало городу в древнейшие времена название Занклы, т.е. серпа¹. По лезвию серпа виднелись стены фортов и белая глава маяка. С высот, господствующих над городом, грозили [издалека] две цитадели. Порт далеко не был переполнен судами. Три больших парохода стояли вдалеке на якоре: два других, под английским флагом, причалили у самой набережной; [рядом с ними] подле них густой ряд парусных судов окаймлял берег лесом стройных мачт.

В общем, картина была лишена оживления. Тем более оживленным казался наш пароход. На его палубе кипела и волновалась густая толпа. Ее большую часть составляли итальянские солдаты; они плыли в африканские колонии на Красном море и были видимым олицетворением «большой политики»,

которую пытаются вести итальянское королевство. В их числе было несколько негров; последних нередко встречаешь в Италии в одежде солдат, клериков, монахов. Пароход нетерпеливо обступала, в ожидании пассажиров, стоя лодок. Происходила суматоха, обычная при высадке на берег. Наконец, мы дождались очереди сойти с неустойчивой поверхности палубы на прыгающее дно лодки и вскоре вступили на почву Тринакрии² близ мраморного Нептуна, охраняющего мессинскую набережную¹, среди хищной толпы мальчишек, носильщиков, проводников, посредников, застрельщиков и ловцов местных гостиниц, толпы, которая оглушает иностранца, отнимает у него пожитки, влечет его за одежду, преследует его, доводит до бешенства и уже заставляет проклинать новую страну, только что открывшую пред ним объятия с такою ревностью гостеприимства.

Город, несмотря на торговое значение порта, несмотря на университет и правительственный, оживленный вид главных улиц, имеет характер чисто провинциальный. В этом убеждают, прежде всего, нравы и физиономия населения. В городе издаются забавные, маленькие, серые газетки. Улицы, окружающие вами посещаемый центр, узки, круты, грязны и дики.

Посредине города, на просторной площади, пред широколиственными пальмами сквера и легким скульптурным фонтаном белого мрамора возвышается живописное здание собора. Его полосатый фасад сложен из широких пластов белого и узких темно-красного мрамора. Местами каймы состоят или из узорных инкрустаций, или из сохранившихся еще кое-где поясов наивных рельефных изображений средневекового быта. Эта широкая пестрая поверхность прерывается тремя богатыми готическими порталами и неожиданно завершается колоссальным фронтоном, развивающимся, во вкусе Возрождения, из двух больших боковых завитков. Стрельчатое окно и треугольная почти готическая вершина фронтона отчасти восстанавливает нарушенное единство строя. Вопреки смешению стилей, лицевая сторона собора производит гармоническое впечатление. Обходя здание, усматриваешь тут же смесь архитектурных начал. Стены и низкие башни, в дисгармонии с центральным куполом отчасти сохранили от поры норманов, отчасти приняли из рук реставраторов свои готические формы. Внутри собор, неисправимо искаженный XVII столетием, привлекает любопытство посетителя своими грандиозными столпами, гранитными монолитами, некогда подпиравшими кровлю какого-то языческого капища, и своим темным деревянным потолком, с которого спускаются многочисленные подвесы лампад.

Древняя Мессина небогата древностями. Незаметные и незначительные фрагменты нескольких византийских и норманских зданий робко прячутся от любопытных взоров, застроенные со всех сторон. Большая часть церквей принадлежит эпохе после Возрождения. Мы избавили себя от труда обходить их, но не преминули совершить паломничество в [Сан-Дженнаро] Сан-Грегорио.

Вычурный барокко этой церкви имеет в себе что-то капризно-фантастическое. Несмотря на все различие места, эпохи и стиля, он вызывает в мыслях москвича воспоминание о Василии Блаженном. Ее колокольня издали обращает на себя внимание улиткообразными спиралями своей витой, остроконечной главы. Внутренность храма также удивительна. Стены выложены мелкими инкрустациями из разноцветных мраморов; эта мраморная мозаика образует изящнейшие орнаменты, геральдические знаки, изображения цветов и животных. [Сан-Дженнаро] Сан-Грегорио стоит на возвышенной террасе, на которую ведут монументальные лестницы. Под террасою лабиринт домов и узких улиц; а из-за этой каменной сутолоки светлеет яркая полоса густой и нежной морской синевы. Достаточно этой узкой синей полосы, чтобы обратить сияющую в ярких лучах солнца площадку между порталом церкви и балюстрадою террасы в удивительно красивый уголок.

Поднимаясь по узким переулкам на возвышенности, окружающие город, достигаешь массивных ворот с каменной аркой и надписью: «Вилла Гвелофония».

Напрасно стучать в ворота: люди, выдающие звуками свое несомненное присутствие за ними, предпочтут пассивно¹ выждать дальнейших событий, нежели нарушить столь ценимое на Юге спокойствие для встречи непрошенного гостя. Приходится соображать механизм запора, отодвинуть с помощью висящей у ворот веревки внутренний засов и таким образом вторгнуться во владения богатого мессинского адвоката. Привратница, оглядев путника, поднимается и молча ведет его в сад.

Некогда стоял здесь замок короля Рожера⁴. Теперь небольшой дачный дом владельца окружен обширным садом, расположенным по оврагам и по холмам, с которых открывается один из лучших видов на Мессину. Вот образец сицилийского сада. Он состоит из разбросанных там и здесь цветочных кустов и низкорослых фруктовых деревьев. Солнце стоит почти отвесно; на земле нет ни травы, ни тени. Адвокат со своей виллой должны часто испытывать беспокойство и огорчение Петра Шлемиля⁵. Узкие кирпичные лесенки ведут с холма на холм, все выше и выше. Наконец, останавливаясь на выжженной солнцем луговине, огражденной зарослями пыльного кактуса. Отсюда можно обозревать город, окрестные высоты, гавань и пролив. Бурые холмы, словно развороченные глыбы земли, окружают сзади Мессину. Их почва местами обнажена, местами закрыта [зарослями] чашами серых [олив] маслин. Поверхность, как бы взрытая колоссальным плугом, нагромодившим холмы и прорезавшим глубокие долины, неумолимо подставлена пламенным иссушающим лучам. Вперед, под горою, Мессина: однообразная, бурая площадь черепичных кровель. Но утрюмый, выжженный пейзаж вдруг оживает, вдруг получает красоту и негу, как только глаз, словно далекую, горделиво улыбающуюся красавицу, завидит морскую мягкую, бархатистую синеву. А за своеобразно очерченную гаванью и за широкою дорогою пролива высоко поднимается и заключает картину туманная масса материка.

Пелорский маяк стоит над самою узкою частью пролива⁶. Поездка туда прежде всего знакомит с характером окрестностей Мессины, знаменитых своим плодородием и обилием тех плодов, которые немцы, а за ними и мы, зовем апельсинами, т.е. мессинскими яблоками⁷. Дорога ведет по узкой береговой полосе между морем справа и Пелорскою горною цепью слева. Горы отчасти буры и обнажены, отчасти заросли маслинами и кактусами. Море то отступает, то подле самой дороги разбивает мелкие, нежные волны на мягких скалах белого песка. Отлогие скаты оживлены рыбаками и купающимися детьми. Роскошная темно-зеленая полоса густых апельсиновых и лимонных садов занимает узкую равнину между высотами и морем. Сады перемежаются виноградниками, также подобными садам, потому что лозы висят в них гирляндами между обвитых ими древесных стволов. Стены кактусов служат оградками, разделяющими отдельные сады.

Вдоль дороги почти непрерывною цепью тянутся селения, имеющие вид городских предместий. Они состоят из однообразных рядов двухэтажных каменных домиков, заменивших окна балконными дверьми. Пред каждою дверью непременно отдельный маленький балкон, а на каждом почти балконе, в тихий час послеполуденной сны, по спящему безмятежно южанину, подобно младенцу за решеткою детской кроватки.

Изредка плодородная полоса прерывается широкою *фиумарою*, усеянною мелкими белыми камнями: это высохшее русло весеннего горного потока. Фаро т.е. маяк и деревня, его окружающая⁸, сверкают адами яркою белизною из-за самого края лазурного моря. [Справа глаз следит за высотами Калабрии] По ту сторону пролива светлеет сквозь туман Реджио, широко раскинувшийся у самых волн⁹.

Башня маяка стоит на краю рыбацкой деревни. С ее высоты открывается более своеобразный, нежели прекрасный вид. Прямо перед зрителем низкий мыс,

¹ Вместо «пассивно» было: «спокойно», затем: «молча».

укрепленный фортом. За полосой моря, в трех верстах от мыса, отчетливо виден гористый берег Аппенинского полуострова, окаймленный рядом селений. Один из этих городков отличается своеобразным расположением. Он как бы выходит из ущелья, образованного гористым берегом и выступающей в море скалой. Это — Сцилла. Какое имя! С нашей стороны должна была находиться Харибда¹⁰ Парус, скользящий по энергично вздымающему свои волны проливу, кажется парусом Одисея¹¹

Туман скрывает от нас лежащие на горизонте Липарские острова. Сзади нас соединяет с массой Сицилии довольно узкая полоса ровной земли, занятая густыми виноградниками [и перемежающаяся соляными озерами]. Дальше поднимаются Пелорские горы. Море окружает [нас] маяк почти с трех сторон, и с трех сторон доносится [до нас] вверх торжественный шум прибоя, производя неизъяснимое впечатление¹²

II Таормина

Дорога в Таормину ведет снова по плодородной береговой полосе между морем и Пелорскими горами. По мере удаления на Юг, горы становятся выше, каменные *фумары* многочисленнее и шире. Иногда побережная равнина преграждается скалистыми высотами, далеко выдвигающимися в море: тогда лучезарный морской вид, сияющий из вагонного окна, внезапно прерывается мраком туннеля.

Подобно многим другим сицилийским городам Таормина стоит на малодоступной высоте. Поезд останавливается в местечке Джардина¹³, протянувшимся по берегу, у подножия крутых гор. Более часа поднимается в город почтовая коляска по длинным зигзагам белой пыльной дороги, огражденной со стороны обрыва низкою каменной стеной. Склоны гор обильно засажены опунтиями¹⁴, тем видом кактуса, который дает любимые итальянским простолодином плоды, называемые индийскими фигами и действительно напоминающие вкусом фигу Безобразными грудями громоздят эти странные дети сухого и вместе жизнеобильного Юга свои толстые, сочные, зеленые овалы, снабженные сверху рядом продолговато-круглых, колючих плодов. Короткие ряды плодов напоминают нижнюю сторону ножных пальцев, а овалы, их несущие — ступню какого-то человекообразного чудовища.

Из-за ограды дороги внизу голубеет море; дальние высоты Калабрии еще не потонули в его волнах. Прямо над нами берег выступает дикими скалами и подводными камнями и далеко простирает в море безлюдный утес Св. Андрея. Над перешейком, соединяющим его с берегом, исчезает в норе туннеля узкая лента железнодорожного пути. Рядом с мысом выползает в море островом дикая гряда скал, похожая на гигантскую черепаху.

С противоположной, южной стороны наше внимание приковала спокойная и величаява смелость новых неожиданных очертаний. Линией, медленно, но постоянно поднимающейся вверх от самого морского края и в своем прямом непрерывном протяжении захватывающей огромное пространство, вставала вдалеке видная нам лишь одною своею стороной исполинская гора. Линия подъема внезапно прерывалась, утонув в целом море волнистых облаков. Они скрывали верхнюю часть горы, так что нельзя было предположить, на какой высоте должна находиться ее вершина. Нетрудно было нам догадаться, что гора эта была Этна. Мы сожалели, что не видим ее главы. Наш веттурин¹⁵ (ибо мысли всех были заняты извержением) говорил нам об Этне и о легком землетрясении, незадолго до того испытанном в этих местах. Извержение происходило на южном, отвращенном от Таормины склоне вулкана, и его выдавали здесь толь-

ко закутывавшие гору густые облака выдыхаемых паров и дыма, да огненное зарево по ночам.

Приближаясь к городу, мы увидели, что он занимает плоскогорие, окруженное скалистыми горами и открытое только со стороны обрывистого спуска к морю. С севера он прислонен к холму, несущему на себе развалины славного греческого театра. На высоте, господствующей над театром, видны знаки морского телеграфа. Другой утес, возвышающийся над самым городом, увенчан зубчатыми стенами старинного замка. Дальше высится новая каменная масса; она поднимается выше других, и край ее вершины висит в воздухе. На этом висящем камне мы различаем дома, целый город. Мы узнаем, что он называется Мола, и недоумеваем, как могут его парящие в небесах жители поддерживать сношения с землей.

Незадолго до въезда в город с левой стороны дороги появляются отчасти иссеченные в скале, отчасти сложенные из камней продолговатые идущие горизонтально вглубь горы вместилища, квадратные отверстия которых обращены к дороге. Это тысячелетние гробы сарацинов. Некогда, в свою очередь, обладатели многоязычной Сицилии, наложившие на нее свою еще не вполне сгладившуюся печать, они вытеснены ныне даже из этих последних своих владений¹⁶

Таормина оказалась лабиринтом грязных и кривых улиц с деревенскими каменными белыми домами, снабженными по стенам частыми отверстиями для прохода воздуха. Главная улица с примыкающими к ней площадями тянется через весь город, внося некоторый порядок в его расположение; но, несмотря на собор и театр, на несколько палат и гостиниц, именно эта жизненная вена города и производит характеристическое для Таормины впечатление деревни.

Мы остановились в немецкой гостинице и, в ожидании обеда, пошли бродить по ближайшим окрестностям города. Нам предстали, но в еще более яркой красоте, уже знакомые нам виды. Мы отдыхали на полукруглых каменных сиденьях, устроенных на выступе скалы, над мысом Св. Андрея. Вода в глубокой лежащей бухте принимала густой зелено-синий цвет павлиньего пера. Глаз ясно различал с высоты очертания подводных камней и водорослей, колеблющиеся под беспокойною сеткою волн. Мы нашли близ города немало развалин римских гробниц и, описав полукруг по краю плоскогория около высоты античного театра, вернулись в город с юга по узкой тропе с каменными нишами, изображающими для пилигримов последовательные моменты Христовых страстей.

Все время перед нами синела величавая, исчезающая в облаках Этна. Она была отделена от нас сначала рядом холмов, потом обширною равниной, зеленоющею как бы лесами и усеянною белыми селениями. Сицилийский пейзаж оставляет новое и своеобразное впечатление. Он полон простора и силы; линии смелы и широки; краски горячи и ярки. Природа не наряжается и не рисуется, как на других побережьях Средиземного моря. Она здесь серьезна и мужественно-прекрасна.

Возвратясь в город, я решил осмотреть так называемую навмахию, остатки какого-то римского здания (вероятно, бань) и, хотя в сопровождении маленького [автохтона] аборигена, но только после долгих блужданий и расспросов нашел в одном винограднике длинную римскую стену с целым рядом полукруглых как бы статурных ниш. Результат моих поисков не соответствовал потраченным усилиям. После обеда с отличным и очень темным местным вином, которое, как и прочие вина из окрестностей Этны, так крепко, что сицилийцы не пьют его иначе, как с водой, возобновляя таким образом античный обычай, мы отправились, наконец, уже почти на закате солнца в знаменитые развалины греческого театра.

Я не буду с археологическою обстоятельностью и точностью описывать эти замечательные руины. Театр был построен эллинами и перестроен римляна-

ми. Вогнутое полукружие холма сохранило по верхнему краю остатки стены, но почти не сохранило по склону каменных ступеней, служивших сиденьями для зрителей и разделенных радиусами лестниц на девять клинообразных отделений. Орхестра, полукруглое пространство внизу, между передними, почетными рядами зрительных мест и просцениумом покрыта обломками мраморных архитектурных частей. Здесь при грехах стоял жертвенник Диониса и мерно двигался в священной пляске трагический хор; при римлянах, когда хор вышел из употребления, здесь сидели почетные гости городской общины¹⁷. В орхестру ведут две большие арки, проделанные в пристройках, примыкающих с обеих сторон к полукружью холма, эти здания заключали в себе между прочим уборные актеров.

От сцены остались, конечно, только каменные основания, на которых покоился деревянный пол. Поперек ее, по продольной оси театра, едва возвышаясь над землей, доходит до самой орхестры подземный свод, назначенный для стока воды. Узкая полоса античной сцены¹⁸, соединяющая по прямой линии оба конца театральной дуги, прислонена сзади к большой кирпичной стене с двумя полукруглыми воротами для прохода актеров и многими полукруглыми нишами для статуй, пред которыми, на возвышенном цоколе, стояла серая мраморная коринфская колоннада. На месте остались только нижние части ее столбов; но три колонны ушелели вполне, и две из них еще несут обломок архитрава. Подле них, на более низком основании, но превосходя их высотой, поднимается также совершенно целая коринфская колонна, одна из тех, которые были поставлены по сторонам ворот¹⁹.

Стена распалась посредине, образовав обширное отверстие: обстоятельство, чрезвычайно благоприятное, если не для археологии, то для открывающегося из театра вида, которому я не знаю подобного по оригинальности и поэзии. Чрез широкую брешь стены, за остатками помоста, на котором возвышался внешний портик, за зелеными главами садов, в далекой глубине, синет море, окаймленное по берегу серебряною пеною²⁰.

Мы сели на высоте холма, над верхними рядами зрительских мест посредине полукружия²¹. Пред нами, за живописными развалинами театра, простиралась лазурная равнина широко, ограниченная справа раскинувшимися основаниями Этно, а дальше — полосой берега, уходящей в беспредельное пространство. Сзади нас возвышались утесы, стерегущие Таормину. Справа, за городом, за грядями высот, за зеленою равниной Алькантары во всей красоте своей поднималась Этна. Облака на этот раз легли ниже по ее склонам и открыли ее вершину: она, казалось, царил в недосягаемой высоте. Мы представляли себе вулкан ниже. Одна сторона вершины белела снегом. Лениво собирались и курились над ней тонкие клубы белого дыма.

Если мы оборачивались спиной к театру, пред нами открывался новый далекий вид и как бы новое море. Мы видели в глубине пред собой другой залив. Огромной дугой обходила его горная цепь сицилийского берега. Горы надвигались к самому морю, и узкая береговая полоса была отсюда едва заметна. На морском горизонте плавал эфирною тенью высокий силуэт Калабрии. Сидя на краю обрыва, на сухой траве, между кустами кактусов, мы не могли отвести глаз от этой двойной картины.

Между тем как горные тени постепенно росли и густели в глубине театра, развалины оживились двигающимися по орхестре женскими фигурами. До нас отчетливо доносилась негромкая беседа проходивших женщин. Еще раньше повторили мы здесь опыт, произведенный нами полгода тому назад в Южной Франции, в римском театре Оранжа. Акустическое устройство древних сцен было так хорошо, что два собеседника, из которых один стоит в орхестре, а другой находится над верхними ярусами рассчитанного на десятки тысяч зрителей и раскинувшегося под открытым небом театра, могут удобно разговаривать между собою, не возвышая голоса, и ясно слышать не только речь друг друга, но даже отчетливый шелот.

Женщины, которых мы видели, были работницы, очишавшие развалины от сорных трав. Они медленно проходили чрез оркестру и несли на голове высокие корзины. Как статуи, как кариатиды, стройно и прямо держались они, и их голова оставалась неподвижной. Они ступали ритмически и плавно, и мы воображали, что это были женщины греческого хора. В самом деле, они были похожи на тех шесть бронзовых [актрис] танцовщиц геркуланского театра, которые украшают теперь большую залу бронз Неаполитанского музея²². Их осанка и поступь были родственны величавому и спокойному танцу греческой трагедии, и их простые одежды так же, как на тех статуях, свешивались почти без складок вниз, позволяя отчетливее следить за ритмом движений.

Наши мысли перенеслись на сценическое искусство и драматическую поэзию греков и, казалось, что самая картина настраивала душу в тон великой [греческой] античной трагедии. Не замечательно ли, что эллины располагали свои театры в дикой и живописной местности, на едва достигаемых высотах, там, куда не достигал житейский шум и прозаическая суета, в виду моря, в виду уединенных горных вершин? Жители древнего Тавромения²³, поднимавшись в эту священную обитель Диониса, имели пред глазами ту же знакомую и родную местность, но местность, преобразованную так, как это бывает только в горах, где каждая новая точка зрения и каждый уступ горы совершенно изменяют физиономии открывающегося с высоты вида. Пред древними зрителями лежала не их привычная Таормина, но идеальная местность, вместе знакомая и новая, вместе близкая и настолько отдаленная, насколько далеко кажется с пустынной горной вершины населенная людьми юдоль. Глаз видел только красоту и величие окрестного мира, и душа забывала то, что покинуто внизу, и забывала себя, чтобы беззаботно и бескорыстно отдаться очарованию новой идеальной жизни и буре иных углубленных и очищенных поэзией страстей.

Античная трагедия искала возбудить сострадание и страх. Зритель созерцал страдание героя и содрогался пред темной судьбой, которая правит жизнью людей, неисследимая, неведомая, неумолимая. Но вместе с тем эта трагедия держала в узде дикие порывы гнева и отчаяния. Едва приподняв завесу, скрывающую от людских глаз мрак и ужас, на которых зиждется мир, она приковывала внимание зрителя к величию героического страдания, к разумному порядку человеческой жизни, к ясной красоте земного дня. Нравственный урок, преподаваемый ею, был урок самообладания, сдержанности и меры: и эллинский дух умел хранить великую скорбь и великий пламень под покровом ясного и гармонического спокойствия²⁴.

Как соответствует такому настроению величавая красота этого серьезного пейзажа и эта громадная, но спокойная Этна, питающая внутри, под светлой тишиной своих отлогих склонов, сдержанный в беспредельных пещерах и мрачных безднах, бесконечный, всеразрушительный пожар! Недаром у древних трагический миф был связан с этой огнедышавшей горой. Зевс низвергнул восставшего на небожителей Тифона и бросил на него Этну: напрасно мятежный гигант колеблет покрывшую его темницу, выдыхает из нее пламя, мечет к небу скалы и летят огненные реки... Картина, открывающаяся из Таорминского театра, настраивает душу зрителя трагически, и едва ли античная Мельпомена нашла где-либо обстановку, более соответствующую ее вдохновению, нежели в этом месте.

Мы возвратились домой, когда уже стемнело, и поднялись, по итальянскому обычаю, на плоскую кровлю дома, чтобы еще раз кинуть взор на окружающие нас места. Окрестные скалы потемнели и надвигались со всех сторон на город зловещими черными громадами. Вдали, погасив свои краски, еще отливало металлическим блеском море. Из-за склона Этны, значительно ниже темной вершины, вырывалось огнем и багровым сиянием зарево как бы от огромного пожара.

На рассвете следующего дня я опять пошел в развалины театра и опять сел на вершине холма, откуда можно озирать оба залива²⁵. Солнце еще не восходило; но за морем лиловые горы Калабрии уже вырисовывались резкими чертами на золотисто-палевом фоне неба. В глубине театра лежала голубоватая мгла; но живые кариатиды уже стройно двигались по оркестре, как действующие лица какой-то безмолвной драмы. Вершина Этны очистилась и бледно розовела. Пред восходом солнца весь мир вокруг меня и подо мною, казалось, был полон торжественного ожидания. Снизу доносились мерные вздохи моря. С каждой минутой его голубоватая поверхность становилась ярче и красивее. С каждой минутой густел румянец на светлеющей вершине Этны. Яркие розовые лучи, посылаемые ей еще незримым для меня солнцем, спускались по ней ниже и ниже. Казалось, пурпурное сияние медленно стекало с ее царственной главы, как священный елей.

Нетерпеливо ждал я появления солнца, и мне вспомнились слова Гёте: «Посмотри наверх! Исполинские вершины гор уже возвещают наступление самого торжественного часа. Они имеют право раньше наслаждаться [божеств<енным>] вечным светом, который лишь позднее нисходит к нам. Но вот уже новый блеск и отчетливая ясность сообщены зеленым луговым скатам; и это совершилось по ступеням... И вот, выступает оно само!»²⁶

Солнце быстро поднималось, как шар расплавленного золота, из-за туманно-фиолетовых вершин Калабрии. Море ярко и весело засинело вокруг, и его волны заиграли пред солнцем золотистыми арабесками. Чрез несколько минут все сияло спокойным и свежим сиянием утра... Скоро мы покинули несравненную Таормину. Мы нетерпеливо стремились скорее достигнуть самой Этны и увидеть извержение.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 9.

Автограф: Тетрадь, в черном коленкоровом переплете, в линейку; никаких указаний на производителя тетради нет. Вырванных листов нет. Пронумеровано архивом 60 л. (арабская пагинация) плюс Л. I (приклеистой форзац) и Л. II — не пронумерованный Ивановым первый лист тетради, оставленный владельцем в качестве будущего титульного листа, или свободного форзаца, или просто защитного (последний приклеистой форзац архивом пронумерован как Л. 60).

Текст Иванова только на Л. I—II, он имеет авторскую пагинацию: С. 1—21. Просторные, около одной трети ширины страницы, поля; они отогнуты одновременно, причем только до листа II включительно, на котором работа в этой тетради обрывается. Скорее всего, случайность, что текст занял только те листы, на которых были сделаны поля, однако, факт подготовки только малой части тетради для чистовой переписки текста указывает, по всей вероятности, на то, что готовыми к перебеливанию были только два очерка: значит, мы можем заключить с определенной основательностью, что известные нам материалы вполне отражают то состояние текста, в котором работа над ним была навсегда прекращена.

Текст белой, практически без помарок. Однако, он несомненно перечитывался Ивановым первоначальное ошибочное именование мессинской церкви Сан-Грегорио как Сан-Дженнаро выправлено именно при контрольном просмотре рукописи, между строк.

Мы рассматриваем этот текст как чистовую копию, окончательный текст по отношению к черновику, находящемуся в большой тетради, которую Иванов отвел под описание своего путешествия-паломничества в Италию (РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14 — о ней см. выше в предисловии: С. 400—401).

¹ *Занкла* (Zánkla) — имя города, τὸ ζάγκλον — серп) названии одной из самых древних греческих колоний на Сицилии, на месте которой стоит современный город Мессина.

² Название Сицилии в древности (греч. Τριπυκρία — «Трехвершинная»).

³ Фонтан Нептун работы Дж.А. да Монторсоли (1557).

⁴ Руджеро II (ок. 1095—1154) — первый король королевства Обих Сицилий. Иванов употребляет французскую форму его имени не только потому, вероятно, что монарх был представителем

норманской (следовательно, франкоязычной) династии, но и потому, что французский язык для русского путешественника, только что прибывшего в Италию, еще привычнее итальянского.

⁵ Речь идет о герое повести А. фон Шамиссо «Необычайная история Петра Шлемля» (1814) — человеке, потерявшем свою тень.

⁶ Речь идет о маяке, стоящем на мысе Пелоро, крайней северо-восточной точке Сицилии, на берегу Мессинского пролива.

⁷ Общепринятая этимология слова апельсин — от голландского *appelsien*, восходящего, в свою очередь, к франц. *pomme de Sine* — «китайское яблоко». Источник ивановской этимологии установить не удалось.

⁸ *Faro* — маяк (*итал.*), одновременно *Фаро* — другое название мыса Пелоро (см. выше примеч. б) и селения, расположенного на нем, а также и самого Мессинского пролива.

⁹ Речь идет о городе Реджо ди Калабриа.

¹⁰ Нынешнее название этой роковой бездны — Калофаро.

¹¹ Иванов ищет в пейзаже следы древности (ср. *Гамер*. Одиссея. XII. 73—126, 201—259).

¹² Мессинский пейзаж во всей его мифологической нагруженности отразился в стихотворении Иванова:

С ПУТИ

Прежде чем парус направить в лазурную Парденопою,
Шлем из Панорма тебе добрую, странники, весть.

Путеводимы везде благосклонными явно богами,
Остров Тринакрии мы, тихо дивясь, обошли.

Дружные волны несли наш корабль меж Харибдой и Скиалой:
В горном жилище своем нам не грозил Полифем.

Этною неизмеримой подавленный, зыбля темницу,
Снова с Зевесом ведет древнюю распряу Тифон:

Мы ж невредимы не раз приближались к безднам, откуда
Пламенем дышит Гигант, пламя льет и гремит...

Но что великого мы, но что прекрасного зрели, —
Эта ль табличка вместит? Будь же здоров и прости!

(Прозрачность)

Парденопоя — древнее название Неаполя, *Панорм* — Палермо, *Тринакрия* — см. выше примеч. 2. Датировка этого произведения на сегодня не установлена. Если за ним стоит личный опыт поэта, то, по крайней мере, первый замысел его следует напрямую связать с 1892 г. и называть стихотворным посланием к неизвестному, решение о публикации которого было, однако, принято поздно, после выхода в свет первой книги поэта «Кормчие звезды». «“Прозрачность” в противоположность “Кормчим звездам” вышла “на брег земного бытия” сразу, под напором одной лирической волны», — говорит О.А. Шор и поясняет в примечании: «Из всех стихотворений “Прозрачности” только семь были написаны не летом 1904 г.» (СС. II, 63, 845). Эти стихотворения указаны О.А. Шор, но интересующее нас оставлено ею без всяких пояснений (принципиально неточно и отнесение основной массы стихотворений этого сборника к 1904 г. — большая часть из них написана в 1903 г.). Иванов предложил издательству почти готовую книгу в сентябре 1903 г., а в феврале 1904 г. было уже отпечатано семь листов, две трети; см. *Бросов В.Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 437, 447). В пользу датировки стихотворения 1892 г. наиболее веский довод — указание на вулканическую активность Этны («Снова с Зевесом ведет древнюю распряу Тифон»). Маловероятным представляется предположение о том, что это стихотворное переложение некоего неизвестного нам письма к Иванову, адресатом переложенное в стихи, — такого рода риторические игры встречаются в творчестве Иванова.

¹³ Правильно — Джардини.

¹⁴ Иванов транслитерирует слово, к его времени еще не освоенное русским языком: *oruntia* (*лат.*, *итал.*, сравнительно редкое: *orunzia*).

¹⁵ Кучер, извозчик — транслитерация, с русифицирующим опущением окончания, итальянского *vetturino*: нарочитый варваризм — ср. образования того же типа «форестьер» (в п. 1), «ар-

ранжировать» (в п. 5) и др. Вероятно, следует отметить то, что и Гете в своем «Путешествии в Италию» постоянно пользуется этим итальянским словом, столь же варварским для немецкого языка, сколь для русского.

¹⁶ В IX–XI вв. Сицилия находилась под властью арабов.

¹⁷ Перед нами, возможно, наиболее ранняя 1892 г.! — фиксация центральной темы ивановской теории и мифологии искусства. Ср.

Проблема хора неразрывно сочетается с проблемой мифа и с утверждением начал реалистического символизма. Хор сам по себе уже символ — чувственное означенное соборного единомыслия и единодушия, очевидное свидетельство реальной связи, сомкнувшей разрозненные сознания в живое единство. Хор не может возникнуть, если нет *res*, обозначающей реальности вне индивидуального и выше индивидуального. Вокруг алтаря, видимого или незримого, шествует хор. Поэтому можно сказать, что хор поет миф, а творят миф боги. Хор желателен постольку, поскольку желательно религиозное сознание или познание истинной абсолютной реальности. Будет это познание, эта реальность, — будет, необходимо, неизбежно, и хор. Утрачено это познание, эта реальность, и хора нет.

Античная трагедия была торжеством мифа. Ослабление означенательного, реалистического принципа в искусстве и рост искусства идеалистического совпали в древности с упадком религии и упадком хора. Мы не однажды выдвигали проблему хора, размышляя о судьбах драмы. Хор — постулат нашего эстетического религиозного *credo*; но мы далеки от мысли или пожеланий его искусственного воссоздания. Мы не хотим купить его дешевой ценой, как феномен чисто эстетический. Не будем спрашивать себя, возможен ли хор в настоящее время: мы спросили бы этим, существует ли еще в современном сознании религиозная реальность.

(Программная статья «Две стихии в современном символизме» (1908); цит. по: *Иванов Вяч. По Звездам: Статьи и афоризмы.* СПб., 1909. С. 285–286.) Именно этим объясняется столь подробное, будто бы сугубо техническое описание памятника архитектуры и вмещавшейся в него жизни.

¹⁸ Иванов неоднократно возвращался к эволюции сцены, усматривая в постепенном усилении ее функции разделителя мира театрального действия и мира зрителей выражение упадка соборности в древнем обществе и его преемниках. Ср.

Но что же совершается на сцене в то время, как размагничивается соборное чувство зрителя? Ослабляется энергия хора до полного истощения; он еще влечется уже не на круглой оркестре, а у выросшего до высоты нашей рамплы проскения, где декламируют актеры, и музыкально отмечает перипетии действия, пока вовсе не отменятся, как докучный лирический придаток, чтобы вставать из гроба бледною тенью бывшего лишь в постановках старинных, канонических образов, да в искусственных им подражаниях. Этот кризис хора есть кризис соборного начала в театре и театра вообще. Античная сцена уже не оправилась от этого потрясения и не дала ничего значительного.

(Доклад «Эстетическая норма театра» (1914); цит. по: *Иванов Вяч. Борозды и Межи: Опыт эстетические и критические.* М., 1916. С. 272.)

Обослабление элементов первоначального действия имело своим последствием ограничение диапазона внутренних переживаний общины: ей было предоставлено только «испытывать» (πάσχειν) чары Диониса; и древний теоретик драмы, Аристотель, говорит поэтому лишь о пассивных переживаниях (πάθη) зрителей. Неудивительно, что самое действие отодвигается с оркестры, круглой площадки для хора посреди подковы сидений, на просцениум, все выше возносящийся над уровнем оркестры. Проводится та заколдованная грань между актером и зрителем, которая поныне делит театр, в виде линии рамплы, на два чуждые один другому мира, только действующий и только воспринимающий, и нет вен, которые бы соединяли эти два отдельные тела общим кровообращением творческих энергий.

(Программная статья «Предчувствия и предвестия» (1906); цит. по: *Иванов Вяч. По Звездам.* С. 206–207.)

¹⁹ Нелосредственное переживание греческого сценического пространства, некогда оформлявшее постулируемое религиозное действие, определяет у Иванова программу создания/восстановления новых театральных форм:

Если мы представим себе хор этой симфонии, затопивший площадь, уготованную для Действа, в венках и светлых волнах торжественных одежд и в ритмическом движении хорадова Радости, если представим себе возникновение человеческого голоса и образа, в лице хора и лице трагического актера, из лона инструментальной музыки тахим, каковым оно намечается в своих возможностях Девятой Симфонией <Бетховена>, мы убедимся, как велик недочет в Вагнеровом осуществлении им же самим установленной формулы «синтетического» искусства музыкальной драмы: в живой «круговой пляске искусство» еще нет места самой Пляске, как нет места речи трагика.

И зодчий, чьей задачей Вагнер положил строение нового театра, еще не смеет создать, в сердцевине подковы сидений, круглой оркестры для танца и песнопений хора двойственного хора являющихся нам в мечте Действ: хора малого, непосредственно связанного с драмой, и хора расширенного, хора-общины. Мост между сценой и зрителем еще не переброшен — двумя «сходами» (ярабои) чрез полость невидимого оркестра из царства Аполлоновых снов в область Диониса: в принадлежащую соборной общине оркестру.

(Статья «Вагнер и Дионисово действие» (1905); цит. по: *Иванов Вяч.* По Звездам. С. 68.)

Тот же духовный и интеллектуальный опыт лежит в основе общей теории искусства как сакрального действия:

Что этот синтез может быть только литургическим, понимали и творец действия о Парсифале <Р Вагнер. — Изд >, и Скрябин. Бросим взгляд на отправляемое поныне богослужение. Все искусства представлены в нем, и больше, чем все искусства. — все чувственно приятное, как благоговения, и то искусство, что ревниво удержала за собой Мать-Природа, отступившая от лучшего в пользу своего наследника-человека, искусство кристаллического гранения и раскраски самоцветных камней. Вот три двери в иконостасе, три двери трагической сцены эллинов. Вот солея проскенион, и архирейское место — фимблы оркестры. А вокруг строятся два полухора древнего хора, и антифонно звучат строфа и антистрофа. и оркестрически движутся в драгоценных столах священнослужители, и звучит в речитативах и пении все гимническое величание эллинской поэзии; и фрески мерцают сквозь эфирную ткань голубого фимиама, как видения неосяземо зрительного мира, и в озарении бесчисленных палающих светочей, как в ночь стародавних мистерий, переливаются мерлением жемчуга, играют алмазы и яхонты, и рассыпаны все золото и серебро сокровищниц царственных. А зодчество — в чем, как не в создании домов Божиих расцветало прекраснейшим своим цветом зодчество? В богослужении, и только в богослужении, находят системы искусств свою естественную ось, причем каждое вращается на своей естественной оси и опиывает свою естественную орбиту.

(Статья «Чурлянис и проблема синтеза искусств» (1914); цит. по: *Иванов Вяч.* Борозды и Межи. С. 346.)

²⁰ Образ театра Таормины отчетливо различим в ивановском проекте перестройки современной сцены, революционного преобразования театра:

В дополнение ко второму требованию должно прибавить, как условие его осуществления, и требование восстановления оркестры. Партер должен быть очищен для хорового танца и хоровой игры и представлять собою подобие ровного дна отовсюду доступной котловины у подножия холмных склонов, занятых спереди сценой, ступенями сидений для зрителей с остальных сторон. Оркестр должен или оставаться невидимым в полости, определенной ему в театре Вагнера, или быть расположенным в других местах. Корифей оружийной оркестра, в одежде, соответствующей хору, со своим чародейным жезлом и ритмическими жестами всемогущего волшебника и мистагога, не оскорбляет нашего эстетического чувства: он может стоять на глазах у всей общины.

(Статья «Предчувствия и предвестия»; цит. по: *Иванов Вяч.* По Звездам. С. 212.)

Разумеется, у Иванова мы встречаем отсылки не только к таорминскому театру, но и к другим. Постоянным остается в этих случаях указание на объединение в античном театре собствен театрального пространства с окружающим пейзажем:

Театральная рама различила общину, уже не сознающую себя, как таковую, от тех, кто сознают себя только «лицедеями». Сцена должна перешагнуть за рампу и включить в себя общину, или же община должна поглотить в себе сцену. Такова цель, некоторые уже сознавая; но где пути к ее осуществлению? Напрасно было бы искать приближения к этой цели предreshением содержания железаемой новой драмы. Будет ли искомый театр «театром юности и красоты» или зрелищем «человеческого счастья без слез» (по недавнему требованию Материнка-теоретика), театром заветных воспоминаний или вещей предчувствий, благоуханий или священных трепетов, поучений познавательного порядка или воспитательного, театром «платформой» или театром-кафедрой — ни одна из этих программ не дает средства расколдовать чары театральной рамы. Возможны ухищрения, облегчающие публике вмешательство в ход представления; можно вызвать реплики из среды зрителей (таковые не редки на представлениях итальянских и французских мелодрам); нетрудно, раз дело коснется политики, превратить залу в публичный митинг: но все это, конечно, не есть эстетическое решение поставленной проблемы. Столь же мало помогут делу нововведения чисто внешние и обстановочные: современный театр останется тем же по духу и тогда, когда над головой зрителей будет сиять открытое небо или проглянут за сценой вулканические очертания берегов прекрасного Lago Albano.

(Там же. С. 207). Ср. также описание афинского театра и дионисийских празднеств: *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. СПб., 1904. Янв. С. 129—133.

²¹ Сколь ни естествен выбор точки зрения на верхнем гребне амфитеатра, необходимо отметить его совпадение с выбором Гете:

Когда всходишь на скалистые стены, круто поднимающиеся вверх недалеко от берега, обнаруживаются две вершины, соединенные между собой полукругом. Какую бы форму это место ни имело от природы, искусство пришло ей на помощь и создало для зрителей полукруг, похожий на амфитеатр; стены и другие кирпичные пристройки заменили необходимые ходы и галереи. У подножья ступенчатого полукруга в поперечном направлении пристроили сцену, соединив оба утеса, и завершили таким образом это грандиозное произведение природы и искусства.

Если же сесть туда, где некогда помешался верхний ряд зрителей, то приходится признать, что никогда еще театральная публика не имела перед собой подобных предметов. С правой стороны на высоких скалах возвышаются замки, внизу лежит город, и хотя эти здания относятся к новейшим временам, все же в древности точно такие же стояли на тех же местах. Отсюда открывается вид на длинный горный хребет Этны, слева морской берег до Катании, даже до Сиракуз; наконец, просторную широкую картину замыкает огромный дымящийся вулкан; он не страшен, потому что в смягчающей атмосфере кажется более далеким и мирным, чем на самом деле.

Если от этого зрелища обратиться к устроенным за спиной зрителя проходам, между которыми и морем вытекает дорога на Мессину, группы скал и скалистые гребни в самом море, в отдалении — берег Калабрии, который только при большом внимании можно отличить от плавно вздымающихся облаков.

(*Гете И. В.* Собр. соч., в 13 т. М., 1935, Т. XI: Путешествие в Италию / Пер. Н. А. Холодковского. С. 215–216). Знаменательно глубинное различие видения амфитеатра у Гете и Иванова, относившегося к Гете как к непревзойденному учителю, «кормчей звезде»: если первый только любуется странным театральным задником, вводящим реальный пейзаж в театральное пространство, то второй усматривает в этом объединении волевое расподобление самых природ театра и окружающей его естественной повседневности, делающее амфитеатр, вынесенный на высоту, общественным святилищем.

²² Имеется в виду группа бронзовых скульптур I в. н.э. (так называемые «Танцовщицы из Геркуланума»), украшавших не театр, а перистиль виллы Пизонов, и представляющих скорее всего не танцовщиц (как считалось на протяжении долгого времени), а женщин, несущих воду (тип *hydrophoroi*) или примеряющих дорийский пеллос (тип *peplophoroi*). Скульптуры эти, по моде начала эпохи Империи, были выполнены в стиле подражания образцам греческого (в данном случае пелопоннесского) искусства классического периода. См.: *Maiuri B.* Museo Nazionale di Napoli. Novara, 1957 P. 57; *De Franciscis A.* Il museo archeologico nazionale di Napoli. Napoli, [s.d.]. P. 26. Fig. 31, *Idem.* Il Museo Nazionale di Napoli, 1964. P. 69. Tav. XVI, XVII, XVIII.

²³ *Tauromenium (там.)* — древний город, от которого велет происхождение современная Таормина.

²⁴ Ср. в письме Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 2/14 сентября 1894 г. (Переписка... V. С. 372): «Когда я получил Ваши дружеские, доверчивые, поэтические строки... сознаюсь лучше, что главная причина моего промедления заключалась в особенном внутреннем впечатлении, произведенном на меня этими чудесными строками, всколыхнувшими в моей душе такие хорошие, но и такие сильные волны, что я оказался бы плохим учеником проинизанных чувством меры эллинов, если бы решился точчас же отвечать Вам, не восстановив в душе трезвой ясности и спокойного равновесия...» — эта характеристика эллинского духа устойчива у Иванова.

²⁵ Несомненно, впечатления этой прогулки легли в основу стихотворения «Таормина»:

За мглой Авзонии восток небес алей;
Янтарный всходит дым над снеговерхой Этной;
Снег рдеет и горит, и пурпур огнечетный
Течет с ес главы, как царственный елей,

На склоны тихие дубрав, на мир полей
И рошей масличных, и берег предрассветный,
Где скоро смутный понт голубиной просветной
Сверкнет в развалинах священных пропилей.

В обломках спит неатр, орхестра онемела;
Но вечно курится в снегах твоя Зимела,
Грялый в востоке дня и торжестве святянь!

И с твоего кремля, как древле, Мельпомена
Зрит, Эвий, скорбная, волшебный круг пустынь
И Тартар, дышавший под вертоградом плена!

(Кормчие звезды)

²⁶ Первый монолог Фауста из второй части одноименной драмы Гете. М. Вахтель с полным основанием утверждал, что этот фрагмент Гете «имел огромное влияние на поэтику Иванова» (*Wachtel M. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. Madison (Wisconsin), 1994. P. 36.*)

<Этна>

Представ нам однажды, могучий силуэт Этны надолго сделался нашим спутником: он был постоянно пред нами, пока мы находились на восточном побережье Сицилии. Поднимаясь на высоту трех верст и 50 саженьей. Этна, этот величайший вулкан Европы и высочайшая гора Италии, нераздельно господствует над обширным островом, который, говорят, представляется с его вершины в ясные дни тругольником, плавающим на морской поверхности, [неожиданно] высоко <поднятой(?)> по краю горизонта. Этна, как и Везувий, отдельная, одинокая гора, не связанная ни с какою горною цепью; но в то время как Везувий представляет собою один единственный вулкан умеренной величины, отлогие склоны огромной Этны, окружность которой имеет у подошвы не менее полутора верст длины, несут на себе целую горную страну, состоящую из многочисленных вулканов, образованных былыми извержениями и вместе с ними угасших. Незаметные издали, когда озираешь всю громаду Этны, пирамиды этих вулканических возвышенностей, то обособленные, то связанные в короткие цепи, разбросаны по основаниям главного конуса и окружают его как бы кольцом. Это временные очаги извержений, которые до сих пор продолжают увеличивать их число. [Они] Извержения происходят по склонам горы; но и главная вершина не остается [спокойной] в своей злобной высоте. Над нею постоянно клубятся энергически выбрасываемые [клубы] > большие клубы паров и дыма; из ее кратера поднимается обыкновенно невидимый снизу огонь, и самый кратер вечно изменяется, то образуя одну огромную [пропасть] чашу с пятиверстой окружностью, то разделяясь возникающими из глубины стенами на [несколько] [две] несколько отдельных пропастей.

Мы должны были обогнуть Этну по [берегу моря] морскому берегу, имея [его лазурную поверхность слева, а вулкан справа] море с левой стороны, а вулкан с правой. Береговая полоса являлась такою же цветущею, как и раньше; но потоки давно застывшей лавы, перерезывавшие наш путь, свидетельствовали о старинных опустошениях. Там, где эти потоки были обнажены из-под наносов земли и травяного покрова, они имели вид каменистых черных полей. По самому берегу, где лава изливалась в море, она громоздилась угловатыми чернобазальтовыми [грудями] скалами. Местность, по которой мы проезжали, играла большую роль в мифологии древних. Поэтические вымыслы, связанные с нею, конечно, имеют своим главным мотивом своеобразную и страшную жизнь колоссального соседа [этого побережья] этой береговой полосы. Этна, воспетая столькими древними поэтами, являлась грекам то темницей Титанов, то [мастерской] кузницей Гефеста-Вулкана; в окрестностях же ее, по морскому берегу, обитали дикие Циклопы. Поезд минует тенистые сады, окружающие станцию Ачиреале, которую ее климат и минеральные воды сделали убежищем больных: здесь ревность циклопа Полифема убила Аксиса, возлюбленного морской нимфы Галатеи; несчастный юноша превратился в источник, до сих пор текущий в море и сохранивший его имя^a Вскоре потом

^a Было: «несчастный юноша превратился в источник, текущий в море, на лоно Галатеи, и до сих пор сохранивший его имя».

появляются в отдалении острова Циклопов; это брошенные [некогда Циклопами] одноглазыми великанами в море, неподалеку от берега, остроконечные чернобазальтовые скалы, о которые разбиваются морские волны; один из этих камней, наверное, тот, который ослепленный Одиссеем Полифем метнул наудачу во след успешному отчалить врагу¹ <Текст обрывается.>

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. кр. 8.

Автограф: Двойной лист писчей бумаги. Чернила. Торопливый почерк, немногочисленные поправки только по ходу письма; часто недописанные слова. Авторской нумерации страниц нет.

Текст задуман, несомненно, как третий в серии очерков о Сицилии, в последовательности путешествия он следует за очерком «Таормина».

Текст начинается сверху страницы без спуска и без абзацного отступа, что может означать, что публикуемый фрагмент имел начало, нам неизвестное.

Публикация Н.В. Котрелева

¹ Акис в итальянском произношении — Ачи. Около десятка населенных пунктов и гидрографических объектов претендуют на отождествление с мифологическими реалиями. Наиболее крупный из них — город Ачиреале, рядом с ним — Ачи Катена, Ачи Трецца, Ачи Каstellо (подле которого и находятся упоминаемые Ивановым острова Циклопов) и т.д. Все эти объекты располагаются севернее Катании. Морское побережье на соответствующем отрезке именуется Берегом Циклопов.

Список условных сокращений

ВВ	Византийский временник (Москва)
ВДИ	— Вестник древней истории (Москва)
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения (СПб.)
ИРЛИ	Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
ЛН	Литературное наследство
НЛО	Новое литературное обозрение (Москва)
ПФА РАН	С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РНРВ	Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999
СС I–IV	— Вячеслав Иванов. Собрание сочинений / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. I–IV (Брюссель, 1971–1987, изд. продолж.)
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
ЦИАМ	Центральный исторический архив Москвы
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum (Berolini, 1863—)
ILS	<i>Dessau H.</i> Inscriptiones Latinae selectae. Vol. I–III (Berolini, 1892–1916)
OGIS	— <i>Dittenberger W.</i> Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. I–II (Lipsiae, 1903–1905)
RE	— Pauly-Wissowa Realencyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft (Stuttgart, 1894–1980)

Аверинцев С.С. «Скворещниц вольных граждан...» *Аверинцев С.С.* «Скворещниц вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001.

Альтман М.С. Разговоры... *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.

Анфертьева А.Н. М.Н. Крашенинников *Анфертьева А.Н.* М.Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека // РНРВ. С. 375–419.

Анциферов Н.П. Из дум о былом — *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступит. ст., составл., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М., 1992.

Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт... *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999.

Бонгард-Левин Г.М. Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам...» — *Бонгард-Левин Г.М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // ВДИ. 2001. № 3. С. 150–184.

Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым — *Брюсов В.Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // ЛН. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 428–545.

Вахромеева О.Б. Духовное пространство Университета — *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.. Исследование и материалы. СПб., 2003.

Вячеслав Иванов: Творчество и судьба Вячеслав Иванов: Творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи; Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М., 2002.

Гревс И.М. К истории моей научной жизни — *Гревс И.М.* К истории моей научной жизни // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35.

Гревс И.М. К истории моих научных работ — *Гревс И.М.* К истории моих научных работ // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 34 и об.

Гревс И.М. К моему научному учению — *Гревс И.М.* К моему научному учению // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 38а.

Гревс И.М. К ходу, содержанию и направлению... — *Гревс И.М.* К ходу, содержанию и направлению моих занятий (научных — университета) // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 49.

Гревс И.М. Краткий обзор академического стажа... — *Гревс И.М.* Краткий обзор академического стажа профессора Ивана Михайловича Гревса // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 20–21.

Гревс И.М. Мои поездки за границу *Гревс И.М.* Мои поездки за границу // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 61.

- Гревс И.М.* Моя первая встреча с Италией — *Гревс И.М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 года) / Публ. и вступит. слово В.И. Рутенбурга // Россия и Италия. М., 1993. С. 281–315.
- Гревс И.М.* Моя первая вступительная лекция — *Гревс И.М.* Моя первая вступительная лекция // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 39 об.
- Гревс И.М.* Очерк первый. Гораций — *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения во времена Империи: Очерк первый. Римское землевладение в момент утверждения Империи по сочинениям Горация // ЖМНП. 1895. Январь. Отд. 2. С. 66–187
- Гревс И.М.* Очерк второй. Атик. I — *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения во время Империи: Очерк второй. Т Помпоний Атик (друг Цицерона), как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи // ЖМНП. 1896. Февраль. Отд. 2. С. 297–340.
- Гревс И.М.* Очерк второй. Атик. II — *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения во время Империи: II. Реализация состояния Атика в недвижимых имуществах: Атик крупный земельный собственник // ЖМНП. 1896. Июль. Отд. 2. С. 1–66.
- Гревс И.М.* Очерк второй. Атик. III — *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения во времена Империи: III. Заключение (Политическая философия Атика и его общественное поведение) // ЖМНП. 1896. Сентябрь. Отд. 2. С. 76–140.
- Гревс И.М.* Очерк третий. «Большое сельское поместье» — *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения преимущественно во время Империи. Очерк третий. «Большое сельское поместье» в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I-го века Империи // ЖМНП. 1897. Сентябрь. Отд. 2. С. 1–55. Октябрь. Отд. 2. С. 277–324.
- Гревс И.М.* Очерки... — *Гревс И.М.* Очерки истории римского землевладения (преимущественно во время Империи). Т 1. СПб., 1899.
- Гревс И.М.* Педагогическое мое прошлое — *Гревс И.М.* Педагогическое мое прошлое // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52.
- Гревс И.М.* Путешествия мои в Италию — *Гревс И.М.* Путешествия мои в Италию // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 41.
- Гревс И.М.* Тургенев и Италия — *Гревс И.М.* Тургенев и Италия (культурно-исторический этюд). С приложением литературной справки «Тургенев и Петербург». Л., 1925.
- Лешарт О.* Введение // СС I. С. 5–227
- Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо — *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо // СС II. С. 7–22.
- Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник — *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. 1888–1889 / Подгот. текста Н.В. Котрелева и Н.Н. Фридмана; Примеч. Н.В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования / Отв. ред. Л.А. Гоготшивили, А.Т. Казарян. М., 1999. С. 10–61.
- Иванов Вяч.* О Моммзене — *Иванов Вяч.* О Моммзене // Весы. 1904. № 11. С. 46–48; перепеч.: ВДИ. 2004. № 2. С. 202–203.
- Иванов Вяч.* *Cuticulum vitae* — *Иванов Вяч.* *Cuticulum vitae* / Публ. и примеч. Н.В. Котрелева // *Котрелев Н.В.* Неизданная автобиографическая справка... С. 189–195.
- Иванова Л.* Воспоминания — *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Джона Мальмстада. Париж, 1990.
- Казанович Б.С.* Вокруг «Очерков»... — *Казанович Б.С.* Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И.М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе. Л., 1990. С. 198–216.
- Котрелев Н.В.* Неизданная автобиографическая справка... — *Котрелев Н.В.* Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. Материалы научно-тематической конф. в г. Судак 18–20 сентября 1996 г. Москва; Судак, 1997. С. 186–195.
- Кулаковский Ю.А.* Памяти Моммзена — *Кулаковский Ю.А.* Памяти Моммзена // ЖМНП. 1904. Январь. С. 39–61, перепеч.: ВДИ. 2004. № 2. С. 189–202.
- Летяев В.А.* Восприятие римского наследия... — *Летяев В.А.* Восприятие римского наследия российской наукой XIX — начала XX в. Волгоград, 2002.
- Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме — *Модестов В.И.* Ученая жизнь в Риме // ЖМНП. 1892. Март. С. 84–120; Апрель. С. 336–369.
- Нестеров М.В.* Давние дни — *Нестеров М.В.* Давние дни: Встречи и воспоминания / Подгот. текста, введение и примеч. К. Пигарева. М., 1959.
- Нестеров М.В.* Письма — *Нестеров М.В.* Письма: Избранное / Вступит. ст., составл., коммент. А.А. Русаковой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1988.

«Обнимаю вас и матерински благословляю...» «Обнимаю вас и матерински благословляю...»: Переписка В. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал с А.В. Гольштейн / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. А.Н. Тюрина и А.А. Городницкой // Новый мир. 1997 № 6. С. 159–189.

Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн — Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / Публ., вступит. ст. и коммент. М. Вахтеля и О.А. Кузнецовой // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Т. 41. Budapest, 1996. P. 335–376.

Ростовцев М.И. История государственного откупа... — *Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи: (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899.

Санкт-Петербургские Высшие... Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы: 1878–1918: Сборник статей. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общей ред. С.Н. Валка и др. Л., 1973.

Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс — *Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс (1860–1941) // *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. 3: Древний мир и Средние века / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004. С. 336–360.

Скифский роман Скифский роман / Под общей ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997
Скржинская Е.Ч. Иван Михайлович Гревс — *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс: Биографический очерк // *Гревс И.М.* Ташит. М., Л., 1946. С. 223–248.

Фралов Э.Д. Русская наука... *Фралов Э.Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999.

Человек с открытым сердцем Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) // Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004.

Шаховской Д.И. Письма о братстве — *Шаховской Д.И.* Письма о братстве / Публ. Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // *Звенья: Исторический альманах*. Вып. 2. М., 1992. С. 174–318.

Эсхил. Трагедии *Эсхил.* Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; Изд. подготовили Н.И. Балашов, Дим. Вяч. Иванов, М.Л. Гаспаров, Г.Ч. Гусейнов, Н.В. Котрелев, В.Н. Ярхо; Отв. ред. Н.И. Балашов. М., 1989.

Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff — *Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff: Leben und Werk führender Althistoriker der Neuzeit*. 2. Aufl. Darmstadt, 1979.

Ivanov V De societibus vectigalium... — *Ivanov V* De societibus vectigalium publicorum populi Romani. Petropoli, 1910 [rist. Roma, 1971].

Nicolet C. Censeurs et publicains — *Nicolet C.* Censeurs et publicains: Économie et fiscalité dans la Rome antique. Paris, 2000.

Nicolet C. L'ordre équestre... Т. 1 *Nicolet C.* L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). Т. 1. Définitions juridiques et structures sociales. Paris, 1974 (1^è éd. 1966).

Nicolet C. L'ordre équestre... Т. 2 — *Nicolet C.* L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J.-C.). Т. 2. Prosopographie des chevaliers Romains. Paris, 1974.

Wachtel M. Вячеслав Иванов студент... — *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент Берлинского университета // *Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps*. [Cahiers du monde russe. XXXV 1–2]. Paris, 1994. P. 353–376.

Wickert L. Beiträge... *Wickert L.* Beiträge zur Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts von 1879 bis 1929. Mainz, 1979.

Указатель имен*

- Абамелек-Лазарева (урожд. Демидова) М.П. 34
 Август, римский император 29, 44, 53, 78, 80, 85,
 92, 100, 131, 160, 182, 183, 193, 204, 317, 319,
 320, 332, 356
 Августин, бл. 131, 263, 384
 Аверинцев С.С. 3, 276, 308, 310, 311, 373, 386, 387,
 427
 Агамемнон 216, 223
 Агриппа, Марк Випсаний 182, 192, 194, 201, 204
 Адам (библ.) 274
 Азадовский К.М. 367, 376
 Айналов Д.В. 28, 29, 32, 33, 34, 53, 55, 62, 65, 139,
 291, 292
 Аквилон 165
 Ажис 405, 425, 426
 Аларих 80, 82, 117
 Александр I, император 16
 Александр III, император 107, 110, 123, 126
 Александра Федоровна, императрица 126
 Александров В. 58
 Александров Н.Н. 34
 Алпатов М.А. 309
 Алфей 23
 Алымова С.И. 69, 71, 143, 145, 234, 378
 Альдобрандини, кардинал 38
 Альтман М.С. 4, 264, 267, 312, 378, 384, 394, 427
 Амальтея 184
 Ампер (Ampère de la Chine) Ж. 128, 131
 Анаксагор 202
 Ананьин Евг. 31
 Андреев Л.Н. 281
 Андро (Andreu) Ж. 49, 94, 165, 329
 Анчиков Е.В. 330, 331
 Анненский И.Ф. 281, 385
 Анри (Генри, Непп) В.А. 74, 76
 Антимих 33
 Антиох 190
 Антоний, Марк 160, 168, 192, 200
 Антохина-Московченко В.И. 126
 Анферьева А.Н. 15, 32, 38, 54, 55, 56, 150, 377, 427
 Ашшеров Н.П. 4, 75, 106, 131, 264, 265, 267, 288,
 313, 384, 427
 Анюта, няня в семье Гревсов 78, 79, 133, 206, 207,
 208, 209, 371
 Анюта см. Шутова А.Н.
 Аполлон 45, 90, 423
 Аппиан 224
 Аретуа 22, 23
 Аристотель 190, 198, 223, 312, 360, 422
 Артемиды 45
 Артур, король (лит.) 274
 Атилиус Сеттан (Sertanus) 216, 223
 Атик, Тит Помпоний 49, 75, 82, 92, 93, 105, 109,
 112, 132, 156, 157, 158–160, 163–170, 171–177,
 178–185, 186–195, 196–204, 206, 215, 220, 290,
 318, 322, 324–336, 338, 428
 Ахиллес 13, 14
 Ахматова А.А. 276, 282
 Базинер О.А. 59
 Бакалович С.В. 95, 96
 Балашов Н.И. 429
 Балтрушайтис Ю.К. 140
 Бальмонт К.Д. 280, 282, 283, 392
 Бартольд В.В. 266
 Басаргина Е.Ю. 42, 115, 246, 341, 427
 Батюшков Ф.Д. 330
 Бауэр В.В. 303
 Бах Е.Р. 34
 Баян (Боян) 36, 39
 Бедекер (Бэдекер, Ваедкер) К. 74, 76, 211
 Бёк (Воеск) А. 218, 220, 221, 225, 227, 299
 Бекарюкова (в замужестве Гизетти) Н.Д. 15, 264,
 301, 303
 Белецкий А.И. 278, 279, 280, 281, 282, 283
 Белецкий И.И. 281, 282
 Бело (Belot) Э. 74, 75, 168, 218, 219, 221, 225, 226
 Белозеров В.Н. 302
 Белох (Beloch) К.Ю. 13, 16, 17, 41, 48, 294
 Белый, Андрей 5
 Бем А.Л. 265
 Беме Я. 282
 Бенедек Л. 57
 Бенедикт Нурсийский, св. 57, 129, 131, 140, 141
 Бергсон А. 289
 Берд Р. 390, 392, 393
 Бердяев Н.А. 5, 266, 287, 383, 396
 Бернгардт, архитектор 34
 Берти (Verti) Т. 97, 209
 Бесси (Vertei?) 120, 122, 141, 142
 Бестужев-Рюмин К.Н. 303
 Бетховен Л. 122, 125, 213, 413, 422
 Бибул, Марк Кальпурний 158, 166
 Благовещенский Н.М. 299
 Блинов Л.Д. 34
 Блок А.А. 5, 264, 272, 281, 282, 386
 Боголепов Н.П. 231, 240, 338
 Богомоллов Н.А. 367, 376
 Богословский М.М. 253
 Бодуэн (Beaudouin) Э. 221
 Боккаччо Дж. 31
 Бокшанин А.Г. 222
 Бонгард-Левин Г.М. 3, 10, 15, 31, 42, 45, 58, 235,
 271, 274, 276, 298, 311, 315, 316, 347, 348, 366,
 367, 390, 394, 395, 396, 427, 429
 Борей 165, 166
 Борман (Wormann) Е. 356, 357
 Боэций, Аниций Манлий Северин 384

* Курсивом выделены отсылки к страницам комментариев и статьи «Переписка...»; полужирным шрифтом — отсылки к страницам с биографическими сведениями об упоминаемых лицах.

- Бреслау Г 311, 312
 Бриссон Э.-А. 123, 126
 Брокгауз Ф.А. 265, 272, 304, 365, 385
 Бронников Ф.А. 34
 Брунс (Bruns) К.Г. 60
 Брут, Марк Юний 167, 169, 194
 Брюсов В.Я. 5, 8, 110, 140, 234, 253, 263, 266, 280, 281, 282, 283, 284, 421, 427
 Брюсова И.М. 281
 Буассье (Буассье, Boissier) Г 27, 28, 32, 36, 97, 113, 114, 124, 127, 160, 168, 194, 197, 242, 316, 332
 Бублик В.Д. 211
 Бубнов Н.М. 240, 241, 306
 Булгаков С.Н. 271, 272, 377, 396
 Булгарин Ф.В. 282
 Буслев Ф.И. 32
 Бухарин М.Д. 9
 Быкова Т.А. 339
 Бычков А.Ф. 38
 Бюхелер (Bücheler) Ф. 310
 Бюхер (Bücher) К. 93, 229, 336, 338
- Вагнер Р 422, 423
 Вайтзекер Ю. 311
 Валерий Анциат 222
 Валерий Максим 215–216, 223, 226, 334
 Валерий Попликола 216, 223
 Валерия Андреевна 277, 278, 280
 Валк С.Н. 429
 Ванновский П.С. 253
 Варрон, Марк Теренций 89, 101, 176, 184, 200
 Васильев А.А. 241, 330
 Васильев М.Н. 34
 Васильевский В.Г. 7–8, 21, 28, 33, 42, 79, 112, 113, 114, 115, 117, 119, 120, 123, 124, 130, 132, 134, 154, 170, 171, 187, 205, 240, 241, 288, 302, 303, 304, 305, 306, 319, 322, 323, 324, 343, 348
 Ваттенбах В. 312
 Вахромеева О.Б. 5, 250, 266, 270, 294, 303, 338, 368, 384, 385, 427, 429
 Вахтель (Wachtel) М. 3, 18, 31, 42, 43, 49, 50, 51, 54, 60, 82, 185, 311, 312, 313, 321, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 355, 364, 366, 367, 399, 425, 429
 Вебер (Weber) М. 48, 51, 52, 101, 173, 179, 336, 363
 Вебер, Марианна 363
 Вебер Н.И. – первый муж А.В. Гольштейн 378
 Вейдле В.В. 266
 Вейнберг П.И. 248
 Веллей Патеркул 313
 Венгеров С.А. 4, 156, 240, 266, 287, 311, 313, 365, 383, 399
 Вер, Луций Элий 364
 Вергилий Марон, Публий 85, 92, 95, 104, 223, 263, 266
 Вернадская (урожд. Старицкая) Н.Е. 15, 52, 61, 63, 69, 110, 117, 205, 369
 Вернадский В.И. 5, 8, 15, 23, 52, 61, 62, 63, 67, 77, 79, 110, 114, 117, 146, 157, 270, 284, 305, 307, 317, 337, 369, 386
- Вернадский Г.В. 270
 Веррес, Гай 161, 327
 Верхарн Э. 289
 Верховский Ю.Н. 282, 393
 Веселовский А.Н. 303
 Веспасиан, римский император 43, 44
 Вихерт (Wicket) Л. 30, 38, 42, 45, 49, 58, 235, 237, 341, 342, 429
 Виктор Эммануил II, король 28, 32, 368
 Виламовиц-Меллендорф (Wilamowitz-Moellendorf) У., фон 57, 58, 244, 245, 358
 Виллари П. 256, 306
 Виллемс П. 221
 Вильгельм (Wilhelm) А. 246, 247
 Вильгельм Мейстер (лит.) 125
 Винкельман И.И. 41, 45, 342, 344, 404
 Виноградов П.Г. 28, 33, 48, 52, 54, 61, 63, 65, 80, 82, 116, 117, 153, 170, 172, 252, 253, 304, 309, 310, 312, 313, 352, 406
 Виппер Р.Ю. 298
 Висконти (Visconti) К.Л. 62, 64, 65
 Восейков А.Ф. 282
 Волков В.П. 284
 Волкова Т.Н. 58
 Волошин М.А. 5, 58, 263, 267, 282, 380
 Волошина М.В. 380
 Вольпин Н. 164
 Вольф Ф.-А. 299
 Врубель М.А. 34
- Габиний, Авл 161, 327, 328
 Галатея 405, 425
 Галеото (Galeotto; лит.) 274
 Гамбургер, художник 34
 Ганнибал (Аннибал) 121
 Гаспаров М.Л. 34, 111, 231, 429
 Гатцук А.Д. 52
 Гаупт (Haupr) М. 85, 95
 Геллий, Авл 218, 219, 226
 Гельбиг (Helbig) В. 56, 57, 58
 Гельбиг (Morani-Helbig) Л. 58
 Гельбиг (урожд. Шаховская) Н.Д. 56, 58
 Геминий Евтихет 41, 45
 Генце (Henze) Э. 46, 49
 Генсен (Henzen) В. 41, 45, 58
 Георгес (Georges) К.Э. 176, 183
 Герман Г 299
 Геродиан 44
 Герхард (Герард, Gerhard) Эд. 41, 45, 344
 Герхард, Эмилия 41, 45, 344
 Герцен А.И. 289
 Герцык А.К. 5, 275, 429
 Герцык Е.К. 5, 275, 429
 Гершензон М.О. 5, 276, 395, 396
 Герье В.И. 302, 309, 310
 Гете И.В. 111, 121, 125, 126, 237, 248, 354, 399, 402, 403, 404, 405, 420, 422, 424, 425
 Гефест–Вулкан 425
 Гизебрехт В. 310
 Гиляров А.Н. 248

- Гиляровский В.А. 248
 Гинзбург Н.С. 41, 95, 97, 98, 99, 100, 101
 Гиро (Guiraud) П. 44, 124, 127, 129, 131, 324
 Гиршфельд (Hirschfeld) О. 40, 41, 42, 43, 44, 46–48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 59, 60, 66, 75–76, 118, 121, 122, 150, 153, 177, 185, 211, 212, 249, 250, 251, 311–314, 316, 337, 338, 340, 342–347, 352, 353, 355, 357–362, 364–367, 399, 407
 Глинка М.И. 9
 Гнедич Н.И. 68
 Гнедич П.А. 282
 Гогенцоллерны 57
 Гогтишвили Л.А. 3, 428
 Голенищев-Кутузов И.Н. 274
 Голосовкер Я.Э. 30
 Голубин Ф. 272
 Гольденвейзер А.Б. 261, 265, 272
 Гольм (Holm) А. 26, 30
 Гольмстен А.Х. 241
 Гольцман 158, 164
 Гольштейны 122, 155, 157, 178, 185, 258, 289
 Гольштейн В.А. 146, 157, 178, 206, 207, 252, 258, 330, 331, 357, 380
 Гольштейн (урожд. Баулер) А.В. 15, 110, 139, 151, 155, 157, 171, 172, 178, 186, 187, 205, 206, 207, 208, 210, 212, 232, 250, 252, 267, 289, 290, 316, 330, 331, 376–380, 382, 429
 Гомер 68, 300, 301, 404, 405
 Гонимос (Gonimos) А., квартирный хозяин 236, 237
 Гора (Нога) 40, 41
 Гораций Флакк, Клинт 4, 30, 41, 74, 75, 78, 80, 82, 84–92, 94–105, 106, 108, 109, 110–112, 113, 117, 124, 129, 133, 155, 169, 176, 177, 181, 183, 186, 187, 190, 204, 215, 220, 251, 288–290, 296, 313, 317, 318, 319–324, 326, 329, 330, 334–336, 338, 339, 347, 385, 393, 428
 Гораций Коклес 218, 226
 Горенштейн В.О. 156, 165–168, 181–183, 197–201, 224, 229, 264, 347
 Городнишкая А.А. 429
 Грахк, Тиберий Семпроний, цензор 166
 Грамки, братья 168, 189, 196, 197, 251
 Грановский Т.Н. 302
 Гревс А.И. 61, 63, 65, 66, 67, 68, 74, 76, 77, 106, 116, 120, 122, 137, 142, 143, 149, 208, 231, 260, 264, 297, 386
 Гревс (урожд. Бекариюкова) А.И. 7, 66, 67, 69, 72, 228, 229, 231, 297, 300
 Гревс Е.И. 8, 25, 48, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 80, 106, 116, 117, 120, 122, 123, 137, 142, 143, 149, 153, 207, 212, 264, 271, 276, 284, 307, 369, 371
 Гревс Е.М. 153
 Гревс (урожд. Зарудная) М.С. 7, 8, 15, 17, 25, 38, 48, 53, 54, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 64–68, 69–73, 74, 76, 77, 78, 81, 106, 109, 112, 116, 118, 120, 122, 131, 134, 137, 138, 141–144, 145, 146, 148, 149, 151, 153–155, 171, 177, 178, 205, 206, 207, 228, 230, 231, 232, 234, 236, 237, 240, 244, 247, 264, 271, 277, 278, 279, 284, 288, 294, 307, 317, 330, 363, 368–371, 375, 376, 380, 381, 386
 Гревс М.М., отец И.М. Гревса 300
 Гречишкин С.С. 5, 427
 Грибовский В.М. 227
 Григорий Великий, римский папа, св. 251
 Григорий Турецкий, св. 384
 Грималь П. 200
 Гримм, архитектор 34
 Гримм Э.Д. 241
 Гриневская И.А. 248
 Гринцер Н.П. 166
 Грохотов С.В. 391
 Грубе А.В. 300
 Грязнов В.И. 148, 149
 Гумилев Н.С. 282, 394
 Гурвич Л.Г. 274, 275
 Гурвич Н.Л. 275
 Гусейнов Г.Ч. 429
 Гутнов Д.А. 366
 Гучков А.И. 48, 52
 Гушке Ф.Э. 219, 221, 225, 226
 Гушенко, Владимир (Гольштейн В.А.) 331
 Гюбнер (Hübner) Э. 313
 Гюльзен (Hülzen) Х. 35, 38, 40, 42, 43, 46, 49, 342, 343, 367
 Давиденков С.Н. 275, 393
 Д'Алиберт (d'Alibert) М. 124, 128
 Даниловский И.И. 55
 Данте Алигьери (Дант) 4, 31, 73, 125, 131, 248, 263, 265, 266, 267, 271, 272, 273, 274, 275, 289, 384, 385, 390
 Дарамбер Ш.-В. 167
 Делум (Deloume) А. 43, 44, 74, 75, 341
 Демокрит 190, 202
 Демосфен 33
 Де Росси (De Rossi) Дж. Б. 41, 45, 344
 Де Санктис Г. 16
 Дель Джаччо (Del Giaccio) 71, 72
 Дерпфельд (Dörpfeld) В. 233, 234, 235, 236, 237, 243, 244, 246, 247
 Дерпфельд, М^{не} 246
 Дессау (Dessau) Г. 48, 51, 427
 Дефнер (Defner) М. 246
 Джиневра, королева (лит.) 274
 Диана Аришинская 242
 Дикеарх (Дикаарх) 190, 193, 198, 201
 Диль (Diehl) Ш. 239, 242
 Диоген 197
 Диодор Сицилийский 182
 Диоклетиан, римский император 53, 109, 112, 124, 317, 323, 356
 Дионис 30, 207, 231, 237, 274, 275, 281, 364, 366, 385, 418, 419, 422, 423,
 Дионисий Галикарнасский 217, 224, 226, 227
 Диоскуры 30
 Дитрих (Dietrich C.G.) 74, 75, 357
 Дмитревская А.Т. 121, 141, 148, 151, 277, 280, 283, 291, 350

- Дмитревский М., отец Д. И. Ивановой 148
 Дмитревский А. М. 26, 31, 141, 142, 147, 149, 277, 278, 280, 291, 295, 309, 310
 Дмитриев И. И. 96
 Дмитриев М. А. 94, 96, 97, 99, 103
 Добиаш-Рождественская О. А. 264, 304, 384, 385
 Добкин А. И. 267, 289, 427
 Домициан, римский император 185
 Доронченков И. А. 266
 Достоевский Ф. М. 125
 Дружкова Е. П. 284
 Друмман (Друмманн) В. 158, 160, 164, 168, 177, 184, 192, 194, 200, 204, 326, 327, 332
 Дуня 78, 79, 133, 206, 207, 209, 371
 Дьяконов М. А. 248
 Дьяконов А. А. 241
 Дьяконова Е. А. 241, 338
 Еврипид 313
 Егунов А. Н. 166
 Елагины 282
 Елена Васильевна 153
 Ернштедт В. К. 15, 16, 34, 36, 39, 54, 55, 64, 125, 246, 252, 254, 293, 294
 Ефрон (Эфрон) И. А. 265, 271, 272, 304, 385
 Ешевский С. В. 302
 Жебелев С. А. 16, 266, 275, 299, 313, 330, 331, 351, 356, 367, 377
 Жевержев Л. И. 287
 Жорс Ж. 126
 Жуковская Т. Н. 5, 275
 Жуковский В. А. 248, 282, 301
 Загрей 231
 Зайферт (Seuffert) О. 363
 Замтер (Samter) Э. 46, 50, 51
 Замятнина М. М. 5, 232, 233, 234, 236, 237, 251, 268, 367, 378
 Зарудная Э. А. 381, 382
 Зарудный А. С. 231
 Зевс 184, 207, 294, 419, 421
 Зелинский Ф. Ф. 62, 64, 103, 150, 258, 266, 281, 298, 302, 303, 308, 309, 336, 339, 340, 383, 385
 Зенгер Г. Э. 15, 16
 Зенон Элейский 14
 Зиновьев А. Д. 230, 231, 377, 381, 382
 Зиновьев Д. В. 207, 232, 234, 251
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 4-8, 18, 44, 54, 69, 71, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 82, 106, 109, 112, 113, 116, 117, 118, 120, 121, 133, 134, 135, 138-140, 143, 144, 145, 146, 147, 151, 153-155, 156, 157, 171, 173, 178, 185, 188, 196, 205-207, 208, 209-211, 212, 213, 214, 228, 230-234, 235, 236, 237, 238, 240, 243, 245-247, 248, 249, 250, 251, 252, 254, 255, 259, 294, 297, 310, 316, 319, 320, 324, 325, 331, 333, 347-364, 369-385, 394, 424, 429
 Зиновьева С. А., мать Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 138, 231, 377
 Зоил 220, 334
 Зом (Зом) Р. 310
 Зубков В. Г. 310
 Зуев В. Ю. 31, 340, 366, 367
 Зуммер В. М. 276, 395
 Иванов А. Е. 302
 Иванов Д. В. 7, 10, 273, 275, 276, 277, 395, 427, 429
 Иванов И. Т., отец Вяч. Иванова 307
 Иванова А. В. 21, 22, 23, 25, 28, 41, 53, 56, 58, 59, 62, 67-71, 74, 105, 106, 118, 293, 294, 351, 373, 378
 Иванова А. Д. 26, 31, 119, 120, 121, 123, 148, 228, 229, 307, 350, 351, 355, 358
 Иванова (урожд. Дмитриевская) Д. М. 5-8, 14, 17, 19, 21, 22, 24, 25, 28, 31, 37, 40, 41, 44, 46, 48, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 67-74, 75, 80, 81, 105, 106, 116-120, 121, 122, 125, 134, 135, 136-142, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 213, 248, 277-280, 281, 283, 284, 288-291, 294, 295, 310, 314, 315, 325, 348-351, 370-378, 395, 402
 Иванова Е. В. 392
 Иванова Л. В. 79, 207, 234, 271, 272, 273, 275, 276, 277, 356, 370, 377, 392, 393, 428
 Иванова Л. Н. 5, 7, 9, 314, 410, 413
 Измайлов А. А. 256
 Ильюнина Л. А. 407
 Ине (Inne) В. 74, 75
 Иоанн Павел II, римский папа 386
 Иодко О. В. 32, 37
 Исаев А. А. 240
 Йеринг (Иеринг, Jhering) Р., фон 9, 26, 31
 Йоллер (Йоллер, Joller) А. 9, 26, 30, 35, 70, 258, 294, 367
 Каблуков И. А. 275
 Кавьядиас (Каввадия) П. 246
 Кавос Е. Ц. 231
 Кавос (урожд. Зарудная) Е. С. 17, 231
 Каганович Б. С. 4, 9, 126, 250, 300, 305, 306, 315, 324, 336, 337, 338, 396, 428
 Казарян А. Т. 3, 428
 Казерио С. 126
 Казимир-Перье Ж. 123, 126
 Кайбель (Kaibel) Г. 57
 Калидаса 282
 Каменева О. Д. 276
 Кант И. 209, 210
 Капмартэн де Шопи (Capmartin de Chaupy), аббат 85, 95
 Капогросси Колоньези (Capogrossi Colognesi) Л. 52, 322, 323, 328
 Кареев Н. И. 42, 64, 127, 240, 241, 265, 307, 336, 337
 Карле (Carle) Дж. 221
 Карлова (Kariowa) О. 84, 94
 Карсавин Л. П. 5, 266, 384, 387
 Карташев А. В. 263, 266
 Кассий Гемина, Луций 218, 225
 Кастор 29
 Катилина, Луций Сергей 82, 121
 Катон, Марк Порций (Младший) 167, 189, 194, 202
 Катон, Марк Порций (Старший) 161, 168, 169, 222

- Катулл, Гай Валерий 86, 96–97, 200, 248
 Катя см. Гревс Е.И.
 Каччагвида 272
 Квиный (Квинций; лит.) 87, 89, 97, 98, 100, 321
 Келдыш В.А. 3
 Келли А. 257
 Келер У 313
 Кизерицкий (в. Kieseritzky) Г.Е. 54
 Кирпичников А.И. 17, 24, 32, 34, 291
 Кирпичниковы 14
 Кирпичникова Е.А. 147
 Кирхгоф А. 312
 Кисслинг (Kiessling) А. 84–89, 91, 94, 95, 97–99, 101, 102, 245
 Клавдии, род 217, 224, 225
 Клавдий (Клавз), Аппий 217, 224
 Клавдий Квадригарий, Квинт 222
 Клавдий Пульхр, Гай 166
 Клементов А.К. 5, 387
 Клементова С.А. 5, 387
 Клибанов А.И. 253
 Климент VIII, римский папа 38
 Клио 29, 34, 45
 Ключевский В.О. 309
 Книп (Книер) Ф. 75, 355, 357
 Княжнин-Ивойлов В.Н. 271, 272
 Кобак А.В. 289
 Ковалевский М.М. 366
 Коган П.С. 267
 Козер Р 312
 Козьма Прутков (лит.) 36
 Колеров М.А. 257
 Колобова К.М. 4
 Колумелла, Луций Юний Модерат 90, 98, 101, 177, 182, 186, 219, 226, 330
 Комарова-Стасова В.Д. 282
 Компаньи, Дино 384
 Компаньи Дино 384
 Кондаков Н.П. 32, 58, 248, 291, 377
 Кондюрина А.А. 5
 Коновалов Д.П. 33
 Константин, римский император 29, 30, 36, 39
 Константин Константинович (К.Р.), всл. кн. 248
 Копф Й., фон 45
 Корсцкая И.В. 3
 Корзун В.П. 395
 Корнеман Э. 367
 Корнилов А.А. 5, 63, 369
 Корнилова Е.Н. 63
 Корсен (Corssen) В. 175, 182
 Корф 382
 Корыхалова Т.П. 342
 Котляревский Н.А. 258
 Котрелев Н.В. 3, 5, 8, 10, 208, 235, 237, 248, 254, 264, 266, 274, 275, 280, 314, 365, 366, 390, 392, 393, 396, 407, 410, 426–429
 Кофанов Л.Л. 363
 Крашенинников М.Н. 3, 6, 13, 15, 16, 23, 25, 26, 28, 31, 34–36, 37, 38, 39–41, 42–45, 46, 50, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 62, 64, 65, 118, 119, 120, 121, 122, 125, 148, 149–151, 246, 291, 292, 294, 306, 307, 323, 331, 344, 348, 351, 376, 377
 Кривоборский, псаломщик 70
 Кроче (Сросе), квартирная хозяйка 55, 59, 60
 Крумбахер (Krumbacher) К. 14, 18, 23, 59, 80, 82, 291, 293, 294, 347
 Крупская Н.К. 392
 Крюков Д.Л. 111, 299
 Ксанф 259
 Кудрявцев П.Н. 302
 Кузищин В.И. 322, 323, 339
 Кузмин М.А. 282, 376, 393
 Кузнецова О.А. 156, 311, 313, 365, 429
 Куклина И.В. 39, 246, 254
 Кулаковский Ю.А. 39, 63, 311, 313, 428
 Куликова Л.Б. 308
 Курбатов Г.Л. 304
 Курий Дентат, Маний 215, 222, 226
 Куртиус (Curtius) Э. 243, 245, 312
 Куторга М.С. 299
 Кюк (Cук) Э. 219, 227
 Кюмон Ф. 314
 Лавров А.В. 5, 58, 427
 Лазарев В.Я. 337
 Ламанский В.И. 64, 240
 Лампрехт (Lamprecht) К. 211, 212
 Ланчани (Lanciani) Р.А. 62, 64, 65
 Ланчелот Озерный (лит.) 274
 Лапто-Данилевская (урожд. Бекарякова) Е.Д. 212
 Лапто-Данилевский А.С. 210, 211, 212, 213, 249, 250, 266, 330, 331
 Лапто-Данилевский К.Ю. 311
 Латона 90
 Лятышев В.В. 298
 Лахман (Lachmann) К. 85, 95, 180
 Лепер Р.Х. 16, 246
 Леперы 246
 Лешер (Loeschner), книготорговец 62, 64
 Левитский 34
 Ленин В.И. 392
 Лермонтов М.Ю. 13, 15, 41
 Летчев В.А. 299, 336, 342, 428
 Ли, Вернон 289
 Ливий, Тит 159, 166, 198, 223, 225, 226, 313
 Лигарий 156
 Линке, квартирная хозяйка 149
 Литвиненко Ю.Н. 9, 58, 298
 Лихачев В.С. 248
 Лициний Макр, Гай 222
 Лиэй 22
 Лозинский М.Л. 265, 274, 275
 Локуста 412
 Лопарев Х.М. 16
 Лосский Н.О. 263, 266, 396
 Лохвицкая М.А. 248, 282
 Лукреций Кар, Тит 190, 198, 200
 Лукулл, Луций Лициний 193–194, 202
 Лукьянченко О. 308
 Луначарский А.В. 271, 392, 394

- Ляйст (Leist) Б.В. 74, 75
 Ляпустина Е.В. 8, 10, 315, 396
- Магомед, пророк 233
 Мадзолены А. 97
 Майя (Maia) 86
 Максенций, римский император 30
 Мальмстад Дж. 428
 Мандельштам О. 296
 Мануший А. 178
 Мануший П. 173, 178
 Маринович Л.П. 253, 309, 429
 Марк Аврелий, римский император 29, 30, 343
 Марквардт (Marquardt) Й. 75, 90, 101, 173, 174, 175, 179, 211, 212
 Маркс К. 370
 Марукки (Marucchi) О. 62, 64, 65
 Марциал, Марк Валерий 85, 95, 213
 Масловская Т.Ю. 391
 Матросов В.Л. 302, 309
 Мацца М. 9
 Мау (Mau) А. 32, 46, 49
 Маяк И.Л. 223, 225
 Медведев И.П. 32, 55, 57, 64, 246, 254, 427
 Медичи 75
 Мейер (Meyer) П. 46, 49, 314, 367, 368
 Мейерхольд В.Э. 287
 Мейтленд Ф. 309
 Мейтцен (Meitzen, Meitzen) А. 218, 226
 Мельпомена 419, 424
 Менас (лит.) 91, 103
 Мендельсон (Mendelssohn) Л. 44
 Менений Агриппа 216, 223
 Менжинский В.Р. 393
 Мережковский Д.С. 281, 282
 Меркурий 96
 Мессала Корвин, Валерий 92, 104
 Матерлинк М. 423
 Месенат, Гай 49, 85, 86, 95, 96, 100, 158, 164, 314
 Микеланджело Буонаротти 73, 75, 258
 Микелси 26, 28, 31, 34, 42, 48, 69, 71, 72, 73, 74, 109, 120, 124, 125, 131, 134, 135, 136, 140, 292, 294, 399
 Микелотто П. 9, 58
 Милицына Е. 248
 Миллер В.Ф. 252
 Миллер О.Ф. 303
 Миллиор Е.А. 4, 407
 Мильеран А. 126
 Мильская Л.Т. 253, 309, 429
 Милюков П.Н. 252, 304, 309
 Минский Н.М. 282
 Миньона (лит.) 121
 Миронов А.М. 53, 55, 56, 59
 Митра 314
 Миттайс (Mitteis) Л. 357
 Михайлов, Александр Васильевич 17, 34, 73, 139
 Михайлов, Александр Викторович 360
 Михаэлис (Michaelis) А. 243, 245, 341
 Модестов В.И. 34, 42, 43, 45, 58, 59, 256, 258, 291, 299, 303, 341, 342, 428
- Монсеенкова Л.С. 253, 309
 Мольтже Х., фон 57
 Моммзен (Моммсен, Mommsen) Т. 3, 9, 26, 30, 35, 37, 38, 40, 43, 44, 47, 48, 49, 51, 52, 54, 56, 57–60, 62, 63, 64, 66, 74, 75, 78, 80, 81, 82, 84, 92, 94, 104, 105, 109, 112, 121, 122, 126, 140, 141, 153, 155, 157, 160, 163, 161, 168, 173, 174, 175, 177, 179, 182, 185, 187, 189, 194, 197, 202, 211, 212, 216–220, 221, 223–227, 279, 283, 299, 304, 309–314, 316, 321, 328, 334, 335, 340–342, 346, 347, 349, 352–365, 406
 Моммзен, Мария 56, 57, 58
 Моммзен, Хильда 56, 57, 58
 Монторсоли Дж.А., да 420
 Морозкина З. 99
 Морфей 23
 Мульвий 174, 178, 180
 Муратов П.П. 289
 Мурло (Mourlot) Ф. 150
 Муший Сцевола, Гай 216, 223
 Муший Сцевола, Квинт 158, 166
 Мюнцер (Münzer) Ф. 46, 49, 50, 51, 60, 314, 358, 367, 368
- Наполеон I, император 16, 301
 Неаполитанская В. 337
 Недович Д.С. 100
 Непот, Корнелий 93, 105, 157, 158, 159, 164–166, 169, 172, 174–176, 180–183, 191–194, 198–203, 326–327, 329, 332
 Нерон, римский император 177, 185, 186, 187, 330, 412
 Нестеров М.В. 53, 55, 139–140, 292, 346, 428
 Нечаева, Лея 264
 Нибур (Niebuhr) Б.Г. 220, 227, 299
 Никитин П.В. 35, 37, 38, 231, 299
 Никитин И.С. 282
 Николай I, император 110
 Николай II, император 107, 110, 123, 126
 Николе (Nicolet) К. 101, 104, 168, 230, 298, 299, 316, 322, 340, 346, 357, 429
 Ниппердей (Nipperdey) К. 93, 105, 157, 158, 165
 Ниссен Г. 33
 Нитч (Нич, Nitzsch) К.В. 218, 221, 225, 228, 364
 Нишше (Нитче) Ф. 125, 281, 314, 346, 360, 378, 399
 Новгородцев П.И. 266
 Новиков М.М. 391
 Ноний Мариелл 218, 225
 Нордгейм О. 272, 390
 Носов А.А. 51
 Нозль де Верже А. 97
 Ньюли (Gnoli) Д. 28, 32
- Обаттин Г.В. 7, 412
 Обольянинов Л.А. 69, 71, 77, 371
 Овербек (Overbeck) И.А. 28, 32
 Овидий Назон, Публий 85, 95, 128, 131, 164
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 280, 283
 Одиссей 405, 416, 426
 Ольденбург (урожд. Тимофеева) А.П. 67, 306
 Ольденбург С.С. 61, 63

- Ольденбург С.Ф. 5, 13, 14, 15, 18, 21, 37, 54, 63, 67, 134, 135, 212, 271, 272, 274, 275, 305, 306, 314, 315, 369, 390, 393, 394
- Ольденбург Ф.Ф. 5, 63, 305
- Оля 79
- Орел В.М. 114
- Орелли (Orelli) И. 87, 89, 91, 97, 98, 101, 102
- Орифия 165, 166
- Островская, вдова псаломщика 70
- Острогорский В.П. 288, 301
- Отон, римский император 91, 103
- Оттокар Н.П. 384
- Павловские 56, 211
- Павловская О.Ф. 59, 213
- Павловский А.А. 58, 59
- Павсаний 243, 245
- Палумбо (Palumbo), хозяин гостиницы 14, 17, 27, 31, 41, 45, 48, 72, 74, 76
- Панченко Б.А. 115, 330
- Паоло (лит.) 274
- Парин А.В. 131
- Парис 296
- Парнис А.Е. 276
- Парсифаль (муз.) 423
- Пастернак Б.Л. 237
- Перлина Н.М. 289
- Перченко Ф.Ф. 289, 429
- Петерсен (Petersen) Е. 43, 44, 46, 49, 58, 244, 294, 342, 343, 367
- Петр, апостол, св. 131
- Петр I, российский император 110
- Петр (Петер) Шлемиль (лит.) 415, 421
- Петрарка Ф. 31
- Петров Д.К. 248
- Петровский Ф.А. 95, 103, 213
- Петроний (Арбитр). Гай 177, 184, 185, 186, 330, 337, 338
- Пигарев К.В. 428
- Пий XII, римский папа 16
- Пилий, Марк 160, 167
- Пилия, жена Аттика 160, 167, 168
- Пиндар 22, 23, 254, 385
- Пирр, царь 222
- Пифагор 202
- Плавт, Тит Макций 191, 198
- Платон 28, 33, 34, 158, 165, 202
- Платонов С.Ф. 114, 115, 240, 241
- Плиний Младший 85, 95, 113, 115, 124, 133, 185, 186, 187, 323, 324, 330, 332, 337–339
- Плиний Старший 130, 132, 157, 162, 163, 169, 185, 187, 215, 222–224, 226, 251, 324, 358
- Плотников Н.С. 257
- Плутарх 161, 168, 215, 217, 222, 224, 332
- Побелоносцев К.П. 123, 382
- Погодин П.Д. 15, 42, 127, 307
- Покровский А.И. 16
- Покровский И.А. 263, 266, 270, 271, 272
- Полифем 405, 421, 425, 426
- Поллукс 29
- Польковская В.П. 10
- Помпей Магн, Гней 328
- Помпей, Секст 103
- Помпонии, род 163, 201
- Помяловский И.В. 54, 57, 64, 65, 146, 299, 351
- Попов Г.К. 394
- Порсенна 216
- Постумий, Авл 166
- Пресняков А.Е. 265
- Преснякова Ю.П. 265
- Привалова Е.П. 384
- Прокопий Кесарийский 121, 150
- Пушкин А.С. 39, 107, 110, 248, 249, 281, 282
- Раев Н.П. 205, 385
- Раевская-Хьюз О. 412
- Раевский А. 33
- Ранке Л., фон 216, 223
- Раскольников М. 340
- Регель В.Э. 16
- Редин Е.К. 32, 33, 34, 291, 292
- Редон (Redon) О. 178, 186
- Рейман Ф.П. 14, 18, 34, 131
- Ремизов А.М. 5
- Ренан (Renan) Ж. 26, 31, 48, 52
- Рентген (Рёнтген) В.К. 330, 331
- Рибо А. 126
- Риттер П.Г. 282
- Рицци (Rizzi) Д. 5, 7, 314, 410
- Рицциони А.А. 34
- Ричль Ф. 15, 16
- Рогинский А.Б. 429
- Родбертус (Родбертус-Ягетцов, Rodbertus-Jagetzow) К. 84, 93, 185, 187, 336
- Роде Э. 281
- Родионов Р.Р. 282
- Роза П. 97
- Роллан Р. 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 384, 389, 394
- Ромул 215, 223, 224
- Россиус А.А. 360
- Ростовцев М.И. 3, 31, 33, 49, 54, 55, 62, 63, 64, 65, 81, 83, 103, 109, 112, 188, 240, 256, 258, 266, 270, 291, 298, 313, 316, 330–331, 336, 340, 347, 350, 356–357, 365–368, 377, 383, 429
- Руджеро (Роджер) II, король 415, 420
- Рудинская Е.Я. 265, 270, 276, 387, 388
- Русакова А.А. 428
- Руссо Ж.-Ж. 309, 411, 412, 413
- Рутенбург В.И. 428
- Сабанеев Л.Л. 391, 392
- Сабашников М.В. 263, 265, 267
- Саблер В.К. 382
- Савин А.И. 253
- Сади-Карно М.-Ф. 126
- Сакулин П.Н. 391, 392
- Саллюстий Крисп, Гай 82, 160, 161, 194, 202, 327, 328
- Салтыков, художник 34
- Сальвиоли (Сальвьоли, Salvioli) Дж. 336

- Сальо Э. 167
 Санд, Жорж 282
 Сауфей, Луций 200
 Саша см. Иванова А.В.
 Сведомский А.А. 34
 Сведомский П.А. 34
 Светоний Транквилл, Гай 86, 88, 99, 100, 108, 111
 Свешников А.В. 5, 265, 395, 429
 Севостьянов Г.Н. 253, 309, 429
 Селиванов С.А. 41, 44
 Селла (Sella) Кв. 72, 73
 Семевский В.И. 303
 Семенов В.А. 37, 38
 Семенов-Тян-Шанский А. 96, 97, 105
 Сенека, Луций Анней (Младший) 91, 102, 133, 177, 185, 186, 330
 Сенека, Луций Анней (Старший) 215, 222
 Септимиус, друг Горация 86
 Септимиус Север, римский император 30
 Сервий Туллий 216, 217, 218, 219, 221, 224, 225, 226
 Сервилиус, Публий (Исаврийский) 167
 Сервилиус Рулл, Публий 173, 179
 Сергеев А.А. 157
 Сергеенко М.Е. 95, 184
 Серторий, Квинт 160, 167
 Сивилла 288
 Сидоний Аполлинарий 337
 Силард Л. 3
 Сипягин Д.С. 381, 382
 Скаптий, Марк 167
 Скотт, Вальтер 302
 Скржинская Е.Ч. 4, 5, 51, 229, 250, 300, 301, 303, 305, 306, 315, 318, 336, 338, 429
 Скрыбин А.Н. 391, 423
 Смагина Г.И. 114
 Смирнов Я.И. 16
 Снегова Г.П. 10
 Соколов Ф.Ф. 13, 15, 16, 241, 299, 303, 313
 Сократ 165
 Солин, Гай Юлий 57
 Соловьев Вл. С. 209, 210, 247, 248, 257, 266, 277–279, 280, 351, 385, 386, 389, 396
 Сологуб, Федор 282, 410
 Сорокина М.Ю. 63, 270, 429
 Сосюр (de Saussure) Ф. 251, 252
 Софокл 313
 Спартак 160, 167
 Спранский М.Н. 14, 15, 17, 18, 22, 23, 24, 28–30, 31–34, 35, 37–39, 41, 45, 50–52, 59, 60, 65, 68, 73, 139, 150, 246, 291, 292, 293, 295, 343, 344, 345, 347
 Срезневская Л.Н. 211, 213
 Срезневский В.И. 265
 Срезневский И.И. 303
 Станкевич А. 17
 Старицкие 69
 Стасюлевич М.М. 302
 Степанцов С.А. 42, 45
 Стёпин В.С. 396
 Стрельникова И.П. 34
 Струве П.Б. 257, 266, 336, 338
 Суворин А.С. 232, 235, 252
 Сулла, Луций Корнелий 80, 82, 158, 160, 165, 173, 174, 179, 192, 194, 195
 Сухотина-Толстая Т.Л. 58
 Сципион, Публий Корнелий (Младший) 189, 197, 203
 Таганцев В.Н. 394
 Таганцева Л.С. 15, 31, 152, 231, 305, 316
 Тагор Р. 282
 Тадлеи А. 9
 Талалай М.Г. 34
 Татаринцов В.В. 52
 Тахо-Годи А.А. 3, 427
 Тахо-Годи Е.А. 3, 427
 Ташит, Публий Корнелий 29, 34, 113, 114, 124, 313
 Тейфель (Teuffel) В. 88, 92, 99, 104, 211, 212
 Теренция, жена Цицерона 173, 174, 178
 Тиберий, римский император 185, 194, 223
 Тибулл, Альбий 92, 104
 Тит, римский император 29, 30
 Тифон 405, 419, 421
 Тихвинский С.Л. 235
 Токвиль А., де 309
 Толстой Д.А. 301, 308
 Толстой Л.Н. 261, 265, 268, 269, 289
 Торий, Спурий 173, 178
 Торкват, Авл 200
 Траян, римский император 29, 30, 81, 101, 163
 Трейчке Г., фон 126, 311
 Трепов Д.Ф. 253
 Тримальхион (лит.) 185
 Троицкий В.П. 257
 Троицкий И.Е. 240
 Трубешкой С.Н. 52, 396
 Трубешкой Е.Н. 396
 Грузина Н.Н. 105, 164, 165, 183, 200, 201
 Тункина И.В. 9, 275, 299, 351
 Тупиков Н. 33
 Тураев Б.А. 16, 241
 Тургенев И.С. 4, 265, 289, 384, 385, 404
 Турыгин А.А. 292
 Тутэн Ж. 44
 Тэн (Taine) И. 48, 52, 289, 309
 Тюнен Й., фон 177, 185, 186, 187
 Тюрин А.Н. 157, 429
 Узенер (Usener) Г. 310
 Уманов-Каллуновский В.В. 248
 Фален (Vahlen) И. 313, 321
 Фаусек В.А. 339
 Фауст (лит.) 125, 425
 Феб 87
 Федоров Н.А. 17, 229
 Федорова Е.В. 39
 Феокрит 22, 95
 Феофилактов Н. 253
 Феофраст 190, 193, 198
 Фест, Секст Помпей 100, 227
 Фет А.А. 90, 94, 102, 110, 111, 354, 389

- Фидий 207, 294
 Фиорелли Дж., ресторатор 35, 36, 38, 70, 73, 290, 293, 294
 Фишер (Fischer), хозяин гостиницы 72
 Флавии, римские императоры 185
 Флейшман Л.С. 412
 Флеров Х.А. 28, 34, 293, 294
 Флеровы 59
 Флоренский П.А. 377, 396
 Фойт (Voigt) М. 101, 173, 176, 179, 183, 211, 212, 219, 227
 Фока, византийский император 30
 Фонвизина Н.Д. 282
 Фонтей, Манни 161, 327, 328
 Фор Ф. 123, 126
 Форстен Г.В. 16, 240, 256
 Форчеллини (Forcellini) Э. 87, 97, 167
 Франк В.С. 393
 Франк С.Л. 266, 393
 Франс, Анатоль 267
 Франциск Ассизский, св. 129, 131, 207, 210, 294, 384
 Франческа (лит.) 274
 Фрейман (Freimann), хозяйка пансиона 23
 Фридендер (Friedländer) Л. 91, 103
 Фрилман Н.Н. 428
 Фридрих-Вильгельм IV, король 341
 Фритч Н. 97, 98, 102
 Фролов Э.Д. 15, 16, 111, 298, 299, 313, 315, 336, 429
 Фукидид 312
 Фульвий, Квинт 166
 Фульвия 165
 Фурий Крассипед 347
 Фурхгейм (Фурхгейм, Furchheim) Ф. 28, 32
 Фуфидии 91, 103–104
 Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Н.Д. 38, 80, 81, 90, 101, 112, 127, 163, 220, 221, 266, 304, 305, 316, 319, 335, 336
- Хеопс, фараон 233
 Холодковский Н.А. 405, 424
 Христина, королева 124, 128
 Хьюз Р. 412
- Царькова Т.С. 7, 413
 Цветаев И.В. 34, 291, 299, 342
 Цезарь, Гай Юлий 29, 34, 168, 173, 179, 189, 192, 193, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 204, 327
 Целлер К. 121
 Целлер Э. 121, 312
 Церетели Г.Ф. 96, 102
 Пещиллий, Квинт 160
 Пещилля, дочь Аттика 192, 194, 201
 Циглер Р. 3, 276
 Цицерон, Марк Туллий 13–14, 17, 26, 31, 33, 34, 80, 82, 91, 92, 93, 104, 105, 121, 130, 132, 140, 156, 158–160, 165–169, 172–176, 178–184, 189–194, 197–204, 215, 218, 222–224, 229, 230, 259, 260, 264, 313, 318, 322, 324, 327, 328, 329, 332, 333, 339, 347, 387, 428
 Цицерон, Квинт Туллий 92
- Чеботаревская Ал.Н. 5, 394, 400, 410, 412
 Чуковская Л.К. 276
 Чулков Г.И. 278, 280, 283
 Чулкова Н.Г. 407
 Чюмина О.Н. 248
- Шалаева М.И. 269
 Шамиссо А., фон 421
 Шапошников Б.В. 407
 Шаховской Д.И. 5, 63, 67, 126, 257, 270, 284, 305, 429
 Шварсалон (в замужестве Иванова) В.К. 78, 79, 208, 234, 247, 248, 268, 271, 273, 370, 376, 377, 378, 384, 387, 392, 393
 Шварсалон К.С. 8, 116, 117, 145, 205, 207, 208, 211, 214, 307, 350, 360, 370, 371, 377, 378, 380–382
 Шварсалон К.К. 231, 234, 370
 Шварсалон С.К. 78, 79, 207, 208, 232, 233, 234, 370, 376, 378
 Шейлок (лит.) 160, 327
 Шекспир У. 125, 194, 248
 Шелли П.Б. 23
 Шервинский С.В. 95, 104, 164, 248
 Шестов Л. 276
 Шиллер (Schiller) Г. 211, 212, 305
 Шифф А. 60
 Шишкин (Shishkin) А.Б. 5, 7, 9, 275, 314, 410
 Шмидт С.О. 115
 Шмоллер Г. 311
 Шопенгауэр А. 53, 126, 209, 210, 346, 362
 Шор (Deshart) О.А. 5, 79, 121, 138, 274, 275, 325, 349, 364, 373, 374, 377, 388, 421, 427, 428
 Шредер (Schroeder) О. 211, 212
 Штаерман Е.М. 45, 225, 322, 339
 Штейн, комиссионер 71, 73
 Шуберт Ф. 364
 Шуйские, князья 33
 Шульман М.В. 53, 55, 56, 58, 59, 75
 Шультен (Schulten) А. 124, 127, 129, 131, 324
 Шура см. Гревс А.И.
 Шутова А.Н. 79, 380
- Шукарев А.Н. 16, 41, 44, 45, 330, 377
- Эвклид 406
 Экхель (Eckhel) Я. 63
 Элий Туберон, Квинт 222
 Эмбер (Humbert) Г. 43, 44, 74, 75, 341
 Эпикур 189, 190, 197, 198
 Эрехтей 165, 166
 Эриния 382
 Эрн В.Ф. 377
 Эсхил 22, 263, 265, 266, 271, 275, 313, 390, 394, 429
- Ювенал, Децим Юний 89, 213
 Юлиан Экланский 384
 Юлии, род 176, 182
 Юлий Аттик 176, 182
 Юлий Калпид, Луций 200
 Юстиниан, византийский император 109, 112, 331

- Якоби Л. 341
Яковлев А.А. 257
Ян (Jahn) О. 243, 245
Ярхо В.Н. 429
Ястребицкая А.Л. 5, 387
Яшенко А.С. 412
- Allmer A. 44
Amadei, квартирная хозяйка 55
- Badian E. 346
Baiter J.G. 175, 181
Bartlett R. 125
Beldraghi, квартирный хозяин 77, 78
Beurlier E. 44
Black C.E. 302
Blanck H. 49
Blume F. 180
Boot I.C.G. 93, 105, 173, 175, 176, 178, 181
Bouchaud M. 93, 105
Bouillon, издатель 150
Bowersock G.W. 16, 310
Bruhns H. 52
Brunhes J. 289
Brunner H. 211, 212
Burmanning P. 93, 105
- Calderini G. 343
Calisse C. 13
Calvary S. 363
Cantarelli L. 201
Christ K. 16, 17, 298, 429
Cimma M. 230, 340, 346
Cornell T.J. 16, 310
- Davidson P. 3, 272, 275
De Francis A. 424
Dittenberger W. 427
Domaszewski A., von 343
Duchesne L. 181
Dümmler F. 244
Duruy V. 305
- Fowler H.N. 244
Frazer J.G. 244
Furtwängler A. 244
- Gayraud M. 44
Gsell-Fels Th. 32, 38, 109
- Hamm J. 291
Hare A. 124, 128
Harrison J. 243
Héron de Villefosse A. 44
Hiller von Gaertingen F. 244
- Jackson R.L. 3, 407
Jacobs E. 63
Jarusch K.H., von 302
Johnson W. 302
- Julian C. 88, 99
- Karady V. 302
Klimoff A. 407
Klotz A. 176
Koepp F. 244
Kolbe W. 246
- Maiuri B. 424
Marcone A. 298, 322
Merkel R. 158
Milchböfer A. 244
Miller W. 244
Minicius Natalis Q. 36
Mispoulet J.B. 44
Morigliano A. 16, 17, 298, 310
- Nelson L., Jr. 3, 407
- Papastavrou J. 244
Parena, квартирный хозяин 53
Pauily (Pauli) A. 93, 105, 243, 244, 427
Penrose F.C. 244
Polverini L. 16
Pomtow H. 244
Potthoff W. 3, 125, 367
- Reisch E. 243, 244
Richter O. 211, 212
Ringer F.K. 302, 311
Ross Taylor L. 101
Rudorff A. 174, 180
- Salvatore F. 75
Schaller H. 291
Schober F. 244
Schwabe L. 99, 212
Scialoja V. 41
Seeber B. 209
Segrè G. 41
Sellers E. 244
- Tyrell R.Y. 173, 175, 178, 181
- Ueland C. 257
- Van Effenterre H. 340
- Wachsmuth C. 244
Wechsler E. 262, 265
Wesenberg D.A. 175, 176, 181
Westermann 93, 105
White J.W. 244
Wissowa G. 243, 244, 427
Wytrzens G. 291
- Zangemeister K. 63
Zangolini A. 64
Ziffer G. 252
Zschietzmann W. 244
Zumpt A.W. 174

Указатель упомянутых произведений*

I.

Опубликованные произведения Вяч. Иванова и И.М. Гревса

Вяч. Иванов

Диссертация и другие работы по античной истории и культуре

De societatibus... 15, 49, 60, 75, 93, 105, 141, 155, 156,
157, 166, 229, 230, 300, 314, 322, 340, 343, 346,
347, 356, 357, 365, 429

О Моммзене 31, 63, 94, 313, 428

Первая Пифийская ода Пиндара / Пер. разме-
ром подлинника 254, 385

Эллинская религия страдающего бога 252, 261,
265, 275, 366, 404, 423

Религия Диониса 253, 366

Дионис и прадионисийство 253, 273, 275, 300

Биографические материалы

<Интеллектуальный дневник> 110, 125, 311, 312,
384, 411, 413, 428

<Автобиография (1904 г.)> 156, 311, 313, 365

Автобиографическое письмо 4, 18, 34, 42, 45, 49,
52, 55, 122, 126, 131, 294, 297, 307, 308, 309,
310, 311, 312, 313, 314, 341, 342, 346, 364, 365,
374, 378, 385, 399, 403, 406, 428

Curriculum vitae 131, 247, 265, 308, 310, 313, 314,
340, 341, 342, 365, 366, 385, 428

Стихотворения и поэмы

КОРМЧИЕ ЗВЕЗДЫ 4, 22, 29, 125, 141, 208, 232,
234, 235, [239], 242, [247], 248, [249], [252], 254,
255, 256, 259, 261, 279, 282, 284, 295, 296, 382,
383, 411, 421, 425

Порыв и грани

Красота («Вижу вас, божественные
дали...») 208

Missa solemnis, Бетховена («В дни, когда
святые тени...») 125, 413

Творчество («Взыграй, дитя и бог, о, ты,
кого во сне...») 125

Дионису

Рокоборец («Иду, иду, иду —...») 125

Геспериды

Eritis sicut Dei («У прага тех высот, где,
светлых долов ралость...») 412

Ореады

На крыльях зари («В час, когда к браздам
Титана, вслед колесам золотым...») 412

Итальянские сонеты 22, 235, 242

La superba («Тень реет. В глубине, за ро-
шей горных пиний...») 208

Кипарис («Оней глубокий мрак жена,
под мраком риз...») 296

Speculum Dianae («Вот зеркало Дианы.
Тесно круг...») 235, 242, 296

Субиако («Громады скал грозят со всех
сторон...») 141

Монастырь в Субиако («За мной вер-
шин лиловый океан...») 141

Коллизей («Как тяжкий гулок свод, и
мрак угрюм и густ!...») 412

Сиракузы («Фиалкокудрые, близ мест,
где, убелив...») 22, 259

Таормина («За мглой Авзонии восток
небес алей...») 424—425

Парижские эпиграммы 234, 235, [239], 242,
243

Iuga vivorum (««Братство, Равенство, Сво-
бода»...») 242, 243

Дистихи

Лаета. I («В Рим свои Tristia слал с бере-
гов Понтийских Овидий...») 255, 296

Лаета. II («Рим вожеленный узрев, я пел
тебе первые Лаета...») 29, 30, 295, 296

Гнома («Все песнопещам от Мух и на-
ставничей желал, и, с девицей...») 296

ПРОЗРАЧНОСТЬ 265, 279, 421

Золотое счастье («Я блуждал в саду блажен-
ных...») 349

Песни Дафниса 265

II. Испытание («Что блаженней? Упое-
ний...») 349

IV Гроза («Ты помнишь луч...») 261, 265

С пути («Прежде чем парус направить в ла-
зурную Парвенопею...») 421

COR ARDENS 235, 280, 284, 288, 296, 297, 387, 411

Сивилла 288

На башне («Пришелец, на башне притон
я обрел...») 288

Солнце Эммауса

Аттика и Галлея («Двух Дев небесных
я видел страны...») 235, 237

Пристрастия

Campus aratra vocat. Fatalia fert iuga virtus
297, [387]

I. «Пройдет пора, когда понурый
долг...» 297

II. «Усллада сирым горечь правды
древней...» 295—297

Антология Розы

* Курсивом выделены отсылки к страницам комментариев и статьи «Переписка...»; полужирным шрифтом отсылки к страницам с цитатами из стихотворений Вяч. Иванова и произведений античных авторов; номера страниц, где они упомянуты в неявной форме, даны в квадратных скобках.

- Rosa Sophia («Плоть воздохнула: «да будет!»» и Лилия томная встала...») 411
- НЕЖНАЯ ТАЙНА 259, 261, 265, [267]87, 269, 270, 279, 389
- Вести («Ветерок дхнет со взморья...») 259
- СВЕТ ВЕЧЕРНИЙ 235, 296, 381, 388, 406
- Евксин («Ласточки выют свой уют под окном...») 296
- Яффа («Распрыгались у пироскафа...») 235
- Фламинго («Плоской чашей, розовой по краю...») 235
- Возврат («Чудесен поздний твой возврат...») [267], [268], [269], 270, 388, 389
- Палинодия («И твой гиметский мед ужель меня пресытил?...») 406
- Париж. 2 («Кто б ни был ты в миру, пугливый ли отшельник...») 380, 381
- Язык («Родная речь певцу земля родная») 407
- De profundis amavi 273, 274
- IX. («Из глубины Тебя любил я, Боже...») 273, 274
- Римские сонеты 276, 297, 406, 407
1. («Вновь арок древних верный пилигрим...») 297, 406, 407
- Римский дневник (1944 г.)
- 16 января («Густой, пахучий вешний клей...») 287
- Младенчество 110, 125
- «Москвич, люблю я петербургский запах...» 287
- Песни смутного времени 257
- Трагедии (Тантал; Прометей; Ниобея) 251, 253
- Статьи**
- ПО ЗВЕЗДАМ 280, 422, 423
- Нише и Дионис 125
- Копье Афины 125
- Вагнер и Дионисово действо 423
- Кризис индивидуализма 125
- Предчувствия и предвестия 422, 423
- Две стихии в современном символизме 422
- БОРОЗДЫ И МЕЖИ 386, 422, 423
- Религиозное дело Соловьева 386
- Эстетическая норма театра 422
- Чурлянис и проблема синтеза искусств 423
- РОДНОЕ И ВСЕЛЕНСКОЕ 256, 257, 259, 261, 387
- Революция и народное самоопределение 257
- Гете на рубеже двух столетий 404
- Наш язык 257
- Переписка из двух углов 395
- И.М. Гревс**
- Очерки по истории римского землевладения*
- Очерки... 17, 33, 34, 45, 56, 61, 75, 81, 82, 84, 93–105, 110–113, 124, 127, 129, 132, 133, 155, 156, 157, 163–170, 172, 178–187, 196–204, 211, 212, 214, 215, 220, 227, 228, 229, 231, 288, 290, 306, 307, 315, 317–319, 324, 330, 333, 334–340, 365, 428
- Очерк первый. Гораций 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 89, 93–105, 107–109, 110–112, 113–115, 117, 124, 127, 129, 133, 155, 169, 177, 186, 220, 227, 288–290, 315, 317–324, 326, 329, 330, 334, 335, 336, 338, 339, 347, 428
- Очерк второй. Аттик 75, 81, 109, 112, 132, 177, 186, 187, 290, 315, 318, 322, 324, 325, 326, 329, 330, 334, 335, 336, 338
- Очерк второй. Аттик I 81, 82, 127, 132, 153–155, 156, 157–162, 163–170, 171, 186, 322, 325–328, 330, 428
- Очерк второй. Аттик II 162, 170–177, 178–185, 186, 187, 205, 328–330, 428
- Очерк второй. Аттик III 162, 170, 186, 188–196, 197–205, 207, 328, 330–333, 428
- Очерк третий. «Большое сельское поместье» 205, 211, 213, 214–220, 221–228, 333, 334, 337, 338, 428
- Очерки по истории римского землевладения... Данные Петрония 185, 337, 338
- Другие работы**
- Василий Григорьевич Васильевский, как учитель науки 113, 304
- Виктор Петрович Острогорский, как учитель 301
- <Воспоминания> 268, 270, 300, 301, 302, 305, 368, 386
- Из «studi danteschi» 265
- История средних веков: Лекции 15, 51, 113, 234
- К теории и практике экскурсий 384
- Когда был написан трактат Данте «О монархии» 265
- Моя первая встреча с Италией 32, 52, 112, 294, 306, 315, 428
- Новое исследование о колонате 38, 307, 336
- Очерки... преподавания в высших учебных заведениях Парижа 42, 127, 307
- Памяти В.П. Острогорского 301
- Предисловие // *Фюстель де Куланж. Римский колонат* 304
- Развитие культуры в краеведческом исследовании 289
- Созидание и разрушение в высшей школе 385
- Ташит 114, 429
- Тургенев и Италия 4, 18, 296, 297–298, 404, 428
- Фюстель де Куланж 304
- Экскурсия в Италию в 1912 г. 384

II. Сочинения античных авторов (Index locorum)

- App.* (Аппиан)
De regib. 11 : 224
- Aug.* (Августин)
Conf. 263, 267
- Catul.* (Катулл)
1. 1–2 247, 248
44–86, 96, 97
- Cic.* (Цицерон)
Parad.
1. 2. 12 [215], 222
V 2. 38 [215], 222
VI. 2. 46 229, 230,
VI. 46: 47; 49 13, 14, 17
- Tuscul.
I. 1 31
- Ep. ad Att.*
I. 1. 4 160
I. 13. 1 : 176, 184
I. 18. 8 93, 105
I. 19. 1 193, 201, 333
I. 19. 9 93, 105, 159, 167
II. 1. 8 93, 105
II. 1. 3 159
II. 1. 12 167
II. 12. 4 190, 193, 201
II. 15. 4 93, 105, 173, 178, [180], 329
II. 16. 1 174
II. 16. 3 190, 193, 198, 201
II. 16. 4 : 93, 105
III. 12. 3 176, 184
III. 20. 1 176, 183
IV 4. 2 159, 167
IV 8. 1 175, 182
IV 17. 1 159, 166
VI. 1. 6 93, 105
VI. 1. 13 176, 183
VI. 1. 15 158, 166
VI. 2. 8 159, 167
VI. 4. 3 201
VI. 5. 4 201
VII. 11. 1 175, 181
X. 4. 12 159
X. 8b. 2 191, 199
XI. 13. 3 92
XI. 14. 3 92
XI. 15. 4 92
XII. 51. 2 191, 192, 200
XIII. 12. 2 155, 156
XIII. 13. 1 160, 167
XIII. 21. 5 (= 21a. 2) 159
XIII. 30. 31 198
XIII. 31. 4 160, 167
XIV 4. 2 201
XIV 10. 1 193, 201
XVI. 3. 1 160, 168
- Ep. ad fam.*
II. 14 31
XIII. 1. 5 : 190, 198
XIII. 9. 2 347
- Ep. ad Q. fr.*
I. 2. 6 160
III. 1. 3 92
- Brut.* 191 33
- De amic.* 20 : 259, 260, 264, 387
- De finib.* V 1. 3 198
- De l. agr.*
I. 2. 4 173, 179
II. 18. 48 173, 179
II. 21. 56–57 174, 175
II. 26. 68 174
II. 29. 81 sqq. 174
II. 31. 84 173–, 174
III. 3. 12 174
- De leg.*
I. 1. 3 158, 165
I. 7. 21 190, 198
I. 21. 54 190, 198
III. 6. 14 198
III. 17. 37 : 199
- De off.*
I. 21. 71 190, 198
I. 26. 92 191, 199
I. 42. 151 229, 230
- De orat.*
III. 15. 56 202
- De re publ.*
I. 22. 35 197
II. 9. 16 217, 218, [219], 224, 227
- De senect.*
16. 56 [215], 222
- In Cat.* 1. 1 121
- In Pis.* 35. 86 92
- Pro Rosc. Am.* 18. 50 [216], 223
2 Verr. III. 13 174, 180, 182
- Colum.* (Колумелла)
De re rust.
I. 6. 1 98
II. 12. 7 90, 101
III. 3. 8 [219], 226
III. 3. 12 182
- Diad.* (Диодор Сицилийский)
fr. 2, 3, ed. Dindorf 182
- Dion. Hal.* (Дионисий Галикарнасский)
II. 58 157
V 40 [217], 224
VIII. 87 [219], 227
- Fest.* (Фест)
p. 265 L [219], 227
- Gell.* (Авл Геллий)
Noct. Att. XVI. 13. 9 [218–219], [225], 226
- Her.* (Кассий Гемина)
Ann. fr. 17 (ар. Non. p. 149) 218, 225
- Hom.* (Гомер)
Ilias 300, 302
XVII. 514 68, [243]
XX. 435 68, [243]

- Odyssea* 301, 302, 405
XII. 73–126, 201–259 : 421
- Hor.* (Гораций)
Сарм.
I. 17 14 98
I. 31 90, 102
I. 38. 7–8 89, 100, 322
II. 6. 5–11 86, 88, 96
II. 16. 37–40 86, 88, 96, 99
II. 18 87, 93, 97, 105, 108
II. 18. 14 85, 86, 88, 95, 97, 105
III. 1. 47–48 88, 99
III. 4. 9 84, 94
III. 4. 21–23 86, 96
III. 16. 29–32 90–91, 102
III. 16. 39–40 91, 102
III. 16. 33–37. 41–42 102
III. 18. 11 89
III. 24. 5–8 86, 96
III. 30. 8–9 30
III. 30. 12 84, 94
IV 2; 3 88
IV 6. 38–40 40, 41
IV 7 7–8 40, 41
- Epist.* 313, 321
I. 7 86, 96
I. 7 81 100
I. 7 84 89, 100
I. 8. 4–5 88, 99
I. 8. 6 89, 101
I. 8. 12 88, 99
I. 14. 22–23 99
I. 14. 26–27 87, 89, 99, 100
I. 14. 30 89
I. 15. 17 88, 99
I. 16. 1–4 87, 89, 97, 98, 100, 321
I. 16. 5–7 87, 97, 108, 110, 322, [393]
I. 16. 8–10 87, 98
I. 16. 12 [85], 95
II. 2. 49–52 84, 85, 95
II. 2. 177–179 91, 103
- Erod.*
I. 27–28 89, 101
IV 14–16 91, 102, 103
- Sat.*
I. 2. 12–15 91, 103
I. 5 96
I. 6. 54–62 85
I. 6. 85–87 84 85, 94
I. 6. 104–105 86, 96
I. 6. 111–112 86, 96
II. 1. 34–35 84, 94
II. 3 87, 97
II. 6. 1 88, 99
II. 6. 4–5 86, 96
II. 6. 10–12 92, 104
II. 6. 16 87, 97
II. 6. 66 89, 100
II. 7 118 101
- Iuv.* (Ювенал)
7 32–33 89, 100
- Liv.* (Тит Ливий)
I. 43 226
II. 10 226
II. 13. 5 [216], 223
VIII. 21. 11 [218], 225
XLIII. 16. 2 159, 166
- Lucr.* (Луcretий)
De rer. nat.
II. 1–16 198
- Mart.* (Маршал)
X 44 85, 95
XII. 18. 2 213
- Nep.* (Корнелий Непот)
Att.
1. 3 194, 203
2. 4–5 158, 164, 165, [326–327]
3 159, 166
3. 2 162, 169
4. 3 158, 165
6. 1 191, 199, 200
6. 3 93, 105, 157
9. 5 165
9. 7 201
13. 1, 2 176, 183
14. 3 174, 175, 180, 181
15. 3 193, 201
16. 3 176, 183
17 3 198
- Ovid.* (Овидий)
Amores
II. 16. 37 85, 95
III. 15. 5–6 158, 164
Ep. ex Pont.
I. 3. 37 128, 131
IV 8. 17–18 158, 164
- Plat.* (Платон)
Phaedr. 229 b 158, 166–167
De ger. I. 347 c 202
- Plin.* (Плиний Старший)
Nat. Hist.
18. 20 [216], 223
18. 35 130, 132, 157, 161, 162–163, 169, 185, 186, 187, 251, 252
19. 50 [217], 224
19. 87 215, 222, 223
33. 43 226
- Plin.* (Плиний Младший)
Ep. IV 6 85, 95
- Plut.* (Плутарх)
Cato Mai.
2 [215], 222
20 161, 168
21 168
Cic. 49 332
Popl. 21 [217], 224
- Sall.* (Саллюстий)
В. Jug. 3 194, 202
- Sen.* (Сенека Старший)
Contr. II. 1 (9). 8 215, 222

Sen. (Сенека Младший)

Ер. 89. 20 91, 102

Serv. (Сервий)

Aen. VII. 515 242

Suet. (Светоний)

De poet. fr. 40 86, 88, 99, 108, 109, 111

Tac. (Тацит)Ann. 4. (7) 6² 29, 34*Val. Max.* (Валерий Максим)

I. 1. 12 157

IV. 3. 5 226

IV 4. 1–2 [216], 223

IV 4. 11 223

Varr. (Варрон)*De re rust.*

I. 17 2 176, 184

II. 1. 16–17 89, 101

Verg. (Вергилий)

Aen. 263

VI. 844 [216], 223

Ecl.

I. 70 92, 104

II. 13 85, 95

IX: 92, 104

Надписи

CIL III. 4288 357

OGIS. 525 357

Содержание

Предисловие	3
И.М. Гревс, Вяч. Иванов, Д.М. Иванова, Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Переписка (1892—1932)	
1. Иванов Гревсу. 29 июня / 11 июля 1892 г. Рим	13
Приложение к п. 1. Иванов С.Ф. Ольденбургу. 16/28 июня 1892 г. Рим	18
2. В.И. и Д.М. Ивановы Гревсу. 3/15 августа 1892 г. Палермо	21
3. Иванов Гревсу. 14/26 августа 1892 г. Неаполь	24
4. Д.М. Иванова — Гревсу. 14/26 августа 1892 г. Неаполь	25
5. Иванов Гревсу. 22 сентября / 4 октября 1892 г. Рим	25
6. Иванов Гревсу. 26 октября / 7 ноября 1892 г. Рим	34
<Приложение к п. 6> М.Н. Крашенинников Гревсу. 26 октября / 7 ноября 1892 г. Рим	35
7. Иванов — Гревсу. 27 декабря 1892 г. / 8 января 1893 г. Рим	39
8. Иванов Гревсу. 4/16 апреля 1893 г. Рим	45
9. Иванов Гревсу. 5/17 сентября 1893 г. Рим	52
10. Иванов — Гревсу. 31 октября / 12 ноября 1893 г. Рим	56
11. Иванов Гревсу. 24 декабря 1893 г. / 5 января 1894 г. Рим	58
12. Гревс — Иванову. 6—12 / 18—24 января 1894 г. Петербург	60
13. Иванов Гревсу. 23 января / 4 февраля 1894 г. Рим	64
14. Гревс Иванову. 4/16 мая 1894 г. Петербург	66
15. Иванов Гревсу. 13/25 мая 1894 г. Рим	67
16. Гревс Иванову. 18/30 мая 1894 г. Петербург	68
17. Иванов Гревсу. 25 мая / 6 июня 1894 г. Рим	69
18. Иванов Гревсу. 19 июня / 1 июля 1894 г. Рим	71
19. Иванов Гревсу. 11/23 августа 1894 г. Флоренция	73
20. Гревс Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. 27 августа / 8 сентября 1894 г. Париж	76
21. Гревс Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. 2/14 октября 1894 г. Париж	77
22. Иванов Гревсу. 4/16 октября 1894 г. Флоренция	79
<Приложение к п. 22> «Гораций»	83
23. Д.М. Иванова Гревсу. 4/16 октября 1894 г. Флоренция	105
24. Иванов Гревсу. 6 ноября 1894 г. Флоренция	107
25. Гревс Иванову. 22 ноября / 4 декабря 1894 г. Париж	112
<Приложение к п. 25> В.Г. Васильевский Гревсу. 18/30 ноября 1894 г. Петербург	114
26. Гревс Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. 28 ноября / 10 декабря 1894 г. Париж	116
27. Гревс В.И. и Д.М. Ивановым. 20 декабря 1894 г. / 1 января 1895 г. Париж	117

28. Иванов	Гревсу. 30 декабря 1894 г. / 11 января 1895 г. Рим	119
29. Гревс	Иванову. 29 января / 10 февраля 1895 г. Париж	122
30. Гревс	Иванову. 13/25 февраля 1895 г. Париж	128
31. Гревс	Иванову. 17 февраля / 2 марта 1895 г. Париж	132
32. Гревс	Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. 24 февраля / 8 марта 1895 г. Париж	133
33. Иванов	Гревсу. 24 февраля / 8 марта 1895 г. Рим	134
34. Гревс	Иванову. 27 февраля / 11 марта 1895 г. Париж	135
35. Гревс	Иванову. 27 февраля / 11 марта 1895 г. Париж	135
36. Д.М. Иванова	Гревсу. 2/14 марта 1895 г. Флоренция	136
37. Гревс	Иванову. 27 марта / 8 апреля 1895 г. Рим	138
38. Иванов	Гревсу. 27 марта / 8 апреля 1895 г. Флоренция	140
39. Д.М. Иванова	М.С. и И.М. Гревсам. 18/30 апреля 1895 г. Флоренция	141
40. Гревс	Иванову. 19 апреля / 1 мая 1895 г. Париж	142
41. Гревс	Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. 6/18 мая 1895 г. Париж	143
42. Гревс	Иванову. 10/22 августа 1895 г. Париж	145
43. Д.М. Иванова	Гревсу. 22 августа / 3 сентября 1895 г. Петербург	147
44. Гревс	Иванову. 6/18 октября 1895 г. Петербург	151
45. Гревс	Иванову. 11/23 октября 1895 г. Петербург	151
46. Гревс	Иванову. 14/26 октября 1895 г. Петербург	152
47. Иванов	Гревсу. 29 ноября / 11 декабря 1895 г. Париж	152
48. Гревс	Иванову. 5/17 декабря 1895 г. Петербург	154
49. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал	Гревсу. 16/28 декабря 1895 г. Париж	154
	<Приложение к п. 49> «Аттик»	157
50. Гревс	Иванову. 10/22 января 1896 г. Петербург	170
51. Гревс	Иванову. 11/23 января 1896 г. Петербург	172
52. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал	— Гревсу. 22 января / 3 февраля 1896 г. Париж	173
53. Иванов	Гревсу. 1/13 февраля 1896 г. Париж	186
54. Гревс	Иванову. 25 июня / 7 июля 1896 г. Париж	188
	Приложение к п. 54. <«Аттик. III»>	188
55. Гревс	Иванову. 16/28 августа 1896 г. Париж	204
56. Л.Д. Зиновьева-Аннибал	Гревсу. 17/29 января 1898 г. Аренцано	206
57. Иванов	Гревсу. 2/14 февраля 1898 г. Аренцано	209
57а. Л.Д. Зиновьева-Аннибал	Гревсу. 2/14 июня 1898 г. Петербург	209
58. Иванов	Гревсу. 13/25 октября 1898 г. Аренцано (?)	210
59. Гревс	Иванову. 17/29 октября 1898 г. Петербург	213
60. Иванов	Гревсу. Ноябрь (до 26 октября / 7 ноября) 1898 г. Аренцано (?)	214
61. Иванов	Гревсу. 26 октября / 7 ноября 1898 г. Аренцано (?)	228
62. Иванов	Гревсу. 22 июня / 2 июля 1899 г. Петербург (?)	228
63. Гревс	Иванову. 29 октября / 10 ноября 1900 г. Петербург	230
64. Гревс	Иванову. 3/16 января 1901 г. Петербург	230
65. Л.Д. Зиновьева-Аннибал	Гревсу. 23 августа / 5 сентября 1901 г. Афины	232

66. Иванов	Гревсу. 19 ноября / 2 декабря 1901 г. Афины	235
67. Иванов	Гревсу. 24 декабря 1901 г. / 6 января 1902 г. Афины	237
68. Гревс	Иванову. 1/14 февраля 1902 г. Петербург	238
69. Иванов	Гревсу. 13/26 февраля 1902 г. Афины	243
70. Иванов	Гревсу. 15/28 февраля 1902 г. Афины	243
71. Иванов	Гревсу. 24 марта / 6 апреля 1902. Афины	245
72. Иванов	Гревсу. 16/29 апреля 1902 г. Шатлен	245
73. Иванов	Гревсу. 14/27 октября 1902 г. Шатлен	247
74. Гревс	Иванову. 21— 27 октября / 3— 9 ноября 1902 г. Петербург	248
75. Иванов	Гревсу. 31 октября / 13 ноября 1902 г. Шатлен	250
76. Гревс	Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. 28 января / 10 февраля 1903 г. Петербург	254
77. Гревс	Иванову. 17 февраля / 2 марта 1903 г. Петербург	254
78. Гревс	Иванову. 27 апреля 1918 г. Петроград	256
79. Иванов	Гревсу. 22 мая 1918 г. Москва	258
80. Гревс	Иванову. 13 июня 1918 г. Петроград	259
81. Гревс	Иванову. 22 сентября 1918 г. Калуга	267
82. Иванов — Гревсу.	15 мая 1920 г. Москва	271
83. Иванов	Гревсу. 12 мая 1922 г. Баку	272
84. Гревс	Иванову. 13 августа 1924 г. Киев	276
85. Д.М. Иванова	И.М. и М.С. Гревсам. 24 мая 1932 г. Харьков	277
86. Д.М. Иванова	Гревсу. 8 июня 1932 г. Харьков	278
87. Д.М. Иванова	Гревсу. 19 июня 1932 г. Харьков	279
88. Д.М. Иванова	Гревсу. 8 сентября 1932 г. Харьков	283

Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова — памятник русской культуры. Г.М. Бонгард-Левин, Н.В. Котрелев, Е.В. Ляпустина	287
---	-----

Вячеслав Иванов. <Волшебная страна ITALIA>	399
<А.> <Pont du Gard>	407
<В.> Pont du Gard.	409
I. Мессина.	413
II. Таормина.	416
<Этна>	425
Список условных сокращений	427
Указатель имен	430
Указатель упомянутых произведений	440
I. Опубликованные произведения Вяч. Иванова и И.М. Гревса	440
II. Сочинения античных авторов	442

История и поэзия

Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова

Редактор *М.А. Айламазян*

Художественное оформление *А.В. Кубанов*

Компьютерная верстка *В.Г. Верховзин, Н.Н. Мерзляков*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 23.11.2005

Формат 70×108 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 39,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 6580

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);

Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14